

С. Б. БЕРНШТЕЙН

**ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕОГРАФИИ**

МОСКВА 2000

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

С. Б. БЕРНШТЕЙН

**ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕОГРАФИИ**

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2000

Издание подготовлено при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда (номер проекта: 96-04-16088д)

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук *А. Ф. Журавлев*,
кандидат филологических наук *Г. П. Клепикова*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Т. В. Попова*,
кандидат филологических наук *М. И. Ермакова*

С. Б. Бернштейн.

Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сборник статей. — М.: «Индрик», 2000. — 352 с.

ISBN 5-85759-003-5

Впервые издается сборник избранных трудов по актуальным вопросам диалектологии и лингвистической географии выдающегося отечественного слависта профессора С. Б. Бернштейна (1911–1997). Эта публикация существенна не только для истории российской и мировой науки, — она позволяет оценить новизну и важность некоторых идей ученого для дальнейшего развития лингвистики. Статьи настоящего сборника трактуют различные проблемы собственно славянской диалектологии и проблемы языковых контактов на диалектном уровне.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области славянского языкознания, теории и практики лингвогеографии, языковых контактов, а также смежных областей языковедческой науки.

Содержание

<i>От редакторов</i>	5
Профессор С. Б. Бернштейн как диалектолог (<i>Е. К. Венедиктов</i>) ...	6

Часть I

Болгарская диалектология и лингвогеография

Болгарский лингвистический атлас	15
Лингвистический атлас болгарских говоров.....	20
Задачи изучения болгарских говоров СССР.....	32
Заметки по болгарской диалектологии.....	39
Об одном важном источнике «Болгарского лингвистического атласа»	47
Группировка болгарских говоров Советского Союза	53
Об одной особенности глагольной флексии 1 л. ед. настоящего времени в юго-восточных говорах Болгарии.....	77
Классификация юго-восточных говоров Болгарии	83
К вопросу о членении болгарских диалектов.....	99

Часть II

Карпатская ареальная диалектология и лингвогеография

Карпатский диалектологический атлас	115
О «Карпатском диалектологическом атласе».....	133
Проблемы карпатского языкознания.....	152
Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии	160
Интерференция языков карпатского ареала.....	179

Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги	188
Лингвистические аспекты карпатистики	203
О некоторых аспектах «Общекарпатского диалектологического атласа»	209
О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований карпато-дунайского региона	220
Лингвогеографическое изучение карпатской (карпато-балканской) зоны и проблема диахронической интерпретации «карпатизмов»	229
Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным «Общекарпатского диалектологического атласа»)	255

Часть III

Общие проблемы славянской диалектологии и лингвогеографии

Контракция и структура слога в славянских языках	281
К вопросу о различных видах лингвистических атласов	294
Размышления о славянской диалектологии	299
Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки	310

Приложение

Библиография	329
<i>Summary</i>	351

От редакторов

Творческое наследие выдающегося отечественного слависта профессора Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997), — в данном случае в области диалектологии и лингвистической географии, — представляет большой интерес не только для истории нашей науки, — оно содержит идеи, учет которых принципиально важен для дальнейшего развития этих отделов лингвистики.

Настоящий сборник включает лишь 24 работы С. Б. Бернштейна, которые были отобраны для публикации самим ученым и которые оценивались им как имеющие значение для современной славистики. Вместе с тем читатель непременно должен иметь в виду временную дистанцию (иногда весьма значительную), отделяющую период написания некоторых статей от современности. Статьи сборника, с одной стороны, трактуют различные проблемы болгарской и общеславянской диалектологии, а с другой — проблемы языкового контактирования на диалектном уровне в таких зонах, как балканская и карпато-балканская. Ряд статей освещает историю создания многих лингвистических атласов, инициатором и активным участником работы над которыми был проф. С. Б. Бернштейн. Таковыми являются «Атлас болгарских говоров в СССР» (1958), «Болгарский диалектный атлас» (Пт., 1964), «Карпатский диалектологический атлас» (1967), «Общекарпатский диалектологический атлас» (издание его близится к завершению).

Редакторы сборника благодарят Р. В. Булатову и Г. К. Венедиктова за помощь в подготовке текста к печати.

Небольшой объем сборника не позволил включить в него, как это предполагалось ранее, полную библиографию трудов С. Б. Бернштейна по диалектологии. Однако она публиковалась частями в трех сборниках, посвященных шестидесятилетию, восьмидесятилетию и восьмидесятипятилетию ученого (Исследования по славянскому языкознанию. [М., 1971]; *Studia Slavica* [М., 1991]; *Dialectologia Slavica* [М., 1995]), и является вполне доступной для читателя.

Профессор С. Б. Бернштейн как диалектолог

Из трех областей славянской филологии — сравнительно-исторической грамматики, диалектологии и истории самой славянской филологии, которым Самуил Борисович Бернштейн отдал свыше полувека напряженной творческой деятельности, — наиболее притягательной для него как исследователя на протяжении всего этого времени была диалектология. Ею он занимался до последних дней своей жизни, свидетельством чему служит составленный им настоящий сборник его статей по проблемам славянской и неславянской диалектологии. Из разных областей диалектологии и лингвистической географии, изучению которых С. Б. Бернштейн отдал много времени и исследовательской энергии, наиболее важной и, наверно, наиболее любимой является болгарская диалектология. Исследованием болгарских говоров С. Б. Бернштейн занялся еще в 30-е годы. Уже тогда этой тематике была посвящена его статья «Болгарские говоры Украины (Ольшанский район)» (1939) — один из первых его печатных трудов. С этих пор и до последнего времени болгарская диалектология — предмет многочисленных и разноаспектных работ С. Б. Бернштейна. Особенно напряженно и целенаправленно изучением болгарских говоров он занимается в первые послевоенные десятилетия. Широкому размаху этой планомерной работы, начатой в 1947 г., благоприятствовало, во-первых, то, что на территории бывшего СССР находится большое число сел с болгарским населением, говоры которых, генетически связанные с разными диалектными зонами в Болгарии, хорошо сохранились. Во-вторых, создание в самом конце 1946 г. Института славяноведения АН СССР сделало возможным организацию систематического и планомерного изучения всех болгарских говоров в СССР, прежде всего с целью лингвистического картографирования, а также монографического описания некоторых из них. Инициатором и руководителем всей работы по исследованию этих говоров стал С. Б. Бернштейн. Им написано много статей, в которых были определены задачи и значение изучения болгарских говоров, разработаны в соответствии с новейшими требованиями лингвистического картографирования принципы построения атласа этих говоров, ме-

тодика сбора и обработки материалов для него, освещены особенности анализа смешанных говоров.

Для выполнения поставленных задач под руководством С. Б. Бернштейна был тогда подготовлен большой и квалифицированный коллектив диалектологов-болгаристов. В течение непродолжительного времени этим коллективом был собран материал для диалектологического атласа, составлены карты атласа и комментарии к ним, опубликовано несколько десятков статей и ряд монографических описаний отдельных говоров. Для этих работ характерно четкое разграничение фактов современного состояния говоров и их истории, фонетических и морфологических явлений. В них впервые в болгарской диалектологии была дана фонологическая характеристика звуков отдельных говоров. Следует отметить также и первые в болгарской диалектологии специальные описания синтаксиса говоров, в частности таких его центральных проблем, как употребление предлогов. Сам С. Б. Бернштейн уделил серьезное внимание исследованию смешанных по происхождению говоров и прежде всего языку города Болграда.

Важнейшее достижение С. Б. Бернштейна как болгариста-диалектолога — подготовка и издание (совместно с Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной) «Атласа болгарских говоров в СССР» (М., 1958). Построенный на основе новейших для того времени требований лингвистической географии с учетом своеобразия болгарских говоров на территории СССР как говоров переселенческих, Атлас стал первым опытом лингвистического картографирования в болгарской диалектологии. Одним из его результатов было то, что он показал главные особенности современного состояния данных говоров, помог установить их структурные типы и в известной мере реконструировать их состояние в начальный период развития вне метрополии. Атлас наглядно показал ошибочность бытовавшего до того времени мнения о невозможности лингвистического картографирования южнославянских языков ввиду сильного междиалектного смещения на Балканах.

«Атлас болгарских говоров в СССР» как первый опыт картографирования болгарского диалектного материала сыграл немалую роль в подготовке работы по составлению атласа говоров на территории самой Болгарии. С. Б. Бернштейн вместе со своими учениками-болгаристами во второй половине 50-х — начале 60-х годов принял участие во всех фазах работы над т. I «Болгарского диалектологического атласа», посвященного говорам Юго-Восточной Болгарии: в обсуждении программы и инструкции по собиранию материала, составленных С. Стойковым, в собирании самого ма-

териала, составлении и редактировании карт и комментариев к ним. Этот том, изданный Болгарской академией наук в 1964 г. («Български диалектен атлас. Т. I. Югоизточна България»), отражает состояние фонетики, ударения, морфологии, лексики, частично синтаксиса и семантики говоров наименее изученной к 50-м годам диалектной зоны Болгарии, их членение и дает богатый материал для истории болгарского языка. Работа московских и софийских диалектологов над этим атласом, проведенная под руководством С. Стойкова и С. Б. Бернштейна, была взаимно полезной и явилась важным этапом в дальнейшем изучении болгарских диалектов.

Собранный для указанных диалектологических атласов богатейший материал стал основой для исследований разных проблем болгарской диалектологии. Интересными и важными в методологическом отношении были, в частности, работы С. Б. Бернштейна (совместно с Е. В. Чешко) по классификации болгарских говоров в СССР и на юго-востоке Болгарии. В них диалектное членение основывается не только на фонетических и морфологических особенностях, но и на широком привлечении акцентуационных и лексических данных. Им же был рассмотрен и один из центральных вопросов болгарской диалектологии — вопрос об основном двуделении болгарского диалектного континуума в исторической ретроспективе по данным современной лингвогеографии.

С. Б. Бернштейн внес большой вклад и в историческую болгарскую диалектологию; важнейшим трудом его в этой области является его монография «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. Язык валашских грамот XIV–XV веков» (М., 1948), в которой на основе анализа характерных новоболгарских особенностей в языке валашских грамот убедительно доказана генетическая связь живых славянских говоров Валахии с говорами Болгарии XIV–XV вв. и приведен богатый материал для определения хронологии целого ряда важных процессов в развитии новоболгарского языка.

Лингвогеографическое изучение болгарских говоров и углубленные занятия сравнительной грамматикой славянских языков еще в 50-е годы закономерно привели С. Б. Бернштейна к разработке более широких, общеславянских лингвогеографических задач, в том числе и к обоснованию необходимости практической реализации высказывавшейся и другими учеными идеи создания общеславянского лингвистического атласа. Некоторые принципы создания такого атласа рассматриваются им в совместном с Р. И. Аванесовым докладе «Лингвистическая география и

структура языка», представленном на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. В следующем году на совещании по «Общеславянскому лингвистическому атласу» в Варшаве С. Б. Бернштейн сделал доклад «Основные принципы Общеславянского лингвистического атласа», в котором он изложил свое понимание специфики этого атласа по сравнению с атласами отдельных славянских языков. Он, в частности, подчеркнул, что общеславянский лингвистический атлас не должен содержать национальной атрибуции языковых фактов, поскольку в нем должно быть противопоставлено славянское неславянскому, во-первых, и в отличие от диахронической направленности атласов отдельных языков в нем особое внимание должно быть уделено синхронно-функциональному аспекту, во-вторых. Доклад С. Б. Бернштейна не получил поддержки, и впоследствии С. Б. Бернштейн свое авторское участие в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» ограничил преимущественно проблемой неславянских языков в этом атласе. Лишь десять лет назад, в 1990 г., в «Вопросах языкознания» (№ 6) он опубликовал статью «Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки», в которой изложил содержание своего варшавского доклада и дал критическую оценку результатов проведенной работы по составлению и изданию данного атласа, вызвавшую негативную реакцию некоторых членов авторского коллектива этого фундаментального лингвогеографического труда.

Изучение болгарских диалектов, истории болгарского языка, сравнительной грамматики славянских языков и др. закономерно привели С. Б. Бернштейна и к проблемам балканистики. Уже в кандидатской диссертации «Тюркские элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.», защищенной 29 мая 1934 г., он касается сложного вопроса о роли и значении турецкого языка в развитии балканских языков и в формировании балканского языкового союза. В последующих трудах С. Б. Бернштейн доказывает, что, хотя сам турецкий, не имеющий характерных черт-балканизмов, не входит в балканский языковой союз, он оказал заметное влияние главным образом на лексику и словообразование всех других балканских языков, и именно общность большого числа заимствований из турецкого составляет одну из объединяющих балканские языки особенностей. Много внимания в своих трудах, начиная с упомянутой выше монографии «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», уделяет С. Б. Бернштейн проблемам славянского (главным образом болгарского) и румынского (молдавского) языкового взаимодействия, особенно месту и роли славянских элемен-

тов в развитии структуры румынского языка, с одной стороны, и значению памятников румынской письменности и румынских диалектов для изучения истории соседствующих славянских языков, с другой.

Постоянный и устойчивый интерес С. Б. Бернштейна к различным формам языковых контактов, поиски новых материалов приводят его к Карпатам. На состоявшемся в 1961 г. Всесоюзном совещании по актуальным проблемам славяноведения он выступил с докладом «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков», в котором показал глубокую связь карпатских говоров Украины, Польши, Словакии, Румынии, Молдавии и Венгрии со славянскими говорами Болгарии и тогдашней Югославии. С. Б. Бернштейн предложил приступить к целенаправленному изучению говоров этой обширной области. Названный доклад положил начало работе, привлекавшей большой коллектив языковедов разных стран. Результатом этой деятельности в конечном счете стало издание лингвистических атласов и большого числа разноаспектных работ многих ученых разных стран. Нельзя не отметить, что важную роль в постановке задачи по изучению говоров Карпат сыграл в свое время В. М. Иллич-Свитыч.

Первоначально исследование поставленной задачи было ограничено наблюдениями над украинскими, болгарскими и сербскими говорами. На основе собранного по специально разработанной программе материала был подготовлен и в 1967 г. издан «Карпатский диалектологический атлас» (авторский коллектив: С. Б. Бернштейн — руководитель, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева). Этот атлас ясно показал, что между языками карпатской зоны происходили сложные процессы взаимопроникновения и взаимовлияния, в результате которых сформировалась языковая общность со своими специфическими чертами. После публикации этого атласа стало совершенно очевидно, что картографированные и интерпретированные в нем карпато-южнославянские параллели (главным образом лексические и семантические) составляют один из разделов формирующегося карпатского языкознания. Стала очевидной также и необходимость более широкого привлечения данных южнославянских языков, как и вообще расширения географии привлекаемых для обследования диалектов карпатского и балканского ареалов. Обоснованию данного направления языкознания, включающего, кроме ареальной лингвистики (и в частности лингвогеографии), также и теорию контактов, проблемы типологии и др., С. Б. Бернштейн посвятил серию важных в методологическом отношении статей, ставших и теоре-

тическим основанием постановки задачи создания «Общекарпатского диалектологического атласа» и разработки его программы.

Работа над «Общекарпатским диалектологическим атласом» (ОКДА) началась в 1972 г. и велась под общим руководством С. Б. Бернштейна. В ней приняли участие представители лингвистической науки России, Украины, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Молдавии, Румынии, Союзной республики Югославии, Македонии, а на начальной стадии и Болгарии. Необходимость создания ОКДА была показана в докладе С. Б. Бернштейна «Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии» на VII Международном съезде славистов в 1973 г., а принципы его составления и первые результаты были изложены в докладе С. Б. Бернштейна (совместно с Г. П. Клепиковой) «Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги» на VIII Международном съезде славистов, состоявшемся в 1978 г. Проектом предусматривалась задача исследования результатов длительной интерференции языков карпатского ареала, следствием которой стало возникновение многочисленных, преимущественно лексических и семантических, тождеств, прошедших долгий сложный путь многочисленных преобразований и заимствований. Было подчеркнуто, что общими специфическими элементами в диалектах карпатского ареала являются так называемые карпатизмы, которые по своему происхождению являются собственно карпатизмами — элементами местного происхождения и балканизмами — общими элементами, которые проникли в карпатский ареал из-за Дуная в результате миграционных процессов, имевших место преимущественно после покорения Балкан турками. ОКДА должен был дать ответ на вопрос о характере языковых связей между диалектами карпатской и балканской зон — являются ли они изолированными или же это феномен некоей карпатско-балканской макрообщности, в типологическом плане близкий к некоторым языковым союзам.

Работа над ОКДА продолжалась в течение многих лет. Для постоянного руководства ею была сформирована международная редколлегия во главе с С. Б. Бернштейном. Есть все основания признать, что многолетняя и сложная работа по составлению такого капитального труда, каким является ОКДА, успешно завершается. Уже изданы вступительный выпуск и 5 из 7 подготовленных тематических томов Атласа, содержащих большое число карт и комментариев к ним. С. Б. Бернштейн принимал деятельное участие в работе над этим атласом, важнейшим итогом которого следует считать, во-первых, теоретическую разработку атласа, охватывающего ряд

языков близкородственных и неродственных, т. е. представляющего генетически гетерогенный диалектный континуум, и во-вторых, демонстрацию результатов языковых контактов, происходивших в течение длительного времени на определенной территории Европы. Итоги двадцатилетней работы многонационального коллектива ОЖДА освещены в докладе его авторов С. Бернштейна, Б. Видоеского, Г. Клепиковой, П. Лизанца, И. Рипки и Я. Сятковского «Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным Общекарпатского диалектологического атласа)», который был представлен на XI Международном съезде славистов в Братиславе в 1993 г.

Кроме очерченных выше областей диалектологии и лингвогеографии, С. Б. Бернштейн занимался исследованием и многих других проблем славянской и неславянской диалектологии. Его интересовали и общие проблемы диалектологии и лингвистической географии, и весьма частные явления диалектов отдельных языков (ср., например, вопрос о происхождении местоименной формы *ga* вместо *я* в болгарских говорах или форму 1 л. ед. числа настоящего времени без *-м* у глаголов 3-го спряжения типа *умира* в юго-восточных болгарских говорах). С. Б. Бернштейн постоянно был в курсе новейшей диалектологической и лингвогеографической литературы, он охотно рецензировал многие из выходящих в разное время трудов по славянской и неславянской диалектологии. Среди его рецензий следует особо выделить пространный и обстоятельный анализ 1-го тома атласа русских народных говоров.

О широте интересов С. Б. Бернштейна в области диалектологии и его результатах в ней можно судить по библиографии его диалектологических трудов. В самом сборнике, по понятным причинам — ограниченность листажа, С. Б. Бернштейн мог поместить лишь незначительную часть своего диалектологического наследия. Публикуемые в сборнике статьи распределены им по трем разделам: I. Болгарская диалектология и лингвогеография; II. Карпатская ареальная диалектология и лингвогеография; III. Общие проблемы славянской диалектологии и лингвогеографии. При подготовке сборника к публикации автором этих строк и Р. В. Булатовой устранены замеченные опечатки и неточности. Р. В. Булатовой подготовлен список цитируемой и упоминаемой в статьях С. Б. Бернштейна литературы и источников, а также список сокращений.

Г. К. Венедиктов

Часть I

Болгарская
диалектология
И
лингвогеография

БОЛГАРСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Составление лингвистических атласов в настоящее время признано одной из актуальных задач нашей науки. Несмотря на разнообразие методов и приемов собирания материала, его обработки, принципов картографирования, лингвистическая география дала богатый и совершенно новый материал для создания научной истории языков, показала односторонность старой диалектологии и бросила свет на многие темные вопросы происхождения различных народов. Историки уже давно обращались к данным языка. Однако старое языкознание при решении этногенетических проблем обычно было бессильным. Диалектология не могла сообщить точных границ распространения каждой отдельной языковой черты. Наши знания о говорах были отрывочными и случайными. Лишь установление изоглосс дало в руки историков вполне надежный материал для решения многих этногенетических вопросов. В программе по собиранию материала для русского диалектологического атласа значение этого атласа определяется следующим образом: «Составление диалектологического атласа русского языка представляет собой крупнейшее научное предприятие и является работой, имеющей общенациональное значение. Установление пределов распространения отдельных языковых явлений даст возможность по-новому осветить не только отдельные вопросы истории русского языка, но и многое из области происхождения и истории русского народа, его материальной и духовной культуры» [Программа 1947, 146].

Институт русского языка Академии наук СССР в настоящее время проводит большую работу по созданию атласа русского языка. В этой работе активное участие принимают многие высшие учебные заведения нашей страны. К этому их обязывает особый приказ министра просвещения, который требует «усилить научную работу кафедр русского языка по собиранию материалов о русских говорах для составления диалектологического атласа русского языка». Там же указано, что составление атласа «является од-

ной из национальных задач русской науки». Ежегодно в летние месяцы в различные районы нашей страны отправляются диалектологические экспедиции, которые по специальной программе собирают материал для атласа.

Не менее актуальной задачей в настоящее время является создание украинского и белорусского атласов. Академия наук Украинской ССР уже подошла к решению этой задачи.

Остро ощущается всеми славистами потребность в создании диалектологических атласов южных и западных славянских языков. В 1934 году вышел лингвистический атлас южных польских говоров М. Малэцкого и К. Нитча [Małeckı, Nitsch 1934]. Атлас этот, несмотря на отдельные недостатки и на ограниченность обследованной территории, сыграл большую роль в научном изучении польского языка. Большую работу по созданию чехословацкого атласа ведет проф. В. Важный. Писал о необходимости создания сербского диалектологического атласа академик А. И. Белич [Белић 1936, 1]. Не раз историки болгарского языка с горечью указывали, что до сих пор мало сделано в области картографирования отдельных особенностей болгарского языка (см., например, [Младенов 1943, 223]). Создание болгарского диалектологического атласа — одна из первоочередных задач современного болгароведения.

В программе по составлению русского атласа справедливо указывается, что «идея лингвистического атласа предполагает предварительное знание основных фактов данного языка... Лишь после этого — когда неизвестный язык в результате предварительного изучения станет известным во всех основных чертах структуры и в многообразии своих типичных диалектов, — можно приступить к работам по составлению диалектологического атласа данного языка» [Программа 1947, 154—155]. Таким образом составители атласа должны знать, что они будут картографировать. Атлас даст лишь территорию распространения каждой языковой черты, отмеченной в программе. В связи с этим встает вопрос о целесообразности в настоящее время составления вообще славянских лингвистических атласов, в частности болгарского атласа. Не следует ли пока еще продолжать только монографическое изучение отдельных говоров? На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Покажем это на примере болгарского языка.

Интенсивное изучение болгарских говоров началось в 90-х годах XIX века. С этого времени появляются многочисленные издания народных текстов. Тогда же начинается деятельность двух выдающихся болгарских лингвистов — Б. Цонева и Л. Милетича, которая продолжалась в течение нескольких десятилетий. Деятельность

этих двух лингвистов, их товарищей и учеников дала большие результаты. Появились монографические описания отдельных говоров, даны были обобщающие опыты, изучалось распространение отдельных черт на территории всей Болгарии. Две большие монографии Л. Милетича познакомили лингвистов со всеми восточноболгарскими говорами [Miletič 1903; Miletič 1912]. В этих же работах поставлены были многие принципиальные вопросы болгарской диалектологии, которые вызвали в свое время оживленную дискуссию.

Не уделяя большого внимания монографическому изучению отдельных говоров, проф. Б. Цонев много сделал в области изучения распространения отдельных черт по всей территории (старого *č*, сочетаний *tj*, *dj*, ударения и др.). В этих своих работах он близко подошел к идеям лингвистической географии. Важны его отдельные этюды по западноболгарской диалектологии, на основе которых им была составлена общая лингвистическая карта западных говоров [Цонев 1937, Приложение]. Большую ценность для болгарской диалектологии имеет программа Цонева по собиранию сведений о народных говорах [Цонев 1900, 880—911]. Можно смело утверждать, что уже к началу Первой мировой войны назрела потребность в болгарском лингвистическом атласе. Собран был значительный материал, который ждал тщательного и глубоко продуманного картографирования. Только отсутствием атласа можно объяснить безрезультатность той оживленной дискуссии по вопросу о классификации восточноболгарских говоров, которая началась после выхода в свет книги Л. Милетича «Das Ostbulgarische». Никто из болгарских диалектологов не мог опереться в своих суждениях на точные данные лингвистической географии.

В 20–30-х годах диалектологическая деятельность в Болгарии заметно слабеет. Работают отдельные диалектологи, деятельность которых не находит серьезной материальной поддержки. Наиболее значительные результаты в это время обнаружены в трудах Ц. Тодорова по западноболгарской диалектологии. Руководство диалектологическими изучениями как в Софийском университете, так и в Болгарской академии наук находилось в то время в руках лиц, очень далеких от идей лингвистической географии. В славянском семинарии студентов обучали устаревшим методам диалектологии, не отделяя ее от этнографии и фольклора. При таком положении дел, естественно, не мог стоять вопрос о лингвистическом атласе, создание которого требует большого количества квалифицированных диалектологов и значительных материальных средств.

Резко изменилось положение дел в Болгарии после 9 сентября 1944 года. Правительство Болгарской народной республики отпус-

кает большие средства для научной работы. Полностью реорганизована Академия наук. Руководство славянского семинария перешло в руки лингвистов, стоящих на современном уровне нашей науки.

Большое внимание болгарскому лингвистическому атласу уделяется в секторе филологии Института славяноведения АН СССР. Сектором разработана программа по собиранию сведений для составления болгарского атласа. Выработана и обсуждена инструкция, которая предусматривает не только общее направление работы, но и ее детали.

По нашим предположениям, лингвистический болгарский атлас должен состоять из шести томов (пяти основных и одного дополнительного). Первый том будет посвящен северо-восточным говорам (территория между Никоподем, Пазарджик, Бургас и Мангалия). Второй том будет содержать материал юго-восточных говоров. Третий том охватит западные говоры. Четвертый том должен быть посвящен болгарским говорам в соседних странах (главным образом, говорам Молдавской и Украинской ССР). Кроме этих четырех областных томов нужен пятый — общий — том, в котором будет сведен материал областных томов. Шестой том (дополнительный) будет содержать материал печатных и архивных источников.

При составлении атласов всегда поднимается вопрос о масштабах работы, о количестве обследуемых пунктов. Этот вопрос особенно важен при изучении языков, занимающих огромную территорию (например, русский язык). От удачного выбора исследуемых пунктов зависит исход всего дела. Иные требования должны предъявляться при составлении атласов болгарского, сербского и подобных языков. В этом случае не может быть и речи о выборочном изучении. Должны быть исследованы все без исключения населенные пункты (для болгарского атласа около 4000 населенных пунктов). Нельзя ограничиваться изучением в каждом населенном пункте лишь одного носителя говора. Это может привести к непоправимым ошибкам. Нужно помнить, что в одном населенном пункте могут быть представители различных говоров.

Материал для атласа должен собираться квалифицированными лингвистами: учеными-диалектологами и студентами, получившими серьезную подготовку в специальных семинариях. Строить атлас на основании ответов сельских учителей нельзя. Эти ответы могут быть использованы лишь при составлении самой программы (главным образом ее лексической части).

Наблюдения в каждом населенном пункте должны производиться группой в 3–4 человека, руководитель которой должен быть ква-

лифицированным диалектологом (студент в этой функции может выступать только в исключительных случаях). Ответы на вопросы программы должны возникать из анализа записанных текстов. Постановка прямых вопросов допустима лишь при изучении лексики. Само собой разумеется, что при собирании сведений для атласа исследователь должен пройти мимо языка песен и сказок. Материалом для атласа может быть только разговорная речь. Весь записанный материал обрабатывается в тот же день. Итоги работы за день по каждому вопросу программы фиксируются на отдельном листе, на котором указывается название населенного пункта и номер вопроса.

Наша инструкция, программа и весь план атласа не могут считаться окончательно принятыми до тех пор, пока все это не будет обсуждено на специальном диалектологическом совещании при участии болгарских диалектологов. Должна быть выбрана главная редакция, назначены редакторы отдельных томов и окончательно утверждены программа и инструкция. Должны быть установлены точные сроки и выработана смета расходов на первый год.

Институт славяноведения АН СССР имеет точный план изучения болгарских говоров Молдавской ССР и Измаильской области УССР. Все болгарские населенные пункты этого района будут изучены в течение трех летних экспедиций (1948—1949—1950 годов). Летом 1948 года будет работать экспедиция в составе четырех отрядов. За 45 дней должно быть обследовано 24 населенных пункта. Предварительная поездка летом 1947 года дала мне возможность установить маршрут экспедиции 1948 года. Кроме научных работников Института в экспедиции примут участие студенты III и IV курсов болгарского цикла филологического факультета Московского университета, которые в прошлом году работали в семинарии по болгарской диалектологии, а в этом году слушают специальный курс по болгарскому лингвистическому атласу.

Совместная творческая работа советских и болгарских ученых может дать большие результаты. О формах и характере этой совместной работы уместно поговорить на предстоящем съезде славянских ученых в Москве. В этой работе могут принять участие и специалисты по другим южным славянским языкам, так как составление болгарского атласа тесно связано с составлением атласов македонского и сербского языков.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Болгарский лингвистический атлас // Вестник Академии наук СССР, 1948, № 2. С. 119—122.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СССР

Мысль о создании атласа болгарских говоров СССР возникла у меня в конце 1935 г., вскоре после выхода в свет польского атласа южного Подкарпатья, составленного М. Малэцким и К. Нитчем [Malecki, Nitsch 1934]. В связи с этим весной 1936 г. был составлен первый вариант программы, имевший всего 94 вопроса (главным образом по фонетике и морфологии). Ответы на эту программу

были собраны летом 1936 и 1937 гг. в селах Олыпанка, Добра, Благоево (быв. Большой Буялык), Райновка и Старокрымская колония. Работая в то время в болгарском секторе Одесского педагогического института, я имел возможность собрать некоторый материал от студентов-болгар, обучавшихся в институте. Особенно полно были представлены говоры сел Паркан, Катаржино, Терновки (близ Николаева), Гюневки, Радоловки и Инзовки.

Однако уже к концу 1937 г. стало очевидно, что предпринятая работа не может быть доведена до конца. Дать атлас болгарских говоров СССР без говоров Бессарабии было невозможно. Дело в том, что почти все болгарские села Приазовья возникли в начале 60-х годов XIX в. в результате переселения болгарских колонистов не из метрополии, а из тех областей Бессарабии, которые, по Парижскому договору 1856 г., были отторгнуты от России и присоединены к Молдавии. Таким образом, приазовские болгарские говоры представляют дальнейшее развитие в новых условиях и на новой территории бессарабских говоров. Именно поэтому картографирование болгарских говоров СССР нужно было начинать прежде всего с Бессарабии. В те годы эта задача была невыполнима.

Диалектологические наблюдения 1936 и 1937 гг. показали, что составленная программа по собиранию данных для атласа имеет много недостатков. Эти наблюдения вскрыли, что никак нельзя игнорировать лексику. Очень скоро обнаружилось в отдельных болгарских говорах глубокие лексические различия, относящиеся к важнейшим явлениям крестьянского быта. Лег-

ко было установить, что значительная часть этих различий является традиционной, отражающей лексические своеобразия говоров метрополии.

Вопрос о лингвистическом атласе болгарских говоров СССР вновь встал в 1946 г., сперва в Институте русского языка АН СССР, а затем, — в связи с реорганизацией изучения славянства в Академии наук СССР, — в Институте славяноведения [Бернштейн 1948а, 121–122].

В результате летней поездки 1947 г. во многие болгарские села Бессарабии мне удалось собрать ценный материал для новой программы.

Много важных дополнений было сделано Е. В. Чешко, которая посетила несколько бессарабских сел в декабре 1947 г. и в апреле 1948 г. Окончательно программа была утверждена сектором филологии Института славяноведения в мае 1948 г. В настоящее время она включает 179 вопросов.

В июле–августе 1948 г. была проведена первая диалектологическая экспедиция, в которой кроме работников Института славяноведения АН СССР принимали деятельное участие студенты-болгароведы Московского и Ленинградского университетов. В течение двух месяцев работало шесть самостоятельных пунктов: Комрат, Кирсово, Новое Вале-Перже, Твардица, Старое Вале-Перже, Исерлия, Новый Троян, Ново-Ивановка, Кирютня, Задунаевка¹, Дермендере, Чийшия, Пандаклия, Кубей, Болгарийка, Кайраклия I, Болград, Курчи, Каракурт², Вайсал, Бановка, Шикирли-Китай, Ташбунар, Импуцита и Кайраклия II. С ранее обследованными Шоп-Тараклией, Чешмой Варуитой и Табаками число обследованных пунктов достигло 28. Число описанных говоров значительно превышает эту цифру, так как в некоторых пунктах было обнаружено по несколько говоров, каждый из которых был описан самостоятельно. Так, в Болграде было обнаружено четыре говора, в селах Кубей, Вайсал, Старое Вале-Перже — по два говора. Четыре говора представляют также Шоп-Тараклия и Новое Вале-Перже.

Обследование болгарских говоров Бессарабии должно быть закончено летом 1949 г. В том же году начнется изучение болгарских говоров Приазовья, а также будут изучены говоры бол-

¹ В Задунаевке в 1866 г. был учителем выдающийся болгарский поэт и революционер — Христо Ботев.

² Основное население Каракурта составляют албанцы. Это единственное албанское поселение в Бессарабии.

гарских сел Одесской и Кировоградской областей УССР. Вся работа над болгарским лингвистическим атласом должна быть закончена в конце 1950 г.

Составление первого болгарского лингвистического атласа имеет, несомненно, большое научное значение. Составление славянских лингвистических атласов в настоящее время представляет одну из важнейших задач славянского языкознания. Над составлением атласа русских говоров напряженно работает большой коллектив лингвистов. Начинается работа над составлением атласа украинских говоров. Ставится вопрос о необходимости общеславянского языкового атласа [Ларин 1949, 23]. Назрела потребность и в болгарском лингвистическом атласе. Только такой атлас даст полное представление о современных говорах, покажет распространение важнейших черт языка на всей территории, даст надежный материал для изучения многих вопросов из истории языка, вскроет как древние, так и новые колонизационные передвижения населения. Лингвистический атлас даст также надежную почву для изучения тенденций в развитии современных говоров, а также в развитии литературного языка.

Составители атласа русских говоров в своей «Программе» справедливо пишут: «Установление пределов распространения отдельных языковых явлений даст возможность по-новому осветить не только отдельные вопросы истории русского языка, но и многое из области происхождения и истории русского народа, его материальной и духовной культуры» [Программа 1947, 146]. Эти слова справедливы в отношении любого языка.

Следует, однако, заметить, что существующие лингвистические атласы и не отвечают тем требованиям, которые предъявляет к ним наше советское языкознание. Составители большинства атласов строят свою работу на основе изучения ничтожного количества населенных пунктов, произвольно избранных. Следуя методу Жийерона, они производят поверхностное обследование говора, так как привлекают для обследования в каждом пункте лишь один объект. Этот метод, получивший широкое применение в западноевропейской диалектологии, не только упрощает, но и искажает представление об исследуемом говоре. Диалектолог должен считаться с социальной дифференциацией, с различиями языка разных возрастных групп, с влиянием соседних говоров и языков, отраженным неодинаково у различных слоев населения. Наблюдения над произношением одного человека ответа на все это не дают. Свои наблюдения в болгар-

ских селах Бессарабии мы производим над 6–7 информаторами, которые отбираются среди большого числа предварительно опрошенных. Нередко уже к концу пребывания в селе встречается ценный в диалектологическом отношении объект для наблюдений. Задержка в селе на несколько дней в таком случае вполне себя оправдывает.

Многие из созданных уже атласов строились в значительной степени на основе письменных ответов местных жителей (учителей, духовенства и др.) (таков, например, новейший американский лингвистический атлас [Kubath, Hanley, Lowman, Bloch, Hansen 1939]). Нет никакого сомнения в том, что атлас должен строиться на основе личных наблюдений квалифицированных лингвистов-диалектологов. Диалектологический материал атласа должен быть очень надежным. Мы должны знать степень распространения формы или слова в системе каждого говора, определить при наличии вариантов архаическую форму и заимствованную, иметь точное представление о значении картографируемых слов. При картографировании лексики диалектолог должен быть вполне уверен, что все картографируемые им на одной карте слова имеют одно и то же значение. А этого можно достигнуть только в том случае, если материал для картографирования собран группой диалектологов, работающих совместно по одному плану. Письменные ответы местных жителей могут быть использованы как дополнительный материал. Мы в нашей работе пользуемся письмами, написанными местными людьми на болгарском языке. Они дают интересный материал (главным образом по фонетике).

Широко применялся французскими, итальянскими, румынскими диалектологами метод прямого опроса. Этот метод является порочным. Карты, составленные на основе прямого опроса, не вызывают никакого доверия. Советские диалектологи уже давно отвергли его. Он может быть применен лишь в исключительных случаях.

Наша работа с информаторами носила характер беседы на различные темы. Во время беседы два наблюдателя производили записи языка информатора, обращая внимание не только на то, что предусмотрено программой. Вечером записи обрабатываются. Прежде всего из них выбирается материал, подлежащий картографированию. В случае расхождения в записях ответы не фиксируются до следующего раза. Такой метод дает возможность производить наблюдения в наиболее естественных условиях. Ошибки при таком методе очень редки. К концу пребы-

вания в селе, однако, выясняется, что на несколько вопросов таким путем ответов получить не удалось. Только в таком случае с большой осторожностью можно стать на путь прямого опроса.

Идеи лингвистической географии возникли как реакция против традиционного представления о говоре как целостной единице, наделенной определенной суммой языковых признаков. Уже в конце XIX в. накопился большой материал, который отвергал этот взгляд. Обнаружилось, что территория отдельной языковой черты данного говора не совпадает часто с территорией другой черты. Отсюда возникла ложная мысль, что говоров вообще не существует. Имеется лишь территория, на которой представлен какой-то определенный языковой признак. Отдельные диалектологи пошли еще дальше (например, Жийерон и его последователи). Они утверждали, что не существует, например, фонетических изоглосс. Нельзя говорить о территории распространения какого-то фонетического признака, так как в разных словах она будет различной. Таким образом все сводилось к картографированию отдельных слов. Именно так построено большинство лингвистических атласов.

В своей работе над болгарским атласом мы стремимся преодолеть существенные пороки буржуазной диалектологии. Это, конечно, прежде всего традиционная идея о замкнутом говоре с определенной суммой признаков. Болгароведу с ней постоянно приходится иметь дело, так как в болгарской диалектологии господствует до сих пор именно такой традиционный взгляд. Должен, однако, заметить, что сам материал нашего болгарского атласа говорит против него, так как в нашей работе мы имеем дело с колониистскими говорами, возникшими сравнительно недавно (с конца XVIII в.) в результате перемещения населения из различных мест метрополии.

Гораздо более важным является для нас преодоление тех существенных недостатков и пороков буржуазной лингвистической географии, о которых говорилось выше. Буржуазные диалектологи чрезвычайно сужают и ограничивают значение лингвистических атласов. Нет никакого сомнения в том, что любой современный национальный язык в каком-то виде сохраняет различие древних племенных языков (диалектов), наделенных в прошлом какими-то определенными особенностями. В дальнейшем эти древние различия видоизменялись, стирались, возникали новые соотношения и сочетания в связи с процессом более поздних передвижений населения и мн. др. Тем не менее исследователь истории языка обязан вскрыть все эти процессы.

Именно этой цели и служит атлас. Если же все дело картографирования свести лишь к лексическому картографированию, то тогда мы не дадим ответа на многие важные вопросы.

Наш вопросник предусматривает картографирование различных явлений языка. Большое место уделено лексическому картографированию (названия отдельных знаков, сельскохозяйственных орудий, дома и отдельных его частей, утвари, одежды и пр.). Это вполне естественно, так как лексические различия болгарских говоров очень глубоки. Изучение этой стороны языка, несомненно, даст ценный материал для установления связи болгарских говоров в СССР с определенными говорами метрополии. Целый ряд вопросов касается распространения фонетических вариантов одного слова. Указанные два типа вопросов мы четко разграничиваем и в нашем вопроснике и на самих картах. Совмещение на одной карте изоглосс различных слов и их фонетических вариантов недопустимо. В наших болгарских говорах для колодца есть несколько названий: *геран*, *кладенец*, *убил*. Карта, представляющая распространение этих слов, не должна одновременно отображать распространение фонетических вариантов каждого из них. Это должно быть показано на других картах. Этому важному методическому приему, обычно нарушаемому во многих западноевропейских атласах, советские диалектологи всегда точно следуют. Распространение морфологических вариантов каждого слова (напр., для названия индюка: *фит*, *фиток*, *фитор*) дается штриховкой на лексических картах.

Естественно, что наш вопросник уделяет большое внимание картографированию важнейших фонетических и морфологических особенностей языка. Нам необходимо знать произношение в различных фонетических условиях старого *ѣ*, *ѣ*, отдельных согласных звуков, распространение многих местоименных и глагольных форм и пр. Распространение большинства фонетических и морфологических особенностей мы также изучаем обычно в определенных словах. Но имеются вопросы совсем не связанные с лексикой. Так, вопрос № 64 касается употребления членных форм в мужском роде единственного числа. Ответ может быть дан на любом примере. Важно лишь, чтобы слово было мужского рода.

Ценность атласа зависит в значительной степени от количества обследуемых пунктов, а не от количества вопросов в программе. Что это так, лучше всего подтверждает румынский лингвистический атлас. Этот атлас построен на основе обследования

сравнительно небольшого числа пунктов и большого числа вопросов. Такой атлас может дать представление лишь о сравнительно небольшом числе произвольно выбранных говоров.

Наша задача состоит в том, чтобы на основе наиболее картографируемых признаков данного языка показать распределение важнейших изоглосс в наибольшем числе пунктов. Таким образом, перед составителем программы стоит трудная и важная задача отбора именно тех признаков, которые могут дать ценный материал для карт. Мне кажется, что составители программы собирания русского языка не ставили перед собой такой задачи. В эту программу включено все то, что необходимо и для монографического изучения говоров. Нет никакого сомнения в том, что большой процент материала, собранного по этой программе, не будет использован при составлении самого атласа. Этот материал, конечно, обогащает русскую диалектологию, но задерживает завершение самого атласа.

Упомянутый выше атлас польских говоров Подкарпатья имеет много недостатков. Я думаю, что самым существенным является то, что он построен на основе обследования всего лишь 39 населенных пунктов, из которых 34 польских, 1 чешский, 2 словацких и 2 украинских. Детально составленный вопросник (первоначально он имел около 1000 вопросов, а затем был сведен к 500) дает возможность хорошо представить 39 произвольно избранных пунктов. Но таким образом невозможно дать изоглоссы, так как между двумя исследованными пунктами будут находиться десятки неисследованных. Так, например, между пунктом 29 (Przysieki) и пунктом 37 (Kacze) не обследовано ни одного пункта (расстояние 60 км).

Составители атласа русских говоров пошли по иному пути. Только один VI том будет содержать материал свыше 900 населенных пунктов. Я полагаю, что болгарский лингвистический атлас метрополии должен строиться на основе изучения огромного большинства населенных пунктов. Могут быть оставлены в стороне лишь те пункты, которые возникли в новое время.

Наш болгарский лингвистический атлас предусматривает изучение всех болгарских населенных пунктов СССР. Таким образом в нем будет представлено около 120 пунктов. Если же учесть, что в некоторых селах имеется два и больше самостоятельных говоров, то общее число обследованных говоров будет превышать 150.

Вспомним кстати, что каталонский атлас Антони Гриера построен на основе изучения 101 пункта, а лучший западноевро-

пейский атлас Италии и южной Швейцарии Яберга и Юда дает материал только по 405 пунктам.

Объектом наблюдений при составлении атласа может быть только разговорная речь. Ни язык сказок, ни, тем более, язык песен не может дать надежного материала для диалектолога. Мне много раз приходилось наблюдать, что в песнях встречаются формы, совсем не употребляемые в обычной речи. В селах, где форма будущего времени будет *жъ*, в песнях часто встречается *шъ*. Наиболее ценный материал дают записи диалогической речи. Однако чаще приходится записывать рассказ, воспоминание о своей жизни, сообщение о жизни села, о его быте, обрядах и пр.

Большое внимание уделяется нами техническим приемам самого картографирования. Очевидно, что мы не можем удовлетвориться теми приемами, которые приняты в имеющихся атласах, построенных в значительной своей части на основе лингвистической географии Жийерона и его последователей. Легко, конечно, картографировать, если каждый населенный пункт представлен произношением одного человека. Но уже выше мы говорили, что при таком методе атлас не отражает действительного положения дела. Нельзя игнорировать тот общеизвестный факт, что в системе каждого говора имеются различия, обусловленные социальными причинами. Наша советская диалектология в этом отношении сделала много ценных наблюдений. Большие различия в языке наблюдаются также в разных возрастных группах. Наконец, в каждом населенном пункте могут быть представители различных говоров. Эти говоры могут жить самостоятельной жизнью, быть в какой-то степени изолированными друг от друга, но могут также представлять и разнообразные смешения. С этим последним обстоятельством приходится особенно часто сталкиваться при изучении колониетских говоров, когда представители разных и отдаленных говоров метрополии оказываются на новом месте их жительства непосредственными соседями. Именно так дело обстоит с объектом наших диалектологических наблюдений. В гор. Болграде представлено четыре говора, из которых один (а именно сливенский) является господствующим. Остальные три говора (ябольский, крымский и туканский) в некоторых случаях еще сохраняют свои старые отличительные особенности, в других — они их уже утратили и усвоили черты сливенского говора. Такая же сложная картина наблюдается в говоре Шоп-Тараклии, где также имеем дело с четырьмя говорами, которые, однако, в целом ряде случаев уже объединились

в один говор. Сложную картину взаимодействия также четырех говоров наблюдали в селе Новое Вале-Перже. Взаимодействие двух говоров на территории одного села — явление обычное в Бессарабии. Оно может иметь разные формы. Так, в селе Старое Вале-Перже представлено два территориально обособленных говора, которые до сих пор в общем живут самостоятельной жизнью. В селе Вайсал положение сложнее. Один говор (северный) стал господствующим, и лишь представители старшего поколения в южном говоре сохраняют некоторые исконные черты своего родного произношения. Язык среднего и младшего поколения представляет уже один говор (правда, смешанный). В селе Кайраклия I подобный смешанный говор характеризует язык уже всего населения. И здесь прежде было два говора. Победил с а т у н о в с к и й говор, так как большинство представителей основного говора в 1861 г. переехало в Таврическую губернию. Однако в целом ряде случаев сохраняются особенности старого говора. Все это разнообразие должен отразить атлас. Сами карты без всякого пояснительного текста должны показать различные формы взаимоотношений между говорами.

Каждый говор на наших картах передан прямоугольником, который стоит слева от населенного пункта. Справа стоит номер населенного пункта. Число этих прямоугольников соответствует числу говоров. Так, возле Болграда стоит четыре прямоугольника, возле Вайсала два и возле Кайраклии I — один. В целом ряде случаев разные прямоугольники одного села будут иметь различную окраску. Все это для картографирования не представляет никаких трудностей.

Дело осложняется, когда в системе одного говора наблюдаются различия. Очень часто в селе, имеющем один говор, встречаемся с дублетными формами. В таком случае наша программа требует от производящего наблюдения ответов на следующие вопросы: какая форма характерна для языка стариков, а какую форму предпочтительнее или исключительно употребляет молодежь; какая форма встречается чаще, а какая реже; встречаются ли дублетные формы в языке одного человека или нет. Получить ответы на эти вопросы нелегко, но каждый из участников нашей работы знает, что они необходимы для составления карт. Именно поэтому срок пребывания в каждом селе определен нами в десять дней. В некоторых случаях он доходил до двенадцати — четырнадцати дней.

Должен отметить, что в большинстве случаев было совсем трудно установить, какой из дублетов является архаичным для

данного говора, а какой появился позже. Так, в селе Пандаклия краткое местоимение винительного падежа женского рода единственного числа имеет две формы: *ă* и *ga*. Наши наблюдатели легко установили, что первая форма характерна лишь для языка старшего и среднего поколения, тогда как *ga* встречается только в языке детей.

При наличии дублетов в системе одного говора мы должны выкрасить прямоугольник двумя красками. В таком случае прямоугольник делится горизонтальной чертой на две части: нижняя часть характеризует архаическую черту говора, верхняя — новую. Очень важен и ответ на вопрос — какая форма употребляется чаще? И это должно быть отражено на нашей карте. Если архаическая форма встречается реже, то линия горизонтального членения идет так, чтобы нижняя часть представляла одну треть прямоугольника, если чаще — то две трети. Если оба дублета встречаются одинаково часто, то прямоугольник делится пополам.

Очень важен ответ на вопрос — встречаются ли дублеты в языке одного человека или нет? Ответ на этот вопрос дает возможность вскрыть степень смещения говора.

Если дублетные формы являются исконными, отражающими диалектные различия говоров самой метрополии, то прямоугольник делится вертикальной чертой.

В отличие от имеющихся уже лингвистических атласов (например, румынского), мы стремимся отразить на картах динамику языка, тенденции в развитии говоров. Используя вышеуказанный прием, мы наглядно показываем, в каком направлении идет развитие говоров, какие формы и слова являются архаическими, уходящими, что побеждает в языке. Нет никакого сомнения в том, что в этом заключается одна из основных задач лингвистической географии.

Большое значение для нас имело наблюдение над болгарским языком неболгарского населения (главным образом, гагаузов). Остановлюсь на одном примере. В большом селе Кубей в настоящее время живут болгары и гагаузы. Болгары занимают южную часть села, гагаузы — северную. Все гагаузы хорошо говорят по-болгарски. Сразу же было обращено внимание на то, что гагаузы, родным языком которых является тюркский язык, говорят не на том болгарском диалекте, на котором говорят местные болгары. В результате тщательных разысканий удалось установить, что гагаузы сохраняют тот архаический болгарский диалект, на котором когда-то говорили местные болгары. Поз-

же в болгарскую часть села прибыло много переселенцев, представляющих характерные черты северо-восточного шуменского диалекта. Этот диалект победил. Постепенно все местные болгары перешли на него и перестали пользоваться своим родным языком. Однако в гагаузской части села он сохранился почти без изменений. Естественно, что были изучены оба болгарских говора.

Выше нами отмечалось, что картографирование болгарских говоров СССР должно начинаться с изучения говоров Бессарабии. Однако непосредственные наблюдения показали, что и приазовские говоры имеют большое значение. В целом ряде случаев выяснилось, что без данных этих говоров нельзя изучить многие бессарабские говоры. Укажу на один пример.

В известной книге акад. Н. С. Державина, посвященной изучению болгарских говоров России, имеется глава о языке болгарских сел Приазовья — Дяновки и Райновки [Державин 1915, 147–161]. Оба эти села основаны переселенцами из бессарабского села Вайсал. Летом 1937 г. я посетил оба этих села с диалектологическими целями. Работу свою я начал с села Дяновки. Сравнив собранный мною материал с материалом акад. Н. С. Державина, я не обнаружил никаких существенных различий. Здесь же я узнал, что жители села переселились из Вайсала. Совершенно неожиданными оказались наблюдения над языком жителей села Райновки, которые также были переселенцами из того же бессарабского села. Если говор Дяновки имел членную форму *-o*, то райновский говор представлял *ъ* (*a*). Различия в языке обнаружились в фонетике, морфологии и лексике. Вот несколько примеров: *ias péra* (Д) — *ac perá* (Р), *ias préda* (Д) — *ac predá* (Р), *kóni* (Д) — *koné* (Р), *gráшка* (Д) — *gréшка* (Р), *láto* (Д) — *l'áto* (Р), *идén* (Д) — *идйн* (Р), повел. накл. *направи* (Д) — *направй* (Р) и др. Эти наблюдения показали мне тогда, что в бессарабском селе Вайсал, видимо, оказались переселенцы из различных мест Болгарии. Жители села Райновки переселились в Вайсал из тех мест северо-восточной Болгарии, где представлен так называемый *ът*-диалект. Дяновский говор — это типичный восточнофракийский говор с членной формой *-o* и характерным местом ударения в повелительном наклонении.

Наблюдения над языком села Вайсал летом 1948 г. подтвердили это. Действительно, райновский говор совпал с северным говором Вайсала, который, как мы уже отмечали, является господствующим говором. Южный говор — это дяновский говор. Однако говор этот в значительной степени уже исчез. Сохраня-

ются лишь отдельные его особенности в языке стариков (непоследовательно). Если бы этот говор не сохранился в Приазовье, мы принуждены были бы ограничиться описанием в Вайсале одного говора с указанием на отдельные варианты.

Привлечение данных приазовских говоров дает возможность во многих случаях установить, какой из двух встречающихся дублетов является архаичным в говоре. В некоторых случаях сам бессарабский говор ответа на этот вопрос уже не дает, так как оба варианта в одинаковой степени встречаются в языке всех возрастных групп. В таком случае привлечение данных соответствующего говора Приазовья часто решает вопрос окончательно.

Таким образом, изучение болгарских говоров Приазовья дает возможность вскрыть многое в прошлом бессарабских говоров. Систематическое изучение их по нашей программе начнется летом 1949 г.

Лингвистический атлас болгарских говоров СССР будет состоять из двух выпусков. Первый выпуск будет содержать карты и пояснительный текст к ним, а также обширное введение. Во втором выпуске будут даны диалектологические тексты. Каждый говор будет представлен тремя текстами³.

До начала работы над составлением общего атласа любого языка полезно подготовить сравнительно небольшой частный атлас. Он поможет избежать многих возможных в таком трудном деле ошибок и даст необходимый опыт большому коллективу сотрудников. Таково значение для атласа русских говоров частного атласа говоров района озера Селигер, для польского атласа — упомянутого выше атласа говоров Подкарпатья. Будем надеяться, что и наш атлас не только положит начало картографированию болгарского языка, но и поможет разрешить много общих и частных вопросов, которые встанут перед создателями полного атласа всех болгарских говоров.

Печатается с сокращениями. П е р в а я п у б л и к а ц и я:

С. Б. Бернштейн. Лингвистический атлас болгарских говоров СССР // Изв. ОЛЯ, т. 8, вып. 3. 1949. С. 245–253.

³ Тексты опубликованы не были. (Ред.)

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СССР

На территории Советского Союза живет много болгар, большая часть которых занимается сельским хозяйством. Особенно славятся они как отменные огородники. Еще в прошлом столетии во многих наших южных городах целые районы были заселены болгарами, которые жили обособленно, сохраняя свой язык и обычаи (например, в Одессе, Кишиневе и других городах). В настоящее время городские жи-

тели в большинстве случаев уже смешались с местным населением. Вот почему очень часто здесь можно встретить русских, носящих фамилии Пенчев, Ангелов, Арнаутов, Стоянов, Желязков, Кочев... Компактное болгарское население в городах сохранилось лишь в Измаильской области УССР и в МССР (на территории бывшей Бессарабии). Здесь прежде всего нужно указать на болгарское население г. Измаила, где болгары, по свидетельству Павла Алеппского, жили уже в середине XVII столетия. Трудно, конечно, утверждать, что современные измаильские болгары являются прямыми потомками именно тех болгар. Мы знаем, что в Измаил много их переселилось в первой четверти XIX в. Нужно однако сказать, что лишь в селах болгары полностью сохраняют не только свой родной язык, но и многие черты быта.

Наиболее значительное болгарское население мы находим в настоящее время на территории Измаильской области УССР и МССР. По данным переписи 1907 г., в сельском населении Бессарабии было 111624 болгарина [Берг 1923, 21]. От более позднего времени точных статистических данных нет. Болгарское население в Бессарабии определяют теперь приблизительно в 130–140 тысяч человек.

Следует указать, что до сих пор нет полного списка болгарских сел Бессарабии. В известных работах академика Н. С. Державина указано много сел, где живут только гагаузы (например, села Дмитровка, Чумлекьой, Дезгиндже, Чадыр-Лунга, Авдарма, Баурчи, Беш-Гъоз, Кириет-Лунга, Чешмекьой, Этулия и др.) [Державин 1914, 26–27]. Ошибочно отнесены к болгарам гагаузы в селах со смешанным болгаро-гагаузским населением (например, в селах Ку-

бей, Кирсово, Старый Траян и др.). Многие болгарские села Бессарабии не указаны ни в одном из имеющихся источников.

Большое количество болгарских сел находим в Приазовье (ныне Запорожская область, УССР). Сюда болгары переселились в начале 60-х годов XIX в. из южнобессарабских болгарских сел, которые, согласно решению Парижского мирного договора 1856 г., отошли от России к Молдавии. Отдельные болгарские села встречаем в Одесской и Николаевской областях УССР.

Очень старое болгарское население находим возле города Первомайска. Это — ольшанские болгары, поселившиеся здесь в 1774 г., на берегу живописной реки Синюхи, и основавшие село Ольшанку. Уже позже, в XIX в., выселенцы из него основали новые села: Добру, Малу-Мазницю и Станковату. Язык их очень своеобразный, так как развивался под сильным влиянием украинского языка (подробнее: [Бернштейн 1939]).

Рано появились болгары и в Бессарабии. По свидетельству первого историка болгарских поселений в России, А. Скальковского, между 1769 и 1791 гг. в Бессарабию переселилось около 2000 болгар. Особенно интенсивной болгарская колонизация была в последние годы XVIII в. и в первые годы XIX в. Много болгар переселилось во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Во время другой русско-турецкой войны, 1828–1829 гг., и в первые годы после нее происходило последнее массовое переселение болгар в Россию [Бернштейн 1949, 327]. В первые же годы XIX в. были основаны болгарские села Одесской и Николаевской областей (Большой Буялык, Кубанка, Катаржино, Терновка и др.).

Выше мы уже говорили о перемещении болгарского населения на нашей территории в связи с установлением новых границ после 1856 г. Происходили передвижения болгар и позже. В Бессарабии в настоящее время имеется много болгарских сел, возникших в самом конце XIX в. и даже в XX в. Безземелье заставляло искать новых мест, на которых часто селились крестьяне из различных сел. Так, в болгарском селе Новое Вале-Перже, возникшем в конце XIX в., живут переселенцы из Старого Вале-Перже, из Твардицы, Исерлии, Девлетагача. Особенно много таких сел можно встретить на территории Молдавской ССР.

Болгарские переселенцы XVIII и начала XIX в. в массе своей были из самых северо-восточных областей Болгарии. Многие были из районов Шумена, Силистры, Добрича. Переселение в Россию шло через Добруджу и Молдавию.

Позже в колонизационном движении болгарского населения в Россию начали принимать участие жители более южных обла-

стей. В середине первого десятилетия XIX в. в Бессарабии появляются жители районов Сливена, Ямбола, Котела. Особенно много переселенцев из этих областей появилось здесь между 1829–1834 гг. Переселялись они не только через Добруджу, но и морским путем через наши черноморские порты.

В эти же годы переселилось к нам много болгар из восточной Фракии. Из других районов Болгарии массовых переселений не было. В большом болгарском селе Шоп-Тараклии, также в Болграде поселились шопы. Однако их было очень мало и они почти всюду смешивались с восточноболгарским населением. Были отдельные переселенцы из Македонии. Группа видинских болгар основала в Приазовье в 1862 г. село Терновку.

Большинство болгарских колонистов нашего юга не помнит времени своего поселения в Россию; народная память не сохранила и имени того болгарского села, откуда родом были их предки. Редкое исключение представляет бессарабское село Твардица, жители которой и теперь хорошо знают историю своего поселения (подробнее см.: [Котова 1950]). Очень мало в этом отношении могут дать сохранившиеся документы. В лучшем случае они указывают на год основания данного села. Для установления года основания наших болгарских сел в свое время много сделал А. Скальковский. Более поздние историки лишь переписывали его данные. Вот почему некоторые ошибки Скальковского можно найти в более поздних работах (например, у Титорова).

Сохранилось большое количество архивных документов, относящихся к болгарской иммиграции в Россию. Особенно много их в Одесском историческом архиве, в делах канцелярии новороссийского генерал-губернатора. Весь этот фонд, относящийся к «задунайским переселенцам», был мною изучен в течение 1934–1935 гг. Материал этот, представляющий для историка большую ценность, не дает, однако, ответа на многие вопросы. Чиновники, занимающиеся «устройством быта задунайских переселенцев», не интересовались фактами «доруССского» периода жизни болгар. В документах обычно указывается не коренное место их жизни, а тот пункт, из которого они отбыли в Россию. Очень часто не указывается года основания болгарских сел. Нет никакого сомнения в том, что ответы на многие важные для историка болгарского переселения вопросы может дать изучение языка переселенцев. Тщательное сравнительное диалектологическое изучение болгарских говоров СССР и говоров Болгарии даст совершенно точный ответ на вопрос о времени основания того или другого болгарского села. Уже первый год работы над составлением болгарского лингвистического ат-

ласа СССР дал много материала, вскрывающего связь между некоторыми селами. Зная год основания одного села, можно таким путем предположительно установить время основания других сел, связанных единством языковых черт (подробнее об этом см.: [Чешко 1950]).

Изучение болгарских говоров в нашей стране имеет большое значение и для дальнейшего развития болгарской лингвистики. Перед наукой в Болгарии стоит огромной важности задача — тщательного и всестороннего изучения народных говоров. В основу болгарского национального языка легли народные говоры северо-восточной Болгарии, широко представленные на нашей территории. Отсюда становится понятным, какое большое научное значение имеет изучение грамматического строя и основного словарного фонда именно этих говоров, изученных до сих пор очень поверхностно.

Болгарские говоры изучены очень плохо. Почти нет монографических работ об отдельных говорах. Некоторых важных говоров мы совсем не знаем. Обобщающие работы Милетича мало дают в смысле фактического материала. Совсем не изучался народный синтаксис. При изучении фонетики и морфологии все время смешивалась современная система с фактами прошлых эпох. Не разграничивались чисто фонетические явления и фонетические явления, имеющие морфологический характер. Почти ничего не сделано в отношении изучения лексики говоров.

В деле изучения болгарских говоров посильную помощь должны оказать советские болгароведы, которые благодаря наличию болгарского населения в СССР имеют возможность непосредственно наблюдать и изучать болгарские говоры.

Одной из первоочередных задач болгарской диалектологии является создание лингвистического атласа болгарских говоров. В этом отношении болгарские диалектологи делают первые шаги [Стойков 1949]. Однако нужно сказать, что атласы бывают разные. Атласы французского, итальянского, румынского и многих других языков, построенные на основе лингвистической географии Жийерона, не могут служить образцом для будущего болгарского атласа. Советская лингвистическая география принципиально отличается от лингвистической географии, методологические основы которой достаточно ясно изложены в известной книжке Альберта Доза «La géographie linguistique» (Paris, 1922). Вот почему нам представляется чрезвычайно важным создание лингвистического атласа болгарских говоров СССР, в работе над которым были бы применены достижения именно советской лингвистической географии. Таким путем была бы оказана реальная помощь болгарским диалектоло-

гам в трудном деле создания полного болгарского лингвистического атласа. Такой региональный атлас даст, конечно, много и для изучения говоров наших болгар. Эти говоры также должны войти в общий болгарский атлас [Бернштейн 1948, 119]. Работа над атласом началась еще в 1946 г. О первых итогах работы говорится в статье Е. В. Чешко.

Болгарские диалектологи уже давно интересуются вопросами классификации говоров. На эту тему написано много работ. Научные результаты всех этих исследований, однако, незначительны. Это объясняется тем, что сами классификационные признаки устанавливались случайно и легко опровергались новым диалектологическим материалом. В результате работы над атласом болгарских говоров СССР нам удалось установить целую цепь связанных между собой признаков, характерных для северо-восточных говоров (дунайских и балканских говоров) и для говоров юго-восточных (фракийских). Только лингвистический атлас всех болгарских говоров сможет научно разрешить те важные проблемы, над которыми бесплодно бились Милетич, Цонев и другие диалектологи.

Большое внимание сектор филологии Института славяноведения АН СССР уделяет монографическому изучению отдельных говоров. Подобных работ в болгарской диалектологии очень мало. Детальное изучение языка отдельных наших сел может дать много ценного для изучения истории соответствующего говора Болгарии. Укажу на один пример. В первом выпуске «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР»¹ опубликовано диалектологическое описание болгарского села Твардицы (МССР), которое до сих пор не привлекало внимания лингвистов. Говор этого села сохранил очень много архаичных языковых форм и лексику. Сопоставление говора коренного с говором болгар Твардицы может дать много интересного как для истории сливенского диалекта, так и для изучения характера языкового развития вообще говоров переселенцев. В этом же плане интересен говор села Кирютни, краткое описание которого см. в статье [Плотникова 1950].

Изучение болгарских говоров Бессарабии даст очень много и для истории сливенского диалекта, к сожалению, почти не изученного. В свое время как из самого Сливена, так и из многих сел этого района в Бессарабию переселилось много болгар. На сливен-

¹ Первый выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии» (далее — СМБД) опубликован в т. II «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР (далее — УЗИС) в 1950 г. Последующие выпуски (№ 2–10 СМБД) вышли отдельными книжками в 1952–1962 гг. (Ред.)

ском диалекте говорят жители сел Твардицы, Кирютни, значительная часть населения Болграда и многих других сел. Между нашими сливенскими говорами имеются, однако, более или менее существенные различия, которые, вероятно, объясняются различиями внутри самого сливенского диалекта Болгарии.

Особое место среди болгарских говоров занимает восточнофракийская группа, представляющая много черт западных говоров Болгарии. Изучение наших восточнофракийских говоров даст диалектологу ценные факты для истории юго-восточных болгарских говоров. Надо сказать, что восточнофракийские говоры на территории Бессарабии постепенно уступают место говорам северо-восточного типа. В статье И. К. Буниной «Из истории вайсальских говоров» этот процесс показан на примере села Вайсал [Бунина 1950]. В настоящее время аналогичный процесс исследует Е. В. Чешко в болгарском селе Кайраклия (ныне Лоциновка). Работа публикуется во втором выпуске «Статей и материалов» [Чешко 1952].

Выше мы уже говорили, что болгарские говоры Приазовья возникли в связи с переселением сюда части бессарабских болгар в самом начале 60-х годов XIX в. Выселенцы из села Шикирли-Китай основали в Приазовье село Софиевку, из Вайсала — села Дяновку и Райновку, из Таш-Бунара — села Преслав и Инзовку, из Чешмы-Варуити — села Степановку и Богдановку, из Кайраклии — Радоловку и т. д. Сравнительное изучение бессарабских и приазовских говоров вскрывает много важных явлений в прошлом бессарабских говоров. Это достаточно хорошо показано в статье И. К. Буниной, в которой она с помощью дяновского говора изучает почти вымерший южновайсальский говор. Нет никакого сомнения в том, что наши бессарабские говоры могут в свою очередь иметь такое же значение для говоров Болгарии.

Можно с полным основанием говорить о большом значении наших болгарских говоров для изучения говоров Болгарии. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что только в этом и состоит задача исследователя болгарских говоров СССР. Они представляют большой научный интерес и сами по себе. Здесь произошло формирование новых говоров в связи со смешением различных болгарских говоров; здесь с самого начала обнаружилось влияние со стороны русского, украинского, молдавского, румынского и гагаузского языков. На территории Одесской и Запорожской областей УССР язык болгарского населения претерпел за годы революции много изменений, аналогичных изменениям в русском языке. В настоящее время много интересных новообразований можно наблюдать в бессарабских говорах. Наши болгарские говоры пережили и пе-

реживают много важных процессов в области лексики, синтаксиса, морфологии и фонетики. Изучение их — первоочередная задача советских болгароведов. Намечен план исследований и уже приступлено к его частичной реализации. Летом 1949 г. группа исследователей детально и всесторонне изучила язык ольшанских болгар.

В плане наших диалектологических исследований стоит составление полного словаря болгарских говоров СССР. Значение такого словаря для каждого диалектолога очевидно. В связи с этой работой был составлен словарь села Твардицы.

На территории СССР имеются не только крестьянские говоры; здесь диалектолог может наблюдать и язык болгарского города со всеми его характерными признаками. Болгарские диалектологи интересовались языком города (например, работа Панайотова о языке города Сливена). Однако они изучали язык города теми же методами, что и язык крестьянства. Между тем в городе получают особое развитие профессиональные диалекты; на основе различных территориальных диалектов возникает общегородское койнэ. Все это требует от диалектолога применения более сложных и разнообразных методов изучения, нежели при изучении обычных крестьянских диалектов. Именно в связи с этой задачей Институтом славяноведения предпринято изучение языка города Болграда. Вводная глава подготовляемой работы печатается в данном томе «Ученых записок Института славяноведения АН СССР». В работе дано описание языка сливенцев, ямбольцев, крымцев и туканцев, общebolградского городского койнэ, возникшего на основе сливенского говора. В будущем еще предстоит изучение языка болгарского населения города Измаила.

Исследования по болгарским говорам СССР проводятся по плану Института славяноведения и будут систематически печататься в издании Института славяноведения АН СССР.

Печатается с сокращениями. П е р в а я п у б л и к а ц и я:

С. Б. Бернштейн. Задачи изучения болгарских говоров СССР // УЗИС, т. II, 1950. С. 219-224.

ЗАМЕТКИ ПО БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

1. Членные формы муж. рода ед. ч. Болгарские говоры дают богатый материал для изучения истории членных форм. Историки языка привлекают его недостаточно. В данной статье мы рассмотрим один вопрос — употребление членных форм муж. рода ед. числа *-ъ* (*-α, -ā*) и *-о* (*-y*).

Современные болгарские диалектологи указывают на то, что территория так наз. *-о*-диалекта сокращается, что во многих говорах членная форма *-о* (*-y*) вытесняется формой *-ъ* (*-α, -ā*). В 1903 г. Л. Милетич писал, что одной из характерных особенностей шуменского диалекта является членная форма *-о* [Miletič 1903, 102]. В 1940 г. Г. Попиванов отметил, что в шуменском диалекте «членная форма *-о* встречается сравнительно редко, что чаще уже употребляется форма *-ъ* (*-α*)» [Попиванов 1940, 359]. Процесс вытеснения членной формы *-о* отмечается многими диалектологами. Объясняют это обычно влиянием литературного языка.

Для изучения истории членных форм ценный материал дают болгарские говоры Советского Союза, особенно говоры Измаильской области УССР и связанные с ними говоры Запорожской области УССР. Данные этих говоров имеют особенно большое значение потому, что здесь почти исключается возможность влияния болгарского литературного языка (прежде всего на территории Измаильской области). Среди болгарских переселенцев в России были носители различных говоров [Бернштейн, Чешко 1951, 343]. К *-о*-диалекту принадлежали болгарские говоры Одесской области (сюда же относятся говоры села Терновки Николаевской области и села Парканы МССР), бессарабские говоры сел Кайраклии, Еникея, Шикирли-Китай (ныне Суворово), Кирсова, Задунаевки, Ново-Ивановки, Купорани, Боргуджа, южного Вайсала, Кулевчи, Нового Карагача, Селиоглу, балканский говор Вале-Перже, шуменские говоры сел Чешма-Варуита, Анадол, Кубея и Бабели. Членная форма *-о* представлена также в ольшанском говоре, самом старом болгарском говоре СССР.

Таким образом, членную форму *-o* мы находим в шуменских, большинстве фракийских, в ряде балканских говоров. Большинство болгарских говоров Советского Союза имеют членную форму *-z* [Бернштейн, Чешко 1951, 332–336, 339, 340].

В селах Вайсале, Вале-Перже, Кубее, Кайраклии, Еникее, Парканах и ряде других поселились в разное время носители *o-* и *z-* диалектов.

Село Вайсал было основано двумя группами болгар: в южной части поселились фракийцы, имевшие членную форму *-o*, в северной — представители *z-* диалекта. В 1861 г. часть вайсальцев переселилась в Приазовье, где они основали два села — Райновку и Диановку. Из Вайсала ушла значительная часть фракийцев. В связи с этим господствующее положение занял северный говор (*z-* диалект). «В современном вайсальском говоре господствует членная форма муж. р. ед. ч., характерная для северного говора, а именно: широкий, слабо напряженный *z* под ударением и *ā* в безударном положении... Но в речи жителей на самой южной окраине Вайсала встречается другая членная форма муж. р. ед. ч., которая раньше, по свидетельству местных старожилов, имела гораздо большее распространение. Это — членная форма муж. р. ед. ч. *-o*, которая в безударном положении произносится как *-y*. В настоящее время ее можно услышать только у стариков» [Булнина 1950, 247]. Бунина далее указывает, что и в языке стариков членная форма *-o* употребляется непоследовательно.

Одержала победу членная форма *-z* и в селе Вале-Перже. Членную форму *-o* здесь можно встретить очень редко лишь в языке стариков (только в определениях).

В селе Кубей живут болгары и гагаузы. Болгары говорят на шуменском диалекте (членная форма *-o*). Гагаузское население Кубея двуязычно: кроме родного языка, все гагаузы хорошо знают болгарский (один из говоров сливенского диалекта). Несмотря на территориальную обособленность двух кубейских говоров, легко обнаружить следы взаимовлияния, что объясняется их длительным соседством. В целом ряде случаев побеждает шуменский говор. Однако в области членной формы доминирует сливенский говор гагаузов. Шуменская форма *-o* уступает форме *-z*.

Старый кайраклийский говор восточнофракийского происхождения знал членную форму *-o*. После переселения в Кайраклию жителей села Сатунова, говоривших на одном из чийшийских говоров, форма *-o* начала вытесняться формой *-z*. В настоящее время форма *-o* почти не употребляется. «Господствующей в говоре является форма *z-* диалекта: под ударением *-z*, в безударном положении *-ā*... Итак,

в образовании членной формы мужского рода вариант, принадлежащий старому кайракийскому говору, вытеснен новой формой, принадлежащей, видимо, говору пришедших в село сатуновцев» [Чешко 1952, 32, 33]. Иначе сложилась судьба этой формы в селах Радоловке и Гюневке, основанных в 1861–1862 гг. переселенцами из Кайраклии. Основатели приазовских сел Радоловки и Гюневки ушли из Кайраклии еще до переселения сатуновцев. Вот почему старый кайракийский говор хорошо сохраняется именно в этих селах. «В отличие от Лоциновки (современное название села Кайраклии. — С.Б.), где членная форма *o*-диалекта вытеснена формой *ъ*-диалекта и сохраняется только в речи некоторых стариков-кайракийцев, в говоре Радоловки и Гюневки форма *o*-диалекта является обычной общеупотребительной формой как имени существительного, так и имени прилагательного муж. р. ед. ч.» [Чешко 1952, 52]. Е. В. Чешко отметила несколько случаев употребления формы *-ъ* и в приазовских селах (*градъ Осипенко, динъ, нащја* и т. п.), что она объясняет влиянием болгарского литературного языка. «При изучении болгарских говоров Приазовья необходимо учесть, что на болгарские говоры оказал здесь (через печать и школу) некоторое влияние литературный язык» [Чешко 1952, 48].

Аналогично сложилась судьба еникеевского говора. Значительная часть населения Еникеев в 1861 г. переселилась в Приазовье. Здесь переселенцы основали два села: Романовку и Вячеславовку. Именно в этих двух приазовских селах хорошо сохраняется старый еникеевский говор, характеризующийся между прочим последовательным употреблением членной формы *-o*. В самом Еникее появилось много переселенцев из других сел. Современный еникеевский говор формы *-o* уже не знает.

Большое приднестровское село Парканы было основано группой болгар, переселившихся из района города Адрианополя. Эти болгары были носителями восточнофракийского говора *o*-диалекта. После русско-турецкой войны 1806–1812 гг. другая группа болгар из северо-восточной Болгарии по соседству основала другое село. По свидетельству А. Скальковского, еще в 1837 г. современные Парканы представляли два самостоятельных села. В дальнейшем оба села слились в одно, жители которого говорили на двух совершенно различных говорах. Материалы акад. Н. С. Державина, изучавшего парканский говор в начале нашего столетия, свидетельствуют, что уже в это время в Парканах был один смешанный говор с многочисленными вариантами. До сих пор парканский говор сохраняет многие особенности старого восточнофракийского диалекта. Что же касается членной

формы *-o*, то она почти полностью вытеснена чийшийской *-з*. Уже Н. С. Державин не обнаружил формы *-o*.

Вытеснение членной формы *-o* формой *-з* наблюдаем и в приазовских говорах. Так, в селе Палаузовке Осипенковского района поселились выходцы из бессарабских сел Бабели и Фынтына-Дзинилор. В первом селе жили шуменцы, во втором — сливенцы. До настоящего времени в Палаузовке мы находим два говора. Господствует, однако, сливенский говор кукерей (так здесь называют переселенцев из села Фынтына-Дзинилор). Многие шуменские черты языка баблинцев уже утрачены или утрачиваются. К ним относится и членная форма *-o*.

Итак, победителем всегда выходит членная форма *-з*. На территории Советского Союза нет ни одного болгарского говора, где мы могли бы наблюдать активизацию формы *-o* за счет формы *-з*.

Мы рассмотрели судьбу членной формы в тех селах, где поселились болгары из различных мест Болгарии. Однако процесс замены формы *-o* формой *-з* обнаруживается во многих селах, в которых поселились носители только одного говора, принадлежавшего к *o*-диалекту. Во многих селах этот процесс уже близок к завершению, в других он только начинается.

В селах Измаильской области Задунаевке, Ново-Ивановке, Купорани и ряде других поселились носители *o*-диалекта. В дальнейшем и здесь начался тот же процесс, что и в селах Вайсале, Кубее, Парканах и др. В Задунаевке или Ново-Ивановке членная форма *-з* обнаруживается лишь в определенных морфологических категориях (подробнее об этом см. ниже). Аналогичный процесс известен и говорам Запорожской области (например, надеждинскому говору). В селе Надеждино Приазовского района мы обнаружили восточнофракийский говор *o*-диалекта. Носителей других говоров здесь нет. И тем не менее форма *-o* в некоторых случаях начинает заменяться формой *-з*. Небезынтересно указать на один факт. По соседству с Надеждино расположено село Гирсовка, в котором живут носители сливенского диалекта. Гирсовцы любят подшучивать над языком надеждинцев, особенно над формой *-o*. Во время пребывания в этом селе летом 1950 г. Е. В. Чешко записала шуточную песенку на смешанном русско-болгарском языке:

Не ходите девки замуж
 Во Надеждино село;
 В Надеждине поговорка —
 Коню падна под мусто.

Имеются на нашей территории говоры *o*-диалекта, в которых членная форма *-o* является устойчивым признаком грамматического строя. Таких говоров мало. Это говоры сел Чешмы-Варуиты (шуменский говор), Кирсова (юго-восточный балканский говор), Суворова (восточнофракийский говор), Ольшанки (мизийский говор) и ряда других. Нужно, однако, указать, что даже в этих селах можно обнаружить в отдельных случаях форму *-ъ*. Летом 1951 г. нами было отмечено в селе Суворове *гърбъ*, *гъза*.

Для историка языка представляет большой интерес изучение самого процесса замены одной членной формы другой. Это изучение может дать очень много для понимания характера междиалектальных взаимоотношений, для уяснения тех конкретных путей, по каким идет ассимиляция одного говора другим. Наши наблюдения показали, что замена формы *-o* формой *-ъ* строго закономерна. Здесь необходимо учитывать различные факторы (лексические, фонетические, грамматические).

При длительном соседстве двух говоров *o*- и *ъ*-диалектов носители *o*-диалекта начинают пользоваться формой *-ъ* с определенной группой слов. Это прежде всего слова, заимствованные из соседнего говора. В селе Вайсал, где полностью господствует *ъ*-диалект, носители *o*-диалекта пользуются своей старой членной формой только со словами, не имеющими широкого общественного значения. Вся новая лексика будет оформляться членом *-ъ*.

В некоторых говорах существенным фактором оказывается ударение. Так, в Кубее носители шуменского диалекта пользуются формой *-o* только под ударением. Вне ударной позиции чаще встретим уже форму *-ъ*.

Во многих обследованных нами говорах членная форма *-o* употребляется только при именах существительных. При определении (прилагательных, местоимений, числительных) найдем форму *-ъ*. Именно такое употребление члена характеризует некоторые восточнофракийские говоры: бакаловский, катаржинский, лоциновский и др. Приходилось встречаться и с противоположным явлением, когда членная форма *-o* сохранялась при определениях и замещалась формой *-ъ* при существительных. Это обнаружено в говоре села Ново-Ивановки, в говоре соседнего с ним села Задунаевки. Разница между этими двумя говорами будет состоять в том, что в Задунаевке членная форма *-o* сохраняется и при существительных под ударением.

2. Краткое местоимение жен. рода ед. ч. вин. п. В 1949 г. я опубликовал статью «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах», в которой указал на интен-

сивное распространение в наших болгарских говорах местоименной формы *гъ*.

На основании наблюдений над языком болгарских сел Шоп-Тараклия, Табаки, Чешма-Варуита, Комрат, Кирсов, Новое Вале-Перже, Твардица, Вале-Перже, Исерлия, Ново-Ивановка, Новый Троян, Кирютня, Чийшия, Пандаклия, Кубей, Кайраклия II, Болгарийка, Курчи, Каракурт, Вайсал, Бановка, Таш-Бунар, Шикирли-Китай (Суворово), Импуцита, Задунаевка, Дермендере, Кайраклий I и города Болграда, проводившихся летом 1948 г., было обнаружено, что в большинстве говоров идет процесс вытеснения старых местоименных форм жен. р. ед. ч. вин. п. *a* (*ia*), *ä*, *e* формой *гъ*. В говорах сел Шикирли-Китай, Кайраклия I, Импуцита, Курчи, Пандаклия и некоторых других наряду с формой *гъ* употребляется еще другая, архаическая форма.

На основании собранного тогда материала, а также диалектологических данных акад. Н.С. Державина, мы пришли к выводу, что местоименная форма *гъ* в XIX и начале XX в. употреблялась редко и большинству говоров не была известна. «Лишь за последние 35–40 лет эта форма получила настолько широкое распространение, что вытеснила и продолжает вытеснять на наших глазах другие формы, употреблявшиеся в той же функции» [Бернштейн 1949а, 73].

Выводы были сделаны на основании наблюдений только 1948 г. В 1949 г. было закончено изучение по программе лингвистического атласа всех бессарабских говоров, а летом 1950 г. сделано было описание всех болгарских говоров Запорожской области УССР. Материал, собранный в 1949 и 1950 гг., полностью подтвердил выводы статьи.

Во время экспедиции 1949 г. местоимение *гъ* обнаружено было в селах Камшик, Чумлен, Дюлмен, Голица, Кот-Китай, Селиоглу, Старый Троян, Главан, Боргудж, Еникей, Делджилер, Бакалово. Во всех указанных селах в настоящее время употребляется только форма *гъ*. В селах Парканы, Катаржино, Девлет-Агач, Купоран, Гасан-Батыр, Фынтына-Дзинилор, Еникей и некоторые др. наряду с местоимением *гъ* употребляется и другая форма (*a*, *ja*). И в этих селах, как в обследованных летом 1948 г. Пандаклии, Суворове, Импуците, Лоциновке местоименная форма *гъ* является более активной и обычно характеризует язык более молодого поколения.

«Интенсивное распространение местоименной формы *гъ*, — писал я в указанной выше статье, — наблюдается и в болгарских говорах Приазовья» [Бернштейн 1949, 87]. О степени распрост-

ранения этой формы тогда я не имел полного представления. В статье приводится материал только по говорам сел Диановки и Райновки. Летняя экспедиция 1950 г. в болгарские села Приазовья не только дала ясное представление о распространении формы *гъ*, но и полностью подтвердила наблюдения над говорами Измаильской области.

В бессарабской Кайраклии форма *гъ* известна лишь языку молодежи. «Форма *гъ*, которая в языке молодежи является преобладающей, в речи людей старшего и среднего возраста не была отмечена ни разу» [Чешко 1952, 40]. Таким образом, во время переселения из Кайраклии в Приазовье форма *гъ* не была известна. Это подтверждается также и тем, что форма *гъ* отсутствует в языке старшего поколения сел Радровки и Гюневки, основанных выходцами из Кайраклии. «В говоре Радровки и Гюневки, так же как в говоре Лоциновки, в двух вариантах употребляется краткая форма личного местоимения вин. п. ед. ч. *a* (*ja*) и *гъ*. Форму *a* (*ja*) употребляют представители старшего поколения... Молодежь употребляет форму *гъ*» [Чешко 1952, 56, 57].

Ценны наблюдения В. К. Журавлева над языком сел Ташбунар, Преслав и Инзовка. В Ташбунаре за очень редким исключением употребляется форма *гъ*. В Инзовке форма *гъ* встречается лишь в языке молодежи и людей среднего возраста. В Преславе эта форма была зафиксирована только у детей школьного возраста. Все это еще раз подтверждает нашу мысль, что форма *гъ* в прошлом была известна немногим говорам.

В статье «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах» я высказал предположение, что форма *гъ* была занесена в Бессарабию переселенцами из Восточной Фракии [Бернштейн 1949, 88]. Новые материалы говорят как будто против этого. Теперь, после завершения всей работы над атласом болгарских говоров СССР, следует отдать предпочтение южным сливенским говорам. Именно эти говоры на территории Советского Союза характеризуются наиболее последовательным употреблением местоименной формы *гъ*.

3. Причастие *донел*, *донели*. В современном болгарском языке существует причастие *донел*, которое представляет собой образование от основы сигматического аориста *нѣсѣ*. Аналогичный процесс был пережит и сербо-хорватскими говорами. Широко распространено мнение, что причастие *донел* известно лишь западноболгарским говорам. Об этом пишет Т. Лер-Сплавинский («Сборник Милетич». София, 1933, с. 67). «Формы причастия *донел*, *занел* („принес“, „занес“), — пишет А. М. Селищев, —

существуют (курсив автора. — С. Б.) в западноболгарских говорах» [Селищев 1951, 22].

Изучение болгарских говоров Советского Союза показало, что причастие *донел* хорошо известно многим восточноболгарским говорам.

Причастие *донел* нами зафиксировано в восточнофракийских говорах. Отсутствует оно лишь в говорах сел Селиоглу, Старого Трояна и Терновки. Нет его в настоящее время и в южном вайсальском говоре, но диановский говор Приазовья свидетельствует, что в прошлом это причастие в Вайсале было.

Донел зафиксировано нами почти во всех южносливенских говорах. Представлено оно и в тех северо-восточных (мизийских) говорах, которые нами условно названы чийшийскими. Обнаружено оно в двух наших западно-болгарских говорах.

Причастие *донесъл* (*донесли*) характеризует все говоры чумелийской группы, а также говоры восточнобалканские (Кирсов, Главан) и западносливенские (Твардица). Находим его в ямбольском говоре города Болграда.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Заметки по болгарской диалектологии // СФ, вып. 2, 1954.
С. 68–75.

ОБ ОДНОМ
ВАЖНОМ
ИСТОЧНИКЕ
«БОЛГАРСКОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АТЛАСА»

Создание славянских лингвистических атласов является в настоящее время важнейшей задачей, стоящей перед историками языка. Больших успехов в этом направлении добились в последние годы историки русского языка. Вышел из печати атлас, содержащий материал говоров к востоку от Москвы. В печати находится атлас русских говоров северо-западных областей. Близок к завершению атлас говоров к западу и к юго-западу от Москвы. Большую работу по лингвистическому картографированию ведут историки ряда других славянских языков (украинского, словацкого и др.). Поставлен вопрос о создании общего славянского лингвистического атласа [Ларин 1949, с. 23–36].

Остро ощущают отсутствие атласа историки болгарского языка. Перед ними поставлена задача написания полной истории языка. Акад. В. Георгиев называет ее центральной задачей в области болгарского языкознания [Георгиев 1951, 27]. Очевидно, что она может быть решена не только на основе монографического изучения старых письменных памятников, отдельных говоров, но и с помощью болгарского лингвистического атласа. Этот атлас покажет границы говоров и отдельных языковых явлений, установит взаимосвязь между говорами, определит характер взаимоотношений между разнообразными фактами фонетического и грамматического строя, даст ценный материал историкам народа для изучения древних племенных границ, обнаружит пути передвижения населения в период феодализма и турецкого рабства.

Работа в области картографирования болгарского диалектного материала только начинается. Составлен небольшой атлас болгарских говоров на территории СССР [Бернштейн 1952, 135]. Акад. Георгиев указывает, что важнейшей задачей Института болгарского языка БАН является составление лингвистического атласа болгарского языка. «К сожалению, — пишет он, — нам еще не удалось сделать ничего существенного в этом отноше-

нии» [Георгиев 1954, 5]. Нет сомнения в том, что интенсивная работа над атласом начнется в ближайшее время.

Как уже неоднократно указывалось, создание атласа любого языка требует предварительного решения многих важных вопросов, от которого будет зависеть успех общего дела. Стоят такие вопросы и перед болгароведами. На одном из них мы остановимся в данной статье.

Составители первых лингвистических атласов скептически относились к старой диалектологии и были склонны полностью отрицать не только ее методологические принципы, но и достоверность самого материала. Между старыми диалектологическими описаниями и первыми лингвистическими атласами (например, французским лингвистическим атласом) не было никакой преемственности. Представители лингвистической географии отвергали учение о диалектах и диалектных границах, некоторые шли дальше и ставили под сомнение, например, существование фонетических изоглосс. Ни принципы построения старых программ, ни метод сбора материала, ни приемы его обработки не признавались сторонниками школы Жийерона. Правда, отдельные сторонники лингвистической географии (например, А. Доза) пытались несколько сгладить противоречия между этой новой отраслью языкознания и старой диалектологией. Но это не находило поддержки у большинства учеников и последователей наиболее авторитетного представителя зарубежной лингвистической географии — Жийерона. Лингвистические атласы, как правило, совершенно не отражают материалов, которые собирались диалектологами в течение длительного времени.

Нигилистическое отношение к старым материалам проявили и те советские лингвисты, которые пытались работать в области лингвистического картографирования на основе «нового учения о языке». Ни авторы «Вопросника для составления диалектологического атласа русского языка», подготовленного в Институте языка и мышления в 1936 году, ни авторы «Лингвистического атласа района озера Селигер» не предполагали творческого использования старого диалектного материала. Сторонники «нового учения о языке» неоднократно писали о том, что использовать его невозможно, так как он якобы не отражает истинного положения вещей.

Принципиально иначе к использованию достижений старой диалектологии подошли составители новой «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (1945), подготовленной в Институте русского языка АН СССР. Составители проекта нового атласа предложили подго-

товить и издать дополнительный том, «задача которого — показать состояние разработки русской диалектологии до начала сбора материалов для атласа. Источниками этого тома в отличие от всех остальных являются печатные и архивные материалы, которые будут исчерпывающе изучены» [Программа 1945, 80].

Непосредственно под влиянием «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» я предложил аналогичный план и для болгарского атласа. «По нашим предположениям, лингвистический болгарский атлас должен состоять из шести томов (пяти основных и одного дополнительного). Первый том будет посвящен северо-восточным говорам (территория между Никоподем, Пазарджик, Бургас и Мангалия). Второй том будет содержать материал юго-восточных говоров. Третий том охватит западные говоры. Четвертый том должен быть посвящен болгарским говорам в соседних странах (главным образом, говорам Молдавской и Украинской ССР). Кроме этих четырех областных томов нужен пятый — общий — том, в котором будет сведен материал областных томов. Шестой том (дополнительный) будет содержать материал печатных и архивных источников» [Бернштейн 1948а, 121].

Этот проект, предложенный мною еще в 1948 году, в настоящее время требует ряда существенных коррективов. В плане данной статьи речь будет идти о шестом (дополнительном) томе. Теперь для меня совершенно очевидно, что решение составителей русского лингвистического атласа выделить все карты, составленные на основании изданных и архивных материалов, в особый дополнительный том является ошибочным. И это решение в какой-то степени отражает недооценку старого диалектного материала. Это стало для меня очевидным позже, в результате специального изучения материала болгарских говоров.

Начиная с 1947 года я руковожу на славянском отделении МГУ специальным семинаром по болгарскому лингвистическому атласу. По различным вопросам картографирования болгарского диалектного материала было защищено на факультете несколько дипломных работ. В результате изучения всех доступных печатных источников были составлены карты, посвященные различным явлениям языка (форма будущего времени, ударение в повелительном наклонении, 1 л. ед. ч. настоящего времени и ряд других). Несмотря на скудость материала, ненадежность многих записей, невозможность изучения архивных материалов и мн. др., составленные карты дали в общем ясное и верное представление о территории распространения изученных фактов.

Большой интерес представляют карты, посвященные месту ударения в повелительном наклонении (составитель — студентка Л. Хлынова). Л. Хлыновой были составлены три карты. Первая карта показала территориальное соотношение ударения во 2 л. ед. числа, вторая — ударения во 2 л. мн. числа, на третьей карте было показано ударение в приставочных глаголах, которые в этом отношении имеют свои особенности. Составитель извлек материал из всех имеющихся в Москве изданий. Первая карта дала ясную и четкую изоглоссу. Во всей северной Болгарии в повелительном наклонении глаголов типа *мълчи*, *взemi*, *седи* ударение падает на флексию, в южной — на корневую гласную. Составитель убедительно объяснил все имеющиеся отклонения. Очень интересна вторая карта, которая показывает, что ударение типа *мълчѐте*, *вземѐте*, *седѐте* охватывает большую территорию, нежели в ед. ч. *мълчѝ*, *вземѝ*, *седѝ*. Несмотря на имеющиеся белые пятна, карты Л. Хлыновой в какой-то степени отразили территорию распространения говоров с различным типом ударения в повелительном наклонении и дали ценный материал для изучения истории данного явления.

Поучительны карты, составленные Г. Анкудиновой. На первой карте дано распространение слов женского рода на -á, с ударением на флексии. Карта отражает территориальное распространение вариантов типа *стенá* — *стенѣ*, *водá* — *водѣ*. На второй карте показано размещение различных флексий 1 л. ед. ч. настоящего времени. Третья (сводная) карта показывает изоглоссы вариантов *водá* — *водѣ*, с одной стороны, и изоглоссы вариантов глаголов *перá* — *перѣ*, с другой. Г. Анкудинова собрала и обработала материал по 590 населенным пунктам. Карты дают ответы на ряд важных вопросов из исторической морфологии болгарского языка.

Третья карта убедительно показывает, что изоглоссы *водá* — *водѣ* и *перá* — *перѣ* в основном совпадают. Все имеющиеся отклонения обнаружены в смешанных говорах или в говорах, испытавших сильное влияние говоров другого типа. В смешанных говорах вскрыты колебания не только в вариантах *водá* — *перá*, *водѣ* — *перѣ*, но и *водá* — *водѣ* (естественно, что в данном случае не принимаются во внимание слова *женá*, *сестрá*, *снохá*, а также варианты, связанные с определенными синтаксическими функциями -á — подлежащее, -ѣ — дополнение).

В свое время П. А. Лавров полагал, что общая форма типа *водá* восходит к старому именительному падежу, а *водѣ* к винительному [Лавров 1893, 124]. Этот взгляд поддерживал ряд ис-

ториков болгарского языка. Однако уже давно была обнаружена связь между характером окончания в словах типа *водá* и произношением флексии 1 л. ед. ч. настоящего времени под ударением. Это обстоятельство давало основание для заключения, что и общая форма *водá* восходит к винительному, а не к именительному (исключение представляли некоторые слова родства). Однако лишь теперь это установлено окончательно методами лингвистического картографирования.

Совпадение различных изоглосс подтверждает, что на основании старого диалектного материала при всех его недостатках возможно составление надежных карт. Отдельные ошибки возможны и даже неизбежны, но ведь от них не застрахованы и те составители карт, которые в своем распоряжении имеют ответы на программу атласа, полученные от сравнительно квалифицированных диалектологов. Никогда не нужно забывать, что в течение 5–7 дней пребывания в одном селе получить надежные ответы на все вопросы программы трудно, а порой и невозможно. Во время работы над болгарским атласом я отправлял для контроля в уже обследованный пункт другую группу. В некоторых случаях она получила иные ответы на вопросы программы. Иногда эти расхождения оказывались весьма существенными. Избежать серьезной ошибки составитель карты может только в том случае, если в его распоряжении будут ответы из очень большого числа пунктов, а также в том случае, если построение программы дает возможность взаимно контролировать ответы. Но ведь и составитель карт на основе старых диалектных материалов может иметь данные по многим пунктам. Эти карты будут различной степени детализации, некоторые будут иметь много белых пятен, возможно, что по некоторым пунктам программы подобных карт составить не удастся. И тем не менее эти карты принесут большую пользу. Они не только обнаружат изменение различных изоглосс на протяжении конца XIX и первой половины XX века, но и покажут при сравнении с картами, составленными на основе ответов на программу, тенденции в развитии современных диалектов. А в этом состоит, между прочим, одна из главных задач лингвистического картографирования.

Как уже давно указывалось, известный труд Н. С. Державина «Болгарские колонии в России» (т. II, «Язык», Пг., 1915) страдает существенными недостатками. Там дана ошибочная группировка болгарских говоров, описание говоров очень поверхностное, имеется много фактических ошибок. И тем не менее этот труд значительно обогатил наш болгарский атлас, так как в

какой-то степени отразил состояние болгарских говоров юга России в конце XIX — начале XX в.

Нет сомнения, что выделение всех карт, созданных на основе старых материалов, в особый том является крупной ошибкой составителей атласов русского языка. Думаю, что повторять ее не следует.

Болгароведы лишь приступают к составлению атласа. Еще не выработан окончательно вопросник, не определено количество томов, не решены многие частные вопросы. Нет ясного представления и о том, как относиться к старому диалектному материалу и как его использовать при составлении атласа болгарского говоров. От верного решения всех вопросов теперь будет зависеть успех дела в будущем.

Полагаю, что после утверждения вопросника необходимо организовать в широком масштабе не только экспедиционную работу, но и обработку печатных и архивных материалов, характеризующих состояние болгарских говоров с середины XIX века. Каждый том атласа должен отразить направления изоглосс, которые будут установлены как на основе новых наблюдений, так и с помощью старых материалов.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Об одном важном источнике «Болгарского лингвистического атласа» // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета акад. В. В. Виноградову. М., 1958. С. 67–72.

ГРУППИРОВКА БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

На территории Советского Союза представлены почти все основные типы говоров восточной Болгарии (кроме центрально-родопских и некоторых балканских). Определить их особенности и установить взаимосвязь между ними удалось только в результате их обследования по программе лингвистического атласа и картографирования собранного диалектологического материала.

Акад. Н. С. Державин не сумел определить ни типов говоров, ни их взаимосвязи, так как ограничился наблюдениями над отдельными случайно выбранными говорами. Именно поэтому он пришел к ошибочному выводу, что наши болгарские говоры представляют собою «бессистемный конгломерат».

Говоры переселенцев из северо-восточных районов Болгарии представлены тремя типами говоров: чушмелийским, чийшийским и ольшанским. Каждый из этих типов обладает рядом индивидуальных особенностей и характеризуется различными связями с другими типами восточноболгарских говоров. Между собой эти три типа говоров связаны слабо: чушмелийские и ольшанские говоры при всем их своеобразии значительно ближе друг к другу, чем к чийшийским говорам, наиболее последовательно представляющим северо-восточные черты.

I. Чушмелийский тип. Говоры этой группы принадлежат к шуменскому диалекту. Наиболее ярким представителем ее является говор чушмелийцев, жителей большого бессарабского села Криничное (Чешма-Варуита — 32)¹. Он в свое время был подробно описан Н. С. Державиным [Державин 1915, 3–30; «Тексты», 3–17]. На чушмелийском говоре в прошлом говорили болгары с. Бабели (53). Как было указано нами выше, все бол-

¹ Числа после названий населенных пунктов указывают номера, под которыми соответствующие населенные пункты нанесены на картах составленного С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной «Атласа болгарских говоров в СССР» (М., 1958). (Ред.)

гарское население этого села в 1861 г. ушло в с. Кирнички (Фынтына-Дзинилор — 43), откуда затем вместе с частью местных жителей переселилось в Приазовье (б. Таврическая губ.). Потомки бабелинцев в настоящее время живут в с. Палаузовка, Осипенковского р-на Запорожской области УССР, сохраняя в основном свой старый чушмелийский говор. К чушмелийской группе относятся говоры болгар, живущих в селах Червоноармейское (Кубей — 17а) и Долинское (Анадол — 50).

Наиболее устойчивым говором этой группы является говор с. Криничное (Чешма-Варуита — 32), который был нами исследован не только в данном селе. Часть жителей села в 1861 г. ушла в Приазовье. Потомки их живут ныне в с. Богдановка Приазовского р-на Запорожской области УССР. И здесь чушмелийцы хорошо сохраняют свой старый говор. Небольшая часть переселенцев осела в соседнем селе, Степановке, где, однако, господствующее положение занимает один из болгарских говоров. Чушмелийский говор здесь сохранился плохо. Современный бабелинский говор в ряде случаев представляет следы влияния сливенского диалекта, на котором в Палаузовке говорят *күкери* (переселенцы из с. Кирнички). Хорошо сохранился старый говор в Червоноармейском (Кубей — 17а), представляющий, однако, некоторые черты сливенского диалекта. На этом диалекте говорят гагаузы, живущие здесь. В Долинском (Анадол — 50) болгарский язык в настоящее время исчезает, так как почти все местные болгары своим родным языком считают молдавский.

Выше нами было указано, что отдельные семьи шуменцев по разным причинам селились в других селах. Это не прошло бесследно. Так, в селах Нагорное (Карагач — 51), Кирнички (Фынтына-Дзинилор — 43) встречаются отдельные особенности шуменского диалекта.

Занимаясь изучением быта и языка жителей с. Криничного (Чешма-Варуита — 32) в 1910 г., Н. С. Державин обратил внимание на исключительную архаичность их быта. «В 16-и верстах по направлению к юг.-зап. от г. Болграда расположено здесь болгарское село Чешма-Варуита, или Чушмелий. Это село дало мне наиболее полный этнографический материал, настолько полный, что в других селах той же Бессарабской губ. я находил только осколки того быта, какой мною был записан в этом именно селе. Причины такой этнографической устойчивости для данного случая я склонен видеть исключительно в языке. Чушмелийский говор, шуменский по своему происхождению, настолько резко отличается своими фонетическими, морфологическими и лексическими особен-

ностями от всех окрестных болгарских говоров, что чушмелийцы у своих соседей постоянно служат мишенью насмешек» [Державин 1914, 49]. Указание Державина на архаичность быта жителей с. Чешма-Варуита подтверждается и нашими наблюдениями 1948 г. Однако объяснение этой архаичности представляется нам совершенно неубедительным. Прежде всего ошибочно утверждение, что чушмелийский говор представлен только в с. Кричном (Чешма-Варуита — 32). Как мы видели выше, на нем говорят и в других бессарабских селах, например, в Червоноармейском (Кубей — 17а). Однако никакой особой архаичности в быту кубейцев нет. Консервативность быта чушмелийцев объясняется другими причинами.

Все говоры чушмелийской группы относятся к *o*-диалекту. Членная форма *o* (*y*) является устойчивой морфологической чертой этих говоров. Лишь в кубейском и бабелинском говорах под влиянием сливенского диалекта находим некоторые отступления. Так, в кубейском в безударной позиции употребляется иногда членная форма *a* (*кѡн'а*, *кѣра*). Еще сильнее это влияние обнаруживается в языке бабелинцев, где определенные слова всегда будут иметь членную форму *ѣ* (*a*). Жители сел Кричного (Чешма-Варуита — 32) и Богдановки последовательно во всех случаях представляют в своем языке членную форму *o* (*y*). Членная форма *o* в именах прилагательных во всех говорах без исключения выдерживается последовательно.

Данные наших говоров в этом отношении имеют большую ценность для изучения истории шуменского диалекта. Они свидетельствуют о том, что в начале XIX в. указанная черта являлась характерным признаком этого диалекта. Подтверждается это и наблюдениями Милетича в конце XIX в. Значительные изменения в употреблении членных форм произошли в XX в. Болгарский диалектолог Г. Попиванов, изучавший шуменские говоры в 30-х годах XX в., указывает на то, что членная форма *o* уступает место форме *ѣ*: «Нужно сказать, что в наши дни в шуменском говоре, который проф. Милетич считал представителем всего *o*-диалекта, потому что в нем сохранились в самом чистом виде древние особенности последнего, членная форма *o* встречается сравнительно редко, так как наряду с ней, а может быть и чаще, встречается членная форма *ѣ* или *a*» [Попиванов 1940, 359]. Автор объясняет этот процесс влиянием литературного языка, а также влиянием соседних говоров *ѣ*-диалекта. Нам представляется, что основной причиной исчезновения архаических черт шуменского диалекта является влияние балканских

говоров. Это подтверждается многими фактами. Об этом же пишет современный диалектолог Стойко Стойков в своем литографированном курсе «Българска диалектология» [Стойков 1949, 49].

В свое время по поводу произношения *ѣ* в шуменском диалекте велись большие споры. Милетиц указал, что классификация восточных говоров по произношению *ѣ* противоречит диалектологическим данным, так как в шуменских селах под ударением перед мягким согласным представлено открытое широкое *ä*, а не *e* [Miletić 1903, 78]. Цонев полагал, что эта особенность шуменского диалекта, наряду с многими другими, южного происхождения. Наблюдения Попиванова показывают, что в отношении произношения *ѣ* шуменский диалект не представляет единства. Здесь мы находим под ударением перед твердым согласным всегда *a*. Что же касается положения перед мягким согласным, то в одних селах находим *a*, а других — *ä* [Попиванов 1940, 338–339].

В наших говорах чушмелийской группы *ѣ* под ударением всегда произносится как *a*. Это подтверждается наблюдениями Н. С. Державина над говором Криничного (Чешма-Варуита — 32), а также нашими наблюдениями во всех селах шуменского происхождения; *ä* отмечено Н. С. Державиным только в безударном положении. Нами зафиксировано *ä* под ударением в селах Криничном (Чешма-Варуита — 32), Богдановке и Червоноармейском (Кубей — 17а) в слове *ръца* (Н. С. Державин для Чешма-Варуиты фиксирует форму *ръца́т'ä*).

Существенные отклонения в произношении *ѣ* представляет кубейский говор, в котором под воздействием соседнего сливенского говора находим *нидѣл'а*, *вре́ме*, *се́ме*, *направѣти*, *турѣти*. Интересно отметить, что влияние сливенского говора сказалось здесь лишь в тех словах, которые в северо-восточных говорах не представляют чередований *a||e*. В том же кубейском говоре мы всегда обнаружим: *см'ах* — *см'ашен*, *л'ату* — *л'атен*, *б'ал* — *б'али* и др. В данном случае сливенские формы *смѣшен*, *лѣтен*, *бѣли* не вытеснили исконные формы. Аналогичное явление мы наблюдаем в с. Надеждино Приазовского района Запорожской области и в с. Шоп-Тараклия Молдавской ССР (13). Вообще в тех говорах, где при столкновении северного и южного типов произношения *ѣ* побеждает северный тип, вытеснение звука *a* идет прежде всего в тех словах, где это произношение не поддерживается аналогией.

В соответствии с характером произношения *ѣ* в чушмелийских говорах обычно будет отсутствовать чередование *a||e* после мягких согласных. Здесь мы всегда найдем: *жа́би*, *ча́ши*, *ша́пки*.

Однако находим некоторые следы чередований: *Стојан* — *Стојене*. Всегда найдем *уфчери*. Но здесь мы имеем дело с особым случаем, так как в единственном числе будет *уфчёр*, а не *уфчър* (ср. аналогичные явления в других говорах со словом *чѣша* — *чѣши*). Материал Попиванова дает основание предполагать, что непоследовательность в произношении *a* после мягких согласных характеризовала язык предков наших чушмелийцев еще в Болгарии.

Л. Милетич обратил внимание на то, что в шуменском диалекте звуке *з* под ударением имеет особое произношение. Милетич его определяет как «*starkdumpfer*». Этот звук мы наблюдаем вслед за Н. С. Державиным в с. Криничном (Чешма-Варуита), а также в с. Богдановка. В других селах чушмелийской группы мы его не слышали. В кубейском, бабелинском и анадолском говорах зафиксирован обычный *з*, отличный от чушмелийского. Следует, однако, отметить, что шуменский *з* встречается в некоторых наших говорах, не относящихся к чушмелийской группе, например, в говорах сел Главан (38), Кирсов (5), Огородное (Чийшия — 15) и Шоп-Тараклия (13а). Н. С. Державин пишет: «Эту гласную я наблюдал в нашем шуменском чушмелийском говоре в Бессар. губ. и в его колониях: с. с. Богдановка и Степановка в Берд. у. Таврич. губ.» [Державин 1915, 385]. Наши наблюдения в отношении с. Степановки не подтверждают этого.

В говорах чушмелийской группы представлена редукция безударных гласных.

В этих говорах наблюдаются многочисленные случаи лабиализации гласного и посокле губных согласных и шипящих (*пўле*, *жуф*, *жувѣет*, *шурѳк*). Безударное этимологическое *e* лабиализуется непоследовательно: *чул'ак*, *чурѣши*, *жул'азо* и т. п.

Исследователи шуменских говоров отмечают сохранение гласного *ы* (см., например: [Miletič 1903, 174–175]). В наших говорах чушмелийской группы никаких следов старого *ы* нет. На месте *ы* всегда находим *и* (*рўба*, *син* и т. п.).

Для говоров этой группы характерно произношение *з* перед плавным (*вѣрх*, *вѣл'к*, *вѣрбá*, *сѣрце*, *фѣргам*, *зѣрну*, *бѣрзам* и *бѣрз*).

В области согласных следует отметить:

1. Произношение *вѣрл'ам* (*хвѣрл'ам*), *вл'азам*, характерное главным образом для говоров этой группы.

2. *ў* или *в* на месте *х* в конце слова и в интервокальном положении: *кўпий*, *суў*, *глуў*, *б'áўа*, *б'áва*.

3. Отсутствие аффрикаты *дз*: *вѣрзўвам*, *назát* и т. п. В кубейский говор аффриката *дз* проникла из соседнего сливенского диалекта.

4. Для говоров чушмелийской группы характерна мягкость конечных согласных: *кон'*, *зет'*, *ден'*, *пэт'*, *длугáр'* и др.

Из специфических особенностей ударения отметим корневое ударение в словах среднего рода: *с'áну*, *мóмче*, *с'ърце*, *мéсу*, *д'áте* и др.

Из морфологических особенностей говора интересны следующие:

Слова женского рода на *a* с ударением на флексии, как правило, имеют окончание *ъ*: *удъ*, *баўлъ*, *брадъ*. С этой особенностью тесно связано произношение флексии глаголов 1-го лица единственного числа настоящего времени, где мы также найдем *ъ*: *перъ*, *предъ*. Слова женского рода на *a* после мягкого согласного под ударением представляют окончание *и*: *земí*. Это явление встречается только в говорах чушмелийской группы [последовательно в говоре Криничного (Чешма-Варуита — 32)].

При образовании множественного числа основ на *-a* часто встречаем окончание на *e* в безударном положении: *бóце*, *чирéшá*, *меўнiце*. Н. С. Державин отмечает формы — *гъркiн'ä*, *зв'áзд'ä* [Державин 1915, 15]. Окончание находим и во множественном числе слов мужского рода: *чурáпе*, *пръсте*.

Своеобразные формы встречаем в области местоимений. Общая форма от местоимения *аз* — *мън'a*; краткая форма винительного падежа 3-го лица единственного числа среднего рода — *и*. Эти формы нигде, кроме говоров чушмелийской группы, не были отмечены.

В кубейском и анадольском говорах находим редкую глагольную форму *сим* (*ние сим*). В Криничном, Богдановке и Палаузовке всегда будет *ние сни*.

Говоры чушмелийской группы резко отличаются от всех других болгарских говоров Советского Союза своей лексикой. Отметим наиболее характерные случаи.

Стра́кина — в других говорах *панiца*. В словаре шуменского говора Попиванова отмечена *стракiна*. С таким же ударением слово показано у Б. Цонева. Б. Цонев указывает, что это характерное шуменское слово известно также и в Родопах [Цонев 1937, 238].

Летi дъш вместо обычного *валi дъш* — характерное выражение для шуменских говоров. Кроме чушмелийских говоров, оно было обнаружено нами в говоре с. Нагорного (Карагач — 51) и в приазовских селах Перво-Николаевка, Анновка и Петровка, населенных болгарскими из Нагорного. Карагачский говор принадлежит к другому типу говоров (чийшийскому), где данное выражение не встречается. Очевидно, оно было занесено сюда переселенцами из Долинского (Анадол) еще до переселения болгар в Приазовье. Проф. Цонев и это шуменское выражение сопоставляет с таким же выражением в Родопах [Цонев 1915, 238].

Шуменское *длег* отмечено во всех наших чушмелийских говорах. Это слово Цонев сопоставляет с родопским *дл'ог*. Нужно заметить, что слово *длег* мы находим в архаическом говоре с. Новосельского (Сатунов — 55), который является по происхождению восточнородопским. Н. С. Державин отмечает наличие слова *длег* в другом восточнородопском говоре — кишлавском [Державин 1915, 212].

Характерными шуменскими словами в наших чушмелийских говорах являются: *áтил* — одеяло; *л'зганца* — соломенная подушка; *ја́морфна пеш* — летняя печь; *буи́л'ка* — вилка; *у́бил* — колодец; *наджáк* — топор; *пријéн* — пила; *чулб'зри* — вожжи; *жéрка* — мельница; *меу́ница* — кокон; *бирин'джу́к* — шелковая нить; *зéл'ник* — слоеный творожный пирог; *зóре, зóрна* — утро и др. Эти слова в данном значении в других говорах не встречаются.

Кроме данных слов, встречающихся у нас только в говорах чушмелийской группы, следует указать на ряд слов, которые известны также и некоторым другим говорам: *талíга* — телега; *прóзорец* — окно; *тíште* — шелковичный червь; *ја́года* — шелковица; *лицá* — щеки; *типци́* — медная сковорода; *граш* — загон для скота во дворе; *чикилéк* — кукурузный стебель; *кóтел* — медное ведро (*б'зк'зр*) и др.

Совершенно неосновательно Цонев считает, что *чүзд* в шуменских говорах — южного происхождения. Эта форма характерна для всех болгарских говоров, представленных на территории Советского Союза.

Милетиц указывает, что в «съртских» селах Шуменской обл. говорят *н'зш*: *лéка ви н'зш*. Он указывает также, что подобное произношение известно во фракийских говорах [Miletič 1903, 82]. В шуменских говорах Советского Союза это произношение не отмечено, всюду будет *нош*. В наших фракийских говорах *н'зш* тоже не встречается, за исключением старотраянского говора. Отмечена эта форма в восточнородопском говоре с. Новосельского (Сатунов, 55).

Произношение *н'зш* является характерным признаком другой большой группы северо-восточных болгарских говоров, названной нами чийшийской.

II. Чийшийский тип. Говоры этой группы принадлежат к одному из северо-восточных диалектов Болгарии. Точно определить территорию этого диалекта не представляется возможным, так как до сих пор отсутствуют какие-либо диалектологические описания областей к северо-востоку от шуменского диалекта. Наиболее ярким представителем этой группы является говор с. Огородного (Чийшия — 15) Новоивановского р-на Одесской области УССР. К этой группе говоров относятся говоры

сел Нагорного (Карагач — 51), Владичен (Импудита — 29), Каменки (Таш-Бунар — 30), Бановки (26), Калчева (23), основной говор Шоп-Тараклии (13а), говор болгар г. Измаила (56). Носители чийшийских говоров были также в Болграде (жители туканской махалы), в с. Новосельском (Сатунов — 55) и в с. Парканы (3). Однако в этих населенных пунктах чийшийский говор подвергся сильному влиянию других, так как здесь в результате взаимодействия различных диалектов образовались смешанные говоры. Может быть, в прошлом представители чийшийских говоров были и в других местах. В результате массовой болгарской колонизации после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. большую роль начали играть сливенские и южные говоры, полностью или частично ассимилировавшие в некоторых местах старый чийшийский говор. Отдельные особенности чийшийских говоров мы находим в селах Вале-Перже (8), Новый Траян (14), Виноградное (Курчи — 24), Жовтнево (Каракурт — 27), Задунаевка (37), Богатое (Долукёй — 54).

Чийшийские говоры находим в ряде сел Приазовья (Преслав, Инзовка, Бановка, Мариновка, Зеленовка, Манойловка, Петровка, Перво-Николаевка и Анновка), где эти говоры хорошо сохранились и занимают господствующее положение. Большую роль в этом сыграл Преслав, долгое время являвшийся культурным центром приазовских болгар. В отличие от этого в Бессарабии чийшийские говоры такой роли не играют, так как здесь господствуют говоры сливенские, на одном из которых говорит большая часть населения Болграда (25).

Все чийшийские говоры имеют членную форму *з* (а). Этим они прежде всего и отличаются от говоров чувшмелийской группы и убедительно свидетельствуют против классификации восточноболгарских говоров по признаку членной формы.

В говорах этой группы представлен северо-восточный тип произношения *ѣ*: под ударением перед твердым согласным — *а*, перед мягким и в конце слова — *е* (*мл'ако* — *мл'чна*, *л'ату* — *л'етен*, *нед'ел'а*, *вр'еме*, *направ'ети*, *дубр'е*, *дв'е*). Чередование *а||е* находим также и на месте *а* в положении после мягких согласных и шипящих (*жаба* — *жеби*, *пјан* — *пјени*, *шапка* — *шепки*).

С чувшмелийскими говорами чийшийские объединяет произношение слов женского рода на *з* и глаголов настоящего времени 1-го лица единственного числа с ударенной флексией: *уд'ѣ*, *глав'ѣ*, *пред'ѣ*, *пер'ѣ*.

В отдельных чийшийских говорах (Огородное — 15; Шоп-Тараклия — 13а) нами зафиксирован так называемый шуменский *з*.

В некоторых чийшийских говорах, как и в чушмелийских, отмечена мягкость конечных согласных [ташбунарский говор (30), бановский (26) и говор Владичен (Импущита — 29)].

Однако различия между чийшийскими и чушмелийскими говорами значительно глубже, чем их сходство.

Кроме членной формы и произношения *ѣ*, укажем следующее:

1. Во всех чийшийских говорах находим следы среднеболгарской мены юсов в словах *жѣтва*, *шѣпа*, *шѣтам* (у чушмелийцев *шѣпа*, *шѣтам*).

2. Более сильная редукция безударных гласных, чем в чушмелийских говорах.

3. Большие различия наблюдаются в области консонантизма:

а) произношение *фѣрл'ам*, *фл'аза*;

б) утрата *x* в интервокальном положении или замена его *j*: *снаа*, *дрѣи*, *б'аа* или *б'аја*; в конце слова *x* сохраняется в глаголах и существительных, в прилагательных по говорам — непоследовательно: *б'ах*, *купих*, *см'ах*, *глух* (*глуф*), *сух* (*суф*); в начале слова, в отличие от чушмелийских говоров, *x* последовательно отсутствует: *ѣбаф*, *бра*;

в) последовательно употребляется аффриката *дз*;

г) в отличие от чушмелийских говоров, представляющих ассимиляцию в группах согласных (*пánна*, *глánна*), в чийшийских говорах всегда находим: *гладна*, *падна*.

4. Из морфологических черт следует указать частицу будущего времени *жѣ* в отличие от чушмелийской *ше* и форму указательного местоимения *тоо* в противоположность чушмелийскому *тоз*.

5. Все специфические чушмелийские особенности в области лексики говорам чийшийской группы неизвестны. В этом отношении эти две группы говоров резко отличаются друг от друга.

Из характерных лексических особенностей чийшийской группы, неизвестных другим болгарским говорам Советского Союза, укажем следующие: *бѣзи* — щеки, *кѣлвѣн* — клюв, *ирмѣк* — ремень, *кѣтле* — мизинец, *кѣтел* — ступа, *пипѣн* — дыня, *тербѣи* — вожжи и др.

Материал наших чушмелийских и чийшийских говоров показывает, что болгарские северо-восточные говоры не представляют какого-либо устойчивого диалектного единства. Вопреки мнению Милетича, шуменский диалект, один из важных диалектов этого района, не может характеризовать всех северо-восточных говоров. Это необходимо подчеркнуть, так как даже в последних диалектологических работах повторяется это мнение Милетича. Так, характеризуя северо-восточные говоры, Стойко

Стойков ограничивается лишь шуменским говором, указывая, однако, «что говоры северо-восточной Болгарии систематически и подробно еще не изучены, в связи с чем наше представление о них не полное. Вообще мы мало знаем говоры на север от Балканских гор и в Добрудже» [Стойков 1949, 50]. Северо-восточные говоры испытывали и продолжают испытывать интенсивное влияние со стороны балканских говоров. Этот процесс отмечается многими современными болгарскими диалектологами. Наши чийшийские говоры резко отличаются от балканских говоров и, несомненно, характеризуют один из старых северо-восточных диалектов, который в самой Болгарии, может быть, не сохранился в своем прежнем виде.

III. Ольшанский тип. Этот тип говоров, смешанный по своему составу, характеризует один из северо-восточных говоров *o*-диалекта. Как указывалось нами выше, предки ольшанских болгар переселились из с. Алфатар, расположенного к югу от Силистры. Этот говор на территории Советского Союза находим в селах Ольшанке (57), Добре, Малой Мазнице и Станковате Ольшанского района Одесской (прежде — Кировоградской) области УССР.

В отличие от говоров чийшийской группы ольшанский говор по признаку членной формы объединяется с шуменским диалектом. Однако и ольшанский говор указывает на то, что членная форма не может служить классификационным признаком, так как по всем другим важнейшим конститутивным признакам ольшанские и шуменские говоры представляют существенные различия.

Из наиболее характерных фонетических черт ольшанского говора укажем следующие:

1. *ъ* под ударением здесь произносится как *ä*: *zän*, *mäsh*, *käsh-ta*. Это отличает ольшанский говор как от чушмельийских, так и от чийшийских говоров и подтверждает, что в отношении произношения звуков на месте *ъ* говоры *o*-диалекта не представляют какого-либо единства. Этот тип произношения *ъ* отмечается Милетичем в некоторых балканских говорах (тетевенском и еркеческом). Ольшанский говор имеет и другие черты, сближающие его с балканскими говорами.

2. Произношение *ѣ* в ольшанском говоре отличается от шуменского, представляя северо-восточный тип чередования *a||e*. Однако в отличие от чийшийской группы, в ольшанском говоре находим *a* под ударением в конце слова (*дв'а*, *дубр'а*). Этот тип произношения характерен для южнобалканских (сливенских) го-

воров. В настоящее время в с. Алфатар живут сливенские переселенцы из с. Михайлово (Черкешли). Указанная выше фонетическая особенность дает основание предполагать, что уже старый алфатарский говор испытал влияние сливенского диалекта.

3. Можно указать отдельные особенности, которые объединяют чушмелийские, чийшийские и ольшанский говоры. Их немного. Это — мягкость конечных согласных (*кон'*, *ден'*, *пат'*, *пирон'*, и др.) и *з* в окончаниях слов женского рода и глаголов 1-го лица единственного числа настоящего времени в положении под ударением (*иднѣ*, *вудѣ*, *предѣ*, *перѣ*). Общим с чийшийским является наличие аффрикаты *дз* и некоторые другие черты.

В лексике ольшанского говора мы находим много своеобразных черт. Ряд слов встречается только в ольшанском говоре. Некоторые хорошо известные слова часто в ольшанском говоре имеют особое значение. Укажем важнейшие характерные лексические особенности: *гѣлаби* — кукуруза, *кѣс* — мясо, *штѣне* — ребенок, *раѣца* — утка, *вѣтла* — ленивый, *лѣцки* — чужой, *макѣ* — скот и др.

Материалы ольшанского, чийшийских и чушмелийских говоров Советского Союза свидетельствуют о том, что мизийские говоры Болгарии уже во второй половине XVIII и начале XIX в. не представляли единства: здесь были говоры *о*-диалекта и *з*-диалекта. Говоры *о*-диалекта, объединенные единым признаком членной формы, часто расходились в других существенных чертах.

Обнаружено, однако, немало черт, общих для чушмелийских и ольшанских говоров. Например, произношение причастия множественного числа — *бѣли* с ударением на первом слоге, форма *пѣи* (*пея*), выражение *учистѣ си рѣцѣти* — вытри руки, слова: *лицѣ* — щеки, *ѣтил* — одеяло, *прѣзури* — окно, *стѣпа* — ступка, *пѣпиш* — дыня, *талѣга* — телега и др. Значительная часть общих для этих двух групп особенностей связывает их с южными говорами, в частности с восточнородопскими и южнобалканскими. Так, ударение на первом слоге в словах среднего рода, кроме чушмелийских и ольшанских говоров, известно в восточнородопском говоре с. Новосельского (Сатунов, 55) и в отдельных фракийских говорах; ударение на первом слоге в формах множественного числа (*стѣлови*, *вѣлови*, *брѣгови*) известно также в сатуновском и некоторых балканских говорах; произношение *странѣ*, характерное для трех указанных групп, встречается, кроме них, еще в западноболгарских говорах. Ряд черт, отличающих чушмелийские и ольшанские говоры от чийшийских, связывает их с южнобалканскими говорами: произношение *шепа*, *жѣтва*, *дѣвендесѣ*, лабиализация и после шипящих при отсутствии ла-

биализации *e*, произношение *ѳол*, местоимение *тоз*, частица будущего времени *ше*, ассимиляция групп согласных *дн*, произношение *мѳжа*, *тѳчѳ*, *печѳ* и др. Кроме того, каждая из этих двух групп в отдельности имеет черты, общие с восточнородопскими говорами. Чушмелийские говоры: произношение *длек*, *вѳл'к*; отсутствие аффрикаты *дз*: формы множественного числа с безударным окончанием *e* (*ä*) — *ѳсце*, *чирѳшä*, *чурäне* и т. п.; имеется ряд лексических соответствий. Ольшанский говор: произношение *нѳмам*, *стѳкло*; название слоеного пирога с сыром *плекѳта* (в других говорах — *милѳн*) и др. Различные черты связывают и ту и другую группы с южнобалканскими говорами. Так, например, в ольшанском находим типичное для южнобалканских говоров последовательное сохранение *x*, произношение *дѳлѳк*, *вѳлк*, *фѳтри*, *ниѳ снѳ*, *клäдѳнец* и другие черты, отсутствующие в чийшийских говорах.

Все это приводит к заключению, что оба рассмотренных типа (чушмелийский и ольшанский) не являются коренными северо-восточными говорами.

Классифицировать восточноболгарские говоры по признаку членной формы нельзя еще и потому, что к *o*-диалекту относятся многие типично балканские говоры. Имеются подобные говоры и на территории Советского Союза. Таковы, например, говоры сел Кирсова (5), Задунаевки (37), Ровного (Купоран — 11), Виноградовки (Боргудж — 39), Новоивановки (35).

IV. Балканские говоры. На территории Советского Союза представлена большая группа говоров балканского типа, главным образом — говоры южнобалканские. Эти говоры различаются между собою. Однако можно указать ряд черт, которые их объединяют. Некоторые из этих черт известны и в других группах говоров (например, в чийшийской, чушмелийской и южной группах):

1. Северо-восточный тип произношения *ѳ*. Однако судьба *ѳ* под ударением в конце слова в этих говорах не одинакова.

2. Чередование *a|e* после шипящих и мягких согласных [исключение — говоры Задунаевки (37), Новоивановки (35), частично Главани (38)].

3. Сильная редукция безударных гласных.

4. Отсутствие следов среднеболгарской мены юсов в словах *жѳтва*, *шѳпа*, *шѳтам*.

5. Большинство говоров не знает лабиализации *e* в слове *жел'äзо*, некоторые из них — в слове *чел'äк*, и последовательная лабиализация и наблюдается в словах *жуф*, *жувѳет*.

6. Произношение *фл'азам*, *фърл'ам* во всех говорах за исключением говоров Виноградовки (Боргудж — 39), Орехового (Пандаклия — 18) и Голицы (21), где отмечено произношение *ул'азам*, *върл'ам*.

Большинству говоров этой группы свойственно также произношение *фътри*. Исключения составляют главным образом говоры болгарградской группы.

7. Наличие аффрикаты *дз*. Исключение — говор Твардицы (6) и некоторые смешанные говоры.

8. Сохранение *х* в начале слова. В интервокальном положении представлено *х* или *γ*. В некоторых говорах встречаются отклонения, главным образом в глагольных формах (*б'аа*).

9. Ассимиляция групп согласных *дн* и *бн* (*пánна*, *дремни*). Исключения главным образом в говорах болгарградской группы.

10. Произношение *йол*, *ол*. Исключение — говоры болгарградской группы.

11. Произношение *дѣлак*.

12. Произношение *вълк*, встречающееся только в балканских говорах и ольшанском.

13. Произношение *чилá* (вм. *пчелá*).

14. Произношение *цзрѹли* (вм. *цзрвѹли*).

15. Произношение *мѣхиц*, *нóхче* (вм. *мѣсиц*, *нóшче*), известное главным образом в балканских говорах.

16. Произношение *дивиндисѣ*, широко распространенное в балканских говорах.

17. *á* в окончаниях слов женского рода и глаголах настоящего времени 1-го лица единственного числа. Исключения — говоры Кирсова (5), Главани (38) и некоторые смешанные говоры.

18. Указательное местоимение *тоз*. Форма *тоо* характерна лишь для говоров Главани (38), Новоивановки (35) и Виноградовки (Боргудж — 39); встречается наряду с формой *тоз* в некоторых смешанных говорах.

19. Вспомогательный глагол 1-го лица единственного числа *сни*.

20. Частица будущего времени *шз*. В некоторых смешанных говорах наряду с ней употребляется частица *жз*.

Встречающиеся по говорам отклонения от указанных форм связаны большей частью с влиянием других говоров.

Лексические особенности: *хуртѹвам* — говорить (в чийшийской группе *гъл'чá*), *старни* — щеки, *джѹни* — губы, *мантáва* — плащ (в некоторых говорах встречаются слова *фѣрджа* и *ямурлѹк*, общие с чийшийскими и чушмелийскими), *джам* — окно, *чѹтора* — ступа и нек. др.

Л. Милетич включал балканские говоры в группу *ъ*-диалекта. На членную форму *ѣт* или *ѣ* указывает и Стойко Стойков как на общую характерную форму всех балканских говоров. С этим утверждением болгарских диалектологов согласиться трудно. Действительно, большинство балканских говоров характеризуется этим признаком. Однако имеются балканские говоры, в которых находим членную форму *о*. Это некоторые восточнобалканские говоры. На территории Советского Союза подобные говоры (балканские говоры *о*-диалекта) находим в селах Кирсов (5), Задунаевка (37), Новоивановка (35), Ровное (Купоран — 11) и Виноградовка (Боргудж — 39). Остальные наши говоры балканского типа принадлежат к *ъ*-диалекту.

Ни один из балканских говоров *о*-диалекта не описан в работе акад. Н. С. Державина².

1. *Балканские говоры о-диалекта*. Говоры этой группы не представляют какого-либо устойчивого единства по другим признакам.

а) Кирсовский говор имеет ряд черт, объединяющих его с шуменскими говорами: членная форма, тип произношения *ѣ* под ударением, мягкость конечных согласных, форма аориста *-ох* (в других балканских говорах *-ѣх*), некоторые лексические черты *ямурлѣк*, *менгѣши* и др.).

Как и в большинстве балканских говоров Болгарии, здесь находим *е* на месте *ѣ* не только под ударением перед мягким согласным, но и в конце слова.

Произношение *ѣ* под ударением в словах женского рода и глаголах 1-го лица единственного числа настоящего времени.

б) Задунаевский говор от балканских говоров Советского Союза отличается следующими чертами.

При господствующем в говоре северо-восточном типе произношения *ѣ* здесь отсутствует чередование *a||e* после мягких согласных и шипящих, утрачено *х* в начале слова и в интервокальном положении, наблюдается произношение *ѣ* после плавного *зрѣно* (обычно в балканских говорах находим *зѣрно*).

От кирсовского говора (также балканского с членной формой *о*) задунаевский говор отличается еще рядом черт: твердость конечных согласных, обычный *ѣ* под ударением, произношение *а* в словах женского рода и глагольных формах, форма аориста на *ѣх* (*рѣкѣх*, *јадѣх*), различия в месте ударения в формах множественного числа, в произношении ряда слов (*ухѣ*, кирс. — *ушѣ*; *вѣче*, кирс. — *вѣке*; *нѣше*, кирс. — *нѣче* и др.). Глубоки различия в лексике:

² Имеется в виду: [Державин 1915]. (Ред.)

Задунаевка (37)

Кирсов (5)

<i>гълчá</i>	<i>хуртúвам</i>	говорить
<i>убицý</i>	<i>мингýши</i>	серьги
<i>тъсмá</i>	<i>кайш</i>	ремень
<i>џцуви</i>	<i>тербýи</i>	возжи
<i>фитирýя</i>	<i>кърѣк</i>	грядка
<i>каýн</i>	<i>пóпиш</i>	дыня
<i>карпýза</i>	<i>дýня</i>	арбуз
<i>пáпшóбј</i>	<i>мамýл'</i>	кукуруза
<i>чернýца</i>	<i>сика́менца</i>	шелковица
<i>пашкýл</i>	<i>пѣпка</i>	кокон
<i>кóнче</i>	<i>кýленце</i>	жеребенок
<i>сърмý</i>	<i>галýши</i>	голубцы
<i>удвáра</i>	<i>ишумýк</i>	творог и др.

в) Новоивановский говор, близкий к задунаевскому, претерпел большие изменения на территории Бессарабии: старая членная форма *о* в настоящее время сохраняется лишь в прилагательных. В отличие от Задунаевки (37) менее последовательно выдерживается произношение *а* после шипящих и мягких согласных перед мягкими согласными. Непоследовательно выдерживается аффриката *дз*. В говоре находим произношение *чул'áк*, *жул'áзу* в отличие от кирс. и задун. *чил'áк*, *жил'áзу*; как и в Кирсове (5), сохраняется *х* в интервокальном положении и менее последовательно — в начале слова. Указательное местоимение *тóо* в отличие от кирс. *тоз* (в задунаевском говоре отмечены оба варианта). Лексика новоивановского говора очень близка лексике задунаевского говора и сильно отличается от кирсовского.

г) Особое место среди балканских говоров *о*-диалекта занимает купоранский говор, существенно отличающийся от перечисленных выше и сближающийся во многом с говорами сливенского диалекта. Село Ровное (Купоран — 11) находится в непосредственном окружении сливенских сел. Однако сливенские черты этого говора мы не можем считать здесь заимствованными, так как купоранский говор является цельным, не смешанным и имеет очень мало вариантов. В купоранском говоре мы находим *а* под ударением в конце слова на месте *ѣ*, мягкость конечных согласных. Последовательно сохраняется аффриката *дз*; изменения в группах согласных (*пáнна*, *глáнна*, *дрѣмни*); произношение *дивиндисѣ* и др.

Лексический состав купоранского говора очень сложный и указывает на различные связи этого говора с другими. Имеется ряд слов общих у купоранского и кирсовского говоров, которые отсутствуют в других балканских говорах *о*-диалекта. Это *кундел*, *пат*, *кайш*, *галуши*. Есть, однако, и такие слова, которые отсутствуют в кирсовском говоре и имеются в новоивановском или задунаевском говорах: *раменче*, *главница* (кирс. *възглавница*), *конче*.

Ряд слов, отсутствующих в других говорах балканского *о*-диалекта, связывает купоранский говор со сливенскими говорами: *канѳка* — ведро, *корен* — кукурузный стебель, *мамул* — кукуруза, *куйрук* — хвост.

д) Боргуджский говор очень близок к купоранскому. Он содержит, однако, меньше особенностей сливенского говора. Интересна лексика боргуджского говора, вскрывающая его разнообразные связи с другими говорами. Имеются слова, объединяющие боргуджский говор с купоранским и кирсовским: *пѳниш* — дыня, *дѳня* — арбуз, *ишумѳк* — творог, *агѳл* — загон для скота, *менѳиш* — серьги.

Слова, объединяющие боргуджский и купоранский говоры в противоположность другим говорам балканского *о*-диалекта: *кладенец* — колодец, *прѳчка* — кнутовище, *кѳнтѳрми* — вожжи, *шапрѳн* — открытый сарай. Ряд слов отличает боргуджский говор от купоранского:

Виноградовка (Боргудж — 39)	Ровное (Купоран — 11)	
<i>крѳтка</i>	<i>раменче</i>	меховая безрукавка
<i>бѳтену</i>	<i>пот</i>	лежанка
<i>синѳја</i>	<i>суфрѳ</i>	обеденный стол
<i>тѳсмѳ</i>	<i>кѳиш</i>	ремень
<i>пѳнджур</i>	<i>джам</i>	окно
<i>казѳн</i>	<i>канѳка</i>	ведро
<i>гнездѳ</i>	<i>кѳрѳк</i>	грядка
<i>мамул</i>	<i>папѳшѳбѳ</i>	кукуруза
<i>кучѳн</i>	<i>корен</i>	кукурузный стебель
<i>сѳрми</i>	<i>галушки</i>	голубцы
<i>хулудѳц</i>	<i>пѳчѳ</i>	студень

Таким образом, балканские говоры *о*-диалекта чрезвычайно разнообразны по своему составу и не имеют какого-либо внутреннего единства.

2. *Балканские говоры ъ-диалекта*. Как нами отмечалось выше, эта группа охватывает значительную часть балканских говоров.

а) Чумленско-твардицкая подгруппа. К этой подгруппе нужно отнести говоры следующих сел: Твардица (6), Кирютня (7), Виноградовка (Чумлен — 9), Яровое (Дюмлен — 10), Ореховое (Пандаклия — 18), Виноградное (Гасан-Батыр — 19), Калинчак (Дермендере — 33), Димитровка (Делджилер — 40), Кирнички (Фынтына-Дзинилор — 43) и Новопокровка (46). Сюда же следует отнести говоры сел: Вале-Перже (86), Голица (21), Делены (Девлетагач — 36) и Комрат (4).

Однако говоры этих сел испытали сильное влияние со стороны фракийских говоров и в настоящее время являются сильно смешанными.

Говоры чумленско-твардицкой подгруппы относятся к сливенскому типу. Среди них выделяются рядом индивидуальных особенностей говоры сел Твардицы (6), Кирютни (7) и архаический говор с. Калинчака (33) (сел. Ботево и Строгановка Запорожской области) — говоры западносливенские. Современный говор Калинчака (33) испытал сильное влияние со стороны одного из болгарских говоров.

Индивидуальные особенности отмеченных говоров могут совпадать во всех трех говорах или в двух из них, выделяя их среди других сливенских говоров. Это главным образом лексика и произношение отдельных слов: *папър* (в чумл. *папъшбџ*), *пос* (в чумл. *калпак*, иногда *шапка*), *талига* (в чумл. *каруца*), *паралија* (в чумл. *суфра*), *пџпиш* (в чумл. *каун*), *фитџк* (в большинстве чумл. *мисър*), *цикариди* (в чумл. *джумџрки*), *јамурлџк* (в чумл. *мантава*, *фџрджа*) и ряд других слов. Есть особенности в произношении многих слов: *стџкло* (в чумл. *цџклџ*), *лџсно* (в чумл. *лџсно*), *вџтри* (в чумл. *фџтри*), *фџиче* (в чумл. *штџиче* или *стџиче*) и др. Из морфологических особенностей укажем множественное число *рџце* (в чумл. *рџци*), глагол *тџка* (в ряде чумл. — *тџча*) и др.

Многими индивидуальными чертами отмечен говор Твардицы, исследованный Н. В. Котовой [Котова 1950, 270]. Здесь мы найдем аористное окончание *-ох*, глагольные формы *п'ам*, *л'ам*, *см'ам*, *немам*, *нема*, конечное ударение в слове *млечна*, последовательное отсутствие аффрикаты *дж* (*жоп*, *жам*, *чорбажџ*) и др.

б) Болградская подгруппа. К этой подгруппе нужно отнести говоры Болграда (25), Виноградного (Курчи — 24), Жовтневого (Каракурт — 27), Табаки (22), Червоноармейского

(Кубей — 176), Васильевки (Вайсал — 28а) и современный говор Калининграда (33). По некоторым признакам к этой подгруппе относится и современный говор Богатого (Долукёй — 54). В отличие от рассмотренной выше подгруппы, говоры болгарградской подгруппы не представляют исконного единства: оно сформировалось здесь, в Бессарабии, в связи с той ролью, которую, начиная с 1823 г., играл город Болград в экономической и культурной жизни болгарских сел. Этот тип сложился в результате взаимодействия сливенского говора Болгарии и ряда местных туканских (чийшийских) говоров. В туканской махале Болграда, в селах Курчи, Каракурт и Табаки старый чийшийский говор утратил многие свои исконные черты, и в настоящее время говоры этих сел можно отнести к балканскому типу. Так, например, туканский говор Болграда (25в) усвоил такие южно-балканские черты, как произношение *жѣтва*, *шѣпа* (чийш. *жѣтва*, *шѣпа*), *дивиндисѣ* (чийш. *деведесѣ*), сохранение *x* во всех фонетических положениях (в чийшийских говорах *x* в начале слова и интервокальном положении опускается), произношение *a* под ударением в окончаниях существительных женского рода и глаголах настоящего времени единственного числа — *глава́*, *брада́*, *пера́*, *предá* (чийш. — *перѣ́*, *предѣ́*, *главѣ́*, *брадѣ́*), местоимение *тоз*, *тѣз*, *тез* (чийш. *тобо*, *таа*, *теа*), частица будущего времени *ше* (чийш. *же*), произношение *ни* *сни* (чийш. *ни* *сми*) и др. В лексике туканского говора также находим ряд слов, усвоенных под влиянием других говоров Болграда (25): *джѹни* (чийш. *бѣрни*), *старнѹи* (чийш. *буѹзи* сохраняется лишь у стариков), *манта́ва* (чийш. *фѣрджа* употребляется реже), *привизлѹ* (чийш. *врѣбѹло*), *кавѹн* (чийш. *пипѹн*), *папшѹѹ* (чийш. *папѹр*), *барабѹнка* (чийш. *чернѹца*), *га́га* (чийш. *калвѹн*), *ишумѹк* (чийш. *удвара*).

Отдельные чийшийские черты туканский говор сохранил до сих пор: например, произношение *мѣсец* (в других говорах Болграда — *мѣхец*), *царѹли* (в болгарградских говорах — *царѹли*); отсутствие ассимиляции групп согласных *дн*, *бн*; произношение *врѣвница*; слова: *гѣлчá* — 'говорить' (болгр. — *хуртѹвам*), *пашкѹл* — 'кокон' и ряд других, которые не только сохранились в туканском говоре, но были усвоены и другими говорами болгарградской подгруппы. К числу особенностей, общих у говоров болгарградской подгруппы с чийшийскими говорами и отличающих болгарградскую подгруппу от большинства твардицко-чумленских говоров, нужно отнести следующие явления:

болградская подгруппа

на месте \dot{b} под ударением в конце слова произносится *e*: *добрé*, *две*, *зле*, *коленé*

синó

чул'ák

жиф

пчилá

вол

вѣтри

нóшче

чумленско-твардицкая подгруппа

на месте \dot{b} в этом положении произносится *a*: *добр'á*, *дв'á*, *зл'á*, *колен'а*

с'áно (лишь в говоре Твардицы (6) *синó*)

чил'ак

жуф

чилá (*пчилá* только в Твардице)

ѳбл

фѣтри (*вѣтри* находим в Твардице)

нóхче

и некоторые другие, менее широко представленные в говорах болградской подгруппы (например, отсутствие ассимиляции групп согласных *дн*; произношение *жул'áзо*).

Это влияние чийшийских говоров на балканские говоры болгарской подгруппы сказалось и в лексике, например, употребление слов: *гълчá* наряду с *хуртѳвам*, *шáпка* — наряду с *калпáк*, а также употребление слов *пéнжур* (чумл. *джам*), *кѳтел* (чумл. *чѳтора*), *герáн* (чумл. *клáденец*), *тирбѳи* (чумл. *кантзрми*), *сап* (чумл. *прѳчка*), *опáшка* (чумл. *кујрѳк*) и нек. др.

Особое место среди балканских говоров Советского Союза занимает говор с. Главани (38). От других говоров балканского \dot{z} -диалекта он отличается рядом черт, сближающих его с шуменскими и южными говорами: напряженный \dot{z} под ударением; окончание \dot{z} в глагольных формах 1-го лица единственного числа — *перѳ*, *предѳ*; произношение глагола *бѳд'а* (1-е лицо единственного числа настоящего времени). Эти черты сближают главанский говор с шуменскими. При северо-восточном типе произношения \dot{b} , господствующем в говоре, в нем наблюдаются, однако, некоторые следы южного произношения (*н'áшту* и непоследовательное чередование *a||e* в положении после шипящих и *j*: *жáба* — *жѳби*, но *Стојáн* — *Стојане*, *фчар* — *фчáри*, *шáпка* — *шáпки*). В конце слова последовательно во всех случаях находим *a* (*дубр'á*, *дв'á*, *кулен'á*). Имеются в говоре отдельные черты, указывающие на связь его с южным старотраянским говором (44). Например, произношение: *шóпа*, *нѳш*, *мóми*; указательное местоимение *тóо*, *тáа* и нек. др.

V. Фракийские говоры. Эти говоры обнаружены на территории Советского Союза в следующих селах: Колесное (Кулевча — 12), Васильевка (Вайсал — 286), Лозоватка (Дяновка — 286₁), Суворово (Шикирлик — 31), Софиевка (31₁), Новый Карагач (49), Островное (Кот-Китай — 41), Холмское (Селиоглу — 42), Старый Траян (44), Траяны (44), Андровка (44₂), Новосельское (Еникёй — 45), Коларовка (45₁), Вячеславовка (45₂), Лоциновка (52), Радоловка (52₁), Гюневка (52₂), Сталино (Катаржино — 58), Бакалово (59), Благоево (Большой Буялык — 60), Кубанка (61), Свердлово (Малый Буялык — 62), Терновка Николаевской области (64). Кроме того, переселенцы из Фракии были в селах Шоп-Тараклия [курлийцы (136) и чарганцы (13в)], Вале-Перже (8а), Новый Траян (14) и Парканы (3). Однако здесь фракийские говоры по разным причинам полностью не удержались. Сильно изменился фракийский говор и в современном Новосельском (Еникёй — 45) под воздействием северо-восточных говоров.

Фракийские говоры, так же как и балканские, не составляют полного единства. Можно указать лишь некоторые черты, характерные для всех этих говоров. Наиболее яркими являются ударение в формах повелительного наклонения на начальном слоге и последовательное произношение *ʒ* после плавного. Только во фракийских говорах мы находим формы причастий *душлі*, *билі*, глагольную форму *бих*, числительное *идён*, а также ряд лексических особенностей: *штёрка* — дочь, *бўдала* — шелковица, *джубринки* — шкварки, *пашмол* — кокон шелкового червя и нек. др.

1. Среди фракийских говоров выделяются говоры одесской подгруппы. Сюда относятся говоры сел Сталино (Катаржино — 58), Бакалово (59), Благоево (Большой Буялык — 60), Кубанка (61), Свердлово (Малый Буялык — 62) и Терновка Николаевской области (64). На одном из говоров этой подгруппы говорили основатели с. Парканы (3). Жители этих сел являются потомками переселенцев из сел Бюйюк-Буялык, Кючюк-Буялык и других б. Адрианопольского вилайета.

На месте старого *ʒ* в этих говорах находим *a* под ударением во всех позициях. Соответственно с этим *a* после шипящих и *j* перед мягкими согласными не переходит в *e*. В Парканах (3) юго-восточный тип произношения *ʒ* последовательно не выдерживается. Менее значительно влияние северо-восточных говоров отразилось в с. Сталино (58). Отличие в произношении *ʒ* находим в Терновке (64), где *b > ä*.

В полном соответствии с данными восточнофракийской диалектологии в этих говорах находим членную форму мужского рода единственного числа — *о*. Последовательно она представлена в селах: Сталино (58), Бакалово (59), Кубанка (61), Свердлово (62) и Терновка (64). В Парканах (3) под воздействием чийшийского говора членная форма *о* заменена формой *ъ*. Форма *ъ* характеризует также благоевский говор, очень близкий к соседнему кубанскому говору.

Признаком, резко выделяющим говоры этой подгруппы среди всех болгарских говоров Советского Союза, является форма будущего времени *ке*. Лишь в селах Парканы (3) и Сталино (58) наряду с формой *ке* употребляется чийшийская форма *жъ*, которая в с. Сталино (59) встречается только в речи стариков.

2. Фракийские говоры б. Измаильской области характеризуются большей дифференциацией. По произношению *ѣ* здесь можно выделить говоры Суворова (Шикирлик — 31) и Васильевки (Вайсал — 286), где, как и в Терновке (64), под ударением будет *ѣ*. В Островном (Кот-Китай — 41) наблюдаем чередование *а||ѣ*, в остальных бессарабских говорах на месте *ѣ* под ударением всегда находим звук *а*. Таким образом, во всех фракийских говорах, представленных на территории Советского Союза, наблюдается юго-восточный тип произношения *ѣ*. В работе болгарского диалектолога Х. Кодова, посвященной описанию языка фракийских переселенцев на территории Болгарии, отмечается ряд говоров с северо-восточным типом *ѣ* [Кодов 1936]. Таких говоров у нас нет.

Как и в говорах одесской подгруппы, во фракийских говорах б. Измаильской области находим членную форму *о*-диалекта. В современном лощиновском говоре членная форма *о* почти вытеснена формой *ъ* под влиянием сатуновского говора. Лишь в Островном (Кот-Китай — 41) последовательно употребляется членная форма *ъ*, которая, может быть, является исконной.

Различаются эти говоры формой будущего времени. В говорах Суворова (Шикирлик — 31), Островного (41), Холмского (Селиоглу — 42), Новосельского (Еникёй — 45), Старого Траяна (44), Лощиновки (Кайракля — 52) представлена частица будущего времени *жъ*, что объединяет их с чийшийской группой. В селах Васильевка (Вайсал — 286), Колесное (Кулевча — 12), Новый Карагач (49) находим форму *шъ*, характерную для балканских говоров. Форму *жъ* фракийского происхождения наблюдаем в Вале-Перже (8а), Новом Траяне (14) и некоторых других смешанных говорах. Рядом черт фракийские говоры объеди-

няются с говорами чийшийской и балканской групп (подробнее об этом см.: [Чешко 1952]).

Старотраянский говор, хорошо сохранившийся в приазовских селах Траяны и Андровка, имеет некоторое своеобразие. В свое время в Старый Траян (44) пришли две группы болгар, говорившие на двух различных фракийских говорах. Один говор, представленный в настоящее время в приазовском селе Траяны, близок к другим фракийским говорам. Говор Андровки, оказавший на него сильное влияние, представляет ряд значительных своеобразий, часто сближающих его с восточнородопским говором Новосельского (Сатунова — 55). К ним относятся: последовательная йотация перед *a* в начале слова (*јас*, *јáгне* и *јáбълка*), произношение *ѝ* перед плавным, произношение *нѝш*, членная форма *ѝ*-диалекта, мягкость конечных согласных, ударение на первом слоге в глагольных формах 1-го лица единственного числа настоящего времени (*пéра*, *пréда*) и в формах множественного числа (*мóми*), сохранение *x* в начале слова и в интервокальном положении и нек. др. Кроме того, в говоре отмечаются такие интересные особенности, как произношение *страмежлив*, *стрéшна*, произношение *шóпа*, некоторые особенности балканских говоров, не встречающиеся в других фракийских говорах (*м'áиц*, *нóхчи* и др.).

Фракийский говор Вале-Перже (8а), подвергшийся сильному влиянию со стороны соседнего балканского говора, сохраняет тем не менее ряд фракийских черт, позволяющих определить его близость к старотраянскому говору. Среди них укажем: произношение *шóпа* (встречаем, кроме этих говоров, еще в Главани), *јáгне*, *јáбълка*, *стрéшнах*, *бѝлá*, *чур'áши*, *ниј сми*, *б'áа*, частица будущего времени *жѝ*, местоимение *тóо* и др. В лексике: *кúтел* — ступа, *вѝрбýло* — ручка ведра, *карпýза* — арбуз, *куптóр* — летняя печь, *л'ýлек* — аист и др. Отмечено в говоре Вале-Перже слово *ушници* — серьги, известное только в сатуновском говоре.

VI. Восточнородопский говор. Среди болгар, переселившихся в Россию, носителей родопских говоров почти не было. С начала XIX в. эти говоры были представлены в Крыму (кишлавский и старокрымский говоры). С 1830 г. восточно-родопский говор с. Аланкайрак известен в с. Новосельском (Сатунов — 55). Этот говор сильно отличается от остальных болгарских говоров Советского Союза. Он характеризуется южным произношением *ѝ*; членной формой мужского рода *ѝ*; оттянутым на первый слог ударением в ряде категорий: во многих словах

женского рода (*бада, рѣка, сѣстра, вѣрба, дѣштер'а*), в словах среднего рода (*момче, брашно, оку, мѣсу, д'ате*), в глагольных формах 1-го лица единственного числа настоящего времени (*не'ра, пре'да, пле'та, че'та, отпу'чина*), в формах повелительного наклонения (*ту'ри, ту'рите, гѣл'чите, дбнесите, дбнеси, обѣрши* и др.), в формах множественного числа многих имен существительных (*моми, бфци, жѣнити, кон'е*); окончания слов женского рода единственного числа и глаголов настоящего времени на *ѣ* под ударением (*спѣ, кузѣ, зем'ѣ*). В сатуновском говоре находим мягкость конечных согласных (*пѣт', сѣн', изѣк', сол', кон', бакѣр'*); переход *и* в *у* после шипящих (*жуф, шурѣк, чѣчу*); отсутствие аффрикаты *дз* (*врѣзам, мѣрзи ме*); последовательная иотация начального *а* (*ја, јагне, јабѣлка*). Кроме того, имеется ряд черт, не встречающихся в других говорах: произношение *ц* вместо *ч* в начале слова (*царвѣн, црѣква, царнѣца*); слабая редукция безударного *е* (*не знам, стѣтени, дес'тѣни, нед'ал'а*); отсутствие результатов палатализации в формах множественного числа (*ѣшники, рѣки, мустаки*); местоимения *ме, те, се* (во всех других наших говорах — *мѣ, тѣ, сѣ*); личное местоимение 1-го лица единственного числа — *ја*; особые глагольные формы (*вѣдом, вѣдош, вѣдо, вѣдоме, вѣдоте, вѣдот*); указательное местоимение *нѣва* (*нѣва крава*) и нек. др.

VII. Западнoболгарские говоры. Их находим в с. Шоп-Тараклия (шопский говор — 13г) и в приазовском селе Терновка (видинский говор — 63). Полностью сохраняется лишь видинский говор. Шопский говор отмечен нами только у отдельных стариков. Видинский и шопский говоры — единственные болгарские говоры Советского Союза, в которых последовательно на месте *ѣ* находим гласный *е*. Соответственно отсутствует чередование *а||е* на месте этимологического *а* после шипящих и мягких согласных. Нет лабиализации гласных *е, и* после шипящих: *желѣзо, жиф, живѣат, шинѣр*. Характерные особенности западнoболгарского ударения: *вѣда, мѣре, гѣдена, ѣко, брада, глава, мѣсо, трѣва*. Отсутствуют начальное и интервокальное *х*, нет изменений в группах согласных: *гладна, падна, дрѣбни*. В обоих говорах представлена членная форма *ѣ*, указательное местоимение *тѣо*, личное местоимение 1-го лица *ја*. Наблюдается большая лексическая близость между шопским и видинским говорами. Многие слова отсутствуют во всех других наших болгарских говорах: *сакам* — 'хочу', *кукуруѣс* — 'кукуруза', *упѣнти* — 'лапти', *пѣјак, пѣјка* — 'индюк', 'индюшка' и др. Имеются и различия между этими двумя говорами. В видинском говоре *к'* изме-

няется в *t'*; *g'* изменяется в *ǰ'*: *ма́jt'a*, *тиримíди*, *ди*, *дирáн* и др. В шопском говоре Шоп-Тараклии (13г) этого фонетического явления нет: *ма́jk'a*, *киримíди*, *ги*, *гирáн* и др. В видинском говоре все глаголы в 1-м лице единственного числа наст. вр. представляют окончание *m*: *бǰдем* (шопск. *бǰда*), *пéjem* (шопск. — *пéja*). Формы 3-го лица местоимения *он*, *она*, *оно* — в Терновке, *тоj*, *т'a*, *то* — в Шоп-Тараклии. Имеются различия в лексике:

Терновка (63)	Шоп-Тараклия (13г)	
<i>песни́ца</i>	<i>имрѹк</i>	кулак
<i>ка́па</i>	<i>ша́пка</i>	зимняя шапка
<i>ди́ня</i>	<i>пǰпеш</i>	дыня
<i>лубе́ница</i>	<i>ди́ня</i>	арбуз и др.

Итак, на территории Советского Союза мы имеем семь различных групп болгарских говоров: чушмелийскую (шуменскую), чийшийскую, ольшанскую (алфатарскую), балканскую (*з*- и *о*-диалекта), фракийскую, восточнородопскую и западноболгарскую. Таким образом, наиболее полно представлены говоры восточной Болгарии.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина. Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи и комментарии к картам. М., 1958. С. 32–41.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ 1 Л. ЕД. НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ БОЛГАРИИ

В южных славянских языках все глагольные основы на *-a* в 1 л. ед. настоящего времени представляют флексию *-m*, восходящую, как известно, к древней флексии нетематических глаголов *-тъ* (ср. болг. *гледам*, *питам*; срх. *гледам*, *пѣтам* и под.). Различия между этими языками обнаруживаются в других глагольных основах (ср. болг. *плетя*, *плетъ*, но срх. *плѣтем*; болг. *видя*, но

срх. *вѣдим*). Однако различия в этих классах глагольных основ (в основах на *-e* и в основах на *-i*) идут уже не по языкам. Дело в том, что флексия *-m* употребляется со всеми глагольными основами во многих болгарских говорах. Это характерно прежде всего для западных болгарских говоров. В свое время Л. Милетиц отнес данное явление к тем важнейшим классификационным признакам, которые вместе с произношением *ě* делят все болгарские говоры на восточные и западные [Miletič 1903, 40]. В дальнейшем были внесены некоторые уточнения, так как выяснилось, что во многих западных говорах (например, в Ихтиманском, в восточной части Софийского говора, во Врачанском и Орханийском говорах, в Самоковском и ряде других) глаголы основ на *-e* и на *-i* имеют флексию *-ъ* (*-a*), а в некоторых родопских говорах (например, в Смолянском и др.) флексия *-m* употребляется значительно восточнее изоглоссы *ě* [Стойков 1956, 51; Стойков 1955а, 365–374].

Нет ничего удивительного в том, что во всех диалектологических работах непременно отмечается форма 1 л. ед. настоящего времени. К этому призывала диалектологов известная программа по собиранию диалектного материала Б. Цонева, опубликованная еще в 1900 году [Цонев 1900]. Этому вопросу был посвящен 164-й пункт программы. Естественно, что мимо данного явления не мог пройти и проф. Ст. Стойков, составитель программы по собиранию материала для болгарского диалектологического атласа: 85-й пункт программы специально посвящен флексии 1 л. ед. настоящего времени глаголов первого и второго спряжений, т. е. основ на *-e* и основ на *-i* [Стойков 1959,

33]. Во время экспедиций по данной программе был собран богатый материал, характеризующий 1 л. ед. настоящего времени глаголов первого и второго спряжений.

Отмеченный нами аспект всей проблемы оставил в тени глаголы третьего спряжения, т. е. глагольные основы на *-а*. Кажется, что здесь болгарские говоры различий не представляют (т. е. всегда употребляют флексию *-м*), хотя Цонев предусматривал сбор материала по всем трем спряжениям (ср. «Каква е формата, за първо лице ед. ч. сегашно време от I, II и III спрежение») [Цонев 1900, 900]. В программе Стойкова уже совершенно определенно говорится только о глаголах первого и второго спряжений. Вот почему в собранном материале по атласу сведения о 1 л. ед. глаголов третьего спряжения находят лишь косвенное отражение (в ответах на вопросы, посвященные другим явлениям языка). Могут случайно отражать данное явление и записанные тексты.

Не проявляют особого интереса к флексии 1 л. ед. настоящего времени в глаголах третьего спряжения и историки болгарского языка. Они ограничиваются объяснением самого процесса формирования данных основ (как известно, древнеболгарский язык не знал глагольных основ настоящего времени на *-а*) и показывают, как в этом классе глаголов утвердилась флексия нетематических глаголов. Данный процесс все историки болгарского языка толкуют как общеболгарский процесс [Mladenov 1929, 131; Цонев 1934, 538–541; Мирчев 1958, 190–191 и др.].

Отсутствие специального интереса к 1 л. ед. настоящего времени глаголов третьего спряжения понять невозможно. Уже давно хорошо известно, что некоторые македонские говоры и в данных глаголах не знают флексии *-м*. Это явление характеризует, например, Дебърский говор, о чем впервые сообщил В. Облак еще в конце прошлого столетия [Oblak 1896, 106]. Еще подробнее об этом в 1907 году писал Марко Григоров: «Нито един от глаголите у нас не окончава в 1 л. ед. ч. на *-м*, което се среща в други околни нам диалекти. Това показва, че глаголите, като *ДАМЪ* и пр. не са могли да принесат своето лично окончание и в другите глаголни класови. Напротив *ДАМЪ*, *ЯМЪ* (*ВЪМЪ* е изчезнало у нас) не само че не са могли да повлияят на другите глаголи, но те сами са били повлияни от тях, като са получили окончание *-а* в 1 л. ед. ч. та гласят *дада*, *иада* според *йда*, *ода*, *гледа* и пр. ...И тъй в 1 л. ед. ч. сег. време глаголите гласят: *паг'а* (падам), *раг'а* (раждам), *трча*, *стружа*, *мажа*, *праша* (питаем), *нуиа*, *вииа*, *сеиа*, *мета*, *мота*, *прескака*

(прескачам) *мижа, лижа, стріжа, піша, сїша* и др.» [Григоров 1907, 270–271]. Позже об этом морфологическом признаке Дебърского говора подробно писал А. Белич в книге *Галички дијалекат* (Београд 1935, 215). В 1954 году П. Михайлов категорически утверждал, что в Дебърском говоре «наставката за првото лице еднина -м не се слуша» [Михайлов 1954, 24].

Работы по македонской диалектологии последних лет показали, что отмеченное выше морфологическое явление распространено за пределами собственно Дебърского говора. Здесь оно проведено лишь более последовательно. Боже Видоески отметил его в Поречском говоре. «Во Горно Порече само глаголот имам редовно завршува на -м; кај младата генерација -м може да се чуе и кај другите глаголи. Во Долно Порече -м се загубило и во *имам*» [Видоески 1950, 44]. Позже это явление Видоески обнаружил в Кичевском говоре [Видоески 1957, 46, 70; Видоески 1958, 32]. Характеризуя Скопский говор, Рада Угринова отмечает, что флексия -м часто отсутствует в языке торбешей (т. е. в языке славян мусульманского вероисповедания): *ја разбира* и под. «Привладуват примерите без -м во 1 лице» [Угринова 1951, 30].

Данные македонской диалектологии показывают совершенно определенно, что в северо-западных говорах Македонии флексия нетематических глаголов не получила распространения даже в глаголах третьего спряжения, что на фоне южных славянских языков придает им черты глубокого своеобразия.

Рассматриваемое нами морфологическое явление до сих пор не было известно болгарским говорам. С тем большим интересом мы должны отнестись к новым материалам, которые свидетельствуют, что оно представлено в некоторых рупских говорах Болгарии. Прежде об этом ничего не было известно. Наоборот, даже было распространено мнение, что именно рупские говоры характеризуются наличием флексии -м во всех классах глаголов. Характеризуя Неврокопский говор, К. Мирчев писал: «Трябва особено да се подчертае в нашия случай, че завършък -м, който е успял да си завоюва почти господстваще положение в 1 л. ед. ч. на всички глаголи в рупските говори, в нашия говор все още не е оказал голямо влияние» [Мирчев 1936, 77].

Одна из групп четвертой диалектологической экспедиции по сбору материала для болгарского диалектного атласа в 1959 году работала в селах б. Крумовградской околии. Руководитель группы Г. П. Клепикова обратила внимание на необычность глагольной флексии 1 л. ед. -ѓ у глаголов третьего спряжения. Эта флексия была обнаружена в селах Девисилово (4910), Го-

лям Девисил (4887), Малък Девисил (4886), Девисилица (4889) и Лимец (4883). Все эти села находятся на территории б. Крумовградской околии на самом юге Болгарии. Несмотря на отсутствие специального вопроса в программе, собранные материалы дают возможность в самой общей форме охарактеризовать 1 л. ед. настоящего времени у глаголов третьего спряжения. Соответствующие примеры отражены в записанных текстах и в ответах на другие вопросы (на вопросы 16, 76б, 85д, 91а, 186, 188, 191, 192 и 194а).

Примеры из текста № 1:

Дарва ли сабѝраш? – попи́тал го...

Дарва сабѝрѝ.

Каде́ от'ѝваш?

Не са́ ли се́таш, каде́ от'ѝва.

Пример из текста № 2:

Ие́ н' ви́кѝ ('аз им викам').

Примеры из ответов на вопросы программы:

16 — *Сано́ва* ('сънувам'). В вопросе спрашивается: как произносится коренная гласная ъ в безударной позиции?

76б — *Не позна́ва* него. Вопрос посвящен местоимению *него*.

85д — Вопрос посвящен специально глаголам первого и второго спряжений. Среди этих глаголов имеются глаголы *копая*, *играя*. Однако в данном говоре эти глаголы перешли в третье спряжение. Собиратели здесь фиксируют *ко́па*, *ко́паш*, *ко́па*, *ко́паме*, *ко́пате*, *копо́т*; *и́гра*, *и́граш...* *и́гра́т*.

91а — *Ште да гл'ѝва́*. Вопрос посвящен будущему времени.

186 — *Дѝва́*. Вопрос посвящен лексическим вариантам глагола *говоря*.

188 — *Цри́ва*. Вопрос посвящен лексическим вариантам глагола *крещя*.

191 — *Ку́ца*. Вопрос посвящен лексическим вариантам глагола *куцам*.

192 — *Кѝса́*. Вопрос посвящен лексическим вариантам глагола *кѝсам*.

194а — *Бѝрза́*. Вопрос посвящен лексическим вариантам глагола *бѝрзам*.

Приведенный материал не дает, конечно, полной картины, в чем повинна программа, по которой он собирался. У нас нет полной уверенности в том, что в языке жителей указанных сел флексия *-м* совершенно не известна глаголам третьего спряжения. Однако теперь мы знаем, что существуют рупские говоры, в которых, как и в Дебърском говоре македонского языка, гла-

голы третьего спряжения представляют флексию, восходящую к старой флексии тематических глаголов -*q*.

В исследуемом нами говоре *q* под ударением закономерно изменяется в *o* (*гѡбы, зѡбы, пот', мож, скѡпо*). В предударной позиции найдем -*a* (*рѡка — рака́ф*), в заударной -*ѡ*. Вот почему в 3 л. мн. будут колебания в зависимости от ударения: *четѡт, знѡт*, но *ѹчѡт, зѹмѡт, стѹгѡт, нѹтѡт*. Флексия 1 л. ед. всегда будет безударной, поэтому здесь всегда найдем *ѡ*. Флексию *ѡ* найдем и в именах: ср. *женѡта го оста́ви, но не ра́чи женѡтѡ си; момѡта избѡга, но с момѡтѡ отѹде*.

Новые материалы по рупским говорам имеют и еще одно значение. Дело в том, что факты Дебърского говора могли толковаться различно. Во флексии -*a* можно было видеть не только рефлекс древней флексии тематических глаголов *q*, но и новообразование. Можно было предполагать, что формы типа *умира* и др. восходят не к *umirq*, а к *umirat*, откуда *umira^m* и затем *umira*. Подобное предположение можно было сделать, так как случаи типа *umira^m* были зафиксированы в диалектах.

Несколько лет тому назад Блаже Конески опубликовал диалектологические материалы С. Томича по Преспанскому говору, которые Томич собирал в 1889, 1900 и 1901 гг. Характеризуя 1 л. ед. настоящего времени, Конески пишет: «Во 1 л. ед. идат наспоредно форма со и без наставка -*m*. Понекогаш Томиќ ја обележува таа наставка со мало латинско *m* над редот. Стење: *мана, пија, стора, помина^m, носам^m, слизнам, наднам, имам, одам, умирам*. Пустец: *ода, обара, да се стана, носам, занесам^m*. Граждено: *кола, колја, не ида, остѡ, докажа, дада* и др., — *праја^m, нема^m, дам, ијам (имам), дојдам^m, зема^m, сакам, вида^m* и др. Во записките од ова село формате на -*m* се среќаваат скоро четири пати повеќе. Герман: *ода, можа, са мола, наlea, гредѡ, са пѹлја, рана, сгојам, јадам^m, бързам, рана^m, кажам, барам, дам, мом (можам), дојдам, терам, старам, са најадам* и од пом. глагол: *сом*» [Конески 1957, 187–188]. Возможно, что в данных говорах произошла утрата конечного -*m*, о чем могут свидетельствовать не только случаи типа *рана^m*, но в еще большей степени случаи типа *остѡ* (с долгим *a*). Однако новые материалы по Крумовградскому говору убедительно свидетельствуют о том, что имеются болгарские говоры, которые не пережили процесса активизации флексии -*m*. Здесь она отсутствует даже в глаголах третьего спряжения. Я склонен видеть и в Дебърских примерах не фонетическое новообразование, а аналогичное крумовградским морфологическое явление.

Исследуемые нами факты имеют и более общее значение. Они стоят в ряду с многими фонетическими, грамматическими и лексическими чертами, которые объединяют рупские говоры с западноболгарскими и македонскими. На это обстоятельство уже давно было обращено внимание. Однако инвентарь этих черт еще далеко не полон. Каждое новое исследование юго-восточных говоров Болгарии его успешно пополняет.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Об одной особенности глагольной флексии 1 л. ед. настоящего времени в юго-восточных говорах Болгарии // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. IV. Praha, 1962. S. 241–245.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ БОЛГАРИИ

К юго-восточным говорам Болгарии обычно относят говоры Родоп, Фракии и Странджи. В нашей работе речь будет идти в основном о северных и центральных фракийских говорах и говорах Странджи. Родопские говоры включаются в наше описание только до 25 меридиана (т. е. только восточнородопские говоры). Данное ограничение территории объясняется прежде всего рамками первого

тома Болгарского диалектологического атласа (БДА). Однако исключение из нашего описания типичных родопских говоров имеет и известное лингвистическое основание, так как родопские говоры в кругу всех болгарских говоров представляют очень своеобразную и замкнутую группу. Есть все основания полагать, что восточнородопские говоры по многим своим признакам ближе к странджанским говорам, нежели к центральнородопским. Во всяком случае, в них отсутствуют многие типичные особенности родопских говоров.

Таким образом, речь будет идти в основном о рупских говорах, которые до начала работы над БДА были известны мало. В монографиях Л. Милетича «Das Ostbulgarische» и «Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache» [Miletič 1903; Miletič 1912] о рупских говорах сообщается очень скупо и не всегда достоверно. Это, однако, не мешало специалистам в области болгарской диалектологии высказывать категорические и иногда противоречивые суждения о месте рупских говоров среди других болгарских, об их генетических связях с северо-восточными или западными говорами. Так, на II Международном съезде славистов в Варшаве X. Кодов выступил с докладом «Тракийските говори като преход между източно-българските и македонски говори» [Кодов 1934, 54–55], в котором на основании нескольких фонетических, грамматических и лексических черт утверждал, что фракийские говоры являются переходными между восточноболгарскими и македонскими, в то время как в своей монографии «Езикът на тракийските българи» он писал, что «фракийские говоры всецело относятся к восточно-

болгарскому типу» [Кодов 1936, 10]. Как показывают новые материалы, в прежних суждениях об этих говорах было много неточного и ошибочного. Примечательно, что даже граница произношения *ѣ* для данной территории была установлена неверно [Попова 1962, 91–94, карта].

Следует еще иметь в виду, что специалисты по болгарской диалектологии вкладывают различное содержание в понятие «рупские говоры». Л. Милетич в монографии «*Das Ostbulgarische*» в рупские говоры включал все южные говоры Болгарии [Miletič 1903, 207–276]. Все рупские говоры («*Die rupsichen Mundarten*») он подразделял на восточную и западную группы. К первой он относил болгарские говоры от Черного моря до Родоп, ко второй — все родопские и юго-восточные македонские говоры. Эта группировка, как известно, вызвала возражения со стороны Б. Цонева, который, однако, не предложил своей классификации. Позже в болгарской диалектологии к рупским говорам начали относить только говоры к востоку от Родопских гор. Этот взгляд наиболее четко был сформулирован Ст. Стойковым в его известном руководстве «*Българска диалектология*» (София, 1955): «Юго-восточные говоры со своей стороны делятся на две большие диалектные группы: рупскую (восточную) и родопскую (западную)... Рупские говоры охватывают Фракийскую низменность на юг от второй границы произношения *ѣ*, Странджу, Турецкую и Греческую Фракию» [Стойков 1955, 52]. Таким образом, проф. Ст. Стойков не включает здесь родопские говоры в рупскую группу.

Иначе этот вопрос решается Ст. Стойковым в новом издании «*Болгарской диалектологии*» (София, 1962). Здесь автор неожиданно возвращается к старому взгляду Л. Милетича. Под рупскими говорами он понимает уже все южные говоры Болгарии. Ст. Стойков подразделяет их на три группы: восточнорупские (странджанский и фракийский говоры), родопские (смолянский, широколыкский, хвойненский, чепинский, павликянский и златоградский говоры) и западнорупские (бабяшский, разложский и гоцеделчевский говоры). «Рупские говоры занимают южную часть Фракийской равнины, Странджу, Турецкую и Греческую Фракию, Родопы, Разлог и Гоце Делчев» [Стойков 1962, 77].

В процессе работы над первым томом БДА мы имели возможность хорошо познакомиться с говорами Фракии, Странджи и восточных Родоп. Обнаружено много новых фактов, установлено много важных изоглосс. Однако ни один из новых фактов не дает основания для пересмотра того взгляда, который был четко сфор-

мулирован Стойковым в 1955 г. В данной работе под рупскими говорами мы понимаем только говоры Странджи и старый фракийский диалект. Вот почему мы к западнорупской группе относим говоры восточных Родоп и Хасковскую группу говоров.

При характеристике говоров юго-восточной Болгарии следует иметь в виду, что значительная часть Фракии находится за пределами Болгарии, восточная часть Фракии с г. Адрианополем входит в состав Турции, западная часть принадлежит Греции. Таким образом, в настоящее время доступны для наблюдения только северные и центральные фракийские говоры, которые испытали сильное влияние северо-восточных говоров.

В 1935 г. Фракийский научный институт в Софии опубликовал монографию С. Младенова «Принос към изучване на българските говори в Източна и Западна Тракия (въз основа на наблюдения върху говора на бежанците из казаните области и Мала Азия)» и монографию Х. Кодова «Езикът на тракийските българи». В этих работах дана характеристика языка беженцев из западной и восточной Фракии. Указанные материалы не дают, однако, возможности включить западно- и восточнофракийские болгарские говоры в наше описание, так как материал этих монографий во многом не позволяет представить данные болгарских говоров Греческой и Турецкой Фракии в лингвогеографическом плане.

На рассматриваемой нами территории в разное время происходили многочисленные переселения местного болгарского населения. Богатые фракийские земли привлекали жителей северных и центральных районов Болгарии, где население испытывало недостаток пахотной земли и пастбищ. После освобождения Болгарии от турецкого ига значительно сократился здесь процент турецкого населения. В бывших турецких селах поселились болгары из различных мест. Все эти исторические условия явились причиной большой диалектной пестроты, о которой справедливо писали диалектологи. Однако это не привело к смешению говоров и нивелировке диалектных различий. Полное обследование всех старых несмешанных говоров на территории юго-восточной Болгарии дало возможность выявить устойчивые изоглоссы, характеризующие основные диалектные типы. Это удалось сделать потому, что даже в этих говорах информаторами выбирались люди старшего поколения, хорошо сохраняющие традиционные диалектные черты. Утверждение Б. Цонева о том, что рупские говоры «трудно поддаются классификации» [Цонев 1940, 313], объяснялось тем, что он

имел о них крайне неполное и неточное представление. Новые материалы показывают, во-первых, что до сих пор на данной территории сохраняются многие древние диалектные различия, и, во-вторых, что в результате сложного взаимодействия местных коренных говоров и говоров переселенцев сформировались в ряде случаев новые говоры с достаточно четкими границами.

Наша работа посвящена именно классификации юго-восточных говоров. Материал БДА дает возможность решить эту задачу, опираясь главным образом на данные морфологии. Морфологические признаки говоров являются здесь наиболее устойчивыми и дают возможность четко разграничить различные диалектные типы. Ценный материал для классификации говоров дает и ударение. Местные говоры в отношении ударения представляют большое разнообразие устойчивых типов, хорошо отраженных в собранных материалах.

Обычно во всех работах по классификации языков или отдельных говоров доминирующими признаками являются фонетические. Не представляет в этом отношении исключения и старая классификация болгарских говоров Б. Цонева. В свое время Л. Милетич предложил классификацию восточноболгарских говоров на основе членных форм, т. е. положил в основу классификации морфологический признак. Это вызвало резкое критическое замечание Б. Цонева. Он писал: «Деление восточных говоров по членной форме мужского рода неудачно прежде всего потому, что классификационным критерием здесь служит морфологический, а не фонетический признак. Известно, что фонетические особенности входят глубже в язык и скрывают в себе больше старины, нежели морфологические... Форма в языке нечто неустойчивое („нещо хвъркато“): она легко воспринимается и легко теряется, тогда как звуковой состав пребывает неизменным в течение долгого времени... Вот почему та языковая классификация будет иметь более твердую основу и большую научную ценность, которая покоится на фонетических различиях. Только в случаях, когда отсутствуют фонетические признаки, можно прибегать и к формальным» [Цонев 1937, 200].

Этот теоретический постулат Б. Цонева и прежде представлялся нам весьма спорным. Теперь, после завершения работы над первым томом БДА, можно с полной уверенностью сказать, что юго-восточные говоры Болгарии представляют более четкие устойчивые диалектные различия именно в области морфологии. Процессы междиалектных смешений в гораздо большей степени затронули звуковой строй говоров. Многие фонетические разли-

чия в настоящее время лексикализованы, т. е. они обычно бывают связаны с определенным кругом лексики. Многие фонетические различия, связанные с древними фонетическими процессами, теперь фиксируются, как правило, только в отдельных словах.

Следует, однако, учитывать и то обстоятельство, что собранный материал по фонетике в ряде случаев оказался менее достоверным, нежели по морфологии. Это объясняется как недостатками «Программы по сбору материала для Болгарского диалектологического атласа» (София, 1959) [Стойков 1959], так и трудностями сбора материала, в частности по безударному вокализму. О недостатках фонетической части программы можно сказать следующее. Вопросы по фонетике, касающиеся древних диалектных различий, были составлены без должного учета большей степени лексикализации фонетических явлений, свойственных юго-восточным болгарским говорам. Этот недостаток программы в процессе полевой работы был частично исправлен путем фиксации обязательных слов.

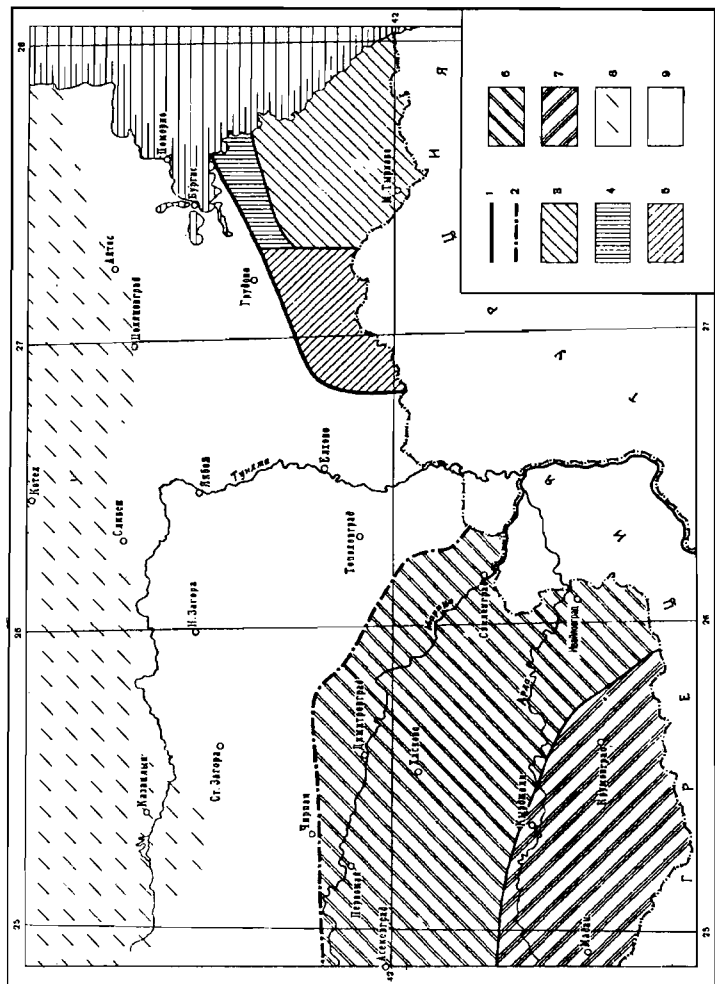
Второй недостаток программы состоит в том, что вопросы по фонетике не всегда предусматривают все необходимые фонетические позиции и противопоставления, что существенно ограничивает возможности фонематической характеристики говоров и не всегда обеспечивает сбор однородного материала.

Классификация юго-восточных говоров Болгарии выполнена на основе карт, составленных софийским и московским коллективами диалектологов. Используются не только публикуемые карты, но и архивные. К сожалению, мы не смогли в полной мере воспользоваться комментариями и архивными картами софийского коллектива.

Свою задачу классификации юго-восточных говоров Болгарии мы решаем следующим образом. Нами устанавливаются диалектные группы, границы которых характеризуются наличием целых пучков фонетических, морфологических, акцентных и лексических изоглосс.

Однако характеристика диалектных групп не ограничивается теми признаками, которые входят в эти пучки изоглосс. Некоторые даже важные диалектные различия не найдут отражения в нашей классификации, если они характеризуют диалектные противопоставления внутри отдельных групп говоров и не имеют значения для характеристики основного диалектного членения. Это касается прежде всего лексических различий.

Анализ всего собранного материала дает возможность установить следующие основные диалектные группы, границы которых характеризуются наличием целого пучка изоглосс: вос-

Карта. Классификация юго-восточных говоров Болгарии

1 — восточнорупские, 2 — западнорупские, 3 — малкотырновские, 4 — южнобургасские, 3-4 — сграджанские, 5 — факийско-грудовские, 6 — хасковские, 7 — рупско-родопские, 8 — подбалканские, 9 — «загорский клин»

точнорупскую, западнорупскую и загорскую (так называемый «загорский клин») (см. карту).

1. Восточнорупская диалектная группа подразделяется нами на две основные части: странджанскую и факийско-грудовскую. Первая, в свою очередь, делится на говоры малкотырновской группы и говоры южнобургасские. Впервые границу малкотырновской группы установил проф. Ст. Стойков в статье «Странджанский говор» [Стойков 1957, 205–215].

К малкотырновской группе относим говоры следующих населенных пунктов: Малко Тырново, Резово, Синьоморец, Былгари, Кондолово, Граматиково, Стоилово, Брышлян, Заберново; на западе — полоса говоров с некоторыми чертами переходности: Моряне, Звездец, Бяла Вода, Индже войвода, Выршило и, наконец, смешанные говоры с рупским и загорским населением, в которых преобладают рупские черты: Крушевец и Паничарово.

Все эти села расположены в горной местности Странджи-планины и ее северных отрогов Босна и Хасекия. На этой территории представлены старые говоры, сохраняющие в ряде случаев многие архаические черты.

Рассмотрим явления, которые отделяют малкотырновские говоры от факийско-грудовских и южнобургасских.

В области фонетики: это произношение *длѐга*, за исключением пункта Брышлян, где зафиксировано *длѣга*, как в факийских и южнобургасских говорах; *тѐнко* в противоположность *тѣнко*, свойственного говорам окрестных групп (лишь в пунктах Росеново и Богданово, принадлежащих к факийско-грудовской группе, также отмечено *тѐнко*); *гром*, за исключением Крушевец, где, как в соседних группах, находим *грѣм*. Случаи перехода мягких зубных *t* и *ð* в заднеязычные *k* и *g* перед *a* (*г'áдо*, *брáк'а*) не зафиксированы только в пункте Моряне. В малкотырновских говорах отсутствуют аффрикаты *s* и *ç*: *з* в словах *звезда*, *звяр*, *заден*, *ж* — *жеп* (в соответствии с *цеп*) и др. отделяют малкотырновские говоры от соседних групп. Из фонетических явлений следует отметить еще последовательное сохранение *x* во всех фонетических позициях, не свойственное соседним группам говоров.

Малкотырновские говоры отличаются наиболее последовательно рецессивным ударением. Можно указать ряд слов: *дѣштер'а*, *зѣм'а*, *сѣстра*, *плáтно*, *крѣсно*, *гѣрне*, которые в соседних говорах не имеют рецессивного ударения. Там будет *дѣштер'á*, *зем'á*, *сестрá*, *плáтно*, *крѣсно*, *гѣрне*.

Из морфологических явлений характерными для данной группы являются: полная членная форма *-ѣт* в ед. ч. м. р.; флек-

сия -ъ в словах ж. р. в позиции под ударением — *горѣ*; род.-вин. формы на -а от родственных названий и собственных имен м. р. *д'áда*, *Иváна*; форма мн. ч. *ра́ма*; полная форма местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. *не́ѡа*, в отличие от факийско-грудовской *не́зи* и южнобургасской *не́х'а*.

Малкотырновские говоры характеризуются также рядом лексических изоглосс: 'губы' — *бѣрни* (в соседних — *джѹни*), 'аист' — *кой* (*лѣлек*); 'творог' — *ишумѣк* (*одвара*), 'рвать' — *кѣна*, 'шкварки' — *цѣпори* (*цикариди*), 'початок кукурузы' — *махáлка*, 'бурка' — *абá* (*ѡпанцáк*).

На побережье Черного моря живет в основном новое болгарское население, которое пришло сюда после освобождения Болгарии. Данные языка этого населения не обследовались. В прошлом странджанские говоры распространялись дальше на север до Бургасского залива, однако под влиянием пришлого населения говоры к северу от Индже-Воевода и Паничарово усвоили многие инодиалектные черты. Это пять сел со смешанным загорско-рупским населением: Габар, Зидарово, Извор, Росен и Черноморец. Мы относим их к южнобургасской группе. Из характерных для данной группы говоров явлений отметим: суффикс -*ѡкам*: *облѡкам*, *испѣкам*; суффикс -*ѣк* в словах *кáмѣк*, *плáмѣк* (в факийско-грудовских и малкотырновских -*ен*), образование причастий страдательного залога от основ на гласный с суффиксом -*т*: *с'ат*, ударение *дѣштер'а*, *рѣка*, *волбѣе*, указательное местоимение *не́го ден* в противоположность *тѡо ден*. *Не́го ден* находим и в северной части малкотырновских говоров, отражающих некоторые загорские черты.

Значительно больше число изоглосс, объединяющих южнобургасские говоры с малкотырновскими: *нѣш* (*нош*); мягкость конечных согласных, лабиализация *и* в словах *чуф*, *жуф*, формы *нѡги*, *рѣки* (в факийских — *нозѣ*, *рѣцѣ*), краткая форма дат. п. личного местоимения ж. р. *ѡи* в отличие от *и* в факийско-грудовских говорах. Суффикс -*ѡва*: *купѡва* (*купѹва*); личное местоимение 1 л. ед. ч. *ѡа*; рецессивное ударение в словах: *срѣбро*, *ѹхо*, *вѣже*, *дѣне*, *вѣд'ах*, *вѣд'ал* и некоторые другие. Лексические изоглоссы: *кумѣн* — 'дымовая труба', *влáшка* — 'кукуруза'.

Ряд явлений, характеризовавших в прошлом всю странджанскую группу говоров, в настоящее время в южнобургасских говорах представлен непоследовательно: *калтѣ* (фиксируется и *калтá*), *вѣжги* (фиксируется и *вѣжди*) и др.

С запада к странджанским говорам непосредственно примыкает факийско-грудовская группа говоров, которая в настоящее время охватывает говоры 14 сел: Голямо Крушево, Ружи-

ца, Горска Поляна, Воден, Крайново, Росеново, Сливово, Факия, Голямо Буково, Богданово, Кирово, Желязково, Долно Ябылково, Горно Ябылково. Некоторое своеобразие представляет говор села Воден, отличающийся наиболее последовательным рецессивным ударением и некоторыми другими особенностями. Чаще, чем в других говорах, отклонение от особенностей факийско-грудовской группы находим в селе Крайново.

Села факийско-грудовской группы расположены в горной местности. Здесь живет старое население, хорошо сохраняющее традиционные черты говоров. Есть основание полагать, что в прошлом факийско-грудовские говоры были распространены до Тунджи. К северу от факийско-грудовских говоров расположен ряд сел со смешанным населением, которое пришло сюда из разных мест Чирпанской, Старозагорской, Новозагорской окол и из Хараманлийской околии. Ряд черт обособляет эти говоры на данной территории.

Характеристика факийско-грудовской группы оказывается наиболее сложной, так как различные изоглоссы объединяют говоры этой группы с говорами соседних территорий на востоке, севере и западе. Восточную границу факийско-грудовских говоров определяют изоглоссы странджанской группы и ряд других явлений.

Факийско-грудовские говоры относятся к говорам *о*-диалекта, который характеризует территорию исконных говоров к востоку от Тунджи. Из странджанских говоров только два — Росен и Черноморец — относятся к *о*-диалекту. Для всех говоров *о*-диалекта характерна членная форма *-та* в существительных женского рода на согласный.

Внутри *о*-диалекта факийско-грудовские говоры представляют особую группу. Эту группу выделяет полная форма винительного падежа мн. ч. местоимения *них* (во всех других говорах *т'ах*) и притяжательного *нихен*, *нин* (*т'ахен*), форма мн. ч. *нозэ* (*но́ги*), *дни* (*де́не*) и др., числительное *адэн* (*иди́н*, *адан*), некоторые особенности словообразования, связанные с судьбой староболгарского *ъ*: местоимения *како́ф*, *такóф*, суффикс *-ок-подáрок*, *добúток*, приставка *со-*, предлоги *воз*, *сос*. *О* на месте *ъ* в указанных позициях встречается, кроме того, в говорах южнее Арды. Только в факийско-грудовских говорах наблюдается выпадение *ъ* в корне слова: *дно*, *жнъ*, произношение *а* или *ê* на месте старого *А* после шипящих в словах *жа́тва*, *ша́па* или *же́тва*, *ше́па*. Имеется своеобразие в области лексики *цикари́ди* 'шкварки', *кошу́л'а* 'рубашка' (*ри́за*) и др. Иногда в факий-

ско-грудовских говорах отсутствуют некоторые диалектные явления, широко представленные на всей территории юго-восточных говоров, например лабиализация *и* в словах *жиф*, *чиф*.

Северную и западную границы факийско-грудовской группы очерчивают также изоглоссы явлений, объединяющих факийско-грудовские и странджанские говоры. К их числу относятся: *ткáйе* (*тэкá*); наличие *й* в начале слова *йáдене*, *йáбэлка*; членная форма мн. ч. — *то* в словах м. р. — *другáreto*; суффикс *-йцам*, *-испйцам* (*испйчам*), суффикс *-н* в причастиях страдательного залога от глаголов типа *бййа*, *засёйа* — *бййен*; ударение на приставке в формах 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения типа *зáведите*; ударение на корне в неодушевленных существительных ж. р. типа *вóда*, *гláва*, *нóга* и ряде слов ср. р.: *брáшно*, *дърво*, *мéсо*, *óко*, *пéро*, *сéно*, *хóро*, *чéло*; ударение на корне в формах мн. ч. слов ж. р. типа *гláви*, *кóзи*, *жéни*, *мóми*; накоренное ударение в формах мн. ч. слов *óчи*, *йуши*. Лексические изоглоссы: *фасу́л* (*боп*), *бу́за* (*странá*), *зунка* (*дэга*), *летй дэш* (*валй дэш*) и некоторые другие.

Изоглоссы ряда явлений идут западнее границы факийско-грудовских говоров, присоединяя к ним те или иные говоры, условно относимые нами к «загорскому клину». Таковы изоглоссы: *а*, *é* на месте *б* под ударением перед мягким согласным и на месте этимологического *а* в той же позиции; окончание *-е* в формах мн. ч. многосложных существительных м. р., флексия *-и* в причастиях типа *дошлй*; ударение на корне в формах 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов I и II спряжения типа *пéра* и на приставке в тех же формах приставочных глаголов — *испера*; в формах повелительного наклонения 2 л. ед. ч. типа *бéри*, *вйкни* и на приставке *дóведи*. Словообразовательные изоглоссы: *нёбо* (*небé*), *ка́мен*, *крéмен* (*кáмэк*).

К явлениям, исключаящим странджанские говоры, относятся: частица будущего времени *ке*, которая присоединяет к факийско-грудовским говорам на западе еще четыре пункта; ударение на первом слоге в аористе 1 л. ед. ч. глаголов II спряжения типа *хóдих* и в причастиях на *-л* тех же глаголов — *хóдил* объединяет факийско-грудовские говоры с тополовградско-елховскими. Большая часть факийско-грудовских и южной части тополовградско-елховских говоров не знает редукции *е* в сторону более широкого звука в заударном закрытом слоге (*бóлен*, *дéвер* и т. п.).

Из лексических особенностей, объединяющих эти группы, можно указать слова: *синййа* (*паралййа*, *суфра́*), *стан* (*разббй*), *мэ́нйста* (*синцй*), *гэ́сеница*, *гэ́с'анка* (*вэ́с'аница*).

2. Западнорупская диалектная группа подразделяется нами на две части: рупско-родопскую и хасковскую.

На юго-западе нашей территории расположена рупско-родопская группа говоров. Это говоры сел к югу и западу от Крумовграда, Момчилграда и Ардино: Загражден, Давидково, Вылчан дол, Вырбина, Буково, Ерма река, Ахряне, Лыджа, Желтуша, Неделино, Старцево, Златоград, Лимец, Девисилица, М. Девисил, Г. Девисил, Аврен, Черничево, Горно Юруци, Девисилово, Царино, Стрижба и Егрек. Несмотря на наличие в говорах этих сел многих своеобразных родопских черт, мы считаем возможным причислить их к западнорупской группе. Однако по ряду признаков эти говоры следует считать переходными от чисто родопских к говорам рупским.

К северу и востоку в долинах рек Арда и Марица живет болгарское население, язык которого в наибольшей степени характеризует старый рупский диалект. Эти говоры мы будем в дальнейшем именовать х а с к о в с к и м и.

Западнорупские говоры, в отличие от восточнорупских, представляют большее разнообразие диалектных черт, что связано с сильным воздействием на них говоров «загорского клина».

Граница между западнорупскими говорами и говорами «загорского клина» является более подвижной, чем северная граница восточнорупских говоров. Но все же и здесь можно указать диалектную границу, подтверждаемую наибольшим числом изоглосс. Она примерно соответствует лексической изоглоссе *летѝ дъш* (*валѝ дъш*). На юго-востоке эта линия идет восточнее р. Марица параллельно ее течению. Она проходит между селами Мустрак и Левка, поднимается на север восточнее пунктов Миладиново и Дрипчево, далее идет на северо-запад до сел Великово, Разкаяне и Кравино, затем круто поворачивает на запад, проходя севернее Опана и Ценова и южнее г. Чирпана. Эта линия определяет северную границу говоров долины р. Марицы, которые по их диалектному типу можно еще отнести к западнорупским говорам.

Северная граница западнорупских говоров очерчивается пучком следующих изоглосс: *a, é* на месте стб. *ǎ* под ударением перед мягким согласным; *цър* на месте стб. *чер*; *ср, зр*, на месте групп *стр, здр*: *сэсра, зрэве, тénко, тёмно; длéга (длéга)*; наличие *й* в начале слова перед гласными *a, é* (*йáдене, йа*). Эта черта объединяет рупские и родопские говоры с западноболгарскими; *дошлѝ (дошлѝ), испѝцам (испѝчам), рѝки, нóги (рѝцѝ, нозѝ)*; 1-е л. ед. ч. *йа (аз, йаз)*; изоглосса *ногá (крак)* несколько отступает от морфологической изоглоссы *рѝки, нóги, (рѝцѝ)*. В пунктах

Оряхово, Миладиново, Дрипчево, Черепово и Опан находим *рѣки*, но *крак*; *благ* (*сла́дък*) присоединяет к западнорупским селам пункты Былгарска Поляна, Главан, Медникарово, Стражари, М. Детелина, Обручище. Изоглосса *бѣрни* (*джѹни*, *ѹстни*) проходит западнее пунктов Миладиново, Дрипчево и Обручище и с. Самуилово, отклоняется на северо-запад по направлению к пункту Могилово и далее Розовец и Свежен. В этом направлении идет ряд других изоглосс, присоединяющих северо-западные чирпанские говоры к западнорупским. Так, изоглосса форм 2 л. ед. ч. повелительного наклонения от приставочных глаголов I и II спряжения с ударением на приставке *заве́ди* идет по границе западнорупских говоров и между пунктами Самуилово и Ценово отклоняется на север, охватывая часть северозападных чирпанских говоров. Вообще следует отметить большую стабильность границы на юге (между селами Мустрак и Левка проходит большое число изоглосс и кроме тех, которые перечислены выше).

Примерно совпадают с северной границей хасковских говоров изоглоссы накоренного ударения в формах мн. ч. односложных существительных м. р. типа *гра́дове*.

Изоглоссы ударения дают значительные колебания, свидетельствующие о том, что нерецессивное ударение говоров «загорского клина» постепенно теснит рецессивное. Севернее указанной границы, как правило, не встречаются случаи рецессивного ударения в словах ж. р. типа *во́да*, *гла́ва*, *зе́м'а*, *се́сра*, *же́на*, *мо́ма*. Большая часть изоглосс слов ж. р. с ударением на корне идет южнее Марицы. Самая южная изоглосса слов *же́на*, *мо́ма* идет южнее Харманли и Хасково. Остальные изоглоссы рецессивного ударения в словах женского рода проходят между этими двумя границами. В словах среднего рода накоренное ударение оказывается более устойчивым. В большей части контрольных слов изоглосса накоренного ударения приближается к северной границе западнорупских говоров, а иногда выходит за ее пределы. Однако севернее этой границы не встречаются говоры с последовательным ударением на корне во всех 16 контрольных словах среднего рода.

По р. Марице идет изоглосса накоренного ударения в аористе *ви́д'ах*. Изоглоссы ряда других характерных для рупских говоров явлений идут южнее Марицы. Однако они не образуют устойчивого пучка изоглосс и потому не могут быть приняты в качестве границы данной группы говоров. В числе этих явлений укажем окончание *-ѣ* в словах женского рода в позиции под ударением; флексию *-е* во мн. ч. многосложных существи-

тельных мужского рода, флексия *-ме* в 1 л. мн. ч. и флексия *-м* в 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов I и II спряжения, указательное местоимение *сѳо*, употребление полных форм дательного падежа *нѳму*, *ней* (на *нѳго*), глагол *рукам* в значении 'викам', произношение *нус* (*нос*), отсутствие аффрикат *s* и *ц*.

За пределы границ западнорупских говоров выходят изоглоссы краткой формы дательного падежа личного местоимения 3 л. ж. р. ед. ч. *хи*, страдательных причастий типа *облѳкан*, *пѳкан*, произношения *нѳш*, мягкости конечных согласных и некоторые другие.

Изоглосса мягкости — твердости согласных, проходя между селами Мустрак и Левка, далее поднимается на север, значительно выходя за пределы границы западнорупских говоров. Однако на западе она проходит восточнее сел Градина и Татарево. Говоры к западу от Первояма характеризуются твердостью конечных согласных.

Не все перечисленные черты распространены на всей западнорупской территории. Многие из них отсутствуют в рупско-родопских говорах. Так, здесь нет изменения групп согласных *стр*, *здр* в *ср*, *зр*, перехода *чер* в *цѳр*, не зафиксирован суффикс *-ѳцам* (здесь говорят *испѳчам*) и др.

Кроме того, эти говоры имеют ряд диалектных черт, не наблюдаемых в рупских говорах. Как известно, родопские говоры характеризуются совпадением *Ж* и *А* под ударением. Рупские говоры по этому признаку отличаются от родопских. Рупско-родопская группа содержит явления, типичные для родопских говоров и для рупских. В пунктах Лимец, Девисилица, М. Девисил, Девисилово, Тихомир на месте, *Ж*, *А* и *ѳ* под ударением произносят *а* (*з'ат*, *маш*, *дан*), в пунктах Загражден, Вылчан дол — *ѳ*. В остальных говорах этой группы данное явление не наблюдается.

В рупско-родопских говорах зафиксирована тройная членная форма *ѳт*, *ѳн*, *ѳс*; они отличаются от хасковских говоров произношением сочетаний *ѳ* с плавными: здесь *ѳ* предшествует плавному в односложных словах и в многосложных, даже в позиции перед двумя согласными.

В отличие от хасковских говоров, здесь находим произношение *e* или *ѳ* на месте *ѳ* в формах 1 л. ед. ч. имперфекта (*седѳѳ*), аориста (*берѳѳ*), в 3 л. ед. ч. аориста (*умрѳѳ*), в причастиях на *-л* (*седѳѳл*). Эта черта известна еще факийско-грудовским говорам.

В рупско-родопских говорах с членной формой *-от* наблюдается произношение членной формы *-ет* в словах на исконно мягкий согласный — *пѳтет*. В факийско-грудовских говорах будет *пѳте*. Можно указать и ряд частных изоглосс, отражающих

произношение отдельных слов, например *цървѣл* (вм. *църѣл* в хасковских говорах); *бѣлха* в соответствии с *бѣхла* севернее Арды, форма *мѣжѣ* (в хасковских *мѣжи*), частица будущего времени *ше*, форма количественного-множественного *два човека* (в хасковских *два човеци*) и др.

Западнорупские и восточнорупские говоры являются представителями старых юго-восточных говоров Болгарии, которые в прошлом были распространены на территории всей Фракии. Именно эти говоры и могут быть причислены к рупскому диалекту. Однако в настоящее время на значительной территории Фракийской низменности в бассейне р. Тунджи старые говоры не сохранились. Ныне здесь господствует новый диалект, который сформировался в результате сложного взаимодействия местных и забалканских говоров. Эту группу говоров мы будем называть «загорским клином». Эта группа характеризуется большой диалектной пестротой и отсутствием устойчивых границ. Северной границей загорских говоров мы условно будем считать линию Поморье—Поляновград—Сливен—Казанлык, хотя для этой границы мы не можем указать единого пучка изоглосс. Говоры, расположенные к северу от этой линии, не принадлежат к говорам «загорского клина». Важно обратить внимание на то, что ряд языковых черт объединяет эти подбалканские говоры с рупскими говорами.

Из фонетических черт подбалканских говоров можно указать произношение *тѣнко* (в говорах «загорского клина» *тѣнко*); *a*, *ѣ* на месте *ѣ* под ударением перед мягким согласным, отсутствие чередования *a/e* на месте этимологического *a* после мягких согласных и шипящих (*пол'ана* — *пол'ани*, *жаба* — *жаби*), мягкость конечных согласных.

В поморийских и котленских говорах и части пунктов севернее Казанлыка зафиксировано произношение *нѣма*, *нѣма*. Во многих подбалканских говорах, особенно в западной части, представлено произношение *звездѣ*, *зѣден* без аффрикаты *s*, свойственной говорам «загорского клина». На северо-востоке, в поляновградских и айтосских говорах наблюдается довольно устойчивое рецессивное ударение в словах среднего рода: *брашно*, *дѣрво*, *крѣсно*, *мѣсо*, *ѡко*, *пѣро*, *сѣно*, *сѣбро*, *сѣрце*, *хѡро*; ударение на корне в формах множественного числа двусложных существительных женского рода *глави*, *кѡзи*, *жѣни*; ударение на корне в формах множественного числа на *-ове* существительных мужского рода. Иногда изоглосса накоренного ударения идет дальше на запад, например, ударение на корне в аористе *вид'ах*.

Из морфологических черт можно отметить окончание *-ме* в 1 л. мн. ч. настоящего времени глаголов I и II спряжения (в загорских говорах *-м*), окончание *ъ* в 1 л. ед. ч. настоящего времени (в загорских говорах *-а*).

Многим говорам котленским, сливенским и поморийским свойственна форма множественного числа причастия *дошли́*, окончание *-е* в формах множественного числа существительных мужского рода.

Значительную часть рассматриваемой нами территории занимают говоры, которые условно нами названы говорами «загорского клина». Территория этих говоров напоминает собой огромный клин, острие которого доходит до южной границы Болгарии в районе рек Марицы и Тунджи. Это говоры нового происхождения, сформировавшиеся из разнородных диалектных единиц. Определяющим элементом их формирования являлись говоры северо-восточного типа, традиционными носителями которого были загорцы. В прошлом на данной территории представлены были рупские говоры, которые здесь подверглись ассимиляции. Однако отдельные особенности рупских говоров сохраняются на данной территории и до сих пор.

Процесс расширения территории «загорского клина» продолжается и в настоящее время за счет территории старых рупских говоров. Это особенно наглядно можно проследить при сопоставлении отдельных изоглосс: острый конец клина иногда расширяется, захватывая обширную территорию между факийско-грудовскими и западнорупскими говорами. Все это объясняет большую пестроту и внутреннюю неоднородность говоров «загорского клина». Здесь различные изоглоссы по-разному членят территорию говоров, создавая ряд неустойчивых групп. Тем не менее и для этой территории можно указать важные диалектные границы.

Важнейшим и устойчивым диалектным рубежом является долина р. Тунджи. Так, по р. Тундже идет граница *о-* и *ѡ-*диалекта. Членная форма *-о* распространена к востоку от Тунджи.

Укажем некоторые отличительные черты «загорского клина», которые характеризуются в той или иной степени большую часть относящихся сюда говоров. Здесь представлена сильная редукция безударных гласных, чередование *а-е* на месте *ѣ* и этимологического *а*, твердость конечных согласных, многочисленные изменения в группах согласных, отсутствие рецессии ударения, ряд морфологических и лексических особенностей.

На данной территории есть много локальных групп, которые по-разному соотносятся с соседними говорами. Так, имеется ряд

признаков, выделяющих группу говоров, северная граница которых идет по линии Сливен—Новая Загора—Димитровград и далее севернее р. Марица и западнее Тополовграда поворачивает к Ямболу. Есть признаки, которые выделяют эту группу среди всех говоров юго-восточной Болгарии (например, окончание множественного числа *-ои (волои)*, местоимение ж. р. 3 л. *нега*).

Некоторые изоглоссы этих говоров идут на северо-восток до Поляновграда и Айтоса и на юго-запад до Арды (например, лабиализация *и* после шипящих не перед губными, гласный *й* на месте *и* в условиях лабиализации).

Старый рупский субстрат «загорского клина» заметно ощущим в еловских и тополовградских говорах. По ряду черт «загорский клин» не доходит до южной государственной границы (*б*, будущее время и др.).

Ряд своеобразных черт представляют говоры северо-запада нашей территории: к северу от Чирпана и к западу от Старой Загоры (верховье Тунджи). Эти говоры тяготеют по многим признакам к говорам, расположенным за пределами юго-восточной Болгарии. То же самое можно сказать и о говорах северо-восточной территории к северу от Бургаса и Поморья и к востоку от Айтоса, хотя эти говоры имеют немало аналогий с восточными рупскими говорами.

Предложенная нами классификация говоров юго-восточной Болгарии носит пока самый общий характер. Она опирается на те сведения, которые были получены в связи с работой над атласом. Нами были использованы пока только ответы на вопросы «Программы».

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко. Классификация юго-восточных говоров Болгарии // Изв. ОЛЯ, т. 22, вып. 4. С. 289—299.

К ВОПРОСУ О ЧЛЕНЕНИИ БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Последние годы своей жизни проф. Ст. Стойков много и успешно работал над проблемой членения болгарских диалектов для уяснения взаимоотношений между ними. Его интересовали вопросы современного диалектного членения и связи последнего с периодом, когда шло формирование самого болгарского народного языка. С полным основанием он полагал, что пришло время для капитального пересмотра всей проблемы в целом. «Български диалектен атлас» (I–IV, София, 1964–1981), «Атлас болгарских говоров в СССР» (М., 1958), частные лингвогеографические исследования последних трех десятилетий, публикации по топонимике дают возможность по-новому подойти к решению этой весьма сложной проблемы на основе не только фонетических и морфологических, но словообразовательных и главным образом лексических признаков.

Установление взаимоотношений между диалектами любого языка очень важно для понимания современной языковой ситуации, для выяснения общих и частных вопросов истории литературного языка, для раскрытия процесса складывания и развития народного языка на основе древних племенных диалектов. Современная диалектная карта своими наиболее архаическими чертами уходит в далекое прошлое, она может свидетельствовать о взаимоотношении древних диалектов, о территории их распространения, об их границах.

Для выяснения древнейшего диалектного членения языка необходимо располагать тремя видами источников: памятниками древней письменности, отражающими особенности древних диалектов, данными современных диалектов и топонимическими данными. Умело сопоставляя эти три вида источников, можно в той или иной степени восстановить древнейшие диалектные черты и определить основные диалектные группы и их взаимоотношение. Для разных языков соотношение указанных трех источников будет неодинаковым. Для болгарского языка

весьма значительным и определяющим будет второй вид источников, так как до наших дней дошло очень мало памятников древней болгарской письменности, выразительных в диалектном отношении. В ином положении находится историк русского языка, в распоряжении которого имеется большое число грамот, частных писем, приходно-расходных записок, писцовых книг и т. д. Конечно, и в данном случае велика роль тех фактов, которые содержатся в диалектах.

Перенесение современных изоглосс в прошлое, особенно далекое прошлое, является весьма деликатной операцией. Здесь возможна модернизация, нарушение хронологии. Эта операция требует большого числа изоглосс, относящихся к звуковому и грамматическому строю языка, к словарному составу, к семантике. Рассматриваемые факты должны относиться к древнейшим эпохам истории данного языка. Обязательным условием является наличие пучка изоглосс. Чем они разнообразнее и богаче, тем надежнее будут реконструкции. На основе изолированной изоглоссы обычно серьезных выводов делать нельзя. Кроме того, необходимо учитывать всю ту сумму сведений, которую историк языка может получить в специальных исследованиях демографического характера.

Установлением диалектных признаков древнеболгарского языка занимались уже первые историки болгарского языка. В этом нет ничего удивительного, так как древнеболгарский язык характеризовался «поразительным диалектическим расчленением» [Щепкин 1906, IV]. Однако это утверждение московского слависта было скорее следствием интуиции, нежели результатом конкретных наблюдений. В ту пору имелось еще очень много фактов, на основе которых утверждение В. Н. Щепкина можно было бы проиллюстрировать большим числом примеров из разных областей фонетики, грамматики или лексики. Фактически речь шла главным образом о различной судьбе сверхкратких *ъ*, *ь* в «сильной» позиции, о характере произношения *ѣ* и некот. др. Были выявлены некоторые устойчивые признаки, которые давали возможность в ряде случаев безошибочно разграничить рукописи Охридской и Преславской орфографических школ.

Со времени публикации «Очерка путешествия по Европейской Турции» В. И. Григоровича (1848 г.) в болгаристике прочно утвердилось членение болгарских диалектов на две, существенно различающиеся по своим размерам, зоны: восточноболгарскую и западноболгарскую. Основным признаком их разграничения служило произношение звука *ѣ*. В западной зоне *ѣ* во

всех позициях изменился в гласный *e*, в восточной в определенных позициях в 'а-е или в *ä*, т. е. в широкий гласный *e*, приближающийся к *a*. Болгарские диалектологи этот звук теперь обозначают *ê*. Уже первые диалектологи определили границу западного и восточного произношения *ѣ*: от г. Никополя на Дунае она идет на юг извилистой линией до Пазарджика, затем резко поворачивает на запад к Разлогу. В дальнейшем вносились различные уточнения, исправления. Справедливо указывалось на то, что в результате лексикализации этого фонетического признака четкая в прошлом граница в настоящее время в достаточной степени уже размыта. Теперь принято говорить не о границе, а о широкой полосе, на которой наблюдаем взаимодействие западных и восточных признаков. Однако общее направление изоглоссы (прежде всего от Никополя до Пазарджика), установленное еще первыми диалектологами, выдержало испытание временем.

Серьезное и систематическое изучение болгарских диалектов началось в последние годы XIX в. Связано оно с именами Л. Милетича и Б. Цонева. Оба не ограничивались лишь описанием отдельных говоров, но ставили перед собою задачи более общего характера, в частности, пытались решать проблему группировки говоров. Признавая основательность главного классификационного признака (произношение *ѣ*), Милетич, вслед за В. И. Григоровичем и К. Иречком, стремился показать, что западные и восточные говоры Болгарии отличаются между собой не только по произношению *ѣ*, но и рядом других признаков. В главе «Allgemeine Charakteristik des Ostbulgarischen» своего капитального труда «Das Ostbulgarische» (Wien, 1903) он пытался расширить круг тех классификационных признаков, которые вместе с произношением *ѣ* делят всю болгарскую языковую территорию на западную и восточную. В свое время Григорович указал шесть языковых признаков, подтверждающих членение говоров по признаку *ѣ*. Милетич обратил внимание на одиннадцать диалектных особенностей, которые, по мнению автора, в той или иной степени совпадают с основным классификационным признаком (т. е. с характером произношения *ѣ*). На первое место Милетич поставил редукцию безударных гласных в восточных говорах и отсутствие редукции в западных. Затем в перечне признаков идут совпадение безударных *ж* и *ѣ* в восточных и отсутствие этого явления в западных, сохранение восточными говорами ударного *ѣ* и переход его в *o* в западных говорах, совпадение в восточных говорах рефлексов *л* и *ж* и отсутствие этого

явления в западных говорах, наличие в восточных говорах особого типа редуцированного *e* ('э) и отсутствие его в западных. Затем Милетич обратил внимание на характерную особенность многих восточных говоров: изменение исконного *a* в случаях типа *жаба* — *жеби*, *шапка* — *шепки* и под. Не прошел Милетич и мимо такой важной черты, как степень смягчения согласных: восточный консонантизм характеризуется большей степенью палатальности, нежели западный. К восьмому признаку Милетич отнес различную судьбу праславянских сочетаний *tj* и *dj*. К девятому, вслед за Григоровичем, он причислил судьбу флексий 1-го л. ед. ч. настоящего времени. В восточных говорах глаголы первого и второго спряжения имеют гласную, восходящую к *я*, тогда как в западных глаголы всех трех спряжений представляют обобщение на флексию нетематических глаголов. Десятый признак, по Милетичу, — сохранение в восточных говорах сокращенного инфинитива типа *недей вика* и полное исчезновение инфинитива в западных говорах. К последнему классификационному признаку Милетич отнес ударение: в восточных говорах ударение консервативнее, нежели в западных.

Самым решительным образом против классификационной схемы Милетича выступил Б. Цонев. По его мнению, только *ѣ* может служить надежным признаком членения болгарских диалектов на восточные и западные. «Нет других отличий между двумя частями болгарских диалектов, кроме *ѣ*» [Цонев 1937, 214]. В данном случае болгарский ученый имел в виду, конечно, не отдельные диалектные отличия, а лишь черты, которые могут служить классификационными признаками. Анализируя пункт за пунктом все доказательства Милетича, Цонев показывает, что далеко не все восточные признаки Милетича охватывают всю территорию Восточной Болгарии, что по некоторым чертам часть так называемых восточных говоров объединена не с другими восточными, а с западными говорами. Касаясь первого признака Милетича, Цонев справедливо указывает, что редукция безударных *a*, *o*, *e* прежде всего характерна для северо-восточного диалекта. В большинстве юго-восточных говоров редукции нет или она проведена слабо и непоследовательно. И по ряду других признаков юго-восточные говоры отличаются от северо-восточных и приближаются к западным (например, по судьбе флексии 1-го л. ед. ч. настоящего времени в глаголах первого и второго спряжений). Из всех этих наблюдений Цонев, однако, не сделал очень важного вывода: признаки, предложенные Милетичем, в ряде случаев справедливы, но только для отграниче-

ния западного диалекта от северо-восточного. Это обстоятельство через много лет отметил Ст. Стойков. «Нельзя сказать, что отмеченные Милетичем особенности характерны для всех восточных говоров, потому что действительно они не встречаются во всех и потому, что их границы не совпадают с границей *ѣ*. Однако в целом в той или иной степени они характерны для большинства восточных говоров. Цонев не прав, когда их полностью отвергает» [Стойков 1968, 65]. Опубликованный «Български диалектен атлас» хорошо показывает, что северные говоры Болгарии более четко и определенно членятся на западные и восточные, нежели южные говоры. Традиционные фракийские говоры, свободные в той или иной степени от влияния балканских говоров, во многом тяготеют к западным говорам. Именно это обстоятельство ослабило силу критических аргументов Цонева против Милетича. Если мы ограничимся лишь сопоставлением северо-восточных говоров с западными, то многие подчеркнутые Милетичем признаки в той или иной степени будут совпадать с изоглоссой *ѣ*. Здесь проходила в прошлом глубокая и устойчивая граница. Такой границы к югу от Пазарджика не существовало.

В «Das Ostbulgarische» специальная глава посвящена классификации диалектов Восточной Болгарии. Здесь в основу классификации Милетич положил морфологический признак — членную форму муж. р. ед. ч. По этому признаку восточные диалекты делятся на северные (так называемый *о*-диалект) и южные (так называемый *з*-диалект). Согласно этому признаку Милетич объединил все балканские говоры с фракийскими (*з*-диалект) и противопоставил их мизийским (*о*-диалект). Уже давно Цонев показал полную произвольность данного классификационного признака. Без особого труда в самом *о*-диалекте Цонев обнаружил многие особенности южного происхождения. Еще во время работы над «Атласом болгарских говоров в СССР» нам стала очевидна несостоятельность классификации диалектов Восточной Болгарии по членной форме муж. р. ед. ч. Отвергая вслед за Цоневым данную классификацию, Стойков писал: «Б. Цонев отверг эту особенность как классификационный признак и он прав, как это показали последние изучения болгарских говоров в пределах Советского Союза, где встречаются балканские говоры с членной формой *-о*» [Стойков 1968, 69–70].

Вместо классификации Милетича Цонев предложил свою группировку всех восточных диалектов. И в этом случае Цонев избрал судьбу *ѣ*. Схематично всю болгарскую территорию по

произношению *ѣ* он представил следующим образом: западно-болгарский диалект — во всех позициях на месте *ѣ* находим гласный *e*, т. е. чередование гласных отсутствует, северо-восточный диалект представляет на месте *ѣ* чередование 'a||e в зависимости от ударения и твердости или мягкости последующего согласного, юго-восточный диалект — чередование отсутствует, так как на месте *ѣ* находим *a* или *ä* во всех позициях. Автор представил это в следующем виде: *лето* — *летен*, *лято* — *летен*, *лято* — *лятен*. Под последним может скрываться как *л'áто* — *л'áтен*, так и *л'áто* — *л'áтен*. Как показали последующие исследования, подлинная картина значительно более сложная [Цонев 1940, 302–313]. Однако для наших целей в данном случае можно ограничиться схемой Цонева.

В результате собственных наблюдений Цонев установил изоглоссную линию, которая отделяет все балканские и мизийские говоры от фрако-родопских. «Граница между северо-восточными и юго-восточными говорами совпадает с племенной границей т. н. рупцов или рупалан», — пишет Цонев. Установленная им изоглосса шла волнистой линией с небольшими отклонениями на юг и на север от Пазарджика до Бургаса.

До начала интенсивного изучения болгарских говоров, главным образом в связи с работой над диалектологическим атласом, группировка по признаку произношения *ѣ* не вызывала сомнений. Об этом, между прочим, свидетельствует карта, приложенная к книге Ст. Стойкова «Българска диалектология за първи курс на учителските институти», опубликованная в Софии в 1955 г., т. е. за год до начала работы над «Български диалектен атлас». Здесь показано, что изоглосса идет от Пазарджика, минуя Пловдив, Чирпан, Елхово и доходит до Черного моря южнее Бургаса. Эту же изоглоссу *ѣ* от Пазарджика до Бургаса Стойков указывает даже в первом издании своего труда «Българска диалектология» (1962). Она дана на карте № 1. Мы все исходили из реальности изоглоссы Цонева, из того положения, что к северо-восточному диалекту относятся балканские и мизийские говоры, а к юго-восточному фракийские и родопские говоры. Не вызывала она сомнений и у Ст. Младенова, который по этому поводу писал: «А юго-восточные болгарские говоры во Фракии и во всей Родопской области сравнительно хорошо сохраняют якавское произношение староболгарского *ѣ* вне зависимости от последующего звука или ударения» [Младенов 1936, 16].

Изучение юго-восточных говоров по программе «Български диалектен атлас» в 1956–1959 гг. совершенно не подтвердило на-

блюдений Цонева. Установленная им изоглосса теперь идет иначе. Якавское произношение (т. е. *л'áто* — *л'áтен*) теперь было обнаружено на сравнительно незначительной территории, возле южной границы Болгарии. Лишь к северу от Харманли и к западу от Тополовграда в селах Опан, Странско, Бяло поле, Диня, Длыгнево, Гылыбово, Д. Бельово и др. изоглосса нечередующегося *ѣ* длинным и узким языком протянулась далеко на северо-запад. К востоку от Елхово изоглосса поднимается до села Зорница (самый северный пункт). Новые наблюдения были столь неожиданными, что Стойков поставил вообще под сомнение истинность наблюдений Цонева. «Невозможно, чтобы за полстолетие якавский тип произношения *ѣ* перед мягким слогом изменился в екавский» [Стойков 1963а, 110]. В статье «Ятовият преглас в български език» Стойков решительно утверждает, что «не существует указанной Б. Цоневым второй границы *ѣ*» [Стойков 1963а, 317]. Специально изоглосса Цонева была исследована участницей диалектологических экспедиций Т. В. Поповой. На составленной ею карте видно, что в большинстве сел Хасковской, Первомайской, Димитровградской, Елховской и Грудовской околий, даже во многих селах Ивайловградской околии якавское произношение *ѣ* теперь не известно. В отличие от Стойкова Попова не выражает сомнения в подлинности наблюдений Цонева. «Вполне возможно, что причина этого (т. е. расхождений между сообщением Цонева и наблюдениями участников работы над атласом. — С. Б.) кроется в тех изменениях, которые претерпели рассматриваемые говоры за последнее время» [Попова 1962, 93]. Я твердо убежден именно в этом. Для этого имеется ряд оснований. Рассмотрим их.

1. Как показывает карта Поповой [Попова 1962, карта-вклейка между с. 92–93], и в настоящее время произношение *ѣ* как *a* или *ä* перед мягким согласным известно многим говорам Южной Болгарии. Однако оно здесь сильно отступило не только под воздействием северо-восточных говоров, но и в результате влияния литературной нормы. Учителя в сельских школах особое внимание уделяют устранению этого диалектного признака, неприятного не только носителям литературной нормы, но и западным и северо-восточным говорам. Произношение *лятен*, *недяля*, *вряме*, *бяше*, *два*, *къдя* и под. принадлежит к тем диалектным признакам, которые легко обнаруживают люди, даже не имеющие специальной фонетической подготовки (в отличие, например, от редукции безударных гласных или степени мягкости согласных перед гласными *e*). Мужское население стремились преодолеть этот диалектизм в армии.

2. Значительно лучше якавское произношение сохранилось в тех болгарских селах, которые расположены на территории Турции и Греции. Здесь отсутствует контакт с екавскими говорами и нет воздействия литературной нормы. О наблюдениях Ст. Младенова речь шла уже выше. Их подтверждают и более поздние наблюдения, хотя и на данной территории фиксируется немало вариантов. В исследовании Т. Бояджиева «Говорът на село Съчанли, Гюмюрджинско» на месте *ă* обычно находим или последовательное якавское произношение, или слабую степень чередования — *a||ă* [Бояджиев 1972, 29–30].

3. Для решения вопроса очень важны данные языка болгар Бессарабии и Северного Причерноморья. Среди болгар СССР самое большое место занимают переселенцы из района Балкан и из Фракии. Они поселились здесь еще в первой половине XIX в. [Бернштейн 1980, 46–50]. Самым ярким и отличительным признаком фракийских переселенцев является произношение *бъше, лятен, смяшно, невяста, къда, двя* и под. Об этом скажет каждый наблюдательный болгарин из села, в котором живут балканские переселенцы. Различие в произношении особенно чувствуется в селах со смешанным населением. До 1938 г. в болгарских селах СССР преподавание велось на родном языке. В организации преподавания большую помощь оказывали представители многочисленной в те годы болгарской эмиграции. Учителей для болгарских школ готовил болгарский сектор Одесского педагогического института, прежде всего кафедра болгарского языка и литературы. Среди студентов было немало лиц из фракийских сел. Многие из них в школе плохо усваивали литературное произношение. Члены кафедры вели большую работу по исправлению их диалектного произношения. Уже на втором курсе студенты, как правило, хорошо усваивали чередование *лято — летен, грях — грешка, бях — беше, смях — смешно*, переходили на екавское произношение в словах типа *невеста, време, нещо, добре* и т. д. Студенты сами активно стремились перейти к нормированному произношению, так как их речь в данном пункте представлялась непрестижной даже самим студентам. Все сказанное дает нам полное основание отнестись с доверием к наблюдениям Цонева.

В каждой диалектной системе имеются устойчивые и неустойчивые элементы. Эти различия наблюдаются на всех уровнях, в частности, и в фонетике. Неустойчивые черты могут изменяться в сравнительно короткое время, так как они легко поддаются влиянию соседних говоров и не оказывают упорного со-

противления воздействию норм литературного языка. К таким неустойчивым элементам диалектной системы относится фонема \ddot{a} на месте \dot{b} . В одних случаях находим чередование 'a|| \ddot{a} (\ddot{a} сохраняется только перед мягкими согласными), в других всюду будет 'a, в-третьих, наконец, утверждается балканское чередование 'a||e. Нет сомнений, что в прошлом от Пазарджика до Бургаса шла граница, отделяющая юго-восточные говоры от северо-восточных. Важнейшим признаком являлось произношение \dot{b} . К северу от границы на месте \dot{b} существовало чередование 'a||e, к югу чередование отсутствовало. Здесь наиболее архаичным признаком является 'ä, который употреблялся во всех фонетических позициях. Таким образом, юго-восточные говоры в данном случае типологически ближе к западным говорам, нежели к северо-восточным, так как их наиболее архаическая структура также не знала чередования.

«Български диалектен атлас» на многих картах хорошо показывает, что влияние северо-восточных говоров на фрако-родопскую группу говоров охватывает многие явления языка, что оно продолжается активно и в настоящее время. Наиболее подверженной влиянию балканских говоров является равнинная часть, Фракия. Лучше сохраняются исконные черты диалекта данного региона в горных районах Странджи и Родоп. На многих картах атласа балканские говоры отдельными своими чертами как бы разрезают острым клином юго-восточные говоры. Так называемый «загорский клин» на многих картах атласа четко, конечно, по-разному, обособляет говоры горных районов друг от друга. Наступление балканских говоров на юго-восточные говоры идет мощно. Процесс этот старый, и он в своей основе отнюдь не объясняется только влиянием норм литературного языка. Последние лишь ускорили этот процесс, сделали его в последние сто лет более интенсивным.

Уже давно специалисты по болгарской диалектологии обнаружили в говорах Странджи так называемые «западноболгарские» особенности. Карты атласа не только подтвердили прежние наблюдения, но и показали территорию их распространения. Увеличился и список «западноболгаризмов». Обычно принято было объяснить все эти факты влиянием языка болгарских переселенцев из различных районов Западной Болгарии, хотя никаких надежных исторических свидетельств о массовых переселениях сюда не сохранилось. Переселенцы из Западной Болгарии известны в районе Странджи. Они четко отличаются от местных жителей. Коренное население именует их тронками. Отдельные

группы западноболгарских переселенцев встречаются и в других районах Юго-Восточной Болгарии. В языковом отношении они все в той или иной степени представляют чужеродный элемент. Никакой связи между их диалектными особенностями и так называемыми местными «западноболгаризмами» нет. Против старого предположения о переселении свидетельствует и сам характер изоглосс. Достаточно хорошо познакомиться с картой № 75 первого тома. Карта посвящена произношению сочетаний *чер-* в словах типа *черен, червен, червей*. Она хорошо показывает, что так называемое «западноболгарское» произношение с начальным *цър-* (*цървен* и др.) является, бесспорно, здесь своим, исконным. Эта древняя черта юго-восточных говоров, которая на территории юго-западных говоров прерывается восточными родопскими говорами, где находим *червен* и под. Западнородопские говоры уже вместе со всеми западными говорами вновь представляют *цървен* (см. карту № 95 второго тома). Нет сомнений, что в прошлом вся Южная Болгария вместе с Западной знала *цървен*. «Загорский клин» (от Марицы до Тунджи) рассек единую территорию сравнительно поздно. Труднее объяснить *червен* в восточнородопских говорах. К таким же своим, старым особенностям принадлежит и личное местоимение 1-гол. ед. ч. И в данном случае исконной для юго-восточной территории является «западноболгарское» *я*. Это же местоимение находится и в родопских говорах (см. карту № 160 в первом томе и карту № 184 в третьем томе).

На близость южных говоров Болгарии к западным болгаристы обратили внимание еще в 30-х годах XX в. На II Международном съезде славистов в 1934 г. в Варшаве Хр. Кодов в докладе «Тракийските говори като преход между източнобългарските и македонски» решительно утверждал, что лексические особенности фракийских говоров, связывающие их с западными и противопоставляющие северо-восточным, являются не заимствованными, как думал Цонев, а за ним многие болгаристы, а местными, «спонтанными» [Кодов 1934, 54–55]. Более обстоятельно этот вопрос затронул К. Мирчев в монографии «Неврокопският говор» (София, 1936). В изученном говоре, по судьбе *ѣ* относящемся к юго-восточным говорам, болгарский ученый обнаружил целый ряд лексем, хорошо известных южным и западным говорам Болгарии, но отсутствующих в говорах северо-восточной Болгарии. «Многие из них несут явные следы древности», — пишет Мирчев [Мирчев 1936, 112]. Список Мирчева включал 39 лексем. Автор хорошо отдавал себе отчет в том, что будущие

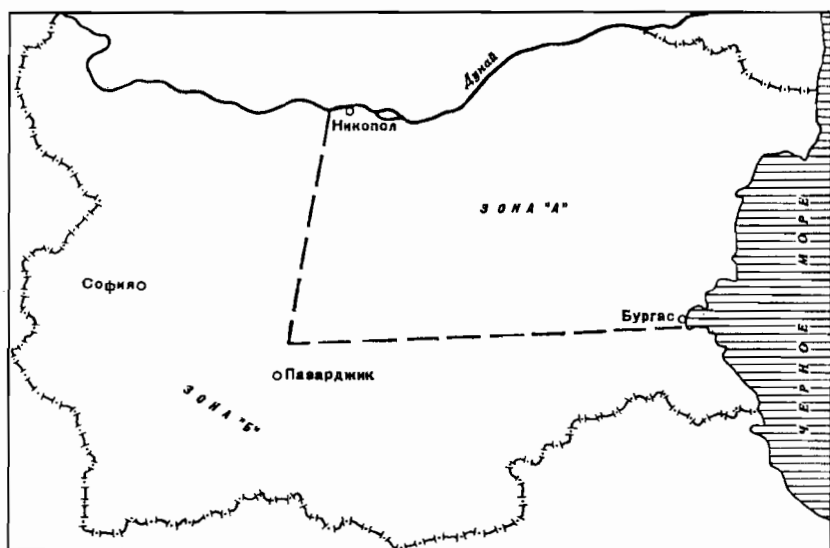
лингвогеографические исследования смогут внести те или иные коррективы. Следует отметить, что они внесли мало изменений, но много существенных дополнений.

Все классификационные критерии в диалектологии устанавливались главным образом на основе фонетических признаков. Считалось, что именно звуковой строй языка является наиболее устойчивым и консервативным. Грамматические признаки казались менее надежными, а лексические отвергались полностью. По этому поводу Цонев писал: «Та классификация будет иметь более твердые основания и большее научное значение, которая базируется на фонетических различиях. Только в случае, когда отсутствуют фонетические признаки, можно прибегнуть к формальным» [Цонев 1937, 200]. О возможности использования для классификации диалектов или говоров лексических признаков Цонев даже не вспоминает. Новая страница в истории болгарской диалектологии связана с именем Ст. Стойкова, основоположника лингвистической географии в Болгарии. Еще до начала работы над болгарским диалектологическим атласом он осуществил ряд интересных начинаний, важных как для теории лингвистической географии, так и для болгарской диалектологии. Во время работы над первым томом атласа многие из мыслей Стойкова получили подтверждение, много было обнаружено новых фактов. Самое существенное и важное состоит в том, что Стойков показал, что и лексические признаки очень устойчивы, что они могут служить надежным основанием для установления древних диалектных границ. После завершения работы над первым томом атласа он приступил к изучению вопроса о древнем диалектном членении болгарского языка на основе как старых, так и всех новых материалов. Первый набросок будущей, к сожалению, незавершенной работы был доложен и обсужден на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г.

В докладе «Основното диалектно деление на български език» Стойков предложил новую классификацию болгарских диалектов. Впервые диалектолог получил возможность строить гипотезы на основе богатейшего материала из большого числа пунктов, обследованных по единой программе квалифицированными диалектологами. Его предшественники устанавливали характер и направление изоглосс по личным наблюдениям, которые, естественно, не могли охватывать большого числа пунктов. Теперь в распоряжении ученого были карты болгарского диалектологического атласа с густой сеткой обследования, карты из многих

специальных исследований лингвогеографического характера. В таких благоприятных условиях можно было уже уверенно выбрать нужные признаки членения современных диалектов и на более прочной основе строить гипотезы о диалектном членении древнеболгарского языка. В докладе Стойков предложил пять карт, содержащих 27 лексических, морфологических, акцентных и фонетических изоглосс. Направление изоглосс дало возможность докладчику прийти к очень важным выводам. Главный вывод состоит в том, что древнеболгарский язык искони на Балканах имел два основных диалекта. Один занимал территорию современной Северо-Восточной Болгарии, другой Западной и Юго-Восточной. Первый диалект Стойков назвал центральным, второй — периферийным. «Из всего сказанного до сих пор очевидно, что установленные две основные диалектные области болгарского языка — центральная и периферийная — очень древние. Они дают интересные материалы относительно генезиса болгарского языка и болгарского народа. Можно предположить, что в северо-восточных болгарских землях поселились одни болгарские славянские племена, а в западных и южных другие. Можно думать, что на Балканский полуостров они пришли в разное время» [Стойков 1963, 113]. По мнению Стойкова, славянские племена в Северо-Восточной Болгарии вместе с булгарами Аспаруха основали Болгарское государство. Здесь находилось самое активное в языковом и этническом отношении население. Именно здесь шел процесс формирования важнейших отличительных особенностей болгарского языка. «Некоторые языковые особенности северо-восточных племен постепенно расширялись по мере консолидации болгарской народности» [Стойков 1963, 113]. Именно поэтому северо-восточный диалект Стойков назвал центральным.

При оценке доклада Стойкова необходимо отделить бесспорное от гипотетического. В настоящее время можно считать бесспорным, что южные говоры Болгарии вместе с западными говорами в прошлом составляли один диалект. Его восточная и северо-восточная границы шли от Никополя до Пазарджика, от Пазарджика до Бургаса. Носители этого диалекта заселили многие земли на Балканском полуострове за пределами современной Болгарии. Конечно, этот диалект не представлял полного единства даже в догосударственный период. Об этом могут свидетельствовать центральные родопские говоры. Я полностью разделяю утверждение Стойкова, что именно северо-восточный диалект (по терминологии Стойкова, центральный) играл опре-

деляющую роль в формировании главнейших отличительных признаков современного болгарского языка. Однако я не стал бы называть его центральным. При современном состоянии наших знаний целесообразнее пользоваться более нейтральными терминами (например, вместо центральный диалект — зона А, вместо периферийный — зона Б).

После смерти Стойкова работу по выявлению классификационных признаков болгарских диалектов продолжает его ученик, М. Младенов. За последнее десятилетие он опубликовал много статей о членении диалектов на основе картографирования различных лексем. Все они в той или иной степени подтверждают схему Стойкова. Младенов обратился к картографированию семантических признаков. В этом отношении большой интерес представляет его карта, посвященная картографированию семантики глагола *чувам*, опубликованная в сборнике «В памет на професор Стойко Стойков» [Младенов М. 1974]. В болгарском литературном языке существует глагол *чувам* в значении «слышать; слушать». В этом же значении глагол употребляется в говорах северо-восточного диалекта. Однако в Западной и Южной Болгарии этот же глагол имеет значение «беречь, хранить». Лишь в районе между Елхово и Грудово «загорский клин» пересекает единую территорию, отделяя говоры Странджи от других южных говоров.

Уже накоплен богатый материал, подтверждающий членение болгарских диалектов на зону А и зону Б. Однако исследования должны продолжаться как за счет увеличения все новых признаков, так и более точной и надежной их стратификации. В этом направлении предстоит еще большая работа, без которой создание будущей капитальной «Истории болгарского языка» не представляется возможным.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. К вопросу о членении болгарских диалектов // ВЯ, 1983, № 4. С. 10–18.

Часть II

Карпатская
ареальная
диалектология
И
лингвогеография

КАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС

Послевоенный период в славянской диалектологии характеризуется широким применением методов лингвистической географии. Приступив к этой работе с некоторым запозданием, специалисты по славянской диалектологии успели, однако, за сравнительно короткий срок сделать многое. Завершено и подготовлено к печати несколько томов атласа русских говоров (в 1957 г.

вышел из печати том, посвященный говорам к востоку от Москвы), полностью завершен и находится в печати атлас белорусских говоров, завершается сбор материала для украинского атласа. Опубликован малый польский атлас, находится в печати атлас юго-восточных говоров Болгарии. Идет интенсивный сбор материала для атласов чешского, словацкого, сербо-лужицкого и македонского языков. Близка к завершению работа над атласом словенского языка.

Параллельно идет составление региональных славянских диалектологических атласов (начало чему было положено М. Малэцким и К. Ничем еще в 1934 [Małeckí, Nitsch 1934]). Можно указать на большое число отдельных лингвогеографических исследований славянского диалектного материала, опубликованных после войны в различных странах.

В принципах и методике лингвогеографических исследований в ряде случаев имеются существенные расхождения. Различные коллективы диалектологов по-разному решают проблему построения вопросника-программы для сбора материала, коренным образом расходятся в определении возможностей построения чисто фонетических карт (т. е. фонетических изоглосс, не связанных с определенным кругом лексики), не могут прийти к согласию в отношении роли и значения фонологического аспекта в лингвогеографических исследованиях, по-разному оценивают возможности лингвистической географии в изучении синтаксиса, спорят о соотношении диалектного и этнографического материала. Не менее горячие споры идут и о методах сбора материала, о принципах кар-

тографирования, о технике картографирования. Таким образом, можно говорить о существовании в славянской лингвистической географии нескольких школ и направлений.

Уже давно в науке был поставлен вопрос о целесообразности изучения изоглосс не только на материале говоров одного славянского языка. Именно об этом шла речь в докладе И. А. Бодуэна де Куртенэ «Izoglosy w świecie językowym słowiańskim» на первом съезде славистов-филологов в Праге в 1929 г. [Baudouin de Courtenay 1932]. Позже специально о славянском диалектологическом атласе писал Б. А. Ларин [Ларин 1949]. Мимоходом этого вопроса касались многие. Следует, однако, обратить внимание на то, что диалектологи не видели существенных и принципиальных отличий между национальными атласами отдельных славянских языков и общеславянским атласом. Многим казалось, что общеславянский атлас получится сам собою в результате механического сложения национальных славянских атласов. Проф. К. Мирчев, например, так и писал: «Нет никакого сомнения в том, что болгарский диалектологический атлас будет частью общеславянского» [Мирчев 1951, 200].

Впервые специально вопрос об общеславянском диалектологическом атласе был поставлен на IV Международном съезде славистов в Москве. В результате всестороннего обсуждения этого вопроса стало очевидно, что общеславянский атлас будет коренным образом отличаться от национальных славянских атласов. С этим согласились все участники обсуждения, хотя в определении степени и характера расхождений были известные разногласия. На съезде было принято решение приступить к работе над общеславянским атласом. После съезда было проведено несколько международных совещаний по атласу. На страницах специальных журналов проходило обсуждение ряда проблем, непосредственно связанных с этой работой. В результате всей этой деятельности постепенно создается теория общеславянского атласа.

Параллельно с развитием теории общеславянского атласа развивается теория региональных атласов (см., например: [Дзендзелевский 1961, 195]). Все чаще появляются исследования в плане структурной типологии (см., например: [Ivić 1962; Ивић 1960/1961; Толстой 1963] и др.). Расширение и углубление лингвогеографических методов показало, что возможны многообразные формы описания диалектного материала, различные типы атласов, существенно различающиеся между собою задачами, принципами и методикой.

Еще в 30-х годах XX в. был поставлен вопрос о возможности создания «Балканского диалектологического атласа». В данном слу-

чае речь шла об атласе, который бы опирался на изучение «языкового союза». По случайным причинам этот замысел не был осуществлен. Однако нет сомнения в том, что атлас подобного типа мог быть составлен. Он, конечно, сильно бы отличался от обычных атласов. Так, в нем большое место должно было бы быть уделено картографированию соотносительных грамматических моделей, соотносительных семантических явлений, представленных в словах различной материальной оболочки. Выявление территории балканизмов дало бы в руки исследователей новые данные для решения проблемы происхождения и истории общих черт балканских языков.

Около 30 лет тому назад загребский романист М. Деанович поставил вопрос о целесообразности создания «Средиземноморского лингвистического атласа», который бы показал связи народов, живущих в Средиземноморском бассейне. Эта тема была утверждена VIII Международным съездом лингвистов в Осло в 1957 г. В работе над атласом принимают участие лингвисты Югославии, Болгарии, Италии, Греции и других стран. Картографироваться будет лексика, связанная с морским делом и рыболовством. Программа атласа содержит 800 вопросов. В последние годы все чаще раздаются голоса о необходимости создания славянского топонимического атласа. Нет сомнений в том, что и топонимический материал может быть объектом лингвистического картографирования.

Итак, возможны различные типы лингвистических атласов. Методы лингвистической географии широко применяются при решении исторических проблем на основе самого разнородного материала. Именно это обстоятельство превратило диалектологию в центральную лингвистическую дисциплину, способную решать кардинальные вопросы сравнительно-исторического языкознания.

* * *

Южнославянские языки (болгарский, македонский, сербохорватский и словенский) характеризуются рядом весьма существенных отличий от севернославянских (точнее от западнославянских и восточнославянских) языков. Наиболее древние отличия можно возвести к тому периоду, когда праславянская территория находилась к северу от Карпат. Уже тогда праславянский язык имел различные диалектные группы — к одной из них генетически и восходят южнославянские языки [подробнее см. Бернштейн 1961, 66–74]. Наиболее значительная часть южнославянских отличитель-

ных черт сформировалась, конечно, значительно позже, уже на Балканском полуострове после VI–VII вв. н. э. в связи с новыми условиями языковой и социальной жизни южных славян. Именно эти черты и являются предметом исследования историков южнославянских языков. Так, историки болгарского языка не касаются добалканского периода его истории. Это легко обнаружить не только в старых трудах Б. Цонева и Ст. Младенова, но и в новой работе К. Мирчева. Такой подход оправдывается тем, что историк отдельного славянского языка якобы не должен вступать в праславянский период: его задача исследовать историю языка после завершения праславянского периода. «Историческая грамматика болгарского языка, — пишет К. Мирчев, — имеет целью изучить и представить постепенное развитие изменений, которые произошли в звуковом составе, в грамматическом строе и в лексике болгарского языка от периода его обособления в самостоятельный славянский язык после распада праславянского языка» [Мирчев 1958, 5]. Аналогичной точки зрения придерживаются историки и других южнославянских (и не только южнославянских) языков. Лишь И. Попович попытался выйти за указанные хронологические рамки [Popović 1960]. И для этого у него имелись веские основания.

В южнославянских языках произошли глубокие изменения в тот период, когда предки южных славян заселили Карпаты и начали жить в новых для них условиях горного ландшафта. До этого славяне жили в иной географической среде. «В славянских языках, — писал В. Н. Щепкин, — замечательно богатство названий для проточных и стоячих вод, для ключей и колодцев, для озер, болот и топей, для лесов, зарослей и рощ. Напротив того, общие всем славянам названия горных формаций очень редки. Все указывает, что родиной славян была лесистая, богато орошенная равнина, а никак не безлесные степи или долины и склоны гор» [Щепкин 1914, 38–39]. Карпатский период в истории южнославянских языков имел огромное значение. Это связано было прежде всего с изменением географической среды, которая должна была наложить глубокий отпечаток на эти языки. Произошли глубокие изменения и в экономической жизни. Здесь установились иные взаимоотношения между различными славянскими племенами: вошли в близкое соприкосновение те племена, которые прежде не находились в состоянии контакта.

Новая территория славянских поселений в Карпатах не была безлюдной. Здесь издавна жили многочисленные племена, говорившие на фракийских диалектах. Есть основания полагать, что в западных Карпатах обитали кельты. В Трансильванских

Альпах жило население, говорившее на одном из романских диалектов. Начался процесс ассимиляции части местного населения славянами, который, конечно, не прошел бесследно и для славянских языков. В результате во всех славянских языках, испытавших воздействие в той или иной степени указанных выше факторов, произошли многочисленные изменения. Они отражаются во всех южнославянских языках, в юго-западных говорах украинского языка, в южных говорах польского языка, охватывают значительную часть центральных и восточных словацких говоров, некоторые моравские говоры чешского языка. Таким образом, в результате карпатской миграции славян возникла очень важная локальная группа диалектов, характеризующаяся многими общими особенностями. Они нашли отражение преимущественно в области словаря, семантики, словообразования, синтаксиса, фразеологии. В меньшей степени карпатские языковые инновации отразились на звуковом строе говоров и на морфологии.

Славянская колонизация Балканского полуострова началась в VI в. н. э. К концу VII в. значительная часть полуострова уже была заселена славянами. Таким образом, мы можем думать, что языковые изменения, связанные с пребыванием славян в Карпатах, происходили наиболее интенсивно между II–III вв. и VI–VII вв. н. э. Именно в этот период происходило формирование тех языковых черт, которые следует связывать с карпатской миграцией славян.

Это был, конечно, еще праславянский период. Однако историки праславянского языка не могут выявить частных и локальных групп, которые формируются в результате сложных взаимодействий на сравнительно небольших территориях. Эти процессы должны изучаться на материале тех языков, которые в своем развитии прошли через эти локальные группы. Вот почему историк польского языка должен непременно учитывать всю историю лехитской группы, историк болгарского языка должен считать предметом своей специальности весь карпатский период жизни болгарского языка.

Не все местные языки в Карпатах были поглощены славянскими языками. Это относится прежде всего к румынскому языку, который на значительной территории сам ассимилировал славянские диалекты. Естественно, что современные румынские диалекты сохраняют многие особенности, сформировавшиеся здесь. Некоторые из них были определены влиянием древних румынских диалектов на диалекты пришедших с севера славян, другие являются наследием в румынском языке ассимилированных славянских диалектов. Вот почему карпатскую языковую проблему нельзя

решать без всестороннего учета данных дакорумынских диалектов. Нельзя пройти мимо и венгерских диалектов, несмотря на то, что венгры появились здесь только в IX в. Конечно, к этому времени многие процессы были здесь уже завершены. Однако венгры ассимилировали на территории Паннонии местное славянское население. Изучение славянских элементов в современных венгерских диалектах может дать очень важные сведения о направлении древних изоглосс карпатского ареала.

Итак, перед историками южнославянских языков стоит важнейшая задача изучения тех изменений, которые пережили эти языки между II–III и VI–VII вв. н. э. в Карпатах. Эти изменения были глубоки, и они определили многие специфические особенности болгарского, македонского, сербохорватского и словенского языков. Аналогичные задачи стоят перед историками юго-западных украинских говоров, южнопольских говоров, словацких и моравских говоров. Ведь в сфере воздействия карпатской языковой ситуации оказались украинские говоры Закарпатья и Прикарпатья, расположенные в Западных Бескидах гуральские говоры польского языка, словацкие говоры Малых и Белых Карпат, говоры моравских валахов. Сравнительное изучение всех этих языков (или диалектов) вместе с румынским и венгерским языками даст возможность вскрыть те процессы, которые привели в свое время к формированию «карпатизмов».

Можно ли говорить о существовании «карпатского языкового союза»? На этот вопрос следует дать, видимо, отрицательный ответ. Имеются лишь отдельные элементы, которые при дальнейшем развитии могли бы сформироваться в «языковой союз». Для «языкового союза» характерно наличие прежде всего сходных грамматических моделей. Мы не знаем пока специфических карпатских грамматических моделей, которые бы объединяли языки и диалекты карпатского ареала. Представленные здесь параллельные грамматические структуры повторяют во многом грамматические модели «балканского языкового союза». Специфические «карпатизмы» — это прежде всего характерные для языков данного района лексемы и чрезвычайно своеобразная семантика многих хорошо известных всем славянским языкам слов.

* * *

Поставленная нами проблема интересовала в какой-то степени лингвистов и раньше. Однако ее пытались решать на ограниченном материале и только в плане заимствований. Я имею в виду ра-

боты, в которых обсуждались вопросы влияния южнославянских языков на юго-западные (главным образом закарпатские) говоры украинского языка.

Впервые этот вопрос был поставлен неспециалистом по украинскому языку. Речь идет о проф. В. Погорелове, который, познакомившись с закарпатскими говорами, обнаружил в них ряд черт, которые он определил как «болгаризмы». В небольшой статье «Болгаризмы в карпатских говорах» [Погорелов 1940] В. Погорелов приводит следующие примеры из карпатских говоров: 1) краткие формы дат. падежа местоимений употребляются в значении притяжательных местоимений (*жона ми* вместо *жона моя*); 2) союз *що* употребляется в функции относительного местоимения; 3) превосходная степень образуется с помощью частицы *май* (*май-слабий*); 4) сравнительная степень образуется с помощью частицы *по-*, которая перетягивает на себя ударение (*пóкороткий*); 5) употребляется удвоенный предлог *зоз* (<*сьє*); 6) встречаются типичные для болгарского языка слова: *балта*, *бердо*, *брич*, *дойка*, *жеб*, *копылец*, *мерша*, *пазити*, *перть*, *полонина*, *псовати*, *сербати*, *твердо*, *читавый*.

На основании представленных фактов В. Погорелов высказал предположение, что до прихода венгров на Балканы между древнерусским населением Закарпатья и болгарами существовал тесный контакт, в результате которого многие болгаризмы проникли в восточнославянскую речь, где они сохраняются до сих пор.

Отрицательное суждение о работе В. Погорелова высказал М. Фасмер [Vasmer 1940]. Он отметил, что некоторые из указанных «болгаризмов» встречаются не только в южнославянских языках и в карпатских говорах украинского языка, а далеко за их пределами. В. Погорелов, по справедливому замечанию Фасмера, не изучил истории тех явлений, на основе которых он утверждал наличие тесного контакта между восточнославянским населением Карпат и южными славянами до прихода на Карпаты венгров (т. е. до IX в.). Многие из представленных в списке Погорелова болгаризмов сами являются сравнительно поздними заимствованиями в болгарском языке. Отрицательное суждение о статье Погорелова высказал Ив. Панькевич [Панькевич 1937]. Он справедливо указал, что примеры В. Погорелова не могут подтвердить его гипотезы о наличии древних контактов между восточнославянским и южнославянским населением Карпат. Не отрицая возможности вообще таких контактов, Панькевич, однако, обратил внимание на необходимость изучения так называемых болгаризмов за пределами закарпатских говоров. Некоторые из указанных В. Погореловым особенностей

встречаются в разных украинских говорах (не только в юго-западных). Панькевич убедительно показал, что Погорелов не учитывает того, что многие южнославянизмы могли проникнуть в закарпатские говоры в сравнительно позднее время через румынский и венгерский языки. Поставленную В. Погореловым проблему необходимо решать при всестороннем учете данных румынских и венгерских говоров.

В послевоенный период специалисты по юго-западным украинским говорам продолжали обсуждать вопрос, поднятый Погореловым. При всех недостатках статьи Погорелова нельзя не признать, что в ней были поставлены вопросы, мимо которых не может пройти украинист. Обнаруживались все новые и новые факты, которые объединяют говоры Закарпатья и Прикарпатья с южными славянскими языками (не только с болгарским, но и с сербохорватским).

В 1955 г. Ив. Панькевич опубликовал большую статью [Панькевич 1955]. На основе изучения топонимического материала Трансильвании и языка брашовских грамот Панькевич пришел к выводу, что в районе Трансильвании в XII в. существовал тесный контакт между болгарами и предками украинцев.

Детальный анализ статьи Панькевича не входит сейчас в мою задачу. К этому я вернусь специально в другой раз. Здесь лишь отмечу, что по уровню лингвистического анализа эта статья не отличается от статьи Погорелова. Недостатки метода здесь видны даже яснее, так как перед нами не газетная статья, а специальное исследование. Изолированные и случайные сопоставления отдельных фактов, отсутствие строго этимологического анализа, поразительная неосведомленность автора в болгарской диалектологии, игнорирование данных румынской и венгерской диалектологии (здесь Панькевич забыл о своих советах Погорелову) — все это дает нам основание поставить под сомнение все выводы и основные положения статьи. Автор не смог привести ни одного убедительного факта, который бы подтверждал его хронологию. Ряд фонетических явлений закарпатских говоров украинского языка автор рассматривает в связи с возможным влиянием болгарского языка. Примечательно, однако, что в книге «Нарис історії українських закарпатських говорів» (Прага, 1958) Панькевич совершенно не учитывает возможности влияния на эти говоры южнославянских языков. Здесь данная проблема автором даже не ставится.

Затронута интересующая нас проблема и Б. В. Кобылинским в книге «Діалект і літературна мова». Здесь, однако, речь идет не о закарпатских говорах украинского языка, а о прикарпатских (главным образом о покутских говорах). Автор и здесь обнаружил

многие из тех «болгаризмов», которые до него отмечались в закарпатских говорах. Из области лексики он приводит: *бердо* 'круча', *клеть* 'комната', *ватра* 'огонь', *ватрал* 'кочерга', *езвіро* 'глубокий провал', *гуне* 'короткое теплое пальто из грубого сукна', *варувати* 'беречь', *пазити* 'наблюдать, стеречь', *токмити* 'договариваться', *брич* 'бритва', *сарака* 'бедняга', *доста* 'хватит', *кокошка* 'курочка', *борзо* 'быстро', *лигати* 'глотать' и др. [Кобилянський 1960, 247–248]. К болгаризмам Кобилянский относит встречающийся часто в говорах глагольный префикс *ві* (*вішов*, *вірізу*), твердый *ц* в именных суффиксах *-ца*, *-ец*, широкое употребление энклитических местоимений и др. В ряде случаев автор предпочитает говорить не о «болгаризмах», а о «болгаро-южнорусских диалектных схождениях». Сюда он относит, например, окончание 1-го лица мн. числа настоящего времени *-ме* и ряд других фактов. Обращает внимание Кобилянский и на ряд фонетических черт, генезис которых, по мнению автора, может быть выяснен только при учете болгаро-украинских связей [Кобилянський 1960, 256–260].

Б. В. Кобилянский отвергает возможность проникновения болгарских элементов в украинские говоры через румынский язык. «Известные звуковые и морфологические общие черты, которые существуют в диалектах восточнокарпатских, покутских и болгарских, не следует объяснять посредничеством румынского языка» [Кобилянський 1960, 246–247]. Однако у автора нет убедительных оснований для подобного утверждения. Ссылка на древние связи между болгарским и древнерусским языками в районе Карпат не убедительна без установления хронологии этих общих черт. Следует указать, что вообще автор не решает вопросов хронологии¹.

На пятой славистической конференции в Ужгороде в 1962 г. В. В. Нимчук сделал доклад на тему «Вопросы связей закарпатских украинских говоров с южнославянскими языками». Докладчик справедливо указал на актуальность данной тематики. Собранный Нимчуком материал пополняет инвентарь так называемых «южнославянизмов»: *кр'ятати* 'повертывать', *тір'ати* 'гнать', *уталожитис'а* 'успокоиться' и др. В отличие от своих предшественников Нимчук больше внимания уделяет связям закарпатских говоров с сербохорватским языком. В заключение он пишет: «Необходимо дальнейшее изучение лексики и грамматики закарпатских и соседних украинских говоров в лингвогеографи-

¹ Преуменьшал роль и значение румынского языка в создании общих элементов в языках карпатского ареала Д. Кранджалов. См. его монографию [Crânjală 1938] и статью [Crânjală 1961, 143–190].

ческом и историческом планах для того, чтобы выяснить древние и новые связи этих говоров с говорами южнославянских языков, установить хронологию их общих черт [Німчук 1962, 93].

В изучении связей между карпатскими говорами украинского языка и южнославянскими языками имеются весьма существенные пробелы и недостатки. Укажу основные.

1. Все специфические особенности юго-западных украинских говоров, имеющие аналогии или соответствия в болгарском или сербохорватском языках, причисляются к «южнославянизмам». Исследователи не считаются с трезвым предостережением Г. Геровского, который еще в 1946 г. писал: «Правильно было бы, по-видимому, упомянутые карпатские слова, сходные с болгарскими, не считать заимствованными из этого языка, а словарными совпадениями с южнославянскими, унаследованными от старого времени, когда славянские говоры болгарского типа имели распространение в нынешней Трансильвании („дакославянские“ говоры) и Украине по северной стороне Дуная (IX–XI вв.), с которыми предок нынешнего карпаторусского говора был непосредственно связан» [Геровский 1946, 150]. Многие отличительные особенности болгарского и сербохорватского языков сформировались, как уже было сказано выше, в период карпатской миграции южных славян. Эти карпатские инновации охватили часть говоров восточных и западных славян. Все эти особенности следует считать «карпатизмами».

От «карпатизмов» необходимо отличать «балканизмы», многие из которых этимологически восходят к южнославянским языкам. Некоторая часть этих балканизмов румынского, албанского, новогреческого и турецкого происхождения. В данном случае речь идет о заимствованиях из балканских языков (главным образом, через румынский) в сравнительно позднее время (после XIV в.). Турецкое завоевание Балканского полуострова вызвало отлив населения в северные области. Это не могло пройти бесследно для языков карпатского ареала. Влияние балканских языков определялось и экономическими причинами. Польский языковед З. Голомб убедительно показал, что карпатская скотоводческая терминология содержит многочисленные элементы, заимствованные из балканских языков: «В скотоводческом словаре карпатских славян (украинцев, поляков, словаков) имеется много балканских элементов, которые представляют собою румынские (романские) слова или слова, которые румыны заимствовали из других балканских языков (среди них и южнославянских)» [Голомб 1959, 22].

2. При изучении «карпатизмов» специалисты по украинской диалектологии основное внимание обращали на южнославянские

языки. А между тем многие из «карпатизмов» хорошо известны некоторым словацким, моравским, польским говорам. Это же относится и к «балканизмам».

3. Отдельные ученые (например, Панькевич) понимали, что поставленную проблему нельзя решать без данных румынского и венгерского языков. Однако дальше общих пожеланий дело не шло. Очевидно, что исследователь «карпатизмов» не должен ограничиваться только славянскими языками. В этом отношении очень велика роль румынского языка, который не только территориально объединяет украинские и болгарские «карпатизмы», но и сам является источником многих «карпатизмов» и «балканизмов».

В инвентарь «южнославянизмов» специалисты по карпатским украинским говорам всегда включают известное здесь слово *рупа* (*рѳпа*) «яма для хранения овощей, нора, дупло, пещера, горная котловина». Действительно, это слово с различными фонетическими вариантами хорошо известно южнославянским языкам. Недавно вновь это слово привел В. В. Нимчук как доказательство влияния южнославянских языков на закарпатские говоры. Оно стоит в списке слов, которые якобы доказывают «существование в глубокой древности языковых контактов между южными славянами и юго-западными древнерусскими племенами, прежде всего белыми хорватами» [Нимчук 1962, 92]. Однако может ли это слово доказывать и подтверждать эти контакты? Попытку С. Младенова связать это слово со славянским *ropa* «соляной раствор» следует признать несостоятельной. В. М. Иллич-Свитьч полагает, что «**gipa* в значении 'горное ущелье, пещера' было заимствовано у дославянского населения Карпат в период карпатской миграции» [Иллич-Свитьч 1960, 227]. Следовало бы сказать более определенно. Ведь это слово — вклад румынского языка в карпатскую лексику (ср. лат. *rupto*, *rūpi*, *ruptum*, *rumpere* 'рвать, разрушать, вырывать, прорывать', *rūpīna* 'расселина в скалах, каменистое ущелье', рум. *reptură* 'дыра', *gipe* 'рвать'). Подобных романизмов в карпатской лексике много. И это естественно.

В румынском языке имеется много слов славянского происхождения. В основном эти слова генетически связаны с болгарским языком. Многие из этих слов через Маремуреш и Буковину проникали в украинские говоры в сравнительно позднее время. Особенно много их в прикарпатских говорах (в покутских и гуцульских говорах, в говорах бойков). Многие из этих слов имеют сравнительно небольшую территорию и могут быть причислены к локальным карпатизмам и балканизмам. Выявить их возможно только методом лингвогеографического описания.

4. Многие «карпатизмы», известные языкам карпатского ареала, этимологически не могут быть возведены к этим языкам. Они, видимо, сохранились от ассимилированного здесь, в Карпатах, языка, от древнего карпатского субстрата. Причислять их к «болгаризмам», или «сербизмам», или «балканизмам» нет никаких оснований. Обычно, однако, специалисты по украинским карпатским говорам их смело причисляют к южнославянским элементам. Вот один из примеров.

В список южнославянизмов карпатских говоров обычно включают закарпатские *кварити* 'портить', *квар* 'порча'. М. И. Онышкевич фиксирует эти слова и в прикарпатских говорах (у бойков: *квар би т'а ўквартиў* — Коростів). Действительно, соответствующие слова хорошо известны всем южнославянским языкам: болг. *кваря*, *покварям*, *поквара*, *покварен*; срх. *кварити*, *кварен*, *поквара*; словен. *kvariti*, *kvaren*, *kvar*. Все они употребляются в значении 'портить', 'испорченный', 'порча'. Фиксируют соответствующие слова и словацкие словари: *kvárit* 'портить', *kvárený* 'испорченный', *kvár* 'порча'. Известно слово *kár* (<*kvar*) венгерскому языку, где оно, очевидно, заимствовано из славянского. Об этом свидетельствует начальный *k*. Еще Юнгман в свое время пытался соответствующий корень связать с *skvǔrnъ*, но неудачно. Ошибочность его этимологии очевидна. Ни один из известных нам языков не дает данных для установления этимологии морфемы *kvar-*. Вот почему можно думать, что эта морфема, хорошо известная языкам карпатского ареала, является наследием ассимилированного карпатского субстрата. В инвентаре карпатизмов таких слов немало. Нет сомнения, что многие из подобных неясных в этимологическом отношении слов являются здесь фракийским наследием.

5. В словарном составе украинских говоров Закарпатья и Прикарпатья встречается немало слов турецкого происхождения. Эти слова хорошо известны болгарскому и румынскому языкам. Они проникли сюда сравнительно поздно, главным образом через румынский язык. Специалисты по украинской диалектологии не отделяют их от древних карпатизмов. Эти слова сплошь и рядом входят в список слов, подтверждающих древние связи предков украинцев с болгарами (см., например, у Кобылянского слово *гердан*, которое стоит рядом со словами *ватра*, *гуне*, *пазити* и т. д.). *Гердан* и под. следует причислять к «балканизмам» турецкого происхождения.

6. При установлении инвентаря «карпатизмов» специалисты по украинской диалектологии пользуются словарями южнославянских литературных языков. Таким образом, в стороне остается

ся богатейшая диалектная лексика болгарского и сербохорватского языков. Эта лексика могла бы значительно пополнить список слов, объединяющих украинские карпатские говоры с южнославянскими языками.

Но дело не только в этом. Ведь не все уже выявленные слова характеризуют все говоры южнославянских языков. Каждый «карпатизм» имеет свою сферу распространения на территории этих языков. Вот почему для решения всей проблемы в целом необходимо иметь представление о так называемых карпатских изоглоссах на территории болгарских, македонских, сербохорватских и словенских говоров. Не все говоры этих языков в одинаковой степени отражают древнее карпатское наследие.

Если говорить о болгарских говорах, то здесь особое значение приобретают северо-западные говоры Болгарии. Эти говоры имеют наибольшее число «карпатизмов». Близки к ним в этом отношении восточные, северо-восточные и центральные говоры штокавского диалекта сербохорватского языка. Именно центральный район северной границы южнославянского ареала в наибольшей степени связан с центральным районом южной границы севернославянского ареала. П. Ивич в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве указал, что «большое число южных особенностей в центре северной территории должно иметь свои глубокие причины» [Ивић 1957–1958, 199]. Ивич справедливо полагает, что после переселения славян на Балканский полуостров в течение длительного времени не нарушался контакт между северной и южной группами. Барьер возник позже «вследствие переселения венгров, проникновения германских племен в теперешнюю Восточную Австрию и формирования компактного романского этнического ядра в Румынии» [Ивић 1957–1958, 199]. Это привело к ликвидации многочисленных переходных говоров между южнославянскими и севернославянскими языками.

7. При выявлении «карпатизмов» мало обращалось внимания на семантику. А между тем именно в области семантики отражаются многие важные процессы, связанные с карпатской миграцией славян. Именно здесь многие общие праславянские слова приобрели новые значения, связанные с новыми географическими условиями и новыми условиями быта. Эти значения резко отделяют южнославянские языки от севернославянских. Говоры последних, примыкающие к карпатскому району, в ряде случаев сближаются с южнославянскими. Семантика южнославянских языков может дать очень много важных и ценных фактов и параллелей для кар-

патских говоров украинского, словацкого и польского языков. В свою очередь, эти говоры содержат ценнейшие данные для изучения истории значений многих южнославянских слов, так как на Балканах были утрачены некоторые древние значения, хорошо сохраняющиеся до сих пор в Карпатах. Это можно показать на многих примерах.

В болгарском представлено слово *стая* 'комната'. В том же значении в говорах употребляются турцизмы *одая* и *соба*. Нет сомнений, что слово *стая* в болгарском славянского происхождения. Оно восходит к праславянской глагольной морфеме **stā*-. Сопоставление болгарского *стая* с сербохорватским *стаја* «стойло, хлев, барак» и словенским *staja* в том же значении дает основание считать болгарское значение более новым (ср., например, от того же корня слово *стадо*). Однако южнославянский языковой материал не дает возможности идти дальше. Здесь этимологу приходят на помощь карпатские говоры украинского языка, где это слово сохраняет значения, дающие возможность восстановить все утраченные звенья: 'пастбище, где овцы задерживаются на длительный срок', 'место пастушьей зимовки в горах', 'пастушья стоянка в горах', 'главный большой шалаш на стоянке пастухов'. Именно отсюда в дальнейшем и развилось болгарское значение слова *стая*. Переход от «помещения» к «комнате» является естественным, так как современное понятие «комната» является, конечно, новым. Вспомним, что в болгарских говорах часто слово *кџаца* имеет значение не только 'дом', но и 'комната'.

И. Попович в «Южнославянских лексических этюдах» изучил целую цепь значений славянского **koŕja*, которая в южнославянских языках завершается значением 'domus' [Попович 1962, 44–53]. Она была бы несомненно полнее, если бы автор привлек больше материала из карпатских говоров. Кроме отмеченного им 'клеть для птиц, хлев для свиней' (по Гринченко), 'помещение для свиней, бедный дом, хибара' (по Жилко), можно было бы еще указать из карпатских говоров 'маленький дом, собачья будка, куча чего-либо...'.¹

8. Исследователи так называемых «южнославянизмов» в карпатских говорах украинского языка не имели представления о территории их распространения не только в южнославянских языках, но и в украинском языке. Уже критики Погорелова указывали, что некоторые из отмеченных им «болгаризмов» имеются далеко за пределами возможного влияния южнославянских языков. Однако и критики не имели ясного представления о территории указанных явлений. Совершенно очевидно, что данная пробле-

ма могла быть решена только путем тщательного лингвогеографического описания. Это наглядно показал «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» И. А. Дзензелевского [Дзензелівський 1958, 1960], содержащий 27 частных лексических карт и 29 общих карт. Несмотря на незначительную территорию (атлас охватывает только украинское Закарпатье) и отсутствие у составителя специальной задачи выявить связи с южнославянскими языками, атлас дает очень много новых и ценных фактов для решения интересующей нас проблемы. «Впервые получили лингвогеографическое основание факты так называемых закарпатско-южнославянских связей, на которые в свое время обратил внимание В. Погорелов. Уже в рецензируемом томе „Атласа“ можно отметить значительное число слов, имеющих закарпатско-южнославянский ареал [*веремня* 'солнечная погода'..., *мáчка* 'кошка'..., *хíжа* 'крестьянский дом'..., *оболок* 'окно'..., *кúча* 'свинарник'..., *пáзити* 'спешить'..., *играти* 'танцевать'..., *копáчка* 'мотыга'..., *нічелници* 'часть ткацкого стана'...]. Совокупное рассмотрение изоглосс такого рода не только может дать многое для решения вопроса о генезисе закарпатских украинских говоров, но и способно пролить свет на проблему переселения южных славян в Карпаты» [Иллич-Свитыч, Венедиктов 1960, 118]. Из второго тома могу указать на карты *клювач* 'дятел', *геренда* 'поперечная балка', *білі печінки* 'легкие', *джумара* и его варианты 'шкварки', *путечка* 'дорожка', *балта* 'топор', *брич* 'бритва', *часовник* 'часы', *клинец* 'гвоздь', *тко* 'кто' и др. О существовании многих из отмеченных слов в закарпатских говорах было известно и прежде. Однако только теперь мы имеем полное представление о территории их распространения.

Атлас И. А. Дзензелевского очень наглядно показал большое преимущество лингвогеографического описания. Во весь рост встала задача изучения «карпатизмов» по специальной программе методами лингвистической географии. Так возникла идея создания КДА.

Вопрос о КДА был поставлен в повестку дня первого Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения, которое происходило в Москве в январе 1961 г. Именно этому вопросу была посвящена значительная часть моего доклада «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков» [Бернштейн 1961а, 183–185]. Естественно, что на совещании была определена лишь первая стадия работы, выполнение которой возможно силами языковедов Советского Союза. Речь шла об изучении по специальной программе карпат-

ских говоров украинского языка. Успешное продвижение этой работы могло бы явиться предпосылкой для включения в нее в дальнейшем языковедов Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии, Румынии и Венгрии.

После совещания в Институте славяноведения и на кафедре украинского языка Ужгородского университета началась работа над проектом вопросника КДА. В июне—июле 1962 г. в Ужгороде состоялось первое совещание, в котором приняли участие видные специалисты по юго-западным говорам украинского языка (см. хроникальную заметку в ВЯ, 1962, № 6, с. 148—149). В июле — начале августа 1963 г. проводится первая экспедиция.

В настоящее время вопросник КДА включает в себя 541 вопрос: по фонетике 17 вопросов, по словообразованию и морфологии 57 вопросов, по синтаксису 13 вопросов, по фразеологии 15 вопросов, по лексике (от предмета к слову и от слова к предмету) 420 вопросов.

Наиболее ясно и четко отвечают задачам КДА вопросы по лексике. Здесь фиксируются те слова и те значения слов, которые отличают юго-западные украинские говоры от остальных украинских говоров и сближают их прежде всего с южнославянскими языками, в ряде случаев со словацкими, моравскими и южнопольскими говорами. Учитывались по мере возможности данные румынской и венгерской диалектологии. В разделе лексики большое место отведено ландшафту (*дебра, дебиль, пуста, рудина, рудовина, діл, преслип, бердо, осой, полонина, дия, перть, извор, рупа, роп* и др.), природным явлениям (значения слов *година, вермя, поледица* и др.), фауне и флоре (*мачка, ключач, костриж, мерена, боз, трепета, смерека, жаборина* и др.), человеку (*кмет, челядь, приведенник, копилец, сліпе око* и др.), пище, одежде (*баник, солонина, кирпа* и др.), болезням, обычаям (*гуша, гирча, задушница, полазник* и др.), дому, утвари (*хижа, куча, колиба, лавица, прозор, під, судина, протак, часовник, ватра* и др.), сельскому хозяйству (*кирд, тирло, копачка, кошница, боросква* и др.). Для КДА очень важно собрать материал для слов *горня* 'кружка, горшок', *грішка* 'ошибка', *печурка* 'гриб', *добиток* 'домашний скот', *кола* 'телега, повозка', *квар* 'порча', *кварити* 'портить', *покрекло* 'прозвище', *вир* 'водоворот', *глоба* 'штраф', *мерша* 'падаль', *грижа* 'забота', *токма* 'соглашение' и др. Из прилагательных укажу на следующие: *питомний* 'ручной, недикий, домашний', *плиткий* 'мелкий, плоский', *коравий* 'покрытый коркой, непокорный, упрямый', *людський* 'чужой', *правий* 'прямой', *храпавий* 'неровный, шероховатый', *солодкий* 'пресный', *безочливий* 'наглый', *хитрий* 'скорый, быстрый', *читавий* 'целый, неповрежден-

ный, хороший, сильный', *бавний* 'медленный, медлительный', *на-ручний* 'удобный, сподручный', *жежкий* 'горячий, жаркий' и др. Богатый материал дают наречия: *доста* 'достаточно, довольно', *горі-долу* 'кое-как, приблизительно', *онде* 'вон там, вон туда; недавно', *боле* 'лучше, хорошо', *мучно* 'тяжело, трудно', *твердо* 'очень, сильно', *легко* 'может быть', *пак* 'потом; же', *чисто* 'просто, полностью', *мало* 'чуть не; немного', *вон, вонка* 'снаружи', *докля* 'докуда, до какого места; до каких пор', *уєдно* 'вместе', *само* 'только лишь', *сночи* 'вчера вечером, вчера', *поготів* 'тем более', *требало* 'нужно было' и мн. др. Из предлогов зафиксирован только предлог *зад*: *зад себе, вскочив у хату зад їх*.

Много вопросов уделено глаголам (главным образом семантике глаголов). Здесь фиксируются глаголы: *гнявити* 'давить виноград; придавить ногу; давить, мять', *санкатися* 'кататься на санках', *іграти* 'плясать, танцевать', *двигати* 'поднимать', *голоситися* 'отзываться, подавать голос', *пристигати* 'прибывать, приезжать', *поскорити* 'поторопить', *проширити* 'расширить', *обікати* 'обещать', *псовати* 'ругать', *крятати* 'двигать, поворачивать', *кресати* 'тесать камень, дерево', *гомзити* 'ползать, кишеть', *знати* 'уметь', *ховзати* 'скользить', *дворитися* 'забавляться', *тіряти* (*кіряти*) 'гнать, прогонять', *пристати* 'жить в семье жены', *сочити* 'предлагать, рекомендовать', *спирати* 'останавливать, задерживать', *пазити* 'стеречь, беречь', *жаморити* 'болтать', *вівкати* 'кричать, звать', *праскати* 'трещать, лопаться', *уталожитися* 'успокоиться, утихомириться' и мн. др.

Составленный вопросник КДА содержит, конечно, разнородный материал, отражающий различные исторические периоды в судьбах языков карпатского ареала. Он даст возможность выявить наиболее древние «карпатизмы», характеризующие языки и диалекты карпатского ареала, многие локальные «карпатизмы» разных периодов, старые и сравнительно поздние «балканизмы» (т. е. заимствования из различных балканских языков). КДА покажет территорию распространения всех зафиксированных в вопроснике языковых особенностей. Задача исследователя будет состоять в разграничении и историческом комментировании изоглосс КДА. На Ужгородском совещании было принято решение обследовать на территории к западу от линии Самбор–Галич–Теребовля–Каме-нец-Подольский 120 украинских населенных пунктов, 12 румынских и 8 венгерских. Сетка обследования будет определяться не географическими, а исключительно языковыми факторами.

Работа над КДА должна вестись в тесном контакте с работой над общеславянским атласом. Перед составителями обоих атласов

стоит много общих задач. КДА даст очень важный и ценный материал для изучения трудной проблемы классификации славянских языков, для изучения взаимоотношений южных и северных групп славянских языков, для выявления ряда важных древних славянских изоглоссных областей. А все эти проблемы стоят и перед составителями общеславянского атласа. КДА поможет решить много чисто балкановедческих проблем: он даст возможность разграничить старые «карпатизмы» и «балканизмы», выявит их изоглоссы, даст надежный материал для изучения карпатского и балканского языковых субстратов, для изучения истории славяно-румынских и славяно-венгерских языковых отношений.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас // ВЯ, 1963, № 4.
С. 72–84.

О «КАРПАТСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ»

Установление взаимоотношений между отдельными славянскими языками лишь на первый взгляд может показаться простой лингвистической задачей. В действительности же это одна из труднейших проблем сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Объясняется это тем, что славянские языки в разные периоды своей истории находились в различных отношениях друг к другу. Картина еще усложнится, если производить наблюдения на уровне отдельных говоров: по многим важнейшим признакам говоры одного славянского языка могут относиться к другой группе языков. Объясняется это тем, что процессы дифференциации в разные периоды истории праславянских диалектов и отдельных славянских языков сменялись процессами интеграции, в результате чего возникли новые образования, содержащие элементы разнородного происхождения. Известны случаи, когда современные говоры одного славянского языка в прошлом принадлежали к говорам другого славянского языка (например, кайкавские говоры сербохорватского языка). В современной науке еще много нерешенных и спорных проблем, относящихся к истории взаимоотношений праславянских диалектов и отдельных славянских языков в ранний период их развития (например, словацкого языка). Объясняется это не только тем, что в нашем распоряжении еще слишком мало надежных фактов. Немалую роль играет то обстоятельство, что мы привыкли смотреть на древние отношения через призму современного языкового мира, современных языковых отношений, современных представлений о славянских языках. Именно на этой почве возникают схоластические споры о языковой принадлежности многих памятников письменности, так как обычно забывают, что эти вопросы должны решаться применительно к эпохе создания памятников, а не к современности.

Изучение истории славянских языков на уровне минимальных единиц (говоров) — задача чрезвычайно сложная и трудная. Однако в какой-то степени она должна быть решена, так как без этого

мы не будем иметь подлинной истории этих языков. История русского языка — это история всех говоров русского языка от периода распада праславянского языка до современности. Это же относится к любому славянскому (и не только славянскому) языку.

В результате сложных этнических и языковых конвергентных процессов на определенной территории могут возникнуть новые образования, которые часто по-новому характеризуют взаимоотношения между родственными языками. Ярким примером этому могут служить языки (в большинстве случаев отдельные говоры) карпатской зоны. Так, по многим своим особенностям южнотрансильванские говоры польского языка ближе к языкам карпатского ареала, нежели к собственно польским говорам. Возможно, что эти говоры генетически не восходят к лехитской группе западнославянских языков.

Еще в XIX в. слависты обратили внимание на наличие особенностей, которые связывают украинский язык с южнославянскими языками (преимущественно с сербохорватским языком). Об этом писали И. В. Ягич, В. Облак, позже этот вопрос в той или иной степени затрагивали авторы многих общих руководств по славянскому языкознанию, по проблемам классификации славянских языков, по славянскому этногенезу. И в настоящее время украинско-южнославянские языковые связи продолжают интересовать славистов разных стран (см., например: [Леков 1962, 36–41]). Привлекаются все новые и новые факты, которые как будто могут свидетельствовать о древних связях части восточнославянских племен с племенами южнославянского происхождения.

Из истории славянского языкознания известны, однако, случаи, когда украинско-южнославянские языковые связи искусственно преувеличивались. Это преувеличение служило определенной националистической концепции, согласно которой украинский язык якобы генетически ближе южнославянским языкам, нежели русскому языку. Наиболее откровенно этот взгляд отражен в работах С. Смаль-Стоцкого [Smal-Stocky], Gartner 1913; Смаль-Стоцкий 1927; Смаль-Стоцкий 1928; и др.]. Эти работы получили отрицательную оценку славистов разных стран: они написаны на низком методологическом уровне и содержат многочисленные преувеличения и извращения. Однако было бы большой ошибкой игнорировать в грамматическом строе украинского языка, в словарном составе, в значении многих слов наличие элементов, которые ориентируют украинский язык к южнославянскому языковому миру. Это бесспорный факт, который необходимо учитывать.

Легко обнаружить, что эти общие элементы в своей массе не являются общеукраинскими. Число их заметно возрастает по ме-

ре приближения к юго-западным областям. Особенно богаты ими украинские говоры Прикарпатья и Закарпатья (территория к западу от Днестра). Это говоры бойковские, закарпатские, надднестрянские, буковинско-покутские и гуцульские [Жилко 1966, карта]. Именно здесь обнаруживается особенно много слов, которые хорошо известны болгарскому и сербохорватскому языкам, но которые отсутствуют к востоку от Днестра. Таким образом, следует разграничивать украинско-южнославянские схождения, характерные в той или иной степени для украинского языка вообще, и локальные схождения, обнаруживаемые только в юго-западных говорах украинского языка. Исследование этих локальных схождений может дать ценный материал для изучения древнейшей истории этих говоров, для изучения истории взаимовлияния языков карпатского ареала.

На наличие «южнославянизмов» в юго-западных говорах украинского языка было обращено внимание уже давно. Список этих слов заметно увеличился после публикации материалов Ивана Верхратского [Верхратский 1901]. Однако историки украинского языка не придавали этим фактам особого значения, так как казалось, что все соответствующие слова являются сравнительно поздними заимствованиями из румынского и венгерского языков, в которых, как известно, имеется много южнославянских заимствований. Влияние же румынского и венгерского языков на значительную часть украинских говоров Прикарпатья и Закарпатья было длительным и глубоким.

В истории изучения данной проблемы заметную роль сыграло выступление В. Погорелова, далекого, однако, по своим научным интересам от украинской и южнославянской диалектологии. Первоначально в газетной статье в 1935 г. [Погорелов 1935], а затем в специальном научном издании [Погорелов 1939] Погорелов пришел к выводу, что в закарпатских говорах украинского языка (по его терминологии, в карпаторусских говорах) имеются грамматические и лексические «болгаризмы», что «могло возникнуть только при непосредственном соседстве двух языковых групп» (т. е. украинской и болгарской) [Погорелов 1939, 61]. К «болгаризмам» он причислил следующие особенности:

1) аналитический способ образования степеней сравнения: *покороткий, потеплый; май слабый, май лютый*; автор обращает внимание на то, что *май* может стоять не только при прилагательных, но и при существительных и глаголах;

2) краткие формы личных местоимений в дат. п. в функции притяжательных местоимений: *жона ми, стрый му*;

3) дательный принадлежности: *голова християном, не знай людьом обычайи*;

4) местоимение *що* вместо *котрый*: *в Унгварі тот шугай, шчо я го любила*;

5) удвоение предлога *с*, т. е. *зоз, зос*: *зос тыма дверями, зоз другима газдома*;

6) лексика: *балта, бердо, брич, дойка, жиб, копылец, мерша, пазити, перть, полонина, псовати, сербати, твердо, читавий* [Погорелов 1939, 58–61].

Все наблюдения Погорелова строятся главным образом на материалах Верхратского. Собственных наблюдений над закарпатскими говорами автор не приводил. Не занимался Погорелов и изучением болгарских говоров. Основой сравнения с материалами Верхратского для него служил болгарский литературный язык. На основании указанных выше примеров он делает заключение, что «до прихода мадьяр в равнины Паннонии владения болгарских славян простирались до Тисы. Таким образом, в те отдаленные времена болгары могли быть соседями карпаторусов. А рассматриваемые нами явления всем своим характером свидетельствуют о глубокой давности» [Погорелов 1961, 61]. Этим явлениям автор противопоставляет заимствования из словацких и польских говоров, которые «указывают на недавнее их усвоение карпаторусской речью» [Погорелов 1961, 61].

Статья В. Погорелова не осталась незамеченной. Первый на нее откликнулся известный специалист в области закарпатской диалектологии Ив. Панькевич. В статье «Чи можна говорити про болгаризми в південно-карпатських говорах?», опубликованной в сборнике в честь Ив. Огиенко (Варшава, 1937), Панькевич, не отрицая возможности древних украинско-болгарских этнических и языковых контактов на территории Карпат, однако, показал, что скудный материал статьи Погорелова не решает поставленного автором вопроса. Автор не знает хронологии явлений, не имеет представления о территории распространения указанных фактов в украинских говорах за пределами Закарпатья, не исследовал вопроса о возможности проникновения «болгаризмов» через румынский или венгерский языки. Панькевичем был подвергнут критике еще газетный вариант статьи. В 1941 г. в журнале «Zeitschrift für Slavische Philologie» (Bd. XVII) была опубликована заметка М. Фасмера «Gibt es bulgarische Einflüsse in den ukrainischen Karpatenmundarten», в которой был рассмотрен журнальный вариант статьи Погорелова. Судя по заметке Фасмера, он не был знаком с критической статьей Панькевича.

М. Фасмер показал несостоятельность методологических принципов Погорелова: последний строит свои выводы на фактах, ис-

тории которых не знает. В списке «болгаризмов» Погорелова представлены слова, которых древнеболгарский язык не знал. К ним прежде всего относятся турцизмы (например, *жеб* 'карман'), которые могли проникнуть в болгарский только после XIV ст. В списке «болгаризмов» имеются слова, хорошо известные древнечешскому языку (напр., *дойка*). Погорелов не знает этимологии ряда приведенных им слов. Фасмер полагает, что не выдерживают критики сопоставления Погорелова и из области грамматики. Сравнительная степень с *по-* известна русским говорам (*побольше, поменьше*), превосходная степень с *май* заимствована из румынского языка, употребление местоимения *що* вместо *котрый* имеет широкое распространение в ряде славянских языков (напр., в польском), удвоение предлогов отмечено Л. Л. Васильевым в русских говорах, в московских грамотах XVI ст. Неубедительна для Фасмера ссылка на наличие дательного принадлежности, явления, широко известного славянскому языковому миру с давних времен [Vasmer 1940, 48–51].

Подвергнув убедительной критике многие положения статьи В. Погорелова, Фасмер, однако, некоторые важные пункты обошел молчанием. Так, он прошел мимо таких синтаксических конструкций, как *жона му, стрый му* и под., которые бесспорно сближают юго-западные говоры украинского языка с южнославянскими языками.

Статья Погорелова стояла на низком профессиональном уровне, что убедительно показали Панькевич и Фасмер. К их критике можно было бы добавить еще многое (напр., Погорелов не обратил внимание на то, что многие южнославянские параллели в закарпатских говорах тяготеют не к болгарскому, а к сербохорватскому языку). И вместе с тем суровые критики не обратили внимание на важность поставленной проблемы. Погорелов плохо знал закарпатские говоры, его сопоставления носили случайный характер, он не имел представления о распространении так называемых «болгаризмов» за пределами Закарпатья, имел смутное представление об этимологии слов, на которые он опирался. Однако все это не снимает большой проблемы: почему на территории юго-западных говоров украинского языка проходит много изоглосс, которые прерываются к востоку от Днестра, но идут далеко на славянский юг? Погорелов попытался решить ее, но сделал это неудовлетворительно. Фасмер хорошо показал слабость аргументов Погорелова, но не понял важности самой проблемы. Позже немецкий славист к данному вопросу уже не возвращался.

В 1955 г. в журнале «Slavia» Ив. Панькевич опубликовал большую статью «Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді».

Здесь автор выходит далеко за пределы той сравнительно незначительной территории, о которой шла речь выше. Большая часть его статьи посвящена пересказу противоречивых суждений ученых XIX в. о болгарском этническом элементе в карпатской зоне. Имеется в статье и языковой материал. Автор сопоставляет отдельные явления языка валашских грамот XV в. с фактами закарпатских говоров. Эти сопоставления носят случайный характер и мало что дают для решения основного вопроса. Так, на первом месте у автора стоит полногласие, которое характеризует все восточнославянские языки. Панькевич нашел в валашских грамотах всего два примера с полногласием. Так и должно быть, так как полногласие чуждо валашским грамотам. Большое число примеров с полногласием представлено в молдавских грамотах. Ничего не доказывают фонетические и грамматические признаки, на которые опирается автор. Он несколько расширил список лексических сопоставлений Погорелова. В заключение Панькевич пишет, что в южных областях украинского языка (в Молдавии, на Буковине, в Западной Украине) представлен «ряд фонетических, морфологических и синтаксических явлений, который проник в украинские говоры в результате прямого влияния южнославянских языков или через румынское посредничество» [Панькевич 1955, 237].

Статья Ив. Панькевича по своему уровню мало чем отличается от статьи Погорелова. Изолированные и случайные сопоставления отдельных фактов, отсутствие строгого этимологического анализа, поразительная неосведомленность автора в южнославянской диалектологии, игнорирование данных румынской и венгерской диалектологии — все это ставит под сомнение почти все конкретные сопоставления. Бездоказательны и все утверждения автора, относящиеся к хронологии. Статья Панькевича не внесла ничего нового в изучение поставленной проблемы.

В 1956 г. вышла из печати монография Л. А. Булаховского «Питання походження української мови», в которой рассматривался широкий круг вопросов, относящийся к древнейшей истории украинского языка. К сожалению, автора не заинтересовала проблема происхождения юго-западных говоров и генезиса тех элементов в этих говорах, которые связывают их с южнославянскими языками. Булаховский ограничился некритическим пересказом статьи Погорелова по рецензии Панькевича.

Обстоятельнее на данном вопросе останавливается Б. В. Кобылянский в книге «Діалект і літературна мова (Східнокарпатський і покутський діалекти, їх походження і відношення до української літературної мови)» (Київ, 1960). Впервые здесь речь идет не о за-

карпатских говорах украинского языка, а о прикарпатских (главным образом о покутских) говорах. Автор и здесь обнаружил многие из тех «болгаризмов», которые до него отмечались в закарпатских говорах. Из области лексики он приводит: *бердо* 'круча', *клить* 'кладовая', *ватра* 'огонь', *ватрал* 'кочерга', *єзвіро* 'глубокий провал', *гуне* 'короткое теплое пальто из грубого сукна', *варувати* 'беречь', *пазити* 'наблюдать, стеречь', *токмити* 'договариваться', *брич* 'бритва', *сарака* 'бедняга', *доста* 'хватит', *гердан* 'ожерелье', *задріпаний* 'голодранец', *ягода* 'земляника', *горне* 'горшок', *фурити* 'бросить', *кокошка* 'кураца', *борзо* 'быстро' и др. [Кобилянський 1960, 247–248]. К болгаризмам Кобилянский относит встречающийся часто в говорах глагольный префикс *ві-* (*вішов*, *вірізу*), твердый *ц* в именных суффиксах *-щя*, *-ець*, широкое употребление энклитических местоимений и др. В ряде случаев автор предпочитает говорить не о «болгаризмах», а о «болгаро-южнорусских схождениях». Сюда он относит, например, окончание 1-го лица мн. числа настоящего времени *-ме* и ряд других фактов. Обращает внимание Кобилянский и на ряд фонетических черт, генезис которых, по мнению авторов, может быть выяснен только при учете болгаро-украинских связей [Кобилянський 1960, 246–260]. Автор утверждает, что «болгаризмы» чаще встречаются в гуцульских говорах, реже в покутских.

Б. В. Кобилянский отрицает возможность проникновения «болгаризмов» через румынский язык. Это настойчиво он повторяет много раз. «Известные звуковые и морфологические общие черты, которые существуют в диалектах восточнокарпатских, покутских и болгарских, не следует объяснять посредничеством румынского языка» [Кобилянський 1960, 246–247]. В другом месте: «приведенные диалектные украинские формы могли сложиться только на территории, где сосуществовали говоры болгарские и южнорусские, позже — древнеукраинские; они не могли быть переданы украинским диалектам через посредничество румынского или молдавского языков» [Кобилянський 1960, 255]. Однако у автора нет серьезных оснований для подобных утверждений. Ссылки на древние связи между болгарским и древнерусскими языками в районе Карпат не убедительны без установления точной хронологии этих общих черт. Следует отметить, что автор вообще мало интересуется вопросами хронологии. В отрицании роли румынского языка в формировании общих элементов в языках карпатского ареала Кобилянский следует за Д. Крынджаловым [Crânjală 1938].

Все критические замечания, сказанные по адресу В. Погорелова, и теперь с полным основанием могут быть сделаны Б. В. Кобы-

лянскому. В число «болгаризмов» Кобылянский включил слова самого различного происхождения. Отрицая румынское посредничество, он, однако, в свой список включил тур. *гердан*, которое не могло проникнуть в украинские говоры из древнеболгарского, так как болгарский заимствовал это слово из турецкого языка (т. е. после XIV ст.). Кобылянский совсем не учел ни критических замечаний Фасмера, ни предостерегающих слов Г. Геровского: «Правильно было бы, по-видимому, упомянутые карпатские слова, сходные с болгарскими, не считать заимствованными из этого языка, а словарными совпадениями с южнославянскими, унаследованными от старого времени, когда славянские говоры болгарского типа имели распространение в нынешней Трансильвании („дакославянские говоры“) и Украине по северной стороне Дуная (IX–XI вв.), с которыми предок нынешнего карпаторусского говора был непосредственно связан» [Геровский 1946, 150].

Проблема «южнославянизмов» в юго-западных говорах украинского языка продолжает интересовать украинских диалектологов и в настоящее время. На пятой славистической конференции в Ужгороде в 1962 г. В. В. Нимчук выступил с докладом на тему «Вопросы связей закарпатских украинских говоров с южнославянскими языками». Докладчик справедливо указал на актуальность данной тематики. Собранный Нимчуком материал пополняет инвентарь так называемых «южнославянизмов»: *кр'áтати* 'повертывать', *тир'áти* 'гнать', *утáложитис'а* 'успокоиться', *гн'авити* 'давить', *гн'áцкати* 'мять в руках' и др. В отличие от своих предшественников Нимчук больше внимания уделяет связям закарпатских говоров с сербохорватским языком. В заключение доклада он пишет: «Необходимо дальнейшее изучение лексики и грамматики закарпатских и соседних говоров в лингвогеографическом и историческом планах для того, чтобы выяснить древние и новые связи этих говоров с говорами южнославянских языков, установить хронологию их общих черт» [Нимчук 1962, 93].

На той же конференции с докладом на тему «Лексические данные о восточных славянах в Закарпатье до X в.» выступил И. А. Дзендзелевский. Докладчик доказывал, что восточнославянское население заселило южные склоны Карпат задолго до X в. Среди доказательств этого тезиса было указано на наличие южнославянских слов в закарпатских говорах. «Очевидно, это свидетельствует о древних непосредственных контактах восточных и южных славян в период до появления иноязычного (венгерского, румынского) клина между этими славянскими группами» [Тези 1962, 82]. В докладе на VII международном конгрессе антропологи-

ческих и этнографических наук (Москва, 1964) Дзензелевский высказал предположение, что «древние языковые связи восточнославянских групп Закарпатья с южнославянскими группами относились еще к эпохе существования Великоморавского государства (границы которого еще не определены), под влиянием которого вплоть до прихода венгров в IX в. находились как южнославянская Паннония, так и западная часть восточнославянского Закарпатья» [Дзензелевский 1964, 9]. В доказательство своего тезиса И. А. Дзензелевский приводит следующие примеры: *поледица* 'гололедица', *оболок* 'окно', *під* 'пол', *чад* 'сажа', *бер* 'мостики', *гн'авити* 'мять, давить', *звір, ізвір* 'горный источник', *перт', пирт'*, 'стежка в снегу', *играти* 'танцевать'. Закончив перечисление примеров, Дзензелевский пишет: «Подобных явлений вообще довольно много» [Дзензелевский 1964, 9].

Из краткого историографического очерка видно, что изучение генетических связей юго-западных украинских говоров с южнославянскими языками велось без ясного представления всей проблемы в целом, делались далеко идущие выводы и заключения на скудном и не всегда достоверном материале, постоянно смешивались два самостоятельных аспекта — языковый и историко-этнографический. Попытаемся определить основные задачи и принципы, которыми, на наш взгляд, должны руководствоваться исследователи тех элементов юго-западных украинских говоров, которые отличают их от остальных украинских говоров и которые связывают их с южнославянскими языками.

1. Данную проблему следует рассматривать как часть большой проблемы карпатского языкознания. Языки и диалекты карпатского ареала содержат многочисленные общие черты различного происхождения. Нельзя решить вопрос о наличии «южнославянизмов» в украинском языке без изучения аналогичных фактов в словацких и польских говорах, в румынском и венгерском языках.

2. Все так называемые «южнославянизмы» в юго-западных говорах украинского языка нельзя рассматривать недифференцированно как доказательство древних племенных и языковых связей восточных и южных славян в районе Карпат. Многие общие элементы словаря являются наследием тех древних индоевропейских языков, которые были распространены на огромной территории Даккии, Паннонии, Мизии и соседних областей. Эти языки позже были ассимилированы и следы их в настоящее время отражаются в языках различных народов от северных Карпат до юга Балканского полуострова. В говорах украинского языка они в такой же степени могут считаться южнославянизмами (болгаризмами и сер-

бизмами), как в южнославянских языках — украинизмами. Кроме того, они обычно представлены в румынском языке, иногда в венгерском. Правильнее все эти общие элементы называть карпатизмами. Выявить их возможно в результате всестороннего этимологического и лингвогеографического анализа языков карпатского ареала.

Среди «южнославянизмов» можно обнаружить большую группу сравнительно поздних заимствований, идущих со стороны Балканского полуострова. В языках карпатского ареала их следует именовать балканизмами и четко дифференцировать от карпатизмов. После XIV ст. многие жители Балканского полуострова переселились в области к северу от Дуная. Особенно интенсивным это колонизационное движение становится в XVII ст. и позже, когда гнет и произвол турецкой администрации и турецких феодалов принимает самые уродливые и беспощадные формы. Особенно много балканизмов в языках карпатского ареала представляет пастушеская терминология (главным образом, высокогорная овцеводческая терминология), что объясняется миграционными движениями пастушеского высокогорного населения (подробнее об этом см. в статьях З. Големба: [Gołąb 1957, 202–208; Големб 1955]). Среди балканизмов представлены различные элементы. Наиболее очевидные балканизмы — это турцизмы. Выявить их просто. Имеются среди балканизмов слова новогреческого языка, получившие широкое распространение во всех языках Балканского полуострова. Следует учитывать и албанизмы, число которых, однако, невелико. Конечно, большое место среди балканизмов занимают собственно южнославянские (болгарские и сербохорватские) элементы, выявить которые возможно лишь при полном учете истории южнославянских языков. Четко дифференцировать древнейшие общие элементы (карпатизмы) и более поздние общие элементы (балканизмы) совершенно необходимо, так как на основании балканизмов нельзя говорить о древних этнических и языковых связях восточных и южных славян.

3. Велика роль романского элемента во всестороннем изучении поставленной проблемы. В установлении древних карпатизмов большую роль играет румынская этимология. Восточнороманская речь явилась основным источником распространения балканизмов в языках карпатского ареала. Изучение славянских элементов румынского языка дает возможность разграничить древние общие славянские элементы от поздних южнославянизмов. Но все это требует широкого привлечения данных румынских и молдавских говоров и памятников древней письменности. В этом направлении предстоит еще большая работа.

4. Метод установления «южнославянизмов» в украинских говорах Закарпатья и Прикарпатья до сих пор был очень простым: данное диалектное украинское слово как будто не известно вне карпатского района, но известно южнославянским языкам. Диалектологические исследования последних лет показали несостоятельность такого решения вопроса. Дело в том, что украинские диалектологи сравнивали в данном пункте карпатские говоры с говорами к востоку от Днестра и не обращали внимания на северные районы. А именно здесь в северо-западных украинских говорах, в западных белорусских говорах и далее в северо-западных великорусских говорах неожиданно обнаруживаются поразительные лексические совпадения с юго-западными говорами украинского языка и южнославянскими языками. Некоторую часть этих совпадений можно было бы выявить и прежде на основе уже давно опубликованных словарей и текстов. Однако особенно богатый материал был обнаружен недавно в связи с интенсивным изучением лексики Полесья и Псковщины.

В 1963–1965 гг. в Полесье работала экспедиция Института славяноведения АН СССР под руководством Н. И. Толстого. Проводилось широкое изучение лексики Полесья. При составлении программы обследования учитывалась и программа Карпатского диалектологического атласа (КДА). Именно это обстоятельство дало возможность выявить многочисленные общие элементы между юго-западными говорами украинского языка и полесскими говорами. Среди этих общих элементов неожиданно было обнаружено много так называемых «южнославянизмов». Достаточно привести несколько примеров:

полесс. *бёрва* 'кладка', карпат. *бервь* 'то же', срх. *брв*, болг. *бръв* 'то же';

полесс. *бкыд* 'снег, выпадающий ранней весной и быстро тающий', карпат. *окидъ* 'иней; лед на ветвях', срх. *китина* 'хлопья снега (на ветвях деревьев)';

полесс. *кал* 'грязь, ил', карпат. *кал* 'грязь, глина', болг. *кал* 'грязь', срх. *калан* 'грязный';

полесс. *сїдало* 'насед', карпат. *сїдало* 'то же', болг. *сидало* 'гнездо';

полесс. *крылб*, *крылá* 'крылья, плавники', карпат. *крила* 'то же', срх. чакав. *krila* 'плавники';

полесск. *лискы́* 'заросли орешника', карпат. *ліска* 'лесной орех', срх. *лешнык* 'лесной орех';

полесс. *прывыдїнэц* 'неродной ребенок', карпат. *приведеник* 'то же', болг. *приведеник* 'то же';

полесс. *ба́бын, ба́бына, ма́мын* 'ласкательно-уменьшительное обращение', карпат. *бабин* 'то же', срх., болг. *бабино, мамино* 'то же';

полесс. *вы́лиц'и* 'рот, пасть', карпат. *вилиця* 'челюсть', срх. *вилица* 'то же';

полесс. *колбшва* 'штанина', карпат. *колошні; холошні* 'вид штанов', срх. *хлаче* 'штаны', словен. *hlase* 'то же';

полесс. *пбшэс'ц'* 'напасть', *пошесть* 'болезнь', срх. *пошаст* 'то же';

полесс. *куча, кучка* 'маленький домик, хижина; огороженное место в хлеву, сарае', карпат. *куча* 'маленький дом, хибарка', болг. *кѣща* 'дом', срх. *кућа* 'то же';

полесс. *о́жог* 'деревянная часть ухвата', карпат. *ожог* 'кочерга', срх. *ожог* 'то же';

полесс. *пудга́р'а* 'ремешок в узде', карпат. *підгорля; підгорлиця* 'огрудок; нижняя часть ярма', срх. *подгрѣача* 'то же';

полесс. *навы́льник* 'пласт сена', карпат. *навилок* 'то же', срх. *навиляк* 'навильник';

полесс. *колóмаз* 'колесная мазь', карпат. *коломазь* 'то же', срх. *коломаз* 'то же';

полесс. *гомзѣты* 'бормотать', карпат. *гомзити* 'ползать', срх. *гмизати*, болг. *гѣмжа* 'кишеть'.

Обнаружено немало полесско-южнославянских параллелей, которые нами не фиксируются в карпатских говорах (подробнее см.: [Толстой 1968]).

По нашей просьбе преподаватель Житомирского пединститута Н. В. Никончук обследовал по программе КДА восемь сел украинского Полесья (в Ровенской и Волынской областях). И здесь обнаруживаются многие явления, известные юго-западным украинским говорам к западу от Днестра.

Интересные данные в этом отношении содержатся в картотеке Псковского областного словаря, издание которого, к сожалению, до сих пор задерживается.

Новые данные свидетельствуют о том, как сложно и трудно определять языковую принадлежность лексики. Многие на первый взгляд очевидные болгаризмы и сербизмы карпатских говоров на проверку оказываются наследием праславянских диалектов, сохранившимся в южнославянских языках, на Карпатах и в Полесье. Дальнейшее изучение диалектной лексики, бесспорно, еще расширит эту территорию. Только детальное лингвогеографическое изучение наиболее архаических зон восточнославянских языков мо-

жет дать надежную опору для изучения того круга лексики, который объединяет южнославянские языки с определенными говорами восточнославянских языков.

К сожалению, при подготовке программ белорусского и украинского диалектологических атласов слишком мало учитывались особенности западных говоров. Поэтому атласы этих языков мало помогут в решении поставленной проблемы. Это подтверждают уже опубликованный атлас белорусского языка и просмотренные нами карты второго тома атласа украинского языка. Значительно больше дает региональный атлас И. А. Дзэндзелевского — «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР», содержащий 270 частных лексических карт и 29 общих карт [Дзэндзелівський 1958]. Несмотря на незначительную территорию (атлас охватывает только украинское Закарпатье) и отсутствие у составителя специальной задачи выявить связи этих говоров с южнославянскими языками, атлас тем не менее содержит ряд новых и ценных фактов и наблюдений в этом направлении. Рецензенты первого тома атласа справедливо писали: «Уже в рецензируемом томе „Атласа“ можно отметить значительное число слов, имеющих закарпатско-южнославянский ареал (*вѣремня* 'солнечная погода', *мáчка* 'кошка', *хíжа* 'крестьянский дом', *оболок* 'окно', *кúча* 'свинарник', *пáзити* 'спешить', *играти* 'танцевать', *копáчка* 'мотыга', *нiчелници* 'часть ткацкого стана'. Совокупное рассмотрение изоглосс такого рода не только может дать многое для решения вопроса о генезисе закарпатских украинских говоров, но и способно пролить свет на проблему переселения южных славян за Карпаты» [Иллич-Свитыч, Венедиктов 1960, 118]. Из второго тома атласа можно указать на карты *клювáч* 'дятел', *герендá* 'поперечная балка', *білі печінки* 'легкие', *джумáра* и его варианты 'шкварки', *путéчка* 'дорожка', *бáлта* 'топор', *брич* 'бритва', *часóвник* 'часы', *клинец* 'гвоздь', *тко* 'кто' и др. О существовании в закарпатских говорах многих из указанных слов было известно и раньше. Однако только теперь мы имеем полное представление о территории их распространения. Создание региональных атласов западных окраин восточнославянских языков с полным учетом поставленных выше задач — актуальная задача славянской диалектологии.

5. При установлении инвентаря карпатско-южнославянских соответствий нельзя ограничиваться данными, которые извлекаются из словарей болгарского и сербохорватского литературных языков. Практически сопоставляется диалектная украинская лексика и литературная южнославянская. Таким образом, в стороне остается богатейшая диалектная лексика болгарского и сербохорватского

языков. Но дело не только в этом. Для решения всей проблемы в целом необходимо иметь ясное представление о распространении изучаемых явлений на территории южнославянских языков. Не все говоры болгарского и сербохорватского языков в одинаковой степени связаны с языками карпатского ареала. Здесь перед исследователями возникает много трудностей, так как южнославянская лингвистическая география только недавно начала развиваться: болгарский диалектологический атлас еще не завершен, а работа над сербохорватским атласом находится еще в самой начальной стадии. Предварительные данные как будто дают основание думать, что большинство карпато-южнославянских изоглосс пройдет по территории северо-западной Болгарии и северо-восточной Югославии.

6. При изучении «южнославянизмов» в юго-западных говорах украинского языка большое внимание следует уделить семантике. Именно в области семантики имели место многие преобразования, связанные прежде всего с карпатской миграцией славян. Именно здесь на Карпатах начались многие семантические сдвиги в праславянской лексике в связи с изменениями географической среды и социальных условий. Многие праславянские слова приобрели новые значения под влиянием новых условий горного ландшафта и новых условий быта. Еще более глубокие преобразования произошли позже у тех славян, которые покинули карпатскую зону, в VI–VII вв. н. э. двинулись на юг и заселили обширные земли Балканского полуострова. Специфическое своеобразие интересующей нас карпатской лексики и состоит в том, что оно представляет, с одной стороны, важные семантические преобразования, связанные с карпатской миграцией славян, а с другой, содержит многие архаические значения, уже давно утраченные южнославянскими языками. Во многих случаях сопоставление общих слов в языках карпатской зоны и в южнославянских языках не обнаруживает семантического тождества. В большинстве случаев это объясняется семантическими сдвигами уже в южнославянских языках.

Впервые вопрос о семантических преобразованиях на территории Карпат был серьезно поставлен В. М. Иллич-Свитычем в статье «Лексический комментарий к карпатской миграции славян». В статье была рассмотрена лексика, относящаяся к географическому ландшафту. Были рассмотрены слова *polń* || *polnina*, *golv*, *gora*, *brdo*, *dělv*, *slopъ*, *rupa*, *şqteska*, *zanoga*, *řzvorъ*, *skokъ*, *brlkъ* и др. [Иллич-Свитыч 1960]

Эти слова на Карпатах испытали в той или иной степени семантические сдвиги, обусловленные новыми условиями жизни славян в горах. Теперь, когда мы значительно лучше знаем восточносла-

вянскую диалектную лексику, не все конкретные примеры статьи можно признать удачными. И, тем не менее, основные положения В. М. Иллич-Свитыгча являются правильными. Во время карпатской миграции славян здесь происходило приспособление старой географической терминологии к новым условиям жизни. И это автор показал отлично. В этом направлении предстоит еще большая работа. Она успешно может быть проведена лишь после тщательного изучения лексики в наиболее архаических зонах восточнославянских языков.

Не менее важным представляется дальнейшее преобразование значений слов уже на Балканском полуострове. В данном случае семантика языков карпатского ареала отражает уже более древнюю стадию. Карпатизмы могут помочь восстановить многие утраченные звенья в семантической эволюции болгарского и сербохорватского языков [Бернштейн 1965, 19–24]. Особое внимание при изучении семантических сдвигов необходимо обратить на румынский язык (точнее на румынские говоры), который во многих случаях помогает установить связь между семантикой юго-западных говоров украинского языка с семантикой южнославянских языков.

7. Лингвогеографическое изучение говоров карпатской зоны может дать ценный материал для решения многих общих и частных проблем структурной типологии языков Восточной и Юго-Восточной Европы. В свое время это было показано Л. Новаком [Novák 1939–1940, 85–105], однако в последующих исследованиях по проблемам типологии материал говоров карпатского ареала не был использован.

Мы обратили внимание на те важные аспекты карпатской языковой проблемы, мимо которых проходили В. Погорелов, И. Панькевич, Б. Кобылянский и др. Только учитывая эти аспекты, можно делать какие-либо выводы о генезисе тех элементов юго-западных говоров украинского языка, которые одни исследователи называют болгаризмами, другие сербизмами, третьи — карпатизмами и т. д. Изучение этих элементов во всех указанных аспектах имеет и более широкое значение: оно кладет начало новой отрасли языкознания — карпатскому языкознанию, которое в такой же степени имеет право на самостоятельное существование, как и балканское языкознание.

Изучение генезиса карпатизмов и балканизмов предполагает широко поставленную и хорошо организованную исследовательскую работу в разных направлениях и различного характера. Здесь большое поле деятельности для этимологов, специалистов по топонимике, историков языка и, конечно, для диалектологов. Диалек-

тологические исследования должны вестись широким фронтом. Должны получить применение методы и приемы лингвистической географии, структурной типологии и др.

О лингвистическом атласе закарпатских говоров И. А. Дзензелевского речь шла уже выше. Дзензелевский первый применил методы лингвистической географии при изучении лексики закарпатских говоров украинского языка. Однако составитель этого атласа не интересовался тогда специально выявлением тех элементов в этих говорах, которые связывают их с южнославянскими языками. Соответствующий материал попал в атлас случайно, поскольку эти элементы в ряде случаев дают возможность хорошо картографировать закарпатские говоры. Кроме того, за пределами картографируемой территории осталась значительная часть юго-западных говоров (т. е. все прикарпатские говоры).

Вопрос о подготовке «Карпатского диалектологического атласа» был поставлен в Институте славяноведения АН СССР в 1960 году в связи с работой по исторической диалектологии болгарского языка, которая проводится в Институте уже в течение многих лет. Предварительное знакомство с опубликованными диалектологическими материалами Прикарпатья и Закарпатья, а также статьи И. Поповича [Попович 1959, 35–47; Попович 1962, 44–53; и др.] и В. М. Иллич-Свитьча показали, что лингвогеографическое изучение языков карпатского ареала (прежде всего юго-западных украинских говоров) может дать очень много ценных и новых сведений для изучения истории болгарского и сербохорватского языков, истории взаимоотношений украинского языка с польским и словацким языками, истории взаимоотношений праславянских диалектов на территории Карпат, истории связей славянских и неславянских языков на данной территории. Для решения всех этих важных для истории славянских языков проблем потребуется много различного рода специальных трудов и исследований, опирающихся на разные языки и различную методику. Естественно, что историков южнославянских языков интересовала прежде всего первая из указанных выше задач. Решение ее поможет в какой-то степени осветить добалканский период истории болгарского и сербохорватского языков. Однако в равной степени решение этой задачи важно и для специалистов по украинскому языку.

Мы хорошо отдавали себе отчет в том, что данная работа не может быть успешно осуществлена без помощи специалистов по украинской диалектологии. Хотелось также обсудить данный вопрос среди широкого круга специалистов по восточнославянской диалектологии. Для этой цели мы воспользовались Первым всесоюз-

ным координационным совещанием по актуальным проблемам славяноведения (январь, 1961). В докладе С. Б. Бернштейна «Некоторые вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков» большое место было уделено КДА, его задачам, методике, программе. «Специалистам по украинскому языку может показаться, что поставленная нами задача слишком узкая и частная, решение которой не является первоочередной. Это не так. Планируемый нами атлас даст ответ на многие важнейшие вопросы из области древнейшей истории украинского языка, межславянских языковых и этнических связей» [Бернштейн 1961а, 185].

Участники координационного совещания не только поддержали инициативу Института славяноведения, но и в ряде случаев предлагали расширить границы будущего атласа. Так, Б. А. Ларин указывал, что некоторые из отмеченных нами карпатизмов пойдут далеко на север (до Псковской земли). Тогда эти утверждения казались сомнительными и маловероятными. Справедливость утверждений Б. А. Ларина мы смогли оценить гораздо позже, когда была завершена работа полесской экспедиции под руководством Н. И. Толстого (об этом см. выше). В настоящее время совершенно очевидна необходимость проверки всех изоглосс КДА по всем западным говорам восточнославянского ареала. Одобрив идею создания КДА и присутствовавшие на совещании специалисты по украинской диалектологии (И. А. Дзедзелевский, М. И. Онышкевич, С. Ф. Самойленко, В. В. Нимчук и др.). «Попытки установления связей между южнославянскими языками и украинскими диалектами, — сказал В. В. Нимчук, — терпели неудачу потому, что они опирались на довольно скудный фактический материал» [Хроника заседаний 1961, 235]. И. А. Дзедзелевский обратил внимание на сложность и трудность составления программы КДА. Он предложил подготовить несколько проектов, на основе которых можно будет уже в дальнейшем составить окончательный текст. Романист Р. Г. Пиотровский, ссылаясь на свой опыт работы над молдавскими и румынскими диалектами, указал, «что при решении вопроса о древних контактах между южными и восточными славянами нельзя упускать из поля зрения территорию, занятую теперь романским населением. На территории Румынии хорошо прослеживаются изоглоссы славянских заимствований. Многие из этих изоглосс продолжают изоглоссы, отделяющие сербские говоры от болгарских, покутские говоры от буковинских. Эти связи румынских диалектов со славянскими, причем связи совершенно конкретные и географически локализованные, были учтены при составлении вопросника для молдавского диалектного атласа» [Хроника засе-

даний 1961, 236]. Координационное совещание единодушно приняло решение о работе над атласом.

Первоочередным и самым сложным на первых порах было составление программы. Для этой цели нужно было изучить и обработать материал, содержащийся в редких и мало доступных изданиях, познакомиться с материалами украинского диалектологического атласа, вновь пересмотреть различные издания и труды по южнославянской диалектологии, проверить собранный материал по словарям румынского и венгерского языков. Указанные выше работы В. Погорелова, Ив. Панькевича, Б. В. Кобылянского и др. содержали очень скудные сведения.

Большую предварительную работу по выявлению необходимого материала в Институте славяноведения проделал В. М. Иллич-Свитыч. Им была составлена обширная картотека, на основе которой был подготовлен проект программы. Аналогичная работа велась на кафедре украинского языка Ужгородского университета, где И. А. Дзендзелевский и П. П. Чучка подготовили свой проект. Детальное и длительное обсуждение двух проектов было проведено на специальном совещании в 1962 году. В результате был выработан окончательный текст программы КДА.

Программа включает в себя 556 вопросов. Она состоит из разделов: «Инструкция по составлению картотек КДА», «Транскрипция КДА»¹, «Лексика (470 вопросов)», «Словообразование» (34 вопроса), «Морфология» (24 вопроса), «Синтаксис» (11 вопросов), «Дополнение» (17 вопросов).

Раздел лексики предусматривает сбор материала в двух аспектах: 1) от слова к значению и 2) от значения к слову. Это дало возможность составить не только собственно лексические карты, но и значительное число семантических карт.

В разделе «Лексика» большое внимание уделено географическому ландшафту, природе, фауне, флоре, человеку, этнографическим особенностям из области материальной и духовной культуры, сельскохозяйственному производству. Эта дифференциация отражена, естественно, только в разделе имен существительных, которые занимают основное место в программе. Значительное число вопросов посвящено прилагательным, глаголам,

¹ Для записи диалектных материалов из сел с романским населением использована транскрипция, принятая в «Молдавском лингвистическом атласе», который готовится в Институте языка и литературы Молдавской ССР; для записи материалов из венгерских сел использовалась венгерская диалектологическая транскрипция.

наречиям, предлогам и частицам. В программу включено несколько вопросов по фразеологии.

Естественно, что в связи с задачами атласа большое внимание уделено именному словообразованию (меньше — глагольному). В этой области языки карпатского ареала представляют многочисленные схождения с южнославянскими языками и расхождения с севернославянскими. Примечательно, что в этом пункте словацкий язык также во многом ориентируется на южнославянские языки. Бесспорно, что в будущих исследованиях генезиса юго-западных украинских говоров и словацкого языка большое место должно быть уделено именному словообразованию. Скромное место в программе занимают вопросы морфологического строя, так как словоизменяемые флексии не дают надежных оснований для решения поставленных задач.

В раздел синтаксиса включены вопросы предложного управления, употребления энклитических форм личных местоимений в значении притяжательных — явления, которые связывают юго-западные украинские говоры с южнославянскими языками.

В программе отсутствует специальный раздел, посвященный фонетике. В разделе «Дополнение» предусмотрен сбор ряда слов, анализ которых может дать материал для решения вопросов из области исторической фонетики. Это перегласовка 'а в е, изменение т, д в к', г', отвердение ц', лабиализация безударного о, наличие аффрикаты дж на месте современного украинского ж, наличие согласного ф на месте хв, место и качество гласного по отношению к плавному в словах *сукровиця*, *кривавий* и др. На все эти явления Т. В. Поповой были составлены карты. Однако мы не включили их в КДА. Они будут храниться в архиве. Объясняется это тем, что тожество многих фонетических явлений в большинстве случаев является результатом самостоятельного и независимого развития юго-западных говоров украинского и южнославянских языков. Следует иметь в виду, что важнейшие фонетические явления юго-западных говоров найдут отражение во 2-м томе «Атласа української мови», подготовляемом во Львове.

Публикуется с сокращениями. Первая публикация:

С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева.
Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. С. 5–27.

ПРОБЛЕМЫ КАРПАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Медленно и с большим противодействием в языкознании XX в. утверждаются те новые разделы науки о языке, которые вступили в известные противоречия с принципами, разработанными в XIX в. на основе сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Речь идет о теории «языковых союзов», об изучении структурных и материальных тождеств, представленных в языках раз-

ного происхождения, но объединенных территориально и исторически. И тем не менее новые теории и принципы утверждаются, приобретают все большее число сторонников в связи с развитием особого интереса в современном языкознании к проблемам языковой интерференции, к структурной типологии. В настоящее время уже невозможно выдвигать такие аргументы против теории «языковых союзов», которые еще в довоенное время многим авторитетным представителям языкознания казались неотразимыми¹. Да и сторонники нового направления эволюционировали в своих воззрениях на характер и природу «языковых союзов». В первых работах, например, в монографии К. Сандфельда [Sandfeld 1930] еще сильны были старые представления о характере языковых контактов. В последние два десятилетия теория языковых контактов на материале различных языков мира получила глубокое истолкование². Теперь уже основательно расшатаны стены, построенные на фундаменте кровного родства, генетических отношений, и языковеды с неменьшим интересом в настоящее время исследуют те явления, которые, например, связывают словацкий язык не со славянскими языками, а с венгерским языком.

¹ См., например, резкую полемическую статью Ст. Младенова против П. Скока, опубликованную в 1939 г. в «Годишник на Софийския университет» (т. XXXV).

² Из наиболее значительных трудов по теории языковых контактов следует назвать работу недавно скончавшегося американского лингвиста У. Вайнрайха [Weinreich 1953; 1963].

Интерес к проблеме языковых смешений и влияний возник давно. Однако прежде эта проблема решалась на уровне простых заимствований и не распространялась на изучение структурных тождеств. Теория «языковых союзов» возникла на основе теории субстрата, представители которой сумели глубже своих предшественников обнаружить природу и закономерности языковых трансформаций в результате усвоения одним этническим коллективом чужого языка. Воззрения на характер и природу этих трансформаций существенно менялись, что и составляет историю теории субстрата в первой половине XX в. В первых работах по теории субстрата господствовали еще старые представления о языковых заимствованиях. Теперь теория субстрата обогатилась многими идеями общей типологии и теории лингвистических универсалий. Конечно, эта теория не может полностью отойти от многих принципов и методики сравнительно-исторического языкознания, так как «теория „языковых союзов“» имеет дело не только со структурным, но и материальным тождеством.

Как известно, теория «языковых союзов» сформировалась прежде всего на основе изучения балканских языков. Раньше было определено содержание «балканского языкового союза», а уж затем специалисты других областей языкознания применили новую методику и новые принципы.

В области сравнительного изучения балканских языков уже имеются значительные достижения. Они выходят за рамки собственно «балканского языкового союза». Как известно, турецкий язык и другие тюркские языки Балканского полуострова не входят в этот союз. Однако все они сыграли существенную роль в его формировании. Тюркские лексические и словообразовательные элементы южнославянских языков, дакорумынского, арумунского, мегленского, албанского и новогреческого являются характерными общими признаками «балканского языкового союза» (подробнее см. [Bernstein 1966, 82–91]).

В последние годы теория «балканского языкового союза» обогатилась многими новыми идеями и принципами. Было введено понятие *изограмматизма*, очень важное для уяснения природы «языкового союза», сделаны первые опыты в построении грамматической модели языка-посредника, предложены типологические характеристики отдельных частей речи [Gołąb 1956; Gołąb 1959; Цивьян 1966].

Углубленное изучение многих вопросов «балканского языкового союза» в последние годы расширило рамки этого союза.

Все внимательнее и пристальнее балканисты начинают обращаться к языкам, расположенным в областях к северу от Дуная. Прежде здесь ограничивались изучением лишь романской речи. Теперь в сферу изучения входят отдельные говоры северных славянских языков, говоры венгерского языка. Все чаще и чаще в специальной лингвистической литературе мы сталкиваемся с понятием «языки карпатского ареала».

В географии уже давно утвердилось понятие «карпатской зоны», обширной горной области очень своеобразной структуры. Географы много сделали для изучения специфических особенностей этой зоны. В настоящее время существует специальная международная комиссия, которая руководит всесторонним изучением Карпат в географическом, геологическом, социально-экономическом отношениях. Последние годы большой интерес к этому району начали проявлять этнографы и фольклористы, так как население Карпат (прежде всего украинцы, словаки, поляки и румыны) имеет много общих специфических элементов в области старой материальной культуры, народного быта, древних обычаев, народной словесности.

Уделяют внимание этому району и лингвисты. Однако изучение языковой интерференции на Карпатах велось до последнего времени старыми методами. Достижения теории субстрата и «языковых союзов» не были использованы при изучении языков карпатского ареала, несмотря на территориальную и во многом структурную близость этих языков языкам «балканского союза». Ученые стремились установить в юго-западных говорах украинского языка южнославянские лексические элементы, румынские элементы в южнопольских говорах, влияние балканских пастухов на местные языки и диалекты и т. д. Однако все эти частные исследования подготовили почву для новых исследований в области карпатского языкознания. В этом отношении переломным был 1967 год, в котором было опубликовано сразу несколько работ, важных для построения нового раздела нашей науки — карпатского языкознания. Речь идет о «Карпатском диалектологическом атласе», опубликованном Институтом славяноведения АН СССР, о монографии чешского лингвиста А. Вашека [Vašek 1967] и о статье ужгородского слависта А. М. Рота [Rot 1967, 247–268]. Все эти новые публикации содержат много важного материала и интересных соображений о характере и природе языковых контактов на Карпатах.

Работа над «Карпатским диалектологическим атласом» была подготовлена прежде всего рядом публикаций специалистов по юго-западным украинским говорам (в первую очередь следует назвать

труд проф. И. А. Дзензелевского «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» [Дзензелівський 1958–1960]). Она началась в 1961 г. по решению первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения и продолжалась в течение нескольких лет [Бернштейн 1963, 72–84].

Исследователи юго-западных украинских говоров украинского языка уже давно обратили внимание на то, что в этих говорах содержатся элементы, которых нет в других украинских говорах, но которые известны южнославянским языкам (болгарскому и сербохорватскому). На этой основе было выдвинуто положение, согласно которому все эти элементы в украинских говорах были заимствованы от предков южных славян, живших до переселения на Балканский полуостров в непосредственном соседстве с предками украинцев Закарпатья и Прикарпатья. Такой вывод делался без ясного представления о территориальном распространении этих элементов в диалектах украинского языка. Исследователи (В. Погорелов, И. Панькевич и др.) не знали этимологии и принимали за южнославянизмы много слов, которые в болгарский и сербохорватский язык могли проникнуть независимо от украинского языка из общего карпатского субстрата.

Не учитывались возможности поздней межъязыковой интерференции на Карпатах, в результате которой во всех языках карпатского ареала утвердилось много общих элементов. Здесь велика была роль румынского языка, через который в местных языках утвердилось много балканизмов (в частности турцизмов). Кроме того, все сопоставления с южнославянскими языками делались лишь на основе данных литературных языков. В стороне оставалась богатейшая диалектная лексика болгарского и сербохорватского языков, которая содержит ценные данные для изучения всей карпатской языковой проблемы.

«Карпатский диалектологический атлас» впервые дал ясное представление о территории распространения значительного количества особенностей юго-западных говоров украинского языка, которые имеют аналогии в болгарском и сербохорватском языках. Он подтвердил старое предположение, что закарпатские говоры сильнее тяготеют к сербохорватскому языку, тогда как в говорах Прикарпатья богато представлены элементы, роднящие их с болгарским языком. Атлас значительно увеличил список общих слов, обнаружил много нового в области семантики. К сожалению (из общего числа 392 карты) удалось опубликовать только 212.

К «южнославянизмам» причислялись прежде те черты юго-западных говоров, которые недавно в большом числе обнаружены

далеко на севере (в говорах Полесья). Некоторые из них встречаются в северо-западных говорах русского языка (например, в псковских говорах) (подробнее [Толстой 1968, 12 и сл.]). Таким образом, исследования в области карпатского языкознания должны проводиться в тесной связи с изучением диалектных зон далеко за пределами Карпат. Нет сомнения, что изучение карпатизмов в южнопольских говорах потребует проверки собранных данных по говорам Малой Польши, Мазовшья и других районов.

Анализ материала «Карпатского диалектологического атласа» показал, что необходимо строго различать карпатизмы (т. е. общие особенности, которые сформировались на Карпатах под воздействием общего языкового субстрата) и балканизмы (т. е. особенности, которые появились здесь в результате поздней колонизации жителей Балкан на Карпаты). Среди балканизмов немало найдем поздних заимствований главным образом из болгарского и албанского языков, к этой же группе следует отнести турцизмы. Карпатизмы характеризуют различные стороны языка, балканизмы же обнаруживаются в области словарного состава. Представляется чрезвычайно важным изучение путей и условий поздней колонизации, ее этнического характера. По этим вопросам высказывались различные соображения, но серьезных исследований пока еще нет. Следует, конечно, иметь в виду, что не во всех диалектах карпатской зоны карпатизмы всегда будут древнее балканизмов. В результате языковой интерференции они могли получить распространение одновременно.

В «Карпатском диалектологическом атласе» мы в основном ограничились публикацией лишь лексических и семантических карт. Карпатская языковая проблема на этом материале решается наиболее убедительно. Опубликованные карты содержат ценные сведения и по словообразованию. Было составлено несколько фонетических карт, но они не опубликованы и пока хранятся в архиве [ЖДА I 1967, 257–258]. Фонетические тождественные явления трудно убедительно охарактеризовать на узком и локальном материале. Здесь частное и индивидуальное легко можно выдать за характерное и общее для языков всего района. Данные карты, дополненные наблюдениями над другими языками и диалектами, будут опубликованы позже. Нет сомнения, что языки данного района характеризуются рядом общих фонетических признаков³.

³ Ценные наблюдения в этом направлении принадлежат Э. Петровичу. См., например: [Петрович 1958].

А. М. Рот проделал статистический анализ фонетических вариантов карпатизмов. Он утверждает, что «карпатизмы имеют значительное количество фонетических вариантов, в среднем в 2,7 раза больше, чем лексические заимствования, являющиеся результатом языкового взаимодействия только двух языков» [Рот 1967, 254]. Однако исследование звуковой стороны нельзя сводить только к фонетическим вариантам общей лексики. Нет сомнения, что многие фонетические изоглоссы будут установлены на разнородном лексическом материале (например, категория твердости-мягкости согласных и др.).

Составители «Карпатского диалектологического атласа» прошли мимо синтаксиса. В программе по сбору материала было предусмотрено одиннадцать вопросов, но собранный материал не дал возможности на его основе составить карты. Однако не вызывает никакого сомнения, что языки карпатского ареала содержат тождественные и типичные синтаксические модели например, употребление кратких местоимений в дат. п. в функции притяжательных местоимений. А. М. Рот указывает на общие особенности оформления прямого дополнения, на порядок слов, на структуру превосходной степени и др. [Рот 1967, 260–262]. Успешная работа в этом направлении предполагает предварительно ряд специальных исследований. Пока в этой области карпатского языкознания сделано еще мало.

Единство ряда языков и диалектов карпатского ареала — факт бесспорный. однако определить характер этого единства не так легко. А. М. Рот уверенно говорит о самостоятельном «карпатском языковом союзе» или еще о «карпатском типе языкового союза». Нет сомнения, что мы имеем здесь дело не только с отношениями генетического, но и теми фактами субстратного характера, которые составляют содержание «языкового союза». До появления на Карпатах славянского, романского и угро-финского населения здесь жили народы различного происхождения, которые позже были поглощены новыми этническими группами. Не вдаваясь сейчас в спорные проблемы древней этнической и языковой истории данного района Европы, могу лишь указать, что до появления на Карпатах современных народов здесь обитали племена, говорившие на индоевропейских диалектах. Карпаты — древняя зона индоевропейской речи. Правда, о ней мы знаем мало, так как ни фракийский, ни иллирийский, ни дакомизийский языки не сохранились. Элементы их в преобразованном виде сохраняются в современных языках. Этот их древнейший субстрат является источником многих карпатизмов. Карпатизмы

получили широкое распространение в результате интенсивной межъязыковой интерференции, связанной с условиями жизни и быта карпатского населения. Велика роль в распространении карпатизмов скотоводческого и пастушеского населения.

Был ли один центр, из которого шло распространение карпатизмов, или их было несколько? А. М. Рот склонен думать, что существовал один центр. «Центром их (карпатизмов. — С. Б.) образования была, вероятно, территория Трансильвании» [Рот 1967, 249]. Однако убедительных доказательств для такого предположения нет. Обилие локальных зон и микросистем свидетельствует скорее о наличии нескольких центров.

Спорным представляется и утверждение о существовании самостоятельного «карпатского языкового союза». При определении карпатизмов мы постоянно входим в область южнославянских языков (главным образом болгарского). Не следует забывать, что румынский язык является членом «балканского языкового союза». Да и сам инвентарь карпатизмов во многом повторяет характерные признаки этого союза. При современном уровне наших знаний мы можем говорить о карпатском (северном, периферийном) типе «балканского языкового союза».

«Карпатский диалектологический атлас» осветил ряд важных и спорных вопросов карпатского языкознания. Однако он же показал и скудность той фактической базы, на основе которой строится сравнительное карпатоведение. Слишком много теорий и гипотез и очень мало хороших обработанных и изученных материалов. Основная и главная задача — всестороннее лингвогеографическое изучение всей зоны на основе единой программы. Опубликованный «Карпатский диалектологический атлас» является фактически украинским карпатским атласом. Нужен подлинный «Карпатский диалектологический атлас», который строился бы на основе изучения диалектов всех языков карпатского ареала. Уже поставлен вопрос о создании балканского лингвистического атласа [Цивьян 1966а, 45–54]. Очевидно, что работа над этими двумя атласами должна быть тесно связана.

Монографическое изучение отдельных говоров языков карпатского ареала проводится уже давно. Однако теперь пришло время организовать эти исследования по одному плану и по единой программе. Прежние описания в большинстве случаев не дают соотносительного материала. Кроме того, диалектологи мало внимания уделяли изучению лексики, семантики и словообразования. Очень мало хороших диалектных словарей, кото-

рые бы удовлетворяли современным требованиям. Почти нет работ по диалектному синтаксису. Было бы целесообразно в составе Международной карпатской комиссии создать диалектологическую секцию, которая возглавила бы всю работу по карпатской диалектологии.

Необходимо начать систематическую и хорошо организованную работу по изучению топонимики Карпат. В свое время здесь много было сделано румынскими учеными Трансильвании. Однако они ставили перед собой частные задачи. Пришло время для создания «Карпатского топонимического атласа».

Работа в области карпатского языкознания не может идти успешно, если в ней не будут принимать самого активного участия специалисты по древним языкам данного района. Исследования в области карпатской этимологии и топонимики потребуют привлечения материала тех древних языков карпатской зоны и Балкан, которые обусловили формирование «балканского языкового союза» и его северной периферии.

Публикацией «Карпатского диалектологического атласа» не завершается изучение карпатской языковой проблематики в Институте славяноведения АН СССР. Наоборот, только теперь на основе собранных материалов достаточно отчетливо вырисовываются контуры будущих исследований в различных направлениях. Институт будет публиковать неперIODические сборники, посвященные различным аспектам и проблемам карпатского языкознания.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Проблемы карпатского языкознания // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 3-15.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО АРЕАЛА В СВЕТЕ ДАННЫХ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Настоящий доклад содержит конспективное изложение нескольких разделов монографии «Интерференция языков карпато-дунайского бассейна», над которой я начал работать после выхода в свет в 1967 г. «Карпатского диалектологического атласа» (в дальнейшем КДА). Над КДА работал большой коллектив диалектологов, в сборе материалов принимали участие не только

опытные диалектологи Москвы и Львова, но и студенты разных учебных заведений. В определении задач КДА, в создании его «Программы» велика роль В. М. Иллича-Свитыча, обладавшего обширными познаниями в области балканского и карпатского языкознания. Работа над КДА показала, что многие прежние представления о взаимодействии языков в зоне Карпат и в прилегающих к ней областях в ряде случаев требуют пересмотра, учета фактов, которым прежде не придавали большого значения, привлечения новых данных из языков, далеких от исследуемого региона.

Вопрос о создании КДА был поставлен на первом всесоюзном координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения в Москве в январе 1961 г. в докладе «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков» [Бернштейн 1961а, 183–185]. В нем речь шла об изучении юго-западных говоров украинского языка Прикарпатья и Закарпатья (говоров к западу от Днестра).

Еще в 1935 г. проф. В. Погорелов, известный специалист по древней славянской письменности, но далекий по своим научным интересам от диалектологии, обратил внимание на то, что в закарпатских говорах украинского языка встречаются особенности, чуждые украинскому языку, но хорошо известные болгарскому. Все эти особенности Погорелов назвал болгаризмами. К ним он отнес: краткие формы дат. п. личных местоимений в функции притяжательных местоимений (*жона ми*), союз *що* в значении относительного местоимения, превосходную и сравнительную степени с помощью частиц *май-* и *по-* (*май-слабый*,

по-слабый), удвоенный предлог *зоз* (<сзс), слова *балта*, *бердо*, *брич*, *дойка*, *жеб*, *копылец*, *мерша*, *пазити*, *перть*, *полонина*, *псовати*, *сербати*, *твердо*, *читавый* и др.

Первый вариант статьи В. Погорелова был опубликован в газете «Русский народный голос». Позже, в 1940 г. она была перепечатана в научном издании Братиславского университета [Погорелов 1940]. Статья получила отрицательную оценку славистов. Первым откликнулся на нее известный знаток закарпатских говоров украинского языка Ив. Панькевич [Панькевич 1937]; в XVII томе «*Zeitschrift für slavische Philologie*» появился критический разбор этой статьи М. Фасмера [Vasmer 1940]. Оба критика обратили внимание на существенные методические промахи Погорелова. В основном они сводятся к следующему: автор не знает истории так называемых болгаризмов, не учитывает роли румынского и венгерского языков в передаче южнославянских элементов, не знает территории распространения этих болгаризмов за пределами юго-западных украинских говоров. Все это совершенно справедливо. Со своей стороны могу еще отметить такие недостатки наблюдений В. Погорелова. Все свои сопоставления закарпатских говоров он производил только с болгарским литературным языком, тогда как они должны строиться на тождественном диалектном материале. Это сделало бы сопоставления Погорелова более точными и убедительными, а кроме того, значительно увеличило бы количество сопоставимых элементов. Погорелов не обратил внимания на то, что закарпатские говоры украинского языка имеют аналогии не только в болгарском, но и в сербохорватском языке. Отсутствует в работе Погорелова самый элементарный этимологический анализ, он прошел мимо семантики и словообразования (именных суффиксов). Неудачный опыт Погорелова на длительный срок потушил интерес славистов к данной проблематике. Даже в обобщающем труде Л. А. Булаховского «*Питання походження української мови*» все ограничивается несколькими критическими замечаниями, повторяющими аргументацию И. Панькевича. Автор проходит мимо всей проблемы происхождения юго-западных украинских говоров и их связей с южнославянскими языками [Булаховський 1956, 204–205].

Интерес к указанной выше проблематике вновь обнаружился в середине 50-х годов. Теперь ею заинтересовались не только специалисты по украинской диалектологии, но и многие слависты и балканисты. Среди украинистов одни продолжали развивать и углублять положения В. Погорелова, другие раздвинули

узкие рамки данной задачи. На основе детального лингво-географического изучения говоров началось исследование всех инославянских связей.

В 1955 г. в «Slavia» (XXIV, 2–3) была опубликована статья Ив. Панькевича «Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді». По поводу этой статьи еще в 1963 г. я писал: «По уровню лингвистического анализа эта статья не отличается от статьи Погорелова... Изолированные и случайные сопоставления отдельных фактов, отсутствие строгого этимологического анализа, поразительная неосведомленность автора в болгарской диалектологии, игнорирование данных румынской и венгерской диалектологии (здесь Панькевич забыл о своих советах Погорелову) — все это дает нам основание поставить под сомнение все выводы и основные положения статьи». Было показано, что Панькевич продолжает не только тематику Погорелова, но и его методические принципы.

В 1960 г. вышла из печати монография Б. В. Кобылянского, посвященная происхождению восточнокарпатского и покутского диалектов и их отношению к украинскому литературному языку [Кобылянский 1960]. Кобылянский обратил особое внимание на связь с южнославянскими языками не закарпатских говоров, а говоров Прикарпатья. Таким образом было показано, что данная проблема имеет прямое отношение ко всем юго-западным говорам украинского языка, что в отличие от закарпатских говоров прикарпатские говоры украинского языка сильнее тяготеют к болгарскому языку. О более тесных связях говоров Закарпатья с сербохорватским языком, нежели с болгарским, показали наблюдения В. В. Нимчука [Німчук 1962, 91–93].

Работы Ив. Панькевича, Б. В. Кобылянского и В. В. Нимчука не внесли ничего принципиально нового в решение проблемы, поставленной В. Погореловым. Был лишь пополнен список так называемых южнославянизмов, показано, что они встречаются не только в юго-западных говорах, но и в говорах к востоку от Днестра (в частности, в подольских говорах). Отмеченные выше недостатки статьи Погорелова в той или иной степени присущи и работам указанных авторов. Одинаково определяется объект исследования, нет различий в его анализе.

Значительно плодотворнее была деятельность тех украинских диалектологов, которые начали всестороннее лингвогеографическое изучение юго-западных говоров по обширной программе, включающей изучение связей местных говоров с инославянским языковым миром. Здесь прежде всего нужно назвать

труды И. А. Дзензелевского и его учеников. Основное внимание их было направлено на выявление более очевидных и более поздних западнославянских связей говоров Закарпатья [см.: Дзензелівський 1969]. Однако опубликованный «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» И. А. Дзензелевского [Дзензелівський 1958, 1960] дал большой и новый материал и для выявления связей этих говоров с южнославянскими языками. «Впервые получили лингво-географическое основание факты так называемых закарпатско-южнославянских связей, на которые в свое время обратил внимание В. Погорелов. Уже в рецензируемом томе «Атласа» можно отметить значительное число слов, имеющих закарпатско-южнославянский ареал... Совокупное рассмотрение изоглосс такого рода не только может дать многое для решения вопроса о генезисе закарпатских украинских говоров, но и способно пролить свет на проблему переселения южных славян за Карпаты» [Иллич-Свитыч, Венедиктов 1960, 118]. Должен сказать, что изучение первой части атласа И. А. Дзензелевского окончательно решило вопрос о целесообразности нашей работы над «Карпатским диалектологическим атласом». Осенью 1959 г. были определены основные задачи КДА, В. М. Иллич-Свитыч приступил к составлению проекта программы. Независимо от нашего коллектива работа над проектом программы атласа шла на кафедре украинского языка Ужгородского университета. На совместном обсуждении проектов КДА в Ужгороде в 1962 г. был утвержден окончательный текст программы, который был опубликован в 1964 г.

Как сказано было выше, интерес к контактам северных и южных славян в районе Карпат в 50-е годы стали проявлять не только украинисты, но слависты и балканисты. Здесь в первую очередь нужно назвать труды Ивана Поповича, его «Geschichte der serbokroatischen Sprache» [Popović 1960], а также многие статьи, в которых рассматриваются различные аспекты языковых контактов в карпатской зоне. Скудость систематизированного материала в «Geschichte der serbokroatischen Sprache» окупается наличием важных и чрезвычайно плодотворных мыслей, неожиданных сопоставлений, новизной подхода к решению ряда старых, давно обсуждавшихся проблем. Хочу обратить внимание на полезные в методическом отношении «Южнославянские лексические этюды» [Попович 1962, 44–62], которые на конкретном материале глубоко освещают сложные процессы взаимодействия южных и северных славянских языков.

Ценный и во многом еще неиспользованный материал для освещения этих процессов содержится в исследованиях славянских элементов в румынском языке, румынской топонимике славянского происхождения, древней славянской письменности Валахии и Молдавии. Особенно важные факты для решения вопросов стратификации славизмов в говорах Валахии, Молдавии, Трансильвании, Баната, Марамуреша и других областей содержатся в лингвистических атласах, опубликованных в последние годы в Румынии и в МССР.

Еще в самом начале нашей работы над КДА мы ясно отдавали себе отчет в том, что решение поставленной нами задачи потребует от нас не только критического анализа работ наших предшественников, но и применения иных методических приемов, иного подхода к анализируемым фактам. Однако в одном очень важном пункте мы мало отличались от Погорелова, Панькевича и других исследователей юго-западных украинских говоров. Мы вслед за ними видели свою задачу только в выявлении «южнославянизмов». Обработка собранного материала, изучение различной лингвистической, этнографической и исторической литературы по карпатистике, итоги большой комплексной экспедиции по изучению говоров Полесья показали, что мы, затронув лишь один аспект большой и очень сложной проблемы, не поняли, что он характеризует только одну сторону той многогранной картины языковых трансформаций, которые происходили в карпатской зоне после появления здесь славян и венгров. Стало совершенно очевидным, что между языками карпатской зоны происходили сложные процессы взаимопроникновения и взаимовлияния, в результате которых сформировалась определенная языковая общность, со своими специфическими чертами.

Выявление особенностей южнославянских языков в латеральных южных говорах некоторых северных языков (в украинских, словацких, чешских и польских говорах) представляет собою актуальную задачу славянского языкознания. В наличии этих особенностей здесь нет ничего неожиданного, так как давно хорошо известно, что до начала славянской колонизации Балканского полуострова (т. е. до VI в. н. э.) предки современных южных славян населяли равнины Дакии и Паннонии, склоны карпатских гор, на которых можно было заниматься земледелием. Мощная славянская колонизация Нижней и Верхней Мизии, Хемуса, Фракии, Македонии, Греции (не только Эпира и Фессалии, но и южных областей до самого Пелопоннеса), Малой Азии, позже западных районов Балканского полуострова привела к резкому сокращению славянского этнического элемента в областях между Дунаем и се-

верными отрогами Карпат, к ослаблению, а позже и к прекращению контактов южных славян со своими северными сородичами. Однако наши предшественники в изучении этих контактов не различали элементов еще праславянского периода от поздних заимствований, собственно южнославянских фактов от общих черт, входящих к ассимилированным индоевропейским языкам. Эти существенные ошибки Погорелова и других исследователей нам были ясны в самом начале работы. Однако мы вместе с этими учеными не знали, что многие так называемые «южнославянизмы» в юго-западных говорах Украины хорошо известны волынским говорам украинского языка, западным говорам Полесья, ряду северо-западных говоров русского языка. Это относится не только к лексике, но затрагивает и семантическую сторону. Уже позже для нас стало ясно, что некоторые семантические сдвиги в терминологии горного ландшафта, которые мы связывали с карпатской миграцией славян, в действительности хорошо известны и в других районах (и не только в горных). В этом отношении неоценимую помощь нам оказала Полесская экспедиция, во главе которой стоял Н. И. Толстой. Толстой принимал активное участие в решении многих задач КДА, участвовал в обсуждении программы КДА. Это помогло ему обратить внимание на те факты в полесских говорах, которые в карпатских говорах относятся к заимствованиям из южнославянских языков (подробнее об этом см. ниже). Теперь уже совершенно очевидно, что решение поставленной в КДА основной задачи возможно лишь при всестороннем изучении всех аспектов языковой интерференции между северными отрогами Карпат и Дунаем с широким привлечением данных не только южнославянских, но и северославянских говоров, в ряде случаев далеко расположенных от Карпат. Необходимо учитывать и скудные остатки древних индоевропейских языков. Таким образом, в настоящее время довольно четко вырисовывается проблематика так называемого карпатского языкознания. Изучение, например, румынского языка может быть предметом романского языкознания, балканистики (румынский язык входит в «балканский языковый союз») и карпатского языкознания. В языковой ситуации карпатской зоны румынский язык играл очень большую роль.

Карпатское языкознание — большая и сложная область нашей науки. Главные задачи — проведение частных исследований отдельных вопросов, тщательный сбор различных материалов по надежным программам, составление общих и региональных лингвистических атласов, этимологические и топонимические исследования. Параллельно со всеми этими исследованиями не-

обходимо решать и общие проблемы карпатского языкознания. Только они могут объединить итоги всех частных исследований и способствовать развитию всего карпатского языкознания в целом. Польский атлас Подкарпатья К. Нитча и М. Малэцкого, содержащий ценные факты для решения многих вопросов карпатского языкознания, был опубликован еще в 1934 г., но до сих пор в этом отношении использовался недостаточно (см. работы С. Лукасика, Э. Врание и др.).

В последние годы завершены важные труды по отдельным разделам карпатского языкознания. Естественно, что большое внимание уделяется терминологии горного пастушеского скотоводства, которое принадлежит к традиционным местным занятиям. Лингвисты, историки и этнографы особое внимание уделяют тем процессам, которые в той или иной степени связаны с так называемой валашской колонизацией, см.: [Chaloupecký 1947, Krandžalov 1963, Vašek 1967, Vašek 1967a; и др.].

Основными единицами, с которыми имеет дело исследователь проблем языковой интерференции на Карпатах, являются карпатизмы и балканизмы. В большинстве случаев эти элементы обнаруживаются в корневой части слова, в ее значении, в суффиксальных морфемах, в некоторых синтаксических конструкциях. Они отсутствуют в словоизменительных частях слова, так как в каждом языке карпатизмы и балканизмы подчиняются законам своей морфологии. Трудно с полной уверенностью говорить о фонетических карпатизмах.

Карпатизмы формировались в начальные периоды истории современных языков и диалектов карпатской зоны (первое тысячелетие н. э.). В этимологическом отношении они представляют разнородный материал.

В первом тысячелетии н. э. на территории Карпат были ассимилированы древние индоевропейские языки. К сожалению, от древних языков Дакии и Паннонии сохранились весьма скудные данные. Речь идет о языке даков и гетов. Выявление среди карпатизмов древних субстратных явлений представляет большие трудности. Практически их приходится устанавливать по методу остатков. Вслед за большинством ученых мы исходим из предположения, что со времени неолита Балканы и Карпаты были заселены племенами индоевропейского происхождения. Если карпатизмы не этимологизируются с помощью известных нам древних и современных языков балканской и карпатской зон, мы условно причисляем их к дакийским элементам. В большинстве случаев эти же элементы обнаруживаются и в языках к югу от

Дуная, что свидетельствует о близости языков даков и балканских фракийцев. Есть все основания говорить о единстве того древнего субстрата, на основе которого сформировался «балканский языковый союз» и его северная (карпатская) периферия. При решении данной проблемы нельзя не учитывать тех древнейших особенностей, которые объединяют румынский и албанский языки. Со времени первых наблюдений А. Филиппиде в этом направлении сделано много. Конечно, это имеет значение прежде всего для решения вопросов происхождения румынского языка, для выяснения генетических связей дако-мизийского и древнеалбанского. Однако эти факты необходимо учитывать и исследователю карпатизмов.

Имеется один древний этнический элемент, который необходимо учитывать в большей степени карпатологу, нежели собственно балканисту. Речь идет о кельтском наследии. Хорошо известно, что кельты проникали во внутренние районы Балканского полуострова. Однако заметных следов в языках местного населения они здесь не оставили. Со следами кельтской культуры на Балканах имеют дело лишь археологи, которые обнаруживают в различных районах кельтские поселения. Кельты здесь были ассимилированы фракийцами задолго до появления на Балканах первых славян [Герасимов 1971, 40]. Иной была роль кельтов в жизни народов Карпат и многих областей Центральной Европы (например, Чехии). В течение длительного времени основным населением провинции Норик были кельты, которые в первые века христианской эры испытали глубокое воздействие римской цивилизации и латинского языка. Именно здесь римляне проводили политику интенсивной урбанизации, в результате которой все местное кельтское население было романизовано. «В то время как в соседних областях, Ретии и Паннонии, либо вовсе не имеется памятников латинского языка, либо их находят только в более крупных центрах, — долины Дравы, Мура, Зальцаха и их притоков, вплоть до горного хребта, изобилуют памятниками глубоко проникшей романизации. Норик был преддверием и до известной степени частью Италии; пока легионы и преторианская гвардия формировались преимущественно из италийцев, Норик принадлежало в этом отношении первое место предпочтительно перед остальными провинциями» [Моммзен 1949, 175]¹. Романизованное население из Норика поз-

¹ О значительных следах кельтского влияния на территории Норика и Верхней Паннонии в античное время см. [Katitić 1966, 145–167].

же передвинулось на восток и заселило Верхнюю Паннонию. Возможно, что именно здесь нужно искать истоки той восточнороманской речи, которая из Трансильвании распространилась по всей Дакии и в смежных с ней областях. Не следует забывать, что почти всюду романские языки сформировались на кельтском субстрате. Интенсивная и глубокая романизация северной Африки не привела к созданию здесь романских языков.

Языковые следы кельтского субстрата через романскую речь проникли во многие языки карпатского ареала. Кельтское происхождение ряда карпатизмов не вызывает сомнений. Однако в некоторых районах карпатской зоны кельтское влияние могло быть непосредственным (не через восточнороманскую речь). Хорошо известно, что в первые века н. э. кельтское влияние имело место на территории юго-западной Польши и Верхней Силезии (подробнее см.: [Lehr-Splawiński 1956, 1–10; Machek 1963, 109]. Еще сильнее и интенсивнее оно было в Богемии, где первые славянские поселенцы застали еще многочисленное кельтское население. Разграничить среди карпатизмов указанные две группы кельтизмов не просто. Дело в том, что некоторые кельтизмы могли проникнуть позже в румынский язык из славянских.

Среди карпатизмов велик процент слов романского происхождения. В этом нет ничего удивительного. Этот процент отражает ту большую роль, которую играла романская речь в областях к северу от Дуная. Носители романской речи на территории Дакии и Паннонии издавна принадлежали к тому мобильному этническому элементу, который проникал в различные районы карпатской зоны. В формировании общих черт в языках карпатского ареала романская речь играла выдающуюся роль. Конечно, не все местные романские элементы могут быть причислены к карпатизмам, т. е. к тем элементам, которые восходят к периоду формирования современной языковой карты Карпат. Влияние романской речи было очень длительным и в различные исторические периоды принимало разнообразные формы.

Неоднократно делались попытки преуменьшить роль романской речи в тех процессах языковой интерференции, которые привели к формированию на Карпатах определенного комплекса языковых тожеств. В этом отношении прежде всего необходимо назвать труды чешского балканиста историка Д. Кранжалэ, автора многих работ о роли румынского этнического элемента на Карпатах (см. [Crânjală 1938], [Krandžalov 1963] и др.). На основе разнородного материала ученый пытался доказать, что романский этнический и языковый элементы не могли оказать

существенного влияния на ход этнической и языковой истории на Карпатах. Лингвистические доказательства Кранжалэ очень слабы. В данном докладе я лишен возможности показать это на анализе конкретного материала. Это будет сделано в монографии. Анализу работ Кранжалэ будет уделена специальная глава, несмотря на то, что многие положения ученого были уже убедительно опровергнуты балканистами разных стран.

Иной была роль романского (латинского) этнического и языкового элементов в формировании «балканского языкового союза», в тех процессах языковой интерференции, которые происходили в первые века н. э. на территории Верхней и Нижней Мизии, Македонии и соседних областей. Объясняется это тем, что романизация Балканского полуострова за исключением Далмации была поверхностной и не привела к ассимиляции местного населения.

О римской экспансии в различные районы Балканского полуострова существует большая литература. Это легко понять, так как многие балканские провинции играли важную роль в экономических, политических, военно-стратегических и демографических планах Рима, начиная со II в. до н. э. К районам ранней романизации относилась Македония, которую римляне позже использовали «как базу для своего проникновения в остальные части полуострова» [Геров 1971, 33]. Большое значение Рим придавал северным провинциям полуострова, Верхней и Нижней Мизии. Здесь, особенно вдоль всего южного побережья Дуная, были расположены многочисленные укрепленные пункты, военные поселения. Велик здесь был процент пришлого населения в городах. Многочисленные местные эпиграфические памятники на латинском языке говорят о большой роли латинского языка в культурной жизни жителей данного района. Все эти давно и хорошо известные факты послужили основой для гипотезы, согласно которой уже в первые века н. э. фракийцы были романизованы, фракийский язык был поглощен балканским вариантом народной латыни. Этот взгляд разделялся многими крупнейшими учеными XIX в., имеются его сторонники и в настоящее время. Однако в распоряжении историков были факты иного рода, которые свидетельствовали, что в период римской экспансии в легионах собственно романский элемент играл ничтожную роль, что завоеванные балканские провинции заселялись выходцами главным образом из Малой Азии. О плохом знании латинского языка римскими солдатами и колонистами сохранилось несколько свидетельств. Все это да-

ло основание еще Т. Моммзену утверждать, что условий для глубокой романизации Мизии не существовало. Он иронически пишет об апостолах римской цивилизации римских солдат, которые в Мизии не могли быть проводниками латинской культуры и латинского языка. Они оставляли «достаточно места для прежних примитивных условий быта» [Моммзен 1949, 187].

Среди балканистов-лингвистов теория о быстрой и полной ассимиляции фракийцев римскими колонистами получила широкое распространение благодаря авторитету В. Томашека. Близок к нему был К. Иречек, который, однако, в отличие от Томашека полагал, что романизация охватила лишь северную часть полуострова. На основании тщательного изучения эпиграфического материала Иречек попытался установить границу между романизованным и эллинизированным коренным населением Балканского полуострова.

Исследования последних двух десятилетий заставили коренным образом пересмотреть точку зрения Томашека и других, согласно которой фракийский язык был ассимилирован задолго до появления на Балканах первых славян (т. е. до VI в. н. э.). Подводя итоги этим исследованиям, Б. Геров с полным основанием пишет: «Но как эллинизация к югу от Балканских гор, так и романизация к северу не затронула глубоко народную фракийскую массу. Она продолжала пользоваться своим родным языком, почитать свои божества и хранить свои обычаи» [Героу 1971, 34].

Сомнения в истинности старой точки зрения начались давно. Недавно стало известно письмо Иречека Л. Милетичу от 4 января 1903 г., в котором знаменитый венский балканист пишет: «Прошлой зимой я занимался одним вопросом: до какого времени существовал язык старых фракийцев. Теперь я совершенно уверен, что на фракийском языке говорили еще в VI в. и что были священное письмо и церковные книги, переведенные на фракийский язык. Об этом имеются сведения в некоторых житиях и описаниях путешествий в святые земли в это время. Покойный Томашек хотел доказать, что *lingua bessa* был романским языком, но сами памятники в наиболее достоверных списках показывают, что это не так» [Миятев 1953, № 242].

Я лишен возможности в своем докладе приводить новейшую аргументацию в пользу того положения, что славяне в VI веке н. э. вошли на Балканах в контакт с местным фракийским населением, которое еще сохраняло свой язык и свой уклад жизни. Это убедительно, например, показано В. Бешевлиевым на анализе

личных имен у фракийцев [Бешевлиев 1965]. Не менее убедительно об этом свидетельствуют архаические элементы материальной и духовной культуры болгарского народа. Об этом, наконец, говорит фракийский субстрат «балканского языкового союза». Сторонники Томашека придавали большое значение наличию обширного эпиграфического материала на латинском языке. Фактически это был их основной аргумент. Я должен согласиться с проф. Бешевлиевым, который с полным основанием указывает на шаткость и неубедительность этого довода. «Насколько ошибочно делать заключение на основе надписей о языке самого населения, показывают многочисленные надписи на турецком языке в Болгарии до ее освобождения, число которых далеко превосходит число надписей на болгарском языке в этот же период. На основе только турецких надписей можно было бы утверждать, что болгарский народ был полностью отуречен» [Бешевлиев 1965, 94].

Современное состояние изучения роли романского элемента в этнической и языковой истории народов Балканского полуострова дает основание окончательно отвергнуть ту теорию происхождения румынского народа, родоначальником которой был Ф. Зульцер и которую разделяли многие крупные балканисты прошлого: Р. Рёслер, Ф. Миклошич, К. Иречек и др. Речь идет о так называемой балканской теории, согласно которой романские корни румынского народа нужно искать к югу от Дуная. Все приверженцы этой теории исходили из того непреложного для них факта, что романизация Мизии была длительной и глубокой. Она должна была оставить заметные следы в этнической и языковой истории болгарского народа (прежде всего в северной Болгарии). Однако следы эти весьма поверхностны, и нет никакой уверенности в том, что они восходят ко времени римской экспансии в Мизию. Следует учитывать возможность проникновения отдельных элементов романской речи в позднее время из румынского языка. На этом основании был сделан вывод, что старое романизованное население покинуло Мизию и переселилось в Дакию.

Велико значение в карпатской проблематике славянского аспекта не только потому, что среди карпатизмов много славянских элементов, но и потому, что в процессах этнической и языковой истории славян Карпаты и прилегающие к ним районы играли значительную роль. В течение длительного времени здесь шел процесс формирования отдельных праславянских диалектов, между которыми в различные периоды устанавлива-

лись сложные взаимоотношения. Это был тот район, где нарушалось четкое противопоставление основных славянских языковых групп и возникали новые этнические и языковые образования, характеризующиеся сочетанием разнородных признаков. Здесь создавался особый славянский языковой континуум, отдельные элементы которого уже позже пережили сложные трансформации. В иных исторических условиях на Карпатах могла бы сформироваться самостоятельная славянская языковая группа, в которой гетерогенные диалектные признаки представляли бы внутреннее единство. Этого не произошло в результате балканской миграции славян и ассимиляции оставшихся здесь славян румынами и венграми. Северная периферия карпатского континуума вошла в сферу воздействия восточных и западных славян.

Выше уже шла речь о так называемых южнославянизмах в юго-западных украинских говорах. Они характеризуют в той или иной степени языки карпатского ареала. «Южнославянизмами» их можно считать лишь с позиции литературных языков: они хорошо известны болгарскому и сербохорватскому литературным языкам, но отсутствуют в русском и украинском литературных языках. Как мы видели выше, именно так эту проблему решал В. Погорелов. При сравнении на диалектном уровне картина могла бы измениться коренным образом: многие карпатские «южнославянизмы» известны восточно-славянским говорам за пределами карпатской зоны и отсутствуют во многих говорах болгарского и особенно сербохорватского языков. Следует иметь в виду, что южнославянские языки сформировались уже на Балканах, в результате взаимодействия определенной группы праславянских диалектов с местными языками. Эти праславянские диалекты в карпатский период их жизни вместе с праславянскими диалектами северной зоны нельзя рассматривать с позиции современной славянской языковой карты, через призму современного языкового мира, современных языковых отношений, современных классификационных критериев. Пользуясь современными данными, данными памятников письменности и топонимики, можно в какой-то степени восстановить некоторые признаки тех праславянских диалектов, которые оставили глубокий след в языках и диалектах карпатского ареала. Особо следует учитывать материал южнославянских языков, так как эти признаки в этих языках представлены полнее и шире. Лишь в этом смысле определенную группу славянских карпатизмов можно условно относить к «южнославянизмам».

Карпатизмы славянского происхождения формировались в поздний период истории праславянских диалектов в связи с карпатской миграцией славян. Процесс этот был сложным и длительным. Начало его относится к III–IV вв. н. э., завершение — к IX–X вв. н. э.

После балканской миграции славян установилась обширная языковая непрерывность от северных отрогов Карпат до южных районов Балканского полуострова. Именно после VI в. н. э. славянские говоры карпатского ареала получили выход на Балканы, где они пережили существенные трансформации. В связи с этногенетическими процессами в Дакии и Паннонии после VI в. н. э. начался длительный период постепенного разобщения славянского населения, обитавшего к северу и к югу от Дуная. Одновременно начался интенсивный процесс сближения северных говоров карпатского ареала с северной славянской языковой зоной.

Сравнительное изучение современных славянских говоров Карпат и говоров болгарского и сербохорватского языков (эта проблема пока еще не получила всестороннего освещения) как будто дает основание утверждать, что разобщение славянского населения Карпат и Балкан охватило прежде всего латеральные зоны. Наиболее устойчивой связью была в центральном районе. Очень решительно это положение было высказано мной еще в 1963 г. в статье «Карпатский диалектологический атлас». Там я писал: «Если говорить о болгарских говорах, то здесь особое значение приобретают северо-западные говоры Болгарии. Эти говоры имеют наибольшее число «карпатизмов». Близки к ним в этом отношении восточные, северо-восточные и центральные говоры штокавского диалекта сербохорватского языка. Именно центральный район северной границы южнославянского ареала в наибольшей степени связан с центральным районом южной границы северо-восточного ареала». Должен, однако, заметить, что в моем распоряжении имеется скудный материал, подтверждающий высказанную мысль. В этом направлении предстоит еще большая работа. Необходимо по программе КДА собрать материал из различных районов Болгарии и Югославии. Мы надеемся, что в этом нам окажут помощь диалектологи этих стран. Собранные материалы помогут осветить многие важные явления из истории южнославянских языков.

Диалектологические экспедиции последних лет, новые словарные материалы показали, что северная карпатская зона гораздо теснее связана с северным языковым массивом, нежели это представлялось прежде. Многие карпатские «южнославянизмы» идут далеко на север.

О связях говоров карпатского района с говорами северных областей до начала работы над КДА мы знали мало. В описаниях подольских и волинских говоров украинского языка уже давно фиксировались отдельные карпатизмы, но объяснить их здесь было не трудно. Известны были отдельные «южнославянизмы» в русских и кашубских говорах. О широком распространении на большой восточнославянской территории отдельных технических карпатизмов было известно и раньше. Речь идет главным образом о пастушеской терминологии (ср. *кошара*, *обора*, *куча* и под.). На начальной стадии работы над КДА мы безо всяких колебаний слова типа *луспа* 'чешуя рыбы', *дойка* 'дойная корова', *правий* 'прямой', *бабин* 'ласковое обращение бабушки к внуку', *михур*, *михирь* 'волдырь, пузырь', *бавний* 'медленный' и мн. др. считали теми элементами карпатской народной речи, которые генетически должны быть отнесены к южнославянским. Неожиданными оказались результаты полесской экспедиции.

Все перечисленные выше примеры (число подобных примеров велико) представлены в тех же или близких значениях в говорах Полесья [Толстой 1968, 13–16]. В последние годы в связи с интенсивным изучением русской диалектной лексики аналогии карпатизмам обнаруживаются во многих северо-западных русских говорах.

В настоящее время мы знаем много лексем, семем, словообразовательных структур, которые объединяют западный диалектный пояс восточнославянских языков с карпатским и южнославянским языковым континуумом. Нет сомнений, что причину этого явления нужно искать в истории взаимоотношений праславянских диалектов второй половины I тыс. н. э. Нужно продолжать сбор материала, его тщательную обработку и всесторонний анализ. Полагаю, что мы еще не располагаем хорошо обработанным материалом, на основе которого можно было бы уже объяснить наличие специфических лексических элементов в латеральной (западной) зоне восточнославянских языков, в языках карпатского ареала, в южнославянских языках. Очевидно лишь, что наша дальнейшая работа должна идти в тесном контакте со специалистами по восточнославянской диалектологии.

Широкое поле деятельности открывается перед специалистами по западнославянской диалектологии. Польские диалектологи неоднократно отмечали наличие типичных карпатизмов в польских говорах. Только учитывая карпатскую языковую ситуацию, можно, наконец, решить вопрос о генезисе южных малопольских говоров, об их древних истоках, о «южнославянизмах» в средне-

словацких говорах и многое другое. Таким образом, изучение карпатизмов, их генезиса и территории их распространения перерастает узкие рамки карпатского языкознания и становится одной из важнейших задач славянского языкознания вообще. Совершенно согласен с проф. М. Карасем, что «создание специального карпатского атласа, охватывающего все языки этого района, независимо от их происхождения является делом полезным и очень нужным для исследования истории этого района, а также отношений между отдельными славянскими языками [Карась 1971, 409].

Последняя завершающая глава коренных этнических трансформаций на Карпатах связана с появлением здесь в конце IX в. н. э. нового этнического элемента. Речь идет о венграх, которые в конце IX в. появились в Паннонии, где они ассимилировали старое славянское население. Дискуссионного вопроса о языке этого населения в настоящем докладе касаться не буду. Этот специальный вопрос будет освещен в монографии.

Венгры на новом месте жительства испытали чрезвычайно глубокие трансформации не только в области языка, народного быта, но и в экономическом укладе, в социально-политической структуре общества. Скотоводство рано утратило кочевнический характер, основным занятием стало земледелие.

В общекарпатских этнических и языковых интерференциях венгры сыграли сравнительно небольшую роль. Объясняется это различными причинами. Венгры появились на Карпатах поздно. К концу I тыс. н. э. в основном уже сформировалась современная этническая и языковая карта данного района. Оседлое земледелие и равнинное скотоводство не вынуждали крестьянское население покидать насиженные места. На уровне основного крестьянского населения венгры представляли собою более замкнутую структуру, нежели румыны. В разные исторические периоды происходили изменения этнических границ венгерского народа, но они обуславливали лишь частные языковые контакты (венгерско-украинские, венгерско-словацкие и др.). Более важными и существенными были результаты венгерско-румынских контактов, но и они не сказались существенно на формировании карпатизмов².

² Вопросы хронологии венгерско-румынских контактов недавно были рассмотрены Б. Келеменом [Kelemen 1971, 231 и след.]. Большой и новый материал, характеризующий венгерско-украинские языковые контакты в Закарпатской Украине, содержит лингвистический атлас П. Н. Лизанца [Lizanec 1970].

Тем не менее среди карпатизмов мы находим слова венгерского происхождения. Они формировались не в крестьянской среде. Об этом свидетельствует сам состав венгерских карпатизмов. Примечательно, что основная их масса относится к торговле, городу, политической терминологии. Это хорошо известные на обширной территории венгерские карпатизмы *vám* 'пошлина', *marha* 'скот, товар', *gazda* 'хозяин', *varos* 'город' и др. Не все венгерские карпатизмы имеют угро-финскую этимологию, но все они в языки карпатского ареала проникли из венгерского языка. Некоторые венгерские карпатизмы получили широкое распространение в языках Балканского полуострова. Грамматических карпатизмов венгерского происхождения нет.

В этнической истории Дакии и Паннонии немалую роль играли различные народности германского происхождения: гепиды, готы и др. Однако их следы в языках карпато-дунайского бассейна ничтожны. Значительнее роль немецкого (верхнемецкого) языка. Карпатизмы германского происхождения утвердились здесь через другие языки (ср. указанный выше венгерский карпатизм *marha*).

Сложной и многогранной была этническая история народов карпатского ареала во втором тысячелетии н. э. В первой половине этого периода была завершена ассимиляция славянского населения Дакии и Паннонии. Существенно менялись языковые границы, имели место перемещения отдельных этнических групп, появились новые народности (например, немцы, евреи и цыгане).

Наиболее важной для языковой истории народов Карпатского района в этот период была значительная колонизация земель к северу от Дуная задунайскими переселенцами, вызванная главным образом турецким завоеванием Болгарии и Сербии. Первые беженцы не оказали существенного влияния на этническую и языковую ситуацию в странах к северу от Дуная. В основном это были представители высших слоев феодальной Болгарии и Сербии: горожане и духовенство. С конца XVI в. начинается интенсивное перемещение крестьян во многие области Большой и Малой Валахии, позже Баната. Они принесли с собою многие новые языковые особенности, которые получили распространение в языках карпатского ареала. Это балканизмы, которые еще теснее сблизили языки народов Карпато-Дунайского бассейна. Большую роль в сближении этих языков играло кочевое пастушество. «В скотоводческом словаре карпатских славян (украинцев, поляков, словаков) имеется много балканских элементов, которые представляют собою румынские (романские) слова или сло-

ва, которые румыны заимствовали из других балканских языков (среди них и южнославянских)» [Голомб 1959, 22].

В этимологическом отношении балканизмы весьма разнородны. Большое место среди них занимают турцизмы. Непосредственное влияние турецкого языка на языки карпатского ареала было слабым. Несмотря на это, турцизмы получили весьма широкое распространение на большой территории Карпато-Дунайского бассейна. Примечательно, что состав турцизмов почти всюду тождествен. Принесли сюда турцизмы болгарские крестьяне, ремесленники, торговцы, балканские пастухи разной этнической принадлежности.

Разграничение карпатизмов и балканизмов на собственно славянском материале не всегда может быть осуществлено. Здесь в первую очередь следует учитывать семантику. Так, нет сомнений, что хорошо известное на Карпатах слово *grîza* следует считать карпатизмом, несмотря на то, что оно встречается во всех болгарских говорах. Дело в том, что в языках карпатского ареала это слово сохраняет более древнюю семантику [Бернштейн 1965, 19–24].

Значителен процент среди балканизмов слов новогреческого и албанского происхождения. Велика роль в их распространении балканских пастухов-номадов. В XVI–XVII вв. высокогорное овцеводство получает значительное развитие как на Балканах, так и на Карпатах. Пастухи-номады свободно перемещались со своими стадами на значительные расстояния, не считаясь с государственными границами. Они даже пользовались особым покровительством турецкой администрации, которая оказывала им помощь при переходе через реки. Они пасли свой стада не только на Динарских горах, в горах Албании и северной Греции, Болгарии, но и заходили далеко на север от Дуная. В этот период кочевое овцеводство связывало экономически обширный район юго-восточной Европы от Пинды и Олимпа до северных Карпат. Это наложило глубокий отпечаток и на языки. Многие элементы балканских языков глубоко проникли в языки карпатского ареала, еще крепче объединив их.

Геологи и географы уже давно всесторонне изучают геоморфологическую структуру Карпат и прилегающих к ним районов. Уже велик вклад в общее карпатоведение этнографов, которые выявили и исследовали ряд существенных общих и локальных явлений материальной и духовной культуры народов карпатского ареала. К сожалению, в этой работе не участвуют лингвисты. Это наносит серьезный ущерб не только карпатскому языкозна-

нию в целом, но и изучению отдельных языков и диалектов. В развитии карпатского языкознания должны быть заинтересованы не только карпатологи и балканисты, не только слависты, романисты и финно-угроведы, но и специалисты по отдельным языкам карпатской зоны. Большой интерес изучение проблем языковой интерференции на Карпатах представляет для теории языковых союзов, структурной типологии и других проблем общего языкознания. Я выражаю надежду, что на нашем VII съезде славистов мы не ограничимся только общим обменом мнений по вопросам карпатского языкознания, но и примем конкретную программу совместных исследований. Это, конечно, потребует решения ряда важных организационных вопросов.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 25-41.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЯЗЫКОВ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Теория языковых союзов, получившая широкое признание в XX в., имела и имеет в настоящее время серьезных противников. До сих пор еще очень сильна тенденция рассматривать отдельные языки или языковые группы изолированно, через призму современного языкового мира. Здесь своеобразно сталкиваются два подхода, которые имеют общую основу. Первый отражает переоценку самостоятельности и гомогенности каждой языковой группы, сформировавшейся еще в глубокой древности. В основе этого подхода лежат представления XIX в., которые в скрытом виде живут в сознании многих современных лингвистов. Второй подход обусловлен метафизическим взглядом на такие категории, как язык, диалект, говор. Современную языковую карту мира механически переносят в прошлое. Отсюда упорное стремление все древние языковые образования непременно связывать с современными языками, переходные зоны генетически определять в свете современных национальных проблем. При таком подходе языковая реальность часто исследователей ставит в тупик. В таких случаях лингвисты обычно отказываются от языковых критериев и ищут выход в других областях.

Следует ясно отдавать себе отчет в том, что современная языковая карта мира формировалась в значительной своей части в результате экстралингвистических условий. Вот почему собственно языковые критерии часто отходят на второй план. Мы знаем много примеров, когда очень близкие говоры являются говорами разных языков, а весьма далекие входят в состав одного языка. В этом отношении большой интерес представляют языки и диалекты карпатского ареала. Здесь издавна происходили и происходят в настоящее время интенсивные взаимодействия родственных и неродственных языков, в результате чего возникла определенная языковая общность. По ряду признаков диалекты различных славянских языков карпатской зоны связаны между собою теснее, нежели карпатские и некарпатские диалекты каждого славянского языка в отдельности.

Методологической основой теории языковых союзов являлась теория субстрата. Некоторые основные положения этой теории (например, стремление последовательно и четко разграничивать в сложных ситуациях языковых контактов явления субстрата, адстрата и суперстрата) вызывали многочисленные и в ряде случаев серьезные возражения. Не меньше возникало сомнений, когда на основании аналогичных структур в современных языках делались смелые и далеко идущие выводы о языковых особенностях утраченного субстрата. Эти выводы были по существу бездоказательны. Сторонники классической теории субстрата решали очень прямолинейно все процессы языковых взаимодействий. Они искусственно противопоставляли внутренние закономерности языка влиянию субстрата, не отдавали себе отчета в том, что язык ассимилированного населения (субстрат) мог преобразовать самую внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции развития языка-суперстрата. Не был пассивен и суперстрат.

Велики достижения послевоенного языкознания в изучении закономерностей языковых контактов. Достаточно назвать труды У. Вайнрайха, Дж. Гринберга, Э. Хаугена, А. Мартине, Э. Петровича и других ученых. На многих примерах из разных языков было показано, что процессы взаимодействия языков чрезвычайно сложны и многообразны, что здесь мы имеем дело с различного рода интерференцией языков, которая существенно преобразует внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции самого развития. Теперь можно говорить о теории интерференции языков, которая гораздо глубже может объяснить механизм и последствия языковых контактов. Вместе с тем я бы не противопоставлял так резко старую теорию субстрата и новую теорию интерференции, как это делает, например, Б. Гавранек. Теория интерференции — это современный этап развития теории субстрата.

На материале балканских и славянских языков плодотворно новые принципы теории интерференции применял Э. Петрович. Труды румынского ученого представляют особый интерес прежде всего потому, что он обратил серьезное внимание на фонологические признаки (например, на корреляцию согласных по палатализации). Вместе с тем новые идеи в области балканского языкознания еще не получили заметного развития. Не может быть сомнений в том, что очередной задачей балканского языкознания является всестороннее изучение интерференции языков Балканского полуострова и сопредельных районов (прежде всего языков и диалектов карпатского ареала).

В географической науке уже давно утвердилось понятие «карпатской зоны». Население Карпат имеет много общих специфиче-

ских элементов в области старой материальной культуры, народного быта, древних обычаев, народной словесности, музыки и хореографии. Многие из этих черт объединяют этот район с Балканским полуостровом. Поразительные аналогии представляют и языки. В настоящее время идет процесс формирования самостоятельной области языкознания, карпатского языкознания, которое самым тесным образом связано, с одной стороны, с балканским языкознанием, с другой — со славянским.

Языки и диалекты карпатского ареала принадлежат к языкам различных семей (индоевропейские и угро-финские), к различным группам славянских языков (восточнославянские и западнославянские). На значительной территории от Днестра на востоке и до Моравы, Нитры, Грона на западе обнаруживаются многочисленные общие специфические черты, которые придают этому району черты большого своеобразия. Они обнаруживаются главным образом в словаре, в словообразовательных морфемах, в синтаксических конструкциях, в идиоматике и фразеологии. В своих наиболее специфических признаках данный континуум тяготеет к югу, к балканским языкам.

В последнее десятилетие заметно возрос интерес лингвистов к изучению проблем интерференции языков и диалектов карпатского ареала. Прежде языковые контакты на данной территории рассматривались обычно лишь в плане взаимодействий отдельных языков на уровне лексики. Впервые широко вопросы языковых контактов были поставлены историком Д. Крυνджаловым в монографии «*Rumunské vlivy v Karpattech*» (1938). Однако этот труд, содержащий в ряде случаев ценный языковый материал и интересные частные наблюдения, не оказал заметного влияния на развитие карпатского языкознания в целом. Известную роль в формировании карпатского языкознания сыграли труды тех лингвистов, которые обратили внимание на «южнославянизмы» в юго-западных украинских говорах, а также труды историков и лингвистов, занимающихся проблемами так называемой валашской колонизации. Многие положения в этих работах уже устарели, но известное значение они сохраняют до сих пор. Велика роль в формировании карпатского языкознания трудов по лингвистической географии. Здесь уместно вспомнить польский атлас К. Нитча и М. Малецкого, атласы румынских и молдавских диалектологов, украинский атлас И. А. Дзензелевского, карпатский диалектологический атлас, изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, и др. Прежде всего именно на этой основе теперь создается карпатское языкознание как самостоятельная область науки со своим материалом и со своей проблематикой.

Специфические общие черты языков и диалектов карпатского ареала формировались в течение весьма длительного периода.

Среди специфических общих черт языков и диалектов карпатского ареала необходимо различать карпатизмы и балканизмы. Древнейший пласт карпатизмов идет от тех древних индоевропейских языков, носители которых жили на данной территории до появления здесь славянского, романского и угро-финского населения. Таким образом, речь идет о языке старого коренного индоевропейского населения Дакии, Паннонии и соседних областей, жившего между северными отрогами Карпат и Дунаем. Об этих языках мы знаем очень мало. Нет сомнений, что Карпаты со времени позднего неолита населяли племена, говорившие на диалектах индоевропейского языка. Об этих диалектах дает некоторое представление топонимический материал, на основе которого, однако, решать вопросы этимологии во многих случаях затруднительно. К древнейшим индоевропейским карпатизмам могут быть отнесены те элементы современной речи, которые имеют кельтскую этимологию. Но их сравнительно мало. К этой же группе карпатизмов с известной долей вероятности могут быть отнесены те карпатизмы индоевропейской структуры, которые не этимологизируются как элементы латинского, греческого языков, не имеют этимологии в романских и славянских языках. По методу остатков их можно считать карпатизмами дакийского и паннонского происхождения. В этом направлении прежде всего должны быть учтены результаты многолетних исследований по румынской этимологии. Они содержат важные данные для выявления списка карпатизмов древнейшего происхождения.

К поздним карпатизмам следует отнести те общие элементы современных языков карпатского ареала, которые имеют славянскую, румынскую и венгерскую этимологию. Однако в эту формулировку необходимо внести существенные ограничения.

В III–IV вв. н. э. территория Карпат была заселена племенами славянского происхождения. Эти племена заселили равнинную часть всей территории и склоны гор, на которых можно было заниматься земледелием, составлявшим основное занятие славян. В VI–VII вв. н. э. произошло резкое сокращение числа славян в связи с переселением значительной их части на Балканский полуостров. После этого начался многовековой процесс ассимиляции оставшегося здесь славянского населения носителями романской речи, позже венграми. Среди историков и лингвистов нет единства во взглядах на время завершения ассимиляционного процесса. Для нас, однако, в данном случае эти споры не имеют существенного

значения. Важнее, что многие элементы речи этих славян до сих пор хорошо сохраняются в диалектах Ольтении, Мунтении, Молдавии, Трансильвании, Марамуреша, Крипан и Баната, в диалектах венгерского языка. Это не только слова славянского, но в ряде случаев и слова латинского происхождения, получившие, однако, славянскую семантику.

Карпатизмы славянского происхождения во многих случаях имеют аналогии в южнославянских языках (главным образом, в диалектах болгарского языка и в восточноштокавских диалектах сербохорватского языка). Вот почему многие исследователи юго-западных говоров украинского языка (говоров к западу от Днестра) этот вид карпатизмов называли «южнославянизмами». Объясняется это тем, что древние славянские племенные диалекты Дакии и Паннонии в своей массе относились к тем праславянским диалектам, которые позже легли в основу южнославянских языков. Это подтверждается характером древнейших славянских заимствований в румынском и венгерском языках, а также определенным кругом лексики в карпатских говорах современных славянских языков. В этих говорах указанные карпатизмы могли утвердиться как в результате контактов древнейших славянских племен еще до наступления балканской колонизации, так и позже, через румынский и венгерский языки. Историк языка должен считаться с обеими возможностями.

Выявление «южнославянизмов» среди карпатизмов славянского происхождения представляется одной из центральных задач карпатского языкознания. Именно этой задаче был подчинен «Карпатский диалектологический атлас» (ЖДА), изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1967 г. На очереди публикация второго тома. Данные атласа свидетельствуют, что прикарпатские говоры украинского языка в большинстве случаев тяготеют к болгарскому языку, тогда как закарпатские «южнославянизмы» имеют много аналогий в сербохорватском языке. Это обстоятельство представляется очень важным для решения многих лингвистических и собственно исторических задач.

Карпатизмы славянского происхождения содержат важные сведения для изучения древнейшей истории южнославянских языков добалканского периода. Они в какой-то степени характеризуют языковые различия древних славянских племен Дакии и Паннонии, связи современных южнославянских диалектов с языками и диалектами карпатского ареала. Примечательно, что некоторые изоглоссы болгарского языка идут на север от Дуная до юго-западных говоров украинского языка. Они объединяют бал-

канский и карпатский языковый континуумы, придают в какой-то степени многим карпатским говорам славянских языков южнославянскую окраску.

Некоторые типичные карпатские «южнославянизмы» обнаруживаются далеко от карпатского региона. Они фиксируются в полесских говорах украинского и белорусского языков, в некоторых северо-западных говорах русского языка, в кашубских говорах.

Среди карпатизмов велик процент слов романского происхождения. Это естественно, так как носители восточнороманской речи принадлежали к многочисленному и весьма подвижному этническому элементу. Они играли активную роль в процессах языковой интерференции в Карпатах. Особенно значителен романский слой в лексике, связанной с пастушеством. Однако и здесь перед исследователем возникает немало трудностей. Дело в том, что многие слова романского происхождения были принесены в карпатскую зону балканскими жителями, преимущественно пастухами — номадами, говорящими на разных романских диалектах Балкан. Эти слова — балканизмы, их следует отличать от карпатизмов романского происхождения.

Не столь велика роль венгерского элемента. Карпатизмы угро-финского происхождения относятся преимущественно к сфере городской жизни, торговли и т. п. Многие из карпатизмов-мадьяризмов получили широкое распространение за пределами карпатской зоны, в частности в некоторых областях Балканского полуострова. Через венгерский проникло некоторое число слов германского происхождения.

В языках Карпатского ареала обнаруживается много слов тюркского происхождения. И здесь необходимо различать две группы: карпатизмы и балканизмы. К карпатизмам относятся древнейшие заимствования из языков различных древних тюркских народов (протоболгар, куманов и др.). Эта группа карпатизмов утвердилась прежде всего в венгерском языке и уже позже распространилась за его пределы. Практически эти карпатизмы можно отнести к мадьяризмам. Значительно больше местных слов тюркского происхождения восходят к турецкому языку. Именно они составляют значительную часть так называемых балканизмов. Большая их часть была принесена сюда болгарскими переселенцами (ремесленниками, торговцами и крестьянами) в своей массе уже после XVII в., а также балканскими пастухами.

Основную группу среди балканизмов составляют элементы южнославянских языков (преимущественно болгарского). К ней же следует отнести заимствования из албанского, новогреческого и

аромунского языков. Многочисленные переселенцы с Балканского полуострова появились на территории Карпат после турецкого завоевания, т. е. после XV в. Период же интенсивного их расселения падает на XVII–XIX вв. В процессах карпатской языковой интерференции балканизмы сыграли чрезвычайно большую роль. Кроме того, они укрепили, сделали богаче и разнообразнее связи языков и диалектов данного района с собственно балканскими языками. Сформировался во многом сходный языковый континуум от северных отрогов Карпат до южных районов Балканского полуострова.

Итак, на примере языков карпатского ареала мы видим, что контакты языков принимают сложные и разнообразные формы. Старые представления сторонников теории субстрата о характере взаимодействия языков схематичны и далеки от реальной действительности. Языковые союзы формируются не в результате наложения языков суперстрата на единый языковый и этнический субстрат, а вследствие разнообразных и сложных процессов интерференции языков, имевших место в течение длительного исторического периода. Так было и на Балканах. Конечно, диалекты фракийского языка сыграли важную роль в формировании балканского языкового союза, но имели место и другие весьма существенные факторы. На основе современных балканизмов реконструировать реальные черты фракийского языка нельзя. Многие балканизмы возникли в результате интерференции языков сравнительно поздно.

В свете теории интерференции первостепенное значение приобретает выявление районов, где шли процессы активного формирования языковых тождеств, откуда уже позже они распространялись на соседние территории. Таких районов могло быть несколько. Высказывалось мнение, что центром всех карпатизмов была Трансильвания. Бесспорно, что Трансильвания являлась важнейшим районом возникновения карпатизмов, откуда они распространялись во всех направлениях. Однако существовали и другие центры. В различные исторические периоды возникали новые центры, старые в ряде случаев утрачивали свое значение. Центрами распространения балканизмов были районы кочевничества, а также Валахия и Молдавия, где поселилось много болгарских беженцев. Следует учитывать роль Баната, на территории которого в течение длительного времени имели место разнообразные языковые контакты.

В науке высказывались предположения, что на территории Карпат существует самостоятельный карпатский языковый союз. Эти утверждения лишены оснований. Наиболее характерные общекарпатские грамматические признаки в той или иной степени повто-

ряют грамматические признаки балканского языкового союза.

Карпатское языкознание имеет много аспектов. Я хочу обратить внимание лишь на одну первоочередную задачу, с помощью которой можно будет в дальнейшем решить целый комплекс вопросов. Я имею в виду лингвогеографическое изучение говоров всех языков карпатского ареала по единой программе и создание на этой основе «Общекарпатского диалектологического атласа». Атлас должен обнаружить возможно полнее все наличные карпатизмы и балканизмы и показать территорию их распространения. Кроме того, программа атласа должна предусмотреть случаи маргинальных контактов, в результате которых происходили и происходят локальные заимствования. В связи с этим кроме общей программы атласа необходимо иметь несколько частных программ: украинско-словацкую, венгерско-словацкую, венгерско-украинскую, румынско-венгерскую и т. д.

Изоглоссы многих карпатизмов пересекают Дунай и идут по территории уже южнославянских языков. На болгарском диалектном материале это было показано М. Младеновым. Прежде казалось, что наблюдения в этом направлении должны ограничиться только болгарскими и сербохорватскими говорами. Однако К. Гутшмидт нашел интересные и чрезвычайно поучительные параллели в словенском языке. Все эти наблюдения последних лет наглядно показывают, что лингвистическое картографирование языков карпатского ареала должно учитывать в полной мере данные южнославянской диалектологии. На первых этапах обследования не следует давать предпочтения ни одной из диалектных областей.

Диалектологические исследования последнего десятилетия обнаружили на ряде надежных примеров несомненную связь языков и диалектов карпатского континуума с латеральной западной зоной восточнославянских языков до самых северных районов. Находим неожиданно некоторые «карпатизмы» в северо-западных говорах украинского языка, в говорах Западного Полесья, в ряде северо-западных говоров русского языка. В будущем исследователи должны будут объяснить все эти факты. Пока же необходимо дать наиболее полный перечень всех «северных карпатизмов» и показать территорию их распространения. Аналогичную работу необходимо провести и на территории кашубских говоров. Таким образом, работа приобретает общеславянский характер.

Изучение явлений интерференции языков и диалектов карпатского ареала может проводиться различными приемами и методами. Мы осветили лингвогеографический аспект. Конечно, всестороннее изучение карпатизмов и балканизмов в современных гово-

рах языков карпатского ареала возможно лишь при полном учете данных местной письменности (главным образом, славянской). Нет сомнений в том, что в X в. славянская письменность здесь уже существовала (некоторые исследователи склонны датировать ее начало второй половиной IX в.). Постепенно в различных политических и религиозных центрах сформировались различные типы церковнославянского языка, среди которых особый интерес представляет так называемая карпатская редакция. Существенно от местного церковнославянского языка отличался язык славянских деловых текстов (обычно их называют грамотами), язык которых содержит в той или иной степени особенности народной речи.

Итак, решать задачи карпатского языкознания в целом нужно коллективными усилиями лингвистов различных специальностей.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Интерференция языков карпатского ареала // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 202–228.

ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС. Принципы. Предварительные итоги

Впервые картографирование говоров на территории Карпат началось еще в 30-е годы XX в. Здесь прежде всего следует назвать один из первых славянских региональных атласов М. Малэцкого и К. Нитча [Małeckí, Nitsch 1934]. Важным этапом в картографировании румынских говоров данного региона Восточной Европы явился «Atlasul lingvistic român», составленный С. Попом и Э. Петрови-
вичем, первая часть которого вышла из печати в Клуже в 1938 г. [Pop, Petrovici]. Позже отдельные говоры различных языков карпатского ареала изучались методом лингвистической географии в СССР, Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии. Опубликованные общие и региональные атласы, частные исследования лингво-географического характера, а также многочисленные диалектологические описания отдельных говоров выявили значительный слой общих специфических лексико-семантических элементов, характерных для многих карпатских диалектов родственных и неродственных языков. Именно это дало основание поставить вопрос о межъязыковом картографировании с целью изучения указанных выше особенностей.

К решению данной задачи лингвисты шли исподволь, различными путями. Возникновение интереса к некоторым аспектам карпатского языкознания в Институте славяноведения и балканистики АН СССР было связано с многолетней работой по лингвистическому картографированию болгарского диалектного материала. Уже давно было обращено внимание на то, что во многих юго-западных говорах украинского языка имеется большое число слов, отсутствующих в украинских говорах восточнее и севернее Днестра, но хорошо известных болгарским народным говорам. На этом основании В. Погорелов, И. Панькевич и ряд других исследователей с уверенностью говорили о «болгаризмах» в говорах юго-западной Украины, об их роли в формировании этих говоров. Однако выводы этих ученых не были приняты в славянском языкознании по многим причинам. Исследователи не знали территории распространения

так называемых «болгаризмов» в диалектах языков карпатского ареала, не исследовали путей их проникновения в языки к северу от Дуная. Была лишь поставлена большая и интересная задача, решение которой, конечно, требовало обработки и систематизации разнообразного материала различными приемами лингвистического исследования. Так в Институте славяноведения и балканистики АН СССР возникла идея создания диалектологического атласа, который показал бы географию «болгаризмов» в юго-западных говорах украинского языка. Были также обследованы некоторые говоры молдавского, румынского и венгерского языков. В результате совместной работы с украинскими и молдавскими диалектологами был создан «Карпатский диалектологический атлас» (= КДА), опубликованный в 1967 г. Этот атлас дал ценный материал для решения многих вопросов. Он показал, что связи данных говоров с южнославянскими языками носят сложный характер. Атлас значительно увеличил список общих лексических элементов, обнаружил их семантическую дифференциацию.

Однако КДА показал, что мы тогда затронули лишь один из аспектов глубокой языковой интерференции в зоне Карпат, интерференции, которая в той или иной степени охватила карпатские говоры украинского, польского, словацкого, чешского, молдавского, румынского и венгерского языков. Стало очевидным, что на территории Карпат мы имеем дело с особым языковым миром, где обычные классификационные критерии для отдельных языков нуждаются в серьезном корректировании. Стало очевидным, что многие специфические элементы в языках карпатского ареала имеют глубокую основу, что они разнообразнее, чем это считалось раньше, а их интерпретация должна учитывать в ряде случаев данные диалектов западно- и восточнославянских языков, порой далеко отстоящих от карпатского региона.

В результате всех этих наблюдений возник план создания «Общекарпатского диалектологического атласа» (= ОКДА), который был активно поддержан многими диалектологами ряда славянских и неславянских стран (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Югославия). Полное одобрение план составления ОКДА нашел на VII Международном съезде славистов (Варшава, 1973 г.).

Широкое обсуждение ряда важных теоретических, методических и организационных вопросов проводилось на международных конференциях по ОКДА (в Москве — 1973 г., Братиславе — 1974 г., Кишиневе — 1975 г., Ужгороде и Кракове — 1976 г.). На этих конференциях в ходе дискуссий были выработаны общие и частные принципы составления межъязыкового атласа

типа ОКДА. Это было необходимо сделать в связи с тем, что история славянской лингвистической географии не знает примеров создания межъязыковых региональных атласов. Правда, в атласе Польского Подкарпатья содержится материал не только польских говоров. Однако этот атлас не может считаться межъязыковым, так как целиком подчинен проблематике польской диалектологии.

В настоящее время завершено составление вопросника ОКДА, по которому с лета 1977 г. начато обследование диалектов карпатского ареала. Планируется завершить всю работу над ОКДА к 1982 г.

Представляется важным сформулировать некоторые теоретические и методические принципы, которые легли в основу всей ведущейся в настоящее время работы над ОКДА.

I. Поставлена задача изучения результатов длительной интерференции языков карпатского ареала, следствием которой явилось возникновение многочисленных тожеств (главным образом лексико-семантических). Эти общие элементы прошли сложный путь многоступенчатых преобразований, многократных перекрестных заимствований. Прямолинейное распределение всех этих элементов по различным языкам на основании этимологического анализа в ряде случаев затемняет истинную картину взаимодействия языков. Это можно показать на ряде примеров.

1. Карпатоукр. *газда* 'хозяин, земельный собственник, муж, староста на свадьбе' [Гринченко 1907–1909], польск. *gazda* '(богатый) хозяин' [Karłowicz 1899–1901], в литературных текстах было известно в XVI–XVII вв., позже выходит из употребления [Linde 1854–1860; Заремба 1975, 213], словц. *gazda* 'хозяин, собственник' широко представлено в диалектах и литературном языке, чеш. диал. (морав.) *gazda* 'то же' [Kálal 1923; SSJ; Machek 1957], рум. *gazda* 'собственник, богач, староста на свадьбе, хозяин дома' [DLR], венг. *gazda* 'хозяин дома, собственник' (фиксируется с XV в.) [MNYTESz]. Карпатизм *gazda* рассматривается во всех диалектах карпатского ареала как унгаризм. В его распространении большую роль сыграл словацкий язык. Однако этимологически само венг. *gazda* восходит к слав. *gospoda* [Kniezsa 1955; MNYTESz]. Из языков карпато-дунайского ареала данный карпатизм распространился через сербохорватское посредство в южнославянских языках, ср. с.-хорв. *gazda*, болг. диал. *газда* (Западная Болгария, Банат), словен. *gazda* [Skok 1971–1974; БЕР].

2. Карпатоукр. *марга, маржина* '(рогатый) скот' [Гринченко 1907–1909], польск. *marcha* 'скот', *marchy* 'овцы' [Karłowicz 1923], рум. *marhă* 'скот' (фиксируется с XVI в.) в Трансильвании, Мара-

муреше [DLR], венг. *marha* (с XIV в.), 'богатство, товар, рогатый скот', нем. диал. *marhə* 'скот' (Трансильвания) [Tamás 1966; MNyTESz]. Данный карпатизм вошел в языки и диалекты карпатского ареала также из венгерского, однако по происхождению он является германизмом, ср. др.-в.-нем. *markāt*, др.-сакс. *markat* (баварско-австр. *markat*, *marchat*, *marchot*) и под. < лат. *marcātus*, также др.-в.-нем. *mērkat*, *mērchat*, < лат. *mercatus* 'Kauf, Markt' [Kluge 1951, под «Markt»; MNyTESz]. Неправомерно сближение *marha* и *mṛha* у П. Скока [см.: Skok 1971–1974], поскольку последнее восходит к **mr̥-* [Machek 1957], ср. укр. *мерша*, *мерха*, польск. *marcha*, *myrcha*, словц., чеш. *mṛcha* и под. 'слабое, болезненное животное, падаль' и т. п.). Карпатизм *marha* известен также в некоторых болгарских диалектах (ср. банат. *марва* 'скот' — Стойков), отмечается и в языке славянских грамот Валахии XVI в. [Бернштейн 1948, 158]; шире распространен в диалектах сербохорватского (*marha*, *mahra*, *marva*) и словенского (*marha*) языков [Skok 1971–1974; Pleteršnik 1894–1895]. Итак, источником карпатизма-унгаризма *marha* является латинский язык, проникший на Карпаты через германское посредство.

3. Карпатоукр. *балма* '(большой) топор', польск. *batta* 'топор, топорик (= оружие опришков)' (XVII в.) [Karłowicz 1899–1901; Brückner 1957], словц. *balta* 'топор' [Kálal 1923; Czambel 1906], 'валахский топорик на длинной ручке' [SSJ], рум. *baltă*, *băltac*, *băltag* 'вид топора' [DLR], 'палка с маленьким топориком, на которую подпираются' [Crânjală 1938, 206], молд. *балмаг* 'алебарда' (!) [ДМР], венг. *balta* 'топор' (фиксируется с XV в.), диал. *baltäg* 'топорик, палка с топориком, на которую опираются' [Wichmann 1935], в Трансильвании *balta* и 'топор с длинной ручкой' (с XVII в.) [Erdélyi]. Слово имеет, бесспорно, тюркскую этимологию, однако пути его проникновения в языки карпатского ареала могли быть очень сложными. Не исключено, что одним из источников является древнетюркский (ср. параллели в тунгусском, монгольском) [MNyTESz]; в Карпатах распространилось через венгерское посредство. Вместе с тем нельзя исключать и влияние тур. *balta*, которое могло появиться здесь из румынского (как заимствование из болгарского) [БЕР]. В южнославянских языках: болг. *балмия*, *балта* [БЕР; МБТР], с.-хорв. *balta* [Skok 1971–1974], макед. *балма*, *балмија*, *балтак* [РМЈ], словен. *balta* [Pleteršnik 1894–1895].

4. Карпатоукр. (закарп., гуцул.) *вам*, *вама* 'плата натурой за помол зерна' [Дзэндзелівський 1958, 1960, № 107], *вама* 'таможня' [Сл. гуц.], рум. *vătă* 'таможня, плата натурой за помол; то, через что проходит душа, прежде чем отправиться на небо' [Tamás 1966;

Tiktin 1903–1925], диал. 'застава (у въезда в город)' (Трансильвания) [ALR, № 908], молд. *вамэ* 'таможня, пошлина' [ДМР], венг. *vám* (с XII–XIII вв.) 'десятина, таможня, пошлина' [MNyTESz]. Пути распространения данного карпатизма, широко известного в некоторых языках ареала в связи с развитием торговых отношений, неясны. С уверенностью можно лишь сказать, что в части украинских говоров это — унгаризм, в другой — возможно, заимствование из румынского; в самом румынском — из венгерского [Tamás]. Вероятно, это слово относится к тем древним заимствованиям в венгерском языке, с которыми венгры пришли на Карпаты [MNyTESz]. Это редкий пример карпатизма, имеющего более широкое распространение на Балканах, нежели в Карпатах, ср. болг. *вама* 'такса при продаже скота, плата за помол, открытый торг, таможня, пошлина' [БЕР], с.-хорв. *vat* 'вид налога' [Skok 1971–1974] [RJA], словен. *vata* 'пошлина, таможня' [Skok 1971–1974; Pleteršnik 1894–1895], н.-греч. *βαττα* 'то же' [Skok 1971–1974], арум. *vamă* 'то же' [Parahagi 1963].

5. Карпатоукр. *балмуш*, *балмаш* 'мамалыга на сметане' [Желехівський 1886; Гринченко 1907–1909; Robciuc], рум. *balmuș*, *baltoș* 'каша из кукурузной муки (часто на сметане)' [DLR], также вариант *bălmătică* 'пастушеская еда из сыра, масла, кукурузной муки' (Хацер), ср. другие значения: *bolmoajă* 'чары, волшебство', *bolmoji* 'чаровать' [Pamfile 1913, 343], молд. *балмош* 'кушанье из сметаны, масла, брынзы, кукурузной муки', также фразеологизм *талмэш-балмэш* 'мешанина, неразбериха' [ДМР], венг. *bálmos* (с XVII в.), *bálmás*, *bamos* 'мамалыга с растопленным творогом или сыром' [MNyTESz], нем. диал. *bálməsch* (Трансильвания). Ср. болг. *балмуш* (изменившееся под влиянием народной этимологии в *бял мъж*, *бел мъж* — [БЕР, МБТР]) 'еда из свежего творога, сметаны', макед. *белмуж* 'растопленный сыр, творог с мукой' [PMJ], серб. *belmiž* 'еда из молока и муки' [Skok 1971–1974; РСХКНЈ]. Этимология слова неясна, возможно, оно является османизмом (ср. тур. *bulamaç* 'мучная каша' < *bul[ğ]amak* 'смешивать' — [MNyTESz; БЕР; Skok 1971–1974]), прошедшим болгарское посредство и распространившимся на Карпатах как румынизм (= восточно-романизм).

6. Карпатоукр. *стрига* 'жаба' [Верхратский 1899, 270], польск. (Подгале) *strzyg(a)*, *strzygoń* 'младенец, родившийся с зубами, мертвец, который выходит из могилы и рвет зубами иконы в церкви, упырь' и под. [Karłowicz 1899–1901; SJP], силез. *strzyga* 'девушка плохого поведения' (Чадца — [AJS, № 728]), *strzyga* 'насекомое' [SJP], словц. *striga*, *strigoń* 'колдун', *striga* 'ночная бабочка',

strigat 'колдовать' [Káral 1923], *striga*, *strigoň* 'сказочное существо, баба-яга, колдун, -нья' [SSJ; Vážný 1955, 88], чеш. диал. (морав.) *striga* 'ведьма, колдунья', лях. *stžiha* 'то же' [Machek 1957], рум. *strigoi* 'вампир', *strigă* 'кто ворожит, колдует' [Tiktin, 1903–1925], *strigă* 'воображаемое существо (в народных поверьях), которое может сглазить ребенка, отнять молоко у коровы; ночная хищная птица; вид бабочки' [DLRLC; DExpI.], молд. *спригой* 'вурдалак', *спригоайкэ* 'ведьма', *спригэ* 'ведьма; вид бабочки' [DMP], венг. *sztriga* (Гемер — [Crânjală 1938, 384]). Этот карпатизм во всех языках ареала считается румынизмом, ср. рум. *strigă*, *strigoi*, восходящие к народнолатинской форме *striga* < класс. лат. *strix* 'сова' [Machek 1957; Vážný 1955, 88]; ср. также параллели во всех романских языках [Grânjală 1938, 385–386]; иногда, правда, заимствованиями из румынского признаются лишь формы в польских и словацких диалектах на *-on-* < рум. *-oi[u]* < **-oniu* — [Crânjală 1938]; возможно, идентично греч. στρί(γ)ξ 'то же' [Frisk 1954–1970]. Некоторые считают, что венг. *sztriga* — непосредственно из ср.-лат. *striga* [Crânjală 1938], что представляется маловероятным; в словацком — книжного происхождения, в польском — из словацкого (там же). К югу от Дуная данный карпатизм известен арумынскому (*strigă* 'злая женщина, ведьма' [Parahagi 1963]), албанскому (*shtrigj*, *shtriga*, *strigë*, *shtrigu[ni]*) и под. 'колдун; злой человек; человек, у которого дурной глаз; злой дух; вампир; ночная бабочка' и т. п. [Mann 1948; Leotti 1937; Fjalor], греческом (στρίγ[γ]λός 'злой колдун' и под. [Crânjală 1938, 384–386]; из славянских языков — в хорватских диалектах: *štriga(n)* 'ведьма, колдунья' (Крк), *štrigonija* 'колдовство', *štrigun* 'вурдалак' (Хорватское Приморье), *štriga* 'сороконожка', *strižica* 'бабочка' (< ит. *strega* [RJA]), также в словенском: *štrig* (*štrija*) 'колдун', (*s*)*štrigôn* 'вампир', *striga* 'сколопендра', *strigalica*, *-avka* 'уховертка' (< ит. *strega* — [Pleteršnik 1894–1895]).

Таким образом, исследователь общих специфических элементов в диалектах карпатского ареала прежде всего имеет дело не с украинизмами, словакизмами, полонизмами, унгаризмами, румынизмами, болгаризмами и под., а с карпатизмами, которые этимологически могут восходить как к древним языкам карпато-балканской зоны, так и к современным языкам.

Генетически карпатизмы могут быть различного происхождения и формироваться в разное время. С диахронической точки зрения можно выделить две основные группы: собственно карпатизмы, т. е. общие элементы местного происхождения, и так называемые балканизмы — общие элементы, проникшие к северу

от Дуная в результате многочисленных миграционных процессов, происходивших главным образом после турецких завоеваний Балканского полуострова. Это разграничение представляется существенно важным при изучении истории языков и диалектов карпатского ареала, когда стоит задача стратификации различных пластов лексики. Следовательно, учет этого плана особенно важен в историко-этимологических исследованиях. В практике лингвогеографических исследований указанная выше дифференциация не представляется существенной. Здесь под термином карпатизм следует понимать все специфические общие элементы, характерные для диалектов карпатской зоны на современном этапе их развития.

Как показывают приведенные выше примеры, карпатская языковая ситуация многими своими признаками ориентируется на балканский языковой мир. Ряд карпатизмов в той или иной степени является продолжением тех тожеств, на основании которых построена теория «балканского языкового союза». Объясняется это тем, что население Карпато-Дунайской области, начиная с эпохи бронзы, находилось в самых тесных этнических и языковых отношениях с населением Балканского полуострова.

Существенным представляется и установление соответствующих сходжений в диалектах карпатской зоны и западно- и восточнославянских языков к северу от Карпат (Волинь, Полесье, Псковщина, кашубская область и т. п.). Именно поэтому нами предусматривается сбор материала и последующее картографирование диалектных фактов за пределами карпатской зоны. Конечно, ОЖДА покажет лишь распространение определенных лексических единиц. Что касается их интерпретации и стратификации, то это задача будущих исследователей.

II. Специфическая общность языков и диалектов карпатского ареала прежде всего проявляется в лексико-семантической сфере. Попытки выделения карпатской общности на уровне фонетики и грамматики пока не дали очевидных результатов. Имеющиеся источники и работа по составлению вопросника ОЖДА обнаружили существование многочисленных специфических терминов, связанных с особенностями рельефа карпатской зоны, ее растительным и животным миром, с особыми формами хозяйствования, с орудиями труда, жилищем, одеждой, пищей, средствами передвижения, а также с народными верованиями, с обычным правом, с народным творчеством. Много сходжений и в области абстрактной лексики. Таким образом, совершенно очевидно вырисовывается специфика ОЖДА — он будет по преимуществу лексико-семантическим атласом.

В известных нам атласах удельный вес семантических карт не велик. Объясняется это в первую очередь недостатками вопросников, которые не обеспечивали сбора тождественного инвентаря семантических дифференциальных признаков. Особое внимание семантике уделено нами в КДА. Здесь показаны семантические различия лексем *могила, туча, квочка, шершінь, ріпиця, трепета, чатина, ягода, глота, люди, челядь, жона, труп, грижа, вурда, киселиця, квас, куча, стая, ватра* и под. В двух томах атласа унгаризмов в украинских говорах Закарпатья П. Н. Лизанца [Lizanec 1970; Лизанець 1976] более 40 семантических карт. В вопроснике ОКДА семантическая часть составляет примерно треть.

Всему сказанному выше не противоречит то обстоятельство, что в ряде случаев составители ОКДА будут учитывать и словообразовательный аспект, прежде всего характерные для данного региона словообразовательные типы и модели.

III. Работа над ОКДА потребовала точного и ясного ответа на вопрос о характере будущего лексико-семантического атласа. Несомненно, что лексико-семантический атлас может быть создан лишь при тщательном учете материалов по народной культуре. Это дало основание некоторым исследователям защищать положение, согласно которому целесообразно вести работу не над лингвистическим (= диалектологическим), а над лингво-этнографическим атласом Карпат, который должен дать комплексное отражение явлений в области языка и народного быта [Dzendzelivský 1970; Дзендзелівський 1974]. Нельзя, разумеется, отрицать важности и полезности совместных усилий лингвистов и этнографов в деле разностороннего изучения определенных областей и зон. Особенно заинтересованы в этом, как нам представляется, лингвисты, которые чувствуют потребность в консультациях подлинных знатоков народного быта.

Составители ОКДА исходят из положения о нецелесообразности создания комплексного лингво-этнографического атласа. Лингвисты (= диалектологи) и этнографы в равной мере имеют дело с явлениями народного быта. Собирая материал по лексике и семантике, диалектолог должен знать материальную и духовную культуру населения. С другой стороны, и этнограф не может игнорировать языковой аспект, а именно терминологию изучаемых объектов. Но этим, собственно, и ограничивается та база, на основе которой возможны совместные исследования. Значительно глубже расхождения между лингвистическими и этнографическими исследованиями в плане как общетеоретическом, так и методическом. Эти расхождения существуют и в области картографирования.

Любое картографирование строится на учете дифференциальных признаков. Каждая из указанных наук имеет свои принципы выявления дифференциальных признаков, а следовательно, свой собственный подход к сегментации фактов реальной действительности. Сторонники комплексных атласов прошли мимо этого важнейшего методологического требования. Практически вся аргументация необходимости создания подобных атласов сводится к тому, что лексико-семантические атласы опираются на изучение явлений народного быта. На такой основе строить теорию комплексных атласов нельзя.

В обеих науках фактор функции играет большую роль, однако эта роль неодинакова. Например, в связи с различными природными условиями может сильно различаться тип жилого дома (его конструкция, материал). Этнограф обязан дать детальное описание дома и по возможности отразить все релевантные дифференциальные признаки на картах. Диалектолог должен это сделать лишь в том случае, если существующие различия находят соответствующее отражение в языке. Иными словами, лингвист смотрит на конструктивные различия предметов, равно как на различия в технике их изготовления (а также их функционирования и использования), сквозь призму языковых различий.

Для этнографов несущественны вопросы дифференциации фонетического (и морфологического) облика слова, выступающего в качестве термина (=названия) соответствующего предмета. При записи названий этнографы не пользуются транскрипцией. Для лингвиста эти вопросы имеют первостепенное значение.

Распространено мнение, что, например, в польской науке успешно осуществляется сближение представителей лингвистики и этнографии с целью создания комплексных (лингво-этнографических) атласов и исследований. Однако именно польские ученые, благодаря большим достижениям как в области лингвистического, так и этнографического картографирования, четко выявили принципиальные различия в самом подходе к, казалось бы, одинаковым объектам исследования. Можно ли рассматривать как доказательство сближения тот факт, что в «Польском этнографическом атласе [РАЕ] много карт, на которых представлена народная терминология тех или иных реалий? Нам кажется, нет. Подобное картографирование проводится с учетом интересов только этнографов, при котором элиминируются аспекты, не представляющие интереса в плане этнографии, но кардинально важные для лингвистов. Сказанное становится очевидным при сопоставлении близких по тематике карт в РАЕ и в «Малом атласе польских говоров» [МАГР].

1. Техника подачи лингвистического материала в РАЕ до предела упрощена, в частности не применяется транскрипция; кроме того, составители не всегда строги в использовании знаков: иногда близкие, однокоренные названия передаются разными знаками (*jagty*, *jagła*: *jaqlana kasza* — № 26; *odłog*: *przyłog*, *załog* — № 162), с другой стороны, часто один знак объединяет различные (= разнокоренные) названия (*składzik*, *magazyn*, *skrytka* — № 96; *tłok*, *tłoka*, *stok* — № 162; *bróg*, *brodło*, также *kaptur*, *kapelusz*, *kapa* и *polska stodoła*, *letnia* ~, *feldscheune* — № 165 и под.).

2. Лингвистический материал приводится в РАЕ неполностью и без локализации. Так, на карте № 35 'способы сушки зерновых в поле' отражены такие существенные для этнографа моменты, как (а) сушка с помощью специальных приспособлений и (б) сушка снопов в укладках; термины приводятся суммарно (списком) лишь в случаях второго типа: крестообразные укладки — *mendle*, *pótkopki*, *kory*..., круговые — *kopki*, *mendle*, *piątki*, *kozty*..., укладки в ряд — *kopki*, *szygi*, *rzędy*, *kozty*...

3. Не менее существенны различия в картах типа «от слова к значению». Например, в результате сравнения карт № 64 MAGP («Co znaczy obora?») и № 108 РАЕ («Znaczenie nazwy „obora“») можно констатировать, что лингвисты стремятся к более тщательной фиксации значений и их оттенков. Так, в MAGP выделены два самостоятельных значения: 'pomieszczenie dla krów' и '-dla całego żywego inwentarza', тогда как РАЕ дает лишь одно значение 'помещение для рогатого скота' (хотя в примечании к карте указано, что существуют специальные помещения для рогатого скота и помещения для всех домашних животных). Далее, при более редкой сетке лингвисты зафиксировали и отразили на карте значение 'место для навоза' не только на юге, где оно широко известно, но и в центре (Лович), где оно выступает спорадически. В MAGP тщательно обработаны единичные значения, как картографируемые ('пренебрежительно о большом строении', 'ореол вокруг луны' и под.), так и некартографируемые, извлеченные из диалектологических источников и включенные в комментарии ('место на реке, где плотят бревна', 'глубокое место в реке, где собирается рыба', 'тонкие шнуры в лаптях' и др.) (т. 2, комментарии, с. 49, 51). Стоит сказать о том, что на карте РАЕ № 108 нанесены иные, кроме *obora*, названия для хлева; они же присутствуют и на карте № 65 MAGP с той существенной для лингвистов разницей, что на последней отмечены и названия *krównia*, *krowiarnia*; имеющие незначительное распространение в Северной Польше и спорадически — на юге (Рацибуж, Кемпно, Ключборк).

4. Можно привести также примеры, когда сравнение карт МАГР и РАЕ показывает, что лингвисты могут пренебречь дифференциальными признаками, релевантными для этнографов. Так, карта № 63 МАГР («Spichrz и синонимы») во многом сходна с картой № 81 РАЕ («Nazwy spichrzy chłopskiej»), однако лингвисты при картографировании (и, вероятно, при сборе материала) не ставили такие вопросы, как (1) является ли помещение для хранения зерна отделенным от жилого дома (или находится внутри него) и (2) является ли указанное помещение принадлежностью крестьянского хозяйства (или также и более крупного); указания на существование различий в реалиях отмечены в комментариях (МАГР, т. 2, комментарии, с. 51), но не учтены при составлении карты. В результате на этнографической карте *spichrz* (и другие названия) в значении 'постройка для зерна определенного типа' фактически присутствует лишь в Восточной и части Южной Польши, в то время как на лингвистической карте МАГР *spichrz* и синонимы картографируются на всей территории. Составители карты № 81 РАЕ добиваются более тесной связи названия с реальией — постройкой определенной конструкции — благодаря наличию карт и картосхем, представляющих, с одной стороны, типы изучаемых построек, и, с другой стороны, включением карты, описывающей разные способы хранения зерна: специальное помещение (*spichrz!*), но также и просто на чердаке, в кладовой и под.

Иногда этнографы, высказываясь в пользу идеи комплексного картографирования элементов традиционной культуры и соответствующих терминов, понимают под ним лишь наличие в этнографических атласах некоторого количества карт, на которых нанесены названия определенных явлений. Так, К. В. Чистов в качестве примера сочетания картографирования элементов материальной культуры и терминов приводит труд «Русские. Историко-этнографический атлас» (М., 1967) и замечает, что карты, представляющие в этнографических атласах названия по «методу и результату... весьма сходны с картографированием лексики, которое практикуется в диалектологических атласах» [Чистов 1974, 77 и сл.]. По нашему мнению, это сходство обманчиво. В упоминавшемся атласе «Русские...» есть карта «Названия сарафана» (№ 43). Может возникнуть вопрос: что дает эта карта лингвисту, занимающемуся русской бытовой терминологией? Рассмотрим данные, зафиксированные в пяти уездах бывшей Архангельской губернии: Мезенском, Пинежском, Архангельском, Холмогорском, Онежском, в каждом из которых отмечено от 5 до 9 названий сарафана (при этом пять названий являются общими для всего выбранного района). Линг-

висту трудно пользоваться этим материалом, так как 1) названия не транскрибируются, 2) принятая в атласе «поуездная» сетка обследования не дает точной локализации названий и делает невозможным выявление изоглосс, 3) значения картографированных названий не раскрыты с необходимо полнотой, поэтому остается неясным, наблюдаем ли мы в данном случае различия только языковые или же многообразии названий объясняется также и различиями реалий. Атлас «Русские» дает неполный ответ: карты №41 и 42 показывают распространение в указанной зоне от одного (Холмогорский, Онежский уезд) до трех (Пинега) типов сарафана, а в комментариях (с. 210) указывается, что богатство наименований — результат различий не только в покрое, деталях, но и в материи, окраске. Однако поскольку соответствующих карт нет, невозможно точно соотнести, например, 8 названий, бытовавших на Пинеге (*штофник, сарафан, китайка, костыч, набивник, маренник, шушун, сандальник*), со всеми указанными выше дифференциальными признаками этнографического характера.

Все сказанное отнюдь не отрицает принципиальную возможность совместных работ лингвистов и этнографов. Нам представляется вполне реальным предложение Н. И. Толстого о широком применении метода параллельного рассмотрения изоглосс и изопрагм (отдельные положительные примеры подобных сопоставлений уже известны науке), и вместе с тем — о накоплении все новых фактов об их совпадениях и приближениях. Именно таким путем внимание этнографов привлекут явления языка, а лингвистов — данные этнографии [Толстой 1974, 22].

Перейдем к вопросам методического характера.

1. Вопросник ОЖДА, его структура и характер. Индекс явлений, отраженных в Вопроснике ОЖДА, был составлен на основе индексов по каждому языку карпатского ареала, которые подготовлены национальными коллективами. При отборе явлений учитывались следующие принципы: 1) в Вопросник не включались локальные тожества, представленные только в двух контактирующих языках. Например, в гуцульских говорах фиксируются заимствования из восточнороманских языков, отсутствующие как будто в иных районах Карпат: *густ* 'вкус' (также [*не*]густовний, [*не*]густовно), *маса* 'судебное разбирательство, рассматривающее раздел имущества после смерти владельца', *парть* 'доля, судьба' (ср. и: *мати парть* 'быть счастливым'), *путера* 'сила, мощь' (также *путерний*), *стримтура* 'крутизна, крутой склон' и т. д. [Сл. гуд.]. Подобное ограничение в значительной мере диктуется состоянием наших знаний о лексике и семантике диалектов исследуе-

мого региона. Наличие общих элементов в двух языках можно рассматривать в плане поздних, маргинальных заимствований, а не как результат интерференции, хотя не исключено, что общие элементы такого типа могут относиться и к очень древним карпатизмам; 2) в Вопросник включены лишь тожества, которые известны минимум в двух не контактирующих языках ареала; 3) как правило, не указываются элементы, не связанные с традиционным народным бытом и культурой (прежде всего элементы поздней городской культуры).

Таким образом, в Вопросник ОКДА были включены пункты, касающиеся традиционного быта сельских жителей Карпат, их типичных занятий; кроме того, в Вопроснике представлены разделы, посвященные живой и неживой природе. Вопросник ОКДА содержит следующие части: I. Дом. Утварь. Помещения для скота. Огонь; II. Одежда. Украшения. Обувь; III. Посуда; IV. Пища; V. Родственные отношения. Некоторые праздники и обычаи. Музыка; VI. Человек. Болезни; VII. Растительный мир; VIII. Транспорт. Ремесла. Земледелие; IX. Животный мир. Животноводство; X. Рельеф.

В окончательном варианте решено остановиться на таком следовании вопросов, при котором в каждой части не помещаются в специальные подразделы вопросы двух типов («от значения к слову» и «от слова к значению»), они группируются в зависимости от тематики.

К ряду вопросов даны примечания о необходимости получить словоформы, манифестирующие определенные словообразовательные типы и модели.

В Вопросник ОКДА для ориентации собирателей включены рисунки и схемы, представляющие реалии, которые относятся к жилищу, предметам быта, орудиям труда и т. д. Вместе с тем рекомендуется, чтобы собиратели во время полевых исследований фиксировали с помощью своих рисунков и описаний форму наблюдаемых предметов, материал, из которого они изготовлены, особенности использования и функционирования и под.

2. Лексико-семантическая направленность атласа обусловила и требования, предъявляемые к транскрипции ОКДА. Принято решение, что транскрипция будет иметь более обобщенный характер, необходимый и достаточный для фиксации лексико-семантических дифференциальных признаков. При этом каждый национальный коллектив будет пользоваться принятой в данной стране системой записи лексических материалов, в частности так, как это делается в новых диалектных словарях.

3. Учитывая особый характер ОКДА, предусмотрено неравномерное распределение пунктов обследования на территории атласа. Наиболее густой является сетка обследования в горных районах и в районах, где, по данным этнографов, лучше сохраняется традиционный карпатский быт, специфические формы хозяйствования (в первую очередь горное пастушество).

Установлена окончательная сетка обследования в количестве 164 пунктов (нумерация идет с запада на восток и с севера на юг): польские — 1–20, моравские (чешские) — 21–30, словацкие — 31–50, украинские на территории Словакии — 51–54, венгерские — 55–61, на территории СССР — 62–129 (42 украинских, 20 молдавских, 5 венгерских), болгарские — 130–144, на территории Югославии — 145–164 (13 сербохорватских, 4 македонских, 1 албанский, 2 арумынских).

Особенность создания ОКДА состоит в существовании нескольких национальных версий Вопросника, являющихся аутентичными.

Как указывалось выше, при составлении общего Вопросника ОКДА были учтены подготовленные национальными коллективами индексы. Очевидно, однако, что сами эти индексы не представляют собой полного инвентаря явлений, которые следовало бы отразить в Вопроснике ОКДА. Как при составлении Вопросника любого атласа, при выработке Вопросника ОКДА нашла отражение объективная ступень, стадия изученности лексико-семантической сферы языков и диалектов карпатского ареала в плане специфики данного региона, возникшей в результате интерференционных процессов. Вопросник ОКДА отражает также субъективную сторону процесса его создания. Она состоит в том, что в ходе работы взаимодействовали принципы и опыт диалектологической работы участников работы над ОКДА как представителей соответствующих национальных диалектологий.

Вполне естественно, что участие в работе над ОКДА различных национальных коллективов, опирающихся на свои традиции, порождает известные трудности. С подобными трудностями в настоящее время, например, сталкиваются составители «Общеславянского лингвистического атласа». Однако следует сказать, что в работе над ОКДА их значительно легче преодолеть, так как наибольшие затруднения связаны все-таки с описанием фонетического и грамматического строя говоров, нежели с описанием лексики и семантики. Вместе с тем очевидно, что суммирование опыта всех участников работы над Вопросником

ОКДА способствовало его обогащению, сделало его тем необходимым, надежным инструментом, с помощью которого предстоит решать сложные задачи, стоящие перед атласом. Первые полевые исследования во время экспедиции летом 1977 г. помогли устранить ряд недостатков в составе Вопросника, а также в его структуре.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Г. П. Клепикова. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 27-41.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТИСТИКИ

Уже давно этнографы проявляют большой интерес к карпатскому культурному комплексу. Население карпатской зоны, говорящее на различных языках и принадлежащее к различным этническим группам, имеет много общего в области хозяйства, орудий труда, жилища, одежды, кулинарии, украшений, керамики, изделий из дерева, средств передвижения, народных верований, фольклора, хореографии и т. д. Речь идет об особенностях, которые в какой-то степени противопоставляют этот регион Европы областям с населением тех же национальностей. Так, по многим чертам своего быта поляки-горали ближе к украинцам (гуцулам), нежели к полякам центральных и северных областей Польши. В послевоенный период было опубликовано много этнографических исследований и материалов, характеризующих карпатский культурный комплекс. Особенно много в этом направлении работают польские и словацкие этнографы. В настоящее время мы с полным основанием можем говорить об этнографии Карпат как о самостоятельном разделе этнографии Европы.

В 1959 г. по инициативе польских этнографов была организована Международная комиссия по изучению народной культуры Карпат (МККК), которая стимулирует и организует международные исследования, проводит симпозиумы и конференции, посвященные как общим, так и частным проблемам карпатской этнографии. Кроме МККК существуют и национальные комиссии, организационные центры исследований по карпатистике в отдельных странах. С 1972 г. в работе Советской комиссии на равных правах принимают участие и лингвисты, что является естественным следствием той работы в области карпатского языкознания, которая развернулась в Москве и на Украине с 1961 г., после Первого Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения.

Этническая история Карпат самым тесным образом связана с такими фундаментальными проблемами исторической науки,

как этногенез славян, история формирования современных народов карпатского ареала и др.

Проблемы карпатистики в настоящее время выходят за пределы этнографии, истории и фольклористики. Так, в современной антропологии Европы получил четкую характеристику так называемый карпатский антропологический тип. Он формировался в течение весьма длительного времени. В его образовании принимали участие севернофракийские (т. е. дакийские и гетские), иллирийские, кельтские, славянские, угрофинские и тюркские этнические элементы.

Все яснее и отчетливее вырисовываются лингвистические аспекты карпатистики. Изучение языков и диалектов карпатского ареала имеет длительную историю. Перечисление даже основных трудов заняло бы много времени. Однако все эти труды лишь подготовили почву для исследований языковой интерференции на территории Карпато-Дунайского бассейна. В данном случае речь идет не о влиянии одних языков на другие языки или диалекты, а о сложных процессах взаимопроникновения, в результате которого здесь сформировались многочисленные языковые тожества, характерные для данного региона Европы. Исследователь интерференции языков карпатского ареала имеет дело прежде всего с карпатизмами, т. е. с теми тожествами различного происхождения, которые в разной степени объединяют эти языки и противопоставляют их языкам и диалектам соседних территорий (севернее Карпатских гор и восточнее Днестра). Общие элементы (карпатизмы) — различного происхождения, они формировались в течение весьма длительного времени. Наиболее древние восходят к тем индоевропейским языкам, носители которых жили на данной территории до появления здесь славян и угров. Это были прежде всего даки, геты, затем кельты и некоторые другие индоевропейские племена. Необходимо в полной мере учитывать влияние латинского языка в его народной форме, так как среди карпатизмов велик процент слов латинского происхождения. Имеются карпатизмы и греческого происхождения. Древнейшие из них — результат непосредственного воздействия. Они проникли из языка населения греческих колоний Причерноморья. К более позднему периоду относится мощное славянское влияние, связанное с карпатской миграцией славян первых веков н. э. Среди карпатизмов велик процент славянских слов. Они характеризуют как общий славянский языковой фонд, так и типичные особенности южнославянских языков. Это объясняется тем, что основную роль в карпатской

миграции славян играли те славянские племена, которые позже легли в основу южнославянских народов. К концу IX в. относится начало угрофинского влияния. В результате этого воздействия среди общих элементов карпатского ареала получили распространение слова венгерской речи. Однако роль венгров не ограничивается этим. Дело в том, что древнейшие карпатизмы тюркского происхождения были принесены сюда венграми. Среди карпатизмов встречаются германизмы, но роль их сравнительно невелика. Однако языки и диалекты карпатского ареала характеризуются не только карпатизмами. Среди общих элементов можно выделить и так называемые балканизмы, т. е. те общие элементы, которые принесены в области к северу от Дуная беженцами от турецкого ига, болгарскими крестьянами, ремесленниками, купцами, а также балканскими пастухами славянского, албанского, романского и греческого происхождения. Их роль в формировании карпатских языковых тожеств чрезвычайно значительна. Таким образом, среди славянских, романских, греческих тожеств необходимо различать древние элементы (т. е. собственно карпатизмы) и балканизмы. На первых порах подобное разграничение было весьма трудным делом. Нельзя сказать, что теперь эта проблема решается во всех случаях просто. И тем не менее удалось установить некоторые критерии, строгое применение которых дает возможность разграничить старый славянский слой от нового, принесенного сюда балканскими переселенцами. Это касается и других тожеств (романизмов, грецизмов, тюркизмов). Если древние тюркизмы практически являются унгаризмами, то новые (т. е. османизмы) в значительной своей части являются болгаризмами. Среди тожеств тюркского происхождения можно обнаружить этимологически общие элементы, отражающие, однако, закономерности различных тюркских языков (ср. болг. *пашеног* 'свояк' и *баджанак* 'то же').

Далеко не все аспекты карпатского языкознания вырисовываются в настоящее время достаточно определенно и четко. Невозможно сейчас убедительно охарактеризовать фонетический аспект проблемы. Все известные до сих пор опыты нельзя признать удачными. В этом направлении предстоит еще большая работа, результаты которой теперь предсказать очень трудно. Яснее для нас грамматический аспект. Нет сомнений, что в области морфологии и синтаксиса имеются определенные тожества, объединяющие в какой-то степени языки карпатского ареала. Однако почти все эти черты повторяют хорошо извест-

ные балканизмы (краткие личные местоимения в функции прижательных местоимений, аналитическая сравнительная степень прилагательных и наречий и др.). Пока базой карпатского языкознания являются лексика, семантика и словообразование. Именно в этих областях уже накоплен значительный материал, характеризующий своеобразие карпатской речи. За последние два десятилетия удалось выявить большие пласты лексики, семантика и словообразование которых четко обособляют карпатский регион. Здесь в первую очередь выделяется терминология высокогорного пастушества, молочного овцеводства. Однако богаты карпатизмами и другие сферы лексики, связанные с хозяйством, а также с духовной культурой. Исследования последних лет обнаружили глубокие семантические связи различных языков и диалектов карпатской зоны. В связи с этим лингвисты-карпатологи должны иметь глубокие познания в области этнографии Карпат, материальной и духовной культуры жителей этого района. Это отнюдь не значит, что лингвисты должны решать задачи, стоящие перед этнографами. Сами этнографы решат их лучше и на более высоком профессиональном уровне. Однако есть лингвистические проблемы, которые нельзя изучать без глубокого знания народного быта. Именно такие проблемы и стоят перед лингвистами-карпатологами.

Карпатский языковой ареал связан с языками, расположенными за его пределами, в частности с языками Балканского полуострова, и в первую очередь с южнославянскими языками. На это было обращено внимание еще в 30-е годы XX ст. рядом ученых. Позже это было подтверждено материалом «Карпатского диалектологического атласа», опубликованного Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Интересный материал по этому поводу был обнаружен известным болгарским лингвистом М. Младеновым и ученым из ГДР К. Гутшмидтом. Все это говорит о том, что решать проблемы карпатского языкознания можно только в тесном контакте со специалистами по истории южнославянских языков. В этой совместной работе заинтересованы и они, так как в языках карпатского ареала содержатся весьма ценные сведения для изучения истории болгарского, сербохорватского и словенского языков ранних периодов. Нам приходилось уже писать о взаимосвязях карпатского региона с некоторыми районами, расположенными далеко на севере от Карпат. Речь идет о белорусских говорах Полесья, о кашубских говорах и некоторых других говорах севернославянских языков. Таким образом, изучение интерференции языков и диа-

лектов карпатского ареала поможет осветить много важных и еще не выясненных явлений из языковой и этнической истории народов обширного района Восточной и Юго-Восточной Европы.

Карпатское языкознание имеет много проблем, которые должны решаться различными методами и приемами. Первоочередной задачей является создание «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА). В этой работе принимают участие коллективы диалектологов Москвы, Украины, Молдавии, а также диалектологи Чехословакии, Польши, Болгарии, ГДР. Выразили желание принять участие в этой работе ученые Югославии и Венгрии. Конечно, в выявлении карпатизмов и балканизмов определенную роль должны сыграть историко-этимологические исследования. Однако важнейшими в решении всего комплекса вопросов карпатского языкознания должны быть лингвогеографические исследования, так как только они покажут территорию распространения общих элементов, выявят изоглоссы не только на территории Карпат, но и за их пределами (прежде всего на Балканах). Уже сейчас высказываются смелые суждения о существовании карпатского языкового союза, о роли различных этнических групп в его формировании и т. д. Однако все они не опираются пока на надежный фундамент фактов, поэтому в настоящее время, пожалуй, не стоит увеличивать число скороспелых гипотез, нужны специальные исследования.

Наиболее ясен славянский аспект карпатского языкознания. Сложнее обстоит дело с романским аспектом, с выявлением роли и характера тожеств романского происхождения. В свое время известный чешский ученый Д. Кранджалов упорно защищал тезис, что романские элементы не играют существенной роли в формировании и функционировании карпатских тожеств [Crânjală 1938]. Это утверждение встретило отрицательное отношение. Неосновательность его высказываний особенно ясна теперь, когда на большом материале карпатской лексики выявлены обширные и глубокие пласты слов романского происхождения. Против основного тезиса Д. Кранджалова выступили не только лингвисты, но и историки. И вместе с тем в этом направлении еще предстоит большая работа как в этимологическом, так и в лингвогеографическом направлениях. Не случайно Третья Международная научная конференция по ОКДА целиком посвящена романской части нашей программы атласа. Нам предстоит всесторонне обсудить проект программы, подготовленный в секторе диалектологии и экспериментальной фонетики Института языка и литературы АН МССР. Это — основная задача данной конференции.

На основании частных программ в 1976 г. необходимо создать единую программу, провести сбор материала, а также, в дальнейшем, пробное картографирование. У нас есть полная уверенность в том, что наши молдавские товарищи в срок выполнят свою часть работы. «Молдавский лингвистический атлас», специальные исследования в области молдавской диалектологии убедительно свидетельствуют, что в лице диалектологов Кишинева наша наука имеет серьезных специалистов, которые могут решать трудные проблемы современной диалектологии.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Лингвистические аспекты карпатистики // ОКДА. Лингвистические и этнографические аспекты. Кишинев, 1979. С. 5-10.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА»

По мере развития теории и практики лингвистической географии обнаруживаются все новые аспекты и возможности лингвистического картографирования. Устанавливаются новые, порой совсем неожиданные, контакты с различными отделами науки о языке, еще недавно далекими от диалектологии. Так, новейшие атласы славянских языков помогли решить немало вопросов из области сравнительной грамматики славянских языков, из истории праславянского языка. Ученые ставят новые задачи, которые требуют новых приемов картографирования. Создаются атласы более сложной структуры: атласы групп родственных языков, специальные атласы, объединяющие на своих картах не только родственные, но и неродственные языки. Близок к завершению общеславянский лингвистический атлас, начата работа над атласом Средиземноморья, над атласом языков Европы, на очереди балканский лингвистический атлас. С помощью лингвистических атласов можно будет решать не только генетические, но и типологические задачи. Различаются лингвистические атласы и по материалу. Возможны диалектологические, топонимические и историко-лингвистические атласы. В первом случае объектом изучения являются народные говоры, во втором — топонимика, в третьем — памятники письменности. Пока известны славянские атласы лишь первого типа. Однако уже ясно осознана необходимость топонимических и историко-лингвистических атласов. В этом направлении делаются первые шаги.

Методику лингвистической географии неоднократно пытались использовать фольклористы и этнографы. Достаточно назвать имена М. Пидалы, И. Крона и др. Особенно сильны эти тенденции были у романистов, однако видимых результатов они не дали. В настоящее время они не пользуются престижем и среди романистов. Были среди романистов сторонники комбинированных (лингво-этнографических атласов). Практически осуществить такой тип атласов не удалось. Некоторые сторонники ком-

бинированных лингво-географических атласов указывают на известный восьмитомный атлас К. Яберга и Я. Юда [Jaberg, Jud 1928–1940]. Они имеют в виду особое внимание авторов к лексике и наличие специального альбома, содержащего свыше 4000 фотографий. Однако все это к этнографии не имеет никакого отношения. Перед нами настоящий диалектологический атлас. Что касается славянских стран, то ни в прошлом, ни в настоящее время авторитетных защитников комбинированных атласов среди лингвистов не было. И это легко понять несмотря на то, что при картографировании лексики и семантики диалектолог имеет дело с фактами народного быта. Этнограф не может игнорировать название вещей и явлений народного быта, диалектолог не может быть безразличным к самим предметам и явлениям. Это, конечно, справедливо. Но это слишком узкая и зыбкая основа для совместных наблюдений и общих исследований. Дело в том, что диалектолог смотрит на народный быт через язык и только через язык. Он проходит мимо существенных дифференциальных признаков, если они не находят отражения в языке, и отмечает самые незначительные отличия материального характера, если они фиксируются в языке. Диалектолога, как правило, не интересуется техника изготовления предмета, при наличии функционального тождества он смело может пройти мимо некоторых своеобразных особенностей в орудиях труда, в одежде, в постройках. Коренным образом отличается методика сбора материала, его обработки, сама техника картографирования. Диалектолог, собирающий материал по лексике и семантике, должен отлично знать народный быт, но не науку о народном быте, этнографию. Между диалектологией и этнографией существуют коренные отличия, о которых не следует забывать. Лингвистическая география определила новый этап в истории языкознания XX века, внесла очень много нового в теорию. Ни в этнографии, ни в фольклористике методика картографирования пока еще не дала значительных результатов.

Все сказанное отнюдь не исключает целесообразности тесных контактов диалектологов и полевых этнографов. Эти контакты могут иметь различные формы¹. Однако следует согласиться с этнографом С. А. Токаревым, который на IV Международном

¹ Подробнее об этом см.: *A. Habovštiak. O spolupráci jazykovedy a národopisu na úseku terminológie // Slovenský národopis, 1961; P. Ondrus. O možnostiach spolupráce dialektológov a národopiscov na úseku ľudovej terminológie // Slovenský národopis, 1967.*

съезде славистов в Москве в 1958 г. при обсуждении доклада об общеславянском лингвистическом атласе сказал, что «хотя этнографические и диалектологические атласы имеют точки соприкосновения (картографирование слов, касающихся предметов быта и культуры), но задача издания этнографического атласа, по существу, — самостоятельная задача» [Токарев 1963, 379].

В последнее десятилетие все чаще и чаще этнографы и фольклористы обращают внимание на тожество многих элементов культуры и народов, населяющих Карпаты. Эти тожества обнаруживаются к области хозяйства, орудий труда, жилища, одежды, кулинарии, украшений, керамики, изделий из дерева, средств передвижений, народных верований, фольклора, хореографии и т. д. Уже опубликовано много этнографических и фольклорных исследований и материалов, характеризующих карпатский культурный комплекс. В 1959 г. была организована Международная комиссия по изучению народной культуры Карпат (МККК), которая объединяет усилия карпатологов различных стран, стимулирует международные исследования, проводит симпозиумы и конференции, посвященные различным аспектам карпатистики. Наиболее серьезные исследования в этой области принадлежат польским и словацким ученым. В результате исследований карпатологов «вырисовываются чрезвычайно сложные картины переплетения и взаимного пересечения ареалов распространения различных компонентов культуры. Во всем этом многообразии можно выделить внутренне взаимосвязанные комплексы культуры, отличающиеся друг от друга лежащими в их основании структурообразующими факторами, т. е. различающиеся по своему типу» [Бромлей, Грацианская 1973, 63].

Некоторые этнографы полагают, что для изучения карпатских культурных комплексов метод этнографического картографирования ничего не даст. Такова точка зрения, например, известного болгарского этнографа Х. Вакарелского. «Нет сомнений, что всесторонняя регистрация народной культуры и народного способа жизни в этой горной системе чрезвычайно актуальна. Ее нужно начать до специальных или общих исследований сравнительно-исторических или этногенетических проблем. Для этого необходимо осуществить сотрудничество между соответствующими славянскими и неславянскими странами. На первых порах приходит мысль о составлении специальных этнографических атласов. Но этнографические атласы не способны охватить и представить детально и соразмерно всю народную культуру. Даже самые большие атласы могут отразить лишь избранные темы и

сюжеты, принятые во внимание по тем или иным соображениям [...] Материальная, духовная и общественная народная культура так богата типами, вариантами и деталями, что даже только избранные темы не могут быть полностью отражены в атласе» [Вакарелски 1972, 89]. Вакарелский предлагает отказаться от составления этнографического атласа Карпат и приступить к работе над «лексиконом народной терминологии». «Она должна охватить все терминологическое богатство в данных районах, систематизированное по разделам народной культуры в ее материальных, духовных, социальных, а может быть, и художественных проявлениях» [Вакарелски 1972, 90]. Автор предлагает план такого лексикона. Мне трудно судить, в какой степени суждения болгарского этнографа разделяются другими представителями этнографической науки.

Иначе относятся к картографированию карпатского языкового материала лингвисты. Не следует забывать, что один из первых славянских диалектологических атласов был посвящен именно карпатским говорам польского языка. Речь идет о хорошо известном атласе, составленном М. Малэцким и К. Нитчем [Małeckі, Nitsch 1934]. После войны в этом направлении было сделано очень много. Достаточно указать на «Карпатский диалектологический атлас» (Москва, 1967), на атласы И. А. Дзедзелевского, П. Н. Лизанца. Много важных сведений для изучения процессов языковой интерференции на территории Карпато-Дунайского ареала содержится в румынских и молдавских диалектологических атласах, в малом польском атласе, в силезском атласе А. Зарембы, в болгарском диалектологическом атласе, в еще неопубликованном втором томе украинского атласа. Кроме того, в последнее десятилетие опубликовано много специальных монографий и статей, в которых исследуются в лингвогеографическом плане распространение т. н. карпатизмов в языках Юго-Восточной Европы. В 1973 г. началась работа над «Общекарпатским диалектологическим атласом» (ОКДА), в которой принимают участие ученые СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Венгрии и ГДР.

Впервые вопрос о целесообразности картографирования диалектов различных языков на территории Карпат и сопредельных областей был поставлен на первом московском координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения в январе 1961 г. [см. Бернштейн 1961а, 183–185]. Уже в старых украинских публикациях Я. Головацкого, Е. Огоновского, И. Верхратского, В. Гнатюка и др. содержался значительный лексический

материал, который свидетельствовал о наличии древних контактов восточнославянских племен Карпатской зоны с племенами южнославянского происхождения. Этот материал впервые стал предметом специального внимания в 30-е годы XX в. в связи с публикациями В. Погорелова о т. н. «болгаризмах» в закарпатских говорах украинского языка. Тогда же, но главным образом уже в послевоенный период в обсуждении данной чрезвычайно интересной проблемы приняли участие М. Фасмер, Ив. Панькевич, Б. Кобылянский, В. М. Иллич-Свитыч, С. Б. Бернштейн и др. В результате обсуждения стало очевидно, что поставлена проблема первостепенной важности для решения многих вопросов из области сравнительной грамматики славянских языков, истории славянских диалектов карпатского региона, древнейшей истории болгарского и сербохорватского языков, румыно-славянских и венгеро-славянских языковых контактов, балканского языкознания. Однако одновременно было хорошо показано, что для решения указанных выше проблем материала слишком мало и он не всегда надежный. Авторы в своих суждениях опирались на скудные и случайные факты. Это убедительно показал М. Фасмер в своем разборе статьи Погорелова «Болгаризмы в карпатских говорах». Автор статьи не знает ни истории «болгаризмов», ни территории их распространения в языках и диалектах карпатского ареала. На том же уровне стояли работы и других исследователей [Vasmer 1940; Бернштейн 1963, 76–81]. Стало очевидным, что лишь детальное лингвогеографическое изучение обширного материала может положить основу для будущих серьезных исследований в данной области языкознания. В связи с этим вопрос о «Карпатском диалектологическом атласе» был поставлен на повестку для первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения. Вопрос был решен положительно. В том же 1961 г. уже началась систематическая работа над вопросником. Большую роль в определении задач атласа, принципов его построения, в составлении вопросника сыграл В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1963]. Серьезную помощь в составлении вопросника оказали ужгородские и львовские диалектологи.

Первый том «Карпатского диалектологического атласа» в двух книгах вышел из печати в 1967 г. Первая книга содержит 212 карт, вторая — вступительную статью, вопросник, содержащий 556 вопросов и комментариев к картам. В настоящее время готовится к печати второй том атласа.

«Карпатский диалектологический атлас» показал, что поставленная нами проблема является лишь частью большой и слож-

ной проблемы карпатского языкознания вообще. Ее нельзя решать без данных прежде всего польских и словацких говоров. К общим элементам с южнославянскими языками нужно подходить дифференцированно. Одни из них восходят к праславянскому периоду, другие — проникли уже поздно, часто через посредство других языков. Материал показал, что общие элементы с болгарским языком характерны прежде всего для украинских говоров Прикарпатья, тогда как говоры Закарпатья во многом тяготеют к сербохорватскому языку.

Во время работы над «Карпатским диалектологическим атласом» приходилось решать много основных, принципиальных, а также частных вопросов. Дело было новое, и поэтому не может вызвать удивления тот факт, что не всегда в разное время предлагались одинаковые решения. Приведу один факт.

Со времени первой своей статьи «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков» [Бернштейн 1961а] я предложил различать среди общих специфических карпатских элементов карпатизмы и балканизмы. Карпатизмы — местные общие элементы в диалектах карпатского континуума, балканизмы — общие элементы, принесенные сюда балканскими переселенцами и балканскими пастухами. Так, тюркизм *босоркун*, *босорка* принадлежит, бесспорно, к старым карпатизмам, тогда как турцизм *сунджир* следует считать балканизмом. И в настоящее время я продолжаю считать данное разграничение принципиально важным. Однако перед составителями атласа такой проблемы нет. Для них существует только проблема карпатизмов, которые включают в себя все общие специфические элементы. Во весь рост задача стратификации карпатизмов стоит перед историками языков и диалектов данного района Европы. В ее решении важную роль будут играть не только факты современных диалектов, но и памятники письменности, топонимика, антропонимика и многое другое.

Нет ничего удивительного в том, что параллельно с работой над атласом публиковались монографии и статьи, в которых обсуждались многие вопросы карпатского языкознания, не имеющие непосредственного отношения к лингвогеографии. Так широко обсуждался вопрос о том, можно ли говорить о существовании самостоятельного «карпатского языкового союза» или следует говорить о «карпатской периферии балканского языкового союза».

Перед составителями «Карпатского диалектологического атласа» первоначально была поставлена задача выявления карпатизмов прежде всего в области словаря (лексики и семантики).

Однако не исключались фонетика и грамматика. «Конечно, не все аспекты языка будут в одинаковой степени учитываться при составлении программы данного атласа. Специфической особенностью данного атласа будет являться то, что, например, фонетика в нем займет очень скромное место. Можно ясно предвидеть, что и морфологических карт будет мало. Главное внимание будет уделено лексике, семантике и словообразованию. Следует подумать о целесообразности и возможности карт синтаксического характера [Бернштейн 1961а, 184]. Уже материалы первой экспедиции показали, что для выявления дифференциальных признаков в области фонетики и грамматики нужен другой вопросник и иная методика сбора материала. Стало очевидным, что наши сведения в этих областях настолько ограничены и поверхностны, что в настоящее время составить удовлетворительный вопросник по фонетике и грамматике мы не можем. Поэтому пришлось ограничиться лишь сбором лексического материала. Вышедший из печати первый том атласа показывает распространение лексических карпатизмов на территории юго-западной Украины, имеющих аналогии в болгарском или сербохорватском языках. В отличие от большинства диалектологических атласов «Карпатский диалектологический атлас» содержит немало семантических карт. Показаны семантические различия в лексемах: *могила, туча, квочка, шершінь, ріпиця, трепета, чатина, ягода, глота, люди, челядь, жона, труп, борода, грижа, вурда, киселиця, квас, куча, стая, череп, ватра* и др.

Атлас дал богатейший материал для изучения контактов юго-западных украинских говоров с южнославянскими языками, для изучения семантической эволюции многих элементов болгарской и сербохорватской речи. Однако всестороннее обсуждение первого тома атласа одновременно показало, что проблема изучения языковых контактов на территории Карпато-Дунайского ареала не может ограничиваться лишь выявлением связей украинских говоров с болгарским и сербохорватским языками. Данный вопрос является лишь частью большой лингвистической проблемы, которую можно сформулировать как проблему интерференции языков на территории Карпат и сопредельных районов. Здесь, начиная с эпохи бронзы, происходили разнообразные контакты различных индоевропейских языков, многие из которых известны очень плохо. Это относится не только к языкам местного туземного населения, но и к латинскому языку, который, начиная с конца дохристианской эры, получил в районе Карпат широкое распространение, конечно, в той форме вульгарной латыни,

которая по районам имела много вариантов и о которой мы применительно к Карпато-Дунайской области знаем мало. Позже сюда проникли тюркоязычные и угроязычные народы, языки которых сыграли немалую роль в процессах формирования современной языковой карты Юго-Восточной Европы (в частности, Карпатской зоны). Так постепенно мы подошли к новой задаче — к изучению тех специфических элементов, которые обособляют в какой-то степени Карпатский языковой ареал в кругу других родственных и неродственных языков.

В настоящее время можно с полным основанием говорить, что наряду с т. н. балканским языкознанием имеет право на существование и карпатское языкознание со своим материалом и своими задачами. Эти задачи состоят в том, чтобы исследовать те элементы в украинских, польских, словацких, чешских, молдавских, румынских и венгерских диалектах, которые, объединяя их, придают карпатскому языковому континууму черты своеобразия. Пока в этом направлении мы делаем лишь первые шаги. Попытки уже в настоящее время обрисовать всесторонне все аспекты карпатского языкознания обречены на неудачу. Такая неудача постигла, например, А. М. Рота, который в своей книжке «Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала» (Ужгород, 1973), опираясь на очень скудный материал, попытался преждевременно охарактеризовать все аспекты карпатского языкознания, применив очень сомнительную методику статистических подсчетов карпатизмов.

Пора от общих рассуждений и беспочвенных синтетических построений перейти к разработке плана исследований в этой области на ближайшие годы. Именно с этой целью в 1973 г. начались всесторонние обсуждения карпатской проблематики, в которых приняли участие наиболее авторитетные знатоки карпатской языковой ситуации. Было принято решение о том, что начинать работу в области карпатского языкознания целесообразно с создания лексико-семантического карпатского диалектологического атласа, отражающего прежде всего хозяйственную деятельность, быт, культуру карпатских пастухов различной национальности. Выбор именно этой области был обусловлен двумя причинами: карпатизмы наиболее полно представлены в языке пастушеского населения; в связи с интенсивным развитием экономики отгонное высокогорное пастушество в настоящее время уходит в прошлое, а вместе с ним уходят те важные элементы словаря, которые являются предметом нашего исследования. В результате длительной совместной работы, в которой принимают

участие опытные диалектологи многих стран, завершено составление обширного вопросника. В 1977 г. по этому вопросу начнется полевая работа, которая должна быть завершена к 1980 г.

Вопросник «Общекарпатского диалектологического атласа», содержащий около тысячи вопросов, даст возможность выявить наиболее типичные карпатизмы, их распространение, их семантические отличия. Последнее представляется чрезвычайно важным, так как на различия в значении карпатизмов пока обращали мало внимания. А между тем исследования последних лет показали, что традиционная карпатская лексика характеризуется не только семантическим тождеством, но и существенными семантическими различиями, которые очень часто противопоставляют не языки, а лишь диалекты [Клепикова 1974; HERNICZEK-MOROZOWA 1975, 1976]. Семантические изоглоссы многих карпатизмов идут не по границам между языками, а внутри языковой территории.

Важнейшим источником для изучения истории карпатизмов и распространения и их семантической эволюции является топонимический материал. Вот почему во время экспедиций предусматривается сбор географической номенклатуры. Конечно, ее данные будут использованы только в комментариях к картам. Естественно, что это ограничение не распространяется на микротопонику (термины ландшафта).

Карпатский языковой континуум не представляет собою изолированной области среди соседних языков Юго-Восточной Европы. Своими различными частями он органически входит в состав языков данного региона. Для юго-западных говоров украинского языка самым важным и определяющим является их принадлежность украинскому диалектному языку. Горальские говоры Карпат — это прежде всего говоры польского или словацкого языков. Эта генетическая характеристика базируется не только на языковых признаках. Естественно, что карпатские говоры украинского, польского, словацкого или чешского языков на равных правах с другими говорами находят свое место в национальных диалектологических атласах. «Общекарпатский диалектологический атлас» должен отразить те общие элементы в языках и диалектах карпатского ареала, которые в какой-то степени характеризуют специфику жизни и деятельности жителей данного района. Сложность вопроса, однако, состоит в том, что эти общие элементы находим за пределами карпатской зоны. Тут мы вновь возвращаемся к той проблеме, которая была главной в «Карпатском диалектологическом атласе». Речь идет о связях языков карпатского ареала с южнославянскими языками.

Языки карпатского ареала тесными узами связаны с балканскими языками. Предки южных славян до балканской миграции жили на Карпатах и в непосредственно примыкающих к ним районах. Позже многочисленные балканские переселенцы принесли на Карпаты многие особенности различных балканских языков. Здесь особенно велика роль балканских пастухов различной национальности. Вот почему было принято решение пригласить на равных правах участвовать в работе над «Общекарпатским диалектологическим атласом» специалистов по болгарской и сербохорватской диалектологии. Карты атласа должны показать направление и характер изоглосс не только к северу от Дуная, но и к югу. Строго говоря, картографируемые особенности к югу от Дуная уже нельзя называть карпатизмами в точном значении этого термина, но это не имеет в данном случае принципиального значения.

В этом направлении очень перспективными являются работы М. Младенова, который показал на многих примерах тесную лингвогеографическую связь украинских и болгарских говоров, не прерываемую на территории Румынии [Младенов 1973, 36]. Эти наблюдения ставят под сомнение утверждение Э. Петровича, что современные изоглоссы славянских заимствований в румынском языке не могут отражать древних диалектных признаков старого славянского населения Румынии. Нет сомнений в том, что лингвогеографическое исследование румынских говоров по программе «Общекарпатского диалектологического атласа» дало бы окончательный ответ на данный вопрос, по которому в настоящее время нет единства во взглядах. Вот почему участие румынских диалектологов в работе над атласом было бы чрезвычайно важным.

Обнаруживаются очевидные контакты карпатской зоны с северными областями. Они имели место в различные исторические периоды и носили разные формы. В языках они находят отражение в наличии специфической лексики, а также в значении многих лексем. Объяснить все эти факты — задачи будущих исследований. Составители «Общекарпатского диалектологического атласа» должны показать по возможности полнее северные границы распространения т. н. карпатизмов. В связи с этим будут обследованы по программе атласа некоторые населенные пункты Волыни, Полесья, северных областей Польши.

Изучение карпатизмов в языках Юго-Восточной Европы не может ограничиваться лишь составлением атласов, хотя именно диалектологические атласы дадут наиболее надежный материал. Необходимы частные лингвогеографические исследования, мо-

нографические описания отдельных говоров, топонимические труды, описание языка древних памятников письменности, отражающие особенности карпатских говоров различных языков. Ниву карпатского языкознания должны совместно пахать слависты, романисты, угро-финнологи, тюркологи, германисты, албановеды, специалисты по античным языкам Балканского полуострова и сопредельных районов.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. О некоторых аспектах «Общекарпатского диалектологического атласа» // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze*. Z. 61. Kraków, 1979. S. 9-17.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА

Все большее внимание исследователей в последнее десятилетие привлекают те аспекты этногенетического и языкового характера, которые в какой-то степени обособляют карпатский ареал и противопоставляют его иным зонам Юго-Восточной Европы. Эти аспекты имеют самое непосредственное отношение к общей проблематике славянского этногенеза и одновре-

менно затрагивают также вопросы этногенеза и ранней истории неславянских народов, населяющих Карпаты. Вот почему так много усилий направлено на комплексное изучение зоны Карпат в этнографическом, историко-культурном и лингвистическом планах. Лингвистические и разноаспектные исследования последних лет позволяют с уверенностью говорить о существовании самостоятельной области лингвистической науки — карпатского языкознания.

Наряду с такими понятиями, как славянское языкознание, германское языкознание, тюркское языкознание и т. д., в настоящее время в историческом языкознании существуют области, которые определяются не по генетическим, а по территориальным признакам. Уже давно существует кавказское языкознание, в сферу которого входит изучение контактов и взаимодействие местных языков различного происхождения. Уже свыше 50 лет существует т. н. балканское языкознание, которое отнюдь не дублирует исследований славистов, эллинистов, албановедов, романистов. Примечательно, что число таких территориальных разделов языкознания заметно увеличивается в связи с возросшим интересом к истории языковых контактов, к теории субстрата, к теории языковых союзов, к языковым универсалиям. Еще совсем недавно не было нужды в существовании карпатского языкознания, так как изучение языков и диалектов карпатского ареала велось давно выработанными приемами генетического языкознания. Теперь именно карпатское языкознание прочно вошло в исследовательскую практику. Карпатское языкознание, тесно связанное с такими традиционными разделами языкознания, как, напр., славянское языкознание, одновременно

имеет и собственные задачи, свой материал и во многом собственную методику. Здесь особое внимание уделяется изучению конвергентных процессов, в результате которых в прошлом хорошо известные факты и явления на Карпатах представляют неожиданные и новые соотношения. В результате сложных этнических и языковых конвергентных процессов на определенной, порой замкнутой, территории могут возникнуть новые образования, которые часто по-новому характеризуют взаимоотношения между родственными языками и диалектами. Это соотношение между южными малопольскими диалектами и юго-западными диалектами украинского языка во многом не соответствует тем признакам, которые различают польский и украинский языки в целом. В еще большей степени это относится к польским и словацким диалектам, контактирующим в карпатской зоне. Задача состоит в том, чтобы исследовать те элементы в украинских, польских, словацких, чешских, молдавских, румынских и венгерских диалектах, которые объединяя их, придают карпатскому языковому континууму черты своеобразия. Под этим не следует всегда понимать тождество этих элементов. Эти элементы нередко проявляют на территории Карпат существенные отличия, не совпадающие, однако, с дифференциальными признаками самих языков в целом. Это самое существенное.

Балканское языкознание сформировалось на основе тождеств грамматического характера (утрата склонения, постпозитивный член, аналитические формы сравнительной и превосходной степеней сравнения, двойное приглагольное дополнение и т. д.). По некоторым из этих признаков материал карпатского языкознания смыкается с балканским. Однако грамматические признаки в конституировании карпатского языкознания пока играют второстепенную роль. Возможно, и в будущем они не займут того места, которое уделяется им в сравнительных балкановедческих штудиях. Так в карпатском языкознании сравнительные исследования ведутся на материале лексических единиц (лексика, семантика, словообразование). Единство славянских диалектов карпатской зоны в своей архаической части восходит к праславянскому периоду. Мы же изучаем те особенности, которые объединяют или различают между собой не украинский, польский, словацкий, чешский языки в целом, а только диалекты этих языков карпатского ареала. Эти признаки мы называем карпатизмами. Они в этимологическом смысле могут быть очень древними, могут восходить к праславянскому языку, но в конкретно-историческом плане в своей массе они сформировались значительно позже, в период интенсивного развития отгонного скотоводства (главным образом овцеводства), в период

значительных этнических передвижений на Карпатах и сопредельных регионах (валашская колонизация, массовые переселения с Балкан на Карпаты в период османского завоевания и т. д.). В этимологическом плане значительная часть карпатизмов является славянской. Однако среди них немало и карпатизмов романского, греческого, албанского, тюркского происхождения, меньше венгерского, еще меньше германского.

При изучении карпатизмов нужно ясно отдавать себе отчет в том, что Карпаты являлись поздней южной периферией праславянского языка. Не здесь конституировалось славянское этническое единство. Контактирование славянских диалектов началось здесь в период далеко зашедшего процесса диалектного членения. Это была южная периферия славянского континуума. Наш материал убедительно свидетельствует против карпатской теории славянской прародин.

Русский книжник эпохи феодализма обращает свой взор на Карпаты, на карпато-дунайский регион. Здесь он ищет колыбель славян. Сюда же обращены помыслы певцов гусяров, сказителей былин и народных песен. Совсем не случайно именно Карпаты начинают играть первостепенную роль в этногенетических построениях первых славистов. Именно здесь они ищут прародину славян. Кредит карпатской теории высок не только в течение всего XIX в. И в наше время совсем нередко с карпато-дунайским регионом не только археологи, но и лингвисты связывают начальные главы формирования славян, их культуры, их этнического самосознания. И это вопреки данным славянских языков, их диалектов, вопреки данным современной исторической семасиологии. Дело в том, что орографическая терминология (т. е. лексика, относящаяся к географическому рельефу во всем разнообразии его природных условий) всегда формируется на начальных стадиях развития этноса значительно раньше многих других разрядов лексики, относящихся ко многим видам производственной деятельности человека. При смене географических условий древний человек, как правило, не стремился создавать совсем новые слова, а с помощью различного рода аффиксов формировал термины, отвечающие новым условиям географической среды. В этом смысле орографическая лексика имеет большое преимущество перед, напр., производственной лексикой, которая относится к менее устойчивому разряду словарного состава. О чем говорит древнейшая славянская орографическая лексика? Она неопровержимо свидетельствует о том, что славянский этнос начал формироваться на равнинной территории, богатой реками, озерами, стоячими водами, болотами, лесами, ча-

щобами. Известный русский славист В. Н. Щепкин в свое время писал: «В славянских языках замечательно богатство названий для проточных и стоячих вод, для ключей и колодцев, для озер, болот и топей, для лесов, зарослей и роц. Напротив того, общие всем славянам названия горных формаций очень редки. Все указывает, что родиной славян была лесистая, богато орошенная равнина, а никак не безлесные степи или долины и склоны гор» [Щепкин 1914, 38–39]. И дело не только в том, что термины горных формаций обычно не относятся к общеславянской лексике. Важнее другое. Эта лексика в каждом языке или диалекте слабо развита, она не дифференцирует существенных признаков горных формаций. В славянских языках нет обозначений для различного вида горных вершин, уступов, горных дорог и проходов, ущелий. Достаточно в этом отношении сравнить славянские языки, скажем, с осетинским, чтобы убедиться в этом. Терминология горных формаций в осетинском чрезвычайно сложна, так как данный этнос формировался в соответствующих горных условиях. Конечно, горные формации Кавказа нельзя сравнить с Карпатами. Однако и здесь условия рельефа могли бы дать основания для более богатой и дифференцированной лексики, нежели это находим в славянских языках.

Зато необыкновенно дифференцирована в славянских языках орографическая лексика, связанная с указанным выше равнинным характером. За последние годы слависты-диалектологи очень много сделали для изучения лексем, непосредственно относящихся к болотам. Уже выявлено свыше двухсот самостоятельных лексем, которые во всех возможных деталях характеризуют стоячие водные источники и болота.

В прошлом прародину славян искали на большой территории. Теперь споры продолжаются, но в основном эта территория локализуется между Одером и Днепром. Разногласия в общем носят частный характер. Одни исследователи ее связывают с междуречьем Вислы и Днепра (т. н. висло-днепровская теория), другие — с междуречьем Вислы и Одера (т. н. висло-одерская теория). Большинство лингвистов в настоящее время отдают предпочтение первой. Я убежденный сторонник именно этого варианта. В сравнительной грамматике славянских языков я привожу много аргументов в ее защиту. Они свидетельствуют, что славянский этнос конституировался на следующей территории: запад — среднее течение Вислы, север — Припять, восток — среднее течение Днепра. Наименее ясной и четкой является южная граница. Возможно, она подходила почти к северным отрогам Карпат. Начало интенсивного расширения праславянской территории относится к последним векам дохристианской

эры, но особенно интенсивным оно становится в первые века уже нашей эры. На северо-западе славяне доходят до Балтийского моря, на северо-востоке населяют верховья Днепра. Вероятно, с третьего века начинается интенсивное заселение южных областей, где славяне впервые сталкиваются с кельтами, с иллирами, с фрако-дакийскими племенами. Середина первого тысячелетия н. э. — это эпоха интенсивных дивергентных, но одновременно и конвергентных процессов. В результате первых идет процесс формирования праславянских диалектов, обусловленный как внутренними языковыми закономерностями, так и воздействием соседних неславянских языков. Этот последний в конце концов приводит к формированию устойчивых больших языковых групп (языки западнославянские, восточнославянские, южнославянские), на основе которых в дальнейшем возникают отдельные самостоятельные славянские языки. Однако одновременно в различных местах в результате локальных условий возникали особые языковые образования, нарушающие четкие противопоставления языков и диалектов. Так было, например, в районе Карпат. Я счел необходимым остановиться на этом вопросе потому, что теория карпатской прародины славян противоречит данным карпатского языкознания, противоречит и данным сравнительной лексикологии славянских языков. Карпаты стали играть в истории славян большую роль поздно, уже в период далеко зашедшей диалектной дифференциации праславянского языка. Однако близость карпатской зоны к районам Балкан, населенных народами высокой цивилизации, способствовала здесь у славян интенсивному развитию народного самосознания. Отсюда и теории карпатской прародины, дошедшие до нас в древних славянских источниках. Сторонники теории карпатской прародины славян опирались на этимологию отдельных слов, широко привлекают топонимический материал. Однако на этом пути решить всю проблему в целом нельзя. Ответ дадут только фронтальные обследования всех основных разрядов лексического состава, только данные исторической семасиологии славянских языков.

Изучение процессов формирования праславянских диалектов в славянском языкознании со времени формирования данной научной дисциплины и до наших дней шло и идет односторонне. Все внимание обращено на историю основных групп. Изучение локальных групп только начинается. Вот почему при изучении, напр., истории украинского языка исследователь молчаливо проходит мимо тех особенностей юго-западных диалектов украинского языка, которые противопоставляют их основной массе диалектов, но одновременно связывают их с диалектами западнославянских и южно-

славянских языков. Аналогичное положение находим в трудах историков польского языка, южные диалекты которого по ряду весьма существенных признаков ориентированы на карпатские диалекты украинского или словацкого языков. Карпатские диалекты всех языков содержат многочисленные факты южнославянского происхождения. Таким образом, карпатский языковый ареал это реальность, своими истоками восходящая к самым последним векам праславянского периода. На территории славянского языкового мира имеются еще особые локальные группы (напр. полесская группа). Изучение истории этих групп самая актуальная задача славянского языкознания в настоящее время. Она актуальна не только потому, что здесь много темных пятен, но и потому, что без соответствующих исследований групп нельзя ясно представить процессы складывания отдельных славянских языков и народностей. Особый научный интерес представляет изучение истории карпатской локальной группы, так как здесь в тугой узел завязаны диалекты всех основных славянских языковых групп, а также диалекты молдавского, румынского и венгерского языков.

Изучение карпатской языковой ситуации в отдельных ее аспектах началось в Институте славяноведения и балканистики АН СССР еще в 1961 г. На первых порах была поставлена задача изучения языковых контактов юго-западных диалектов украинского языка с южнославянскими языками. Уже в 1967 г. был опубликован двухтомный диалектологический атлас под названием «Карпатский диалектологический атлас», карты которого показывали распространение т. н. южнославянизмов на территории юго-западных украинских диалектов. Материал исследовался на уровне лексики, семантики и словообразования.

Уже во время работы над атласом стала очевидной необходимость выхода за пределы украинских диалектов. Только на основании сопоставления украинского диалектного материала с южнославянским невозможно было получить полную картину карпатской ситуации, выяснить генетические связи украинских карпатизмов с карпатизмами западнославянских языков. Так возникла новая тема «Общекарпатский диалектологический атлас» (ОКДА), над которым началась работа в 1974 г. Этому предшествовало широкое обсуждение общих проблем карпатистики, в котором приняли участие не только лингвисты, но одновременно археологи, этнографы, фольклористы и антропологи. Постепенно расширялся круг специалистов. В результате сформировался значительный международный коллектив, в который входят не только слависты, но и специалисты по молдавской, венгерской и албанской диалектологии.

Естественно, что работа началась после определения общих задач ОЖДА с составлением программы-вопросника, для чего нужно было установить сам корпус карпатизмов. Работа шла несколько лет, так как нужно было изучить большое число диалектологических, этнографических и фольклорных материалов. В результате было выявлено свыше 700 карпатизмов. Мы широко пользовались консультациями этнографов, главным образом знатоков карпатской материальной культуры. Во время работы над программой были проведены предварительные экспедиции. Все это дало возможность составить обширную программу, которая всесторонне обсуждалась на очередных конференциях ОЖДА. В этих обсуждениях принимали участие не только лингвисты-диалектологи, но и этнографы. Это было закономерно, так как мы картографируем прежде всего явления материальной культуры, в своей массе относящиеся к производственной деятельности и быту карпатских пастухов.

При обсуждении задач ОЖДА и программы на самой начальной стадии возник вопрос о целесообразности придания ОЖДА характера комбинированного лингвистико-этнографического атласа. Говорили, что карты атласа должны показать дифференциацию и распространение не только карпатизмов, но и самих реалий. В результате всестороннего обсуждения данного вопроса наш коллектив пришел к единодушному решению — ОЖДА должен быть только диалектологическим атласом. Подробное обоснование дано в статье «Общекарпатский диалектологический атлас и проблемы сотрудничества лингвистов и этнографов», опубликованной на русском и французском языках [Бернштейн, Клепикова 1980]. Нельзя отрицать важности и полезности совместных усилий диалектологов и этнографов в деле изучения определенных областей, в частности, и карпатской зоны. Однако все дело в том, что диалектологи и этнографы различно выделяют дифференциальные признаки. Это хорошо показано, в частности, в недавно опубликованных двух томах диалектно-этнографического атласа Великой Польши. Здесь под общей крышей механически объединены диалектологические и этнографические карты. Никакой связи между ними нет. Можно с полной уверенностью утверждать, что опыт создания комбинированного атласа не удался. Это поняли и сами составители нового польского атласа, которые, видимо, приняли решение, начиная со второго тома, публиковать диалектологические и этнографические карты отдельно. Конечно, на основе использования диалектологических и этнографических карт будущий исследователь сможет придти к очень важным решениям, относящимся к истории этнических образований. Сопоставление диалектологических и этнографиче-

ских явлений делалось и раньше. Достаточно вспомнить труды Д. К. Зеленина, К. Мошинского и ряда других ученых. Я бы не хотел быть причисленным к противникам всяких контактов диалектологов и этнографов. Более того, я считаю эти контакты очень важными отнюдь не только для взаимных консультаций, но и для совместных исследований. Подробно речь идет об этом в указанной выше статье. Сейчас укажу лишь на возможное участие лингвистов в исследованиях, посвященных монографическому описанию историко-географических областей, в изучении структуры и функционирования народной терминологии, без чего любое этнографическое описание будет неполным. Могут быть совместные исследования, посвященные совпадениям и расхождениям изоглосс и изопрагм. Эти исследования очень важны для изучения истории этноса на уровне минимальных единиц для изучения демографических процессов. Комплексные исследования дадут много, если мы в самом начале проведем более четкое размежевание между методиками лингвистических и этнографических исследований. Интердисциплинарное сотрудничество лингвистов и этнографов является важной и актуальной проблемой. От ее решения во многом зависит успех всестороннего изучения карпатской культурно-лингвистической общности.

Повторяю: нужен более тесный контакт между карпатологами этнографами и карпатологами-лингвистами. Необходимы для этого и новые организационные формы. Если не ошибаюсь, только в советской комиссии имеется лингвистическая секция. Было бы желательно организовать лингвистические секции во всех национальных комиссиях по изучению культуры Карпат и Балкан.

Культурная и языковая общности Карпатского ареала не являются изолированными, замкнутыми. В той или иной степени они связаны с соседними регионами, а в некоторых случаях эти связи узкими коридорами уходят на значительные расстояния от Карпат. В качестве примера могу привести украинское и белорусское Полесье. На связи некоторых форм отгонного пастушества на Карпатах и в Полесье специалисты по этнографии указывали уже давно. В последние десять лет удалось установить ряд существенных языковых признаков. Удалось выявить факты, которые связывают Карпаты с кашубской областью. Но, конечно, самые интенсивные и глубокие связи обнаруживаются с Балканами. Эти связи своими корнями уходят в различные исторические периоды (от V–VI вв. н. э.). Наиболее древние нужно искать в сопоставлении с теми южнославянизмами, которые сохранились главным образом в языке восточных романцев и венгров. Позже контакты карпатского и балкан-

ского населения были очень активными, носили разные формы и разную направленность. Выявление карпатизмов, их территории, семантической дифференциации, путей формирования в полном виде без данных южнославянских языков, без других балканских (главным образом албанского) трудно. Материал этих языков особенно ценен для изучения семантической эволюции карпатизмов. Потребность в собственно балканском материале испытывают и карпато­логи-этнографы. Только этим можно объяснить переименование в 1959 г. Международной Комиссии по изучению культуры Карпат и Балкан. В работе над ОКДА с определенного периода начали принимать участие специалисты по южнославянской и албанской диалектологии. Уже подготовленные карты в полной мере показали важность этого материала.

Первый том атласа уже завершен и находится в печати. Его публикует Молдавская АН. Второй том будет издаваться в Москве, третий — в Кракове, четвертый — в Варшаве, пятый — во Львове. Всего предполагается опубликовать семь томов.

Исследования в области карпатского языкознания не ограничиваются созданием ОКДА, хотя в настоящее время эта работа является основной. Атлас покажет территориальное размещение карпатизмов, их дифференциации. Теперь поставлена задача историко-этимологического изучения карпатизмов. С 1986 г. начнется работа над историко-этимологическим словарем карпатизмов, в которой будут принимать участие не только диалектологи, но историки языков и этимологи. Кроме того, параллельно идут исследования по ряду тем. Завершена и уже опубликована монография Г. П. Клепиковой о пастушеской терминологии, готовится теоретическая монография под общим названием «Карпатское языкознание» и т. д. Опубликовано в разных периодических и непериодических изданиях немало статей по различным вопросам карпатского языкознания. Было бы чрезвычайно полезно приступить к созданию труда «Лингвистические и этнографические аспекты карпатистики». Полная картина взаимоотношения соответствующих дисциплин может быть представлена только в результате совместных творческих усилий этнографов и лингвистов. Я охотно принял предложение акад. Ю. Б. Бромлея выступить с докладом на международной встрече карпато­логов-этнографов, имея в виду главным образом именно эту задачу.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований карпато-дунайского региона // CrBl XIV, 1-2. 1985. S. 79-89.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАРПАТСКОЙ (КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ) ЗОНЫ И ПРОБЛЕМА ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «КАРПАТИЗМОВ»

В последние десятилетия, в ходе все более активизирующегося изучения лингвистических особенностей карпатской зоны, происходит конституирование новой отрасли языковедческой науки — карпатского языкознания (=КЯ). Оно понимается как особый раздел языкознания — как пространственно характеризованный фрагмент совокупности лингвистических дисциплин (индоевропейской, финно-угорской ареальной лингвистики, теории языковых контактов, типологии и др.), имеющий целью изучение различных аспектов синхронической и диахронической проблематики — применительно к генетически гетерогенному лингвистическому пространству зоны Карпат и сопредельных регионов. В указанном выше смысле КЯ выступает как лингвистический компонент карпатистики (=карпатологии, карпатоведения) — обширного интердисциплинарного круга наук историко-филологического цикла, призванных изучать комплексно ситуацию в карпатской зоне¹, интенсивные исследования в области материальной и духовной культуры, фольклора, языка² которой дают основания постулировать существование особой карпатской этнолингвистической общности³.

¹ См.: [Бернштейн 1973, 41; Бернштейн 1985], ср.: [Клепикова 1986]. В свое время чешский лингвист А. Вашек определял задачи КЯ (=«лингвистической карпатологии») как изучение 1) лингвистических последствий так называемой валашской пастушеской колонизации и 2) последствий взаимоотношений языков карпатского ареала (подробнее: [Vašek 1967a, 15]).

² Указанные исследования планируются и координируются Международной комиссией по изучению народной культуры Карпат и Балкан; о ее задачах см.: [Бромлей 1981, 239 и сл.]; материалы, посвященные 25-летию деятельности Комиссии, опубликованы в: *Carpatobalcanica*. XIV. Bratislava, 1985.

³ Предложенное выше понимание КЯ обнаруживает известный параллелизм с определением задач балканского языкознания, имеющего уже, в отличие от КЯ, более длительную историю (начиная с публикации в 1926 г. известного труда К. Сандфельда) и достигшего в настоящее время высокого уровня разработанности теоретических и практических аспектов, о чем свидетельству-

Следует подчеркнуть, что давно ясна важность изучения диалектов карпатского ареала, рассматриваемых в качестве лингвистических объектов, противопоставленных, с одной стороны, иным диалектам, репрезентирующим отдельные национальные языки, и демонстрирующих, с другой, большое число разноуровневых интердиалектных (=интерязыковых) схождения; источник последних видят иногда в праславянском (ср. [Леков 1978, 35]) (и тогда указанные корреспонденции относят лишь к генетически гомогенному лингвистическому континууму), или, чаще, — в более поздних сближениях, в результате контактирования (и интерференции) языков ареала (подробнее: [Бернштейн 1973, 25 и сл.; ОЖДА 1981, 9; Vašek 1967a, 17 и сл.]) (ср. общий пласт прямых и опосредованных заимствований из восточнороманских⁴ и венгерского (ср. [Lizanec 1970; Лизанец 1976; Tamás 1966] языков; и в этом случае общие элементы характеризуют генетически гетерогенный континуум).

По-видимому, осознание глобальных и конкретных задач КЯ на каждом этапе его развития и динамический подход к их формулированию зависит от суммы имеющихся (и определенным образом интерпретированных) фактов. Несомненно, в период становления КЯ как самостоятельной научной дисциплины в качестве первоочередной задачи⁵ выступает интенсивное и целенаправленное диалектологическое, в том числе лингвогеографическое изучение карпатской (и шире — карпато-балканской [=балкано-карпатской]⁶) зоны. Это следует из необходи-

ет наличие не только синхронных описаний важнейших схождения в языках балканской языковой общности, определяемой обычно как «балканский языковой союз» (=БЯС), но и опытов моделирования фрагментов его системы (подробнее: [Цивьян 1979, 5, 274, 279]).

⁴ См., например, сводную работу: [Niță-Armaș 1968]; интерес представляет и исследование: [Vrabie 1967].

⁵ Число направлений и конкретных тем по мере развития КЯ, вероятно, будет увеличиваться, ср.: «...попытка уже в настоящее время отразить всесторонне все аспекты карпатского языкознания обречены на неудачу» [Бернштейн 1979].

⁶ Исследования последних 15–20 лет показывают, что рассмотрение тех или иных явлений изолированно, в масштабах карпатской зоны, представляется недостаточным — и в синхронном, и диахроническом планах. Именно поэтому карпатистика (и в том числе КЯ) принципиально считает необходимым обращение к балканскому материалу для установления в нем явлений, корреспондирующих с собственно карпатскими (или — напротив для констатации в этих зонах несоответственных явлений). Констатация тесных связей между указанными зонами дает основание, по крайней мере, в сфере языка, допустить

мости, во-первых, выявить и упорядочить достаточно обширный корпус явлений, по преимуществу лексико-семантических, определяющих своеобразие данного лингвистического континуума; во-вторых, на основе пространственной проекции возможно большего числа специфических карпатских особенностей дать характеристику как самой карпатской зоны (и ее отношения к балканской), так и типов дифференциации указанного (макро)ареала. Таким образом, речь должна идти прежде всего о том, чтобы предоставить в распоряжение исследователей карпатской лингвистической проблематики надежную фактографическую базу, описанную — на синхронном уровне — с учетом таких параметров, как системные отношения явлений и их пространственная ориентированность. Эта задача в настоящее время получает оптимальное решение в первую очередь в ходе создания большим международным коллективом диалектологов «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА)⁷. Уже полностью (или частично) обработан материал ответов более, чем 500 вопросов Вопросника Атласа [ОКДА 1981]. Эти данные, вошедшие в виде карт с комментариями или некартографируемых материалов в четыре подготовленные выпуска, освещают ряд лексико-семантических групп (народное строительство, тра-

существование карпато-балканской (макро) общности. При этом степень автономности каждой микрозоны достаточно велика, что позволяет изучать их во многих планах раздельно. В целом современная карпато-балканская ситуация может рассматриваться как результат действия в макроне зоне двух противоположно направленных иррадиационных «волн». Первоначально центром возникновения и иррадиации общих, наиболее древних, элементов были Карпаты; в дальнейшем (I тысячелетие н. э.) в результате миграционных процессов эти элементы распространились далеко на юг, на Балканский п-в. Позднее, в средние века, центром иррадиации элементов, приобретавших статус балкано-карпатских параллелей, становилась балканская зона; вторая «волна», распространявшаяся в русле массовых миграций балканского населения на север (и северо-запад), в Карпаты, усилила конвергентные тенденции в карпато-балканской общности (подробнее: [Бернштейн 1973, 204 и сл.; Бернштейн 1963, 74 и сл.; Vašek 1976, 25; Клепикова 1986, 15–16].

⁷ Цели и задачи ОКДА определяются следующим образом: «Основу изучения составляют языки карпатской зоны. Диалекты этих языков объединяет наличие в них различным образом распределенных на смежной территории лексико-семантических тождеств, возникших в процессе длительного контактирования и интерференции лингвистических идиомов указанной зоны. Цель Атласа — выявить эти сходные элементы разного происхождения (карпатизмы) именно на диалектном уровне, доказать определенную непрерывность их репрезентации (или отсутствие таковой) в диалектах карпато-балканской зоны» [ОКДА 1988, 15].

диционная утварь, посуда, родственные отношения, качества человека, растительный мир и под.); еще предстоит изучить материалы, связанные с такими группами лексики, как сельское хозяйство, пастушество, рельеф, природные явления и нек. др. Хотя обработка и картографирование в ОЖДА еще не завершены, в науку уже вводятся значительные по объему, принципиально новые данные, обладающие, по сравнению с материалами, содержащимися в предшествующих публикациях, по крайней мере, двумя преимуществами: синхронностью фиксации (это, как известно, диалектные записи 70-х гг. XX в.) и систематичностью (что обеспечивается, во-первых, сбором материала по определенной программе, и, во-вторых, территориальной равномерностью фиксаций, поскольку в Атласе описаны населенные пункты, образующие сетку обследования)⁸.

В результате пространственно-топологического (с учетом историко-генетических отношений) анализа материалов ОЖДА, представленного в виде пучков изоглосс⁹, становится возможным не только исследование наиболее существенных результатов процесса взаимодействия языков карпато-балканского ареала, но и первые опыты доказательства, с помощью ареально-лингвистических аргументов, существования карпатской (в ряде случаев — как компонента карпато-балканской) языковой общности (=КЯО), — общности конвергентного типа, лексико-семантической по преимуществу, манифестированной континуумом генетически гетерогенных диалектов.

КЯ, описывая инвентарь схождения, характерных для макророзы в целом (или только для ее карпатской части), оперирует двумя основными терминами: «карпатизмы» и «балканизмы». В практике синхронных, в том числе лингвогеографических, исследований «карпатизмы» — это все специфические элементы, характерные для языков (resp. диалектов) карпатского ареала, независимо от их происхождения (или непосред-

⁸ Разумеется, важен возможно полный учет всех существующих работ по диалектологии языков зоны Карпат.

⁹ При этом необходим анализ изоглосс, по меньшей мере, двух типов: 1) изоглосс, свидетельствующих о единстве карпато-балканской макророзы, т. е. показывающих наличие того или иного явления (=элемента лексико-семантической сферы) на всей территории от Карпат до Балкан (или — чаще — в виде анклавов), но таким образом, что оно представлено и в «карпатском», и в «балканском» секторах макророзы: х ~ х; 2) изоглосс, показывающих — на фоне единства — противопоставленность двух микророз: х ~ в, х ~ у, в ~ у и др. (см.: [Клепикова 1985, 73]).

венного источника иррадиации); очевидно, что при изучении карпатской ситуации с учетом балканского материала, т. е. в масштабах карпато-балканского лингвистического пространства, целесообразно использовать термин «карпато-балканизмы» (однако при изучении макрзоны в балкано-карпатском ракурсе возможно употребление лишь последнего термина, — некорректно говорить о «карпатизмах» применительно к собственно балканской зоне). Напротив, в диахронических исследованиях следует различать как «карпатизмы» — элементы, происхождение которых локализуется в карпатской зоне, так и «балканизмы» — общекарпатские элементы, вошедшие в языки ареала в результате миграции балканского населения в средние века к северу от Дуная¹⁰.

1. Наиболее убедительным свидетельством обособления карпатской зоны являются данные о географии и семантике элементов неславянского происхождения, поскольку именно в этом случае северная граница их распространения (часто предстающая в виде пояса, «зоны вибрации») может быть отождествлена с границей самой КЯО (также — карпатобалканской общности).

2. Более сложной оказывается интерпретация распространения элементов славянского происхождения. 1) Если они известны и неславянским языкам (диалектам) макрзоны, то они оцениваются как безусловные карпато-балканизмы — независимо от того, каков общий ареал (его величина, тип, конфигурация) этих элементов в масштабах Славии; 2) В ином случае они могут трактоваться как а) в рамках КЯ, так и б) вне его — в плане исключительно славянской проблематики (например, как предмет исследования сепаратных корреспонденций отдельных фрагментов северно- и южнославянского лингвистических пространств; в частности, в связи с идеями В. М. Иллич-Свитыча относительно роль «карпатской миграции славян» в истории славянских языков¹¹). Чтобы удостовериться в карпатском (=карпато-балканском) статусе того или иного элемента, необходимо изучение их географии (также — семантики) в не зоны Карпат и Балкан, в общеславянском контексте [Клепикова 1985, 83 и след.].

¹⁰ Подробнее об указанных терминах см.: [Бернштейн 1963, 79; 1984, 39; Клепикова 1986, 16–17]. В балканской лингвистике под «балканизмами» понимают специфические явления, свойственные всем языкам БЯС (или даже одному языку — см.: [Цивьян 1979, 272]).

¹¹ Об этих идеях в свете КЯ см.: [Клепикова 1988; Клепикова 1989].

Важно подчеркнуть, что применительно ко всем элементам карпатской лексики суждения о происхождении (=генетическом источнике, этимологии) отдельных лексем (и, следовательно, о первичном источнике иррадиации) не тождественны операции установления источника их непосредственного заимствования в языки (диалекты) ареала, и далее — направлений их миграций в пределах самой зоны и соседних регионов; ср. в этой связи известный и неоднократно воспроизводившийся тезис КЯ о том, что общие элементы в (макро)зоне прошли сложный путь многоступенчатых преобразований и многократных перекрестных заимствований, что поэтому прямолинейное распределение всех этих элементов по различным языкам на основании этимологического анализа в ряде случаев затемняет историческую картину взаимодействия языков [Бернштейн, Клепикова 1978, 29].

Ниже, в связи с аргументацией существования КЯО, приводятся некоторые примеры рассмотрения «карпатизмов» различного происхождения¹².

* * *

⁺*(h)albiV-* (< в.-ром. *albie*, *албие* < лат. *alveus* [Cioranescu] и др.): п. *'halb'ija*, *xa'lb'ija*, *valb'ija* 'вид корыта' (ср.: [SJP₁], мор. *hal''b'ija*, *'hal''vija* 'то же' (ср.: [Machek], в.-сл. *'halbija* 'то же' к.-укр. *va'lbija*, *vaj'bijka*, *hal''b'ija* 'то же' [Желех.], м. *'alb'iji*, 'то же', рум. *albie* (и [Скурт, DLR]).

⁺*spu(d)za* (< лат. *spōdi* = < *spodium* [Skok; Скурт] и др.), в языках макрозоны — восточнороманизм [Cioranescu; Niță-Armaș] и др.: п. *'spuza*, *'spuza* 'пепел', *'spuza* 'угли', 'накипь, пена', сл. *'spuza* 'пыль', к.-укр. *'spuza* 'пепел, угли, жар', также 'осадок', 'пыль, мусор' и под. [Гринченко], м. *'spuzy*, *'spuzy* 'пепел, пена', 'множество' (редко) (и: [Скурт]), рум. *spuză*, *spuză* 'пепел' [DLR; Parahagi], мк. *'(s)puza* 'то же' и 'жар'; ср. болг. (редко) *спуза* 'горячий пепел' [БД IV, 144; РСБКЕ; БТР]; а. *spuzə* [ОКДА].

⁺*al(r)mar-* (< ср.-лат. *almaria*, *armaria* ср. лат. *armarium* [Pușcariu; Cioranescu] и др.); в карпатской зоне — через венгерское посредство [MNYTESz] важен и учет различных средне- и верхненемецких диалектных вариантов, восходящих к лат. *almarium* [Kluge]); п. *ʘodma'ryjka*, *ʘolma'ryja* 'полка, шкафчик', мор. *ʘo'dmarij(a)*, *'almar(k)a*, *'(h)armara* 'то же', сл. *'almar*,

¹² Подробнее: [Клепикова 1985, 85 и сл.]; там же описание географии и некоторых иных лексем.

ota'rija, ol'marija 'то же', в. *'almɔ:rium, 'olma:rium* 'то же', к.-укр. (лемк., закарп.) *alma'rija, ota'r'ija, al'marija* 'то же', рум. *orman* 'шкаф', *armaluáie* 'ниша' (ср.: [DLR]), с.-хорв. *árma:r* 'шкаф', босн.-герц. (*h*)*órma:n* 'полка', черн. *or'ma:r* 'шкаф', серб. *'orman* 'шкаф, полка' (ср.: [RJA]), мк. *'orman* 'шкаф'. Ср. и словен. *armara, o(r)mara* [Pleteršnik].

⁺*sa(h)an* (балканский турцизм арабского происхождения [Skok]); из балканской зоны, через венгерский или восточнороманские языки, проникло в карпатскую зону; п. *'sagan, 'sagon, sa'ganelek* 'медный таз', 'вид (железного) чайника', 'ведро', (гуц.) *sagan'e* 'вид глиняной посуды' (ср.: [Гринченко]), м. *sa'han* 'тарелка (железная, глиняная), кастрюля'; босн. *sahan, sa:n* 'тарелка', черн. *'sa:n* 'таз', серб. *'sajən* 'тарелка', *sanče* 'таз' (ср.: [RJA]), мк. *'sa:n* 'то же' (ср.: [PMJ]), а. *sa'han* 'медный таз' (ср.: [Fjalor]); ср. болг. *caan* 'медное блюдо, сосуд' и под. ([БД II, 104; III, 159, 311, 272; IV, 140, 223; VIII, 166; IX, 318; БТР; РСБКЕ] и др.).
Иные зоны: ю.-рус. *саган* [Даль; Фасмер].

⁺*valV(V)* (< в. *vályú* [MNYTESz]); мор. *'va:lof* 'корыто (у колодца)', сл. *'va:lof, 'va:loц, 'valoц* 'корыто (для корма)', 'часть сукновальни', 'жолоб для спуска бревен' и под. (ср.: [Machek]), в. *'vɔ:lo:, 'va:lo:* 'корыто (для корма)' (ср. [MNYTESz]), к.-укр. *'va'liц, va'liц* 'корыто (для корма, для соли и др.)', рум. *valău, vălău* 'корыто для корма', 'часть мельницы' (ср.: [DLRLC]), серб. (редко) *'valov* 'корыто (у колодца)', 'жолоб для спуска бревен', 'долина' (ср.: [PCA]).

⁺*bunda* (< в. *bunda* [MNYTESz]); п. *'bunda* 'вид зимней одежды (шуба, тулуп и др.)', 'пальто, куртка' (и [SJP₁]), мор. *'bunda* 'пиджак (из домотканного сукна)', сл. *'bunda* 'вид верхней одежды (шуба, тулуп)', (и [SSJ]), в. *'bunda, 'bundo* 'вид шубы, полушубок', 'пальто' (ср.: [MNYTESz]), к.-укр. *'bunda* 'вид шубы', 'безрукавка', 'пиджак' (ср.: [Гринченко]), м. *'bundy* 'безрукавка', 'пиджак', рум. *bundă* 'вид шубы', *bondiță* 'безрукавка' [Скурт; DLR], с.-хорв. *bu:nda, 'bunda* 'вид верхней одежды' [RJA], мк. (редко) *'bunda* 'пиджак' (ср.: [PMJ]); ср. болг. *бунда* 'вид верхней зимней одежды' [БДА II, № 249; РСБКЕ; РБЕ].

⁺*č(dž)erga* («бродячее» слово, широко представлено в балканской зоне, из тур. *čerga* < ?, в восточнороманских языках также, вероятно, из турецкого [Skok]; в венгерском — также из турецкого или через сербохорватское посредство [MNYTESz]); в карпатоукраинских говорах — из восточнороманского или венгерского [Закарпатье]; в польском считается украинизмом [Sławski I, 144]); п. диал. (УССР) *'derha* 'полотнище, покрывало', в. диал.

(Закарпатск.) 'čerge 'одеяло'; к.-укр. (бойк.) 'derha 'покрывало', гуц., бук. 'žerha 'полотнище, покрывало', 'коврик' (ср.: [Гринченко]), м. 'ž'erhy '(шерстяное) одеяло', 'коврик' (ср.: [Скурт]), рум. *cergă, cêrgă* 'покрывало', 'полотнище', 'одеяло' (ср.: [DLR]), босн.-герц., черн. *čé:rga* 'цыганский шатер', серб. *č'erga, čè:rga, črga* 'покрывало, полотнище' [RJA], мк. 'čerga 'грубое полотнище, подстилка' (ср.: [PMJ]), а. 'cergă 'полотнище' (ср.: [Fjalor 1954]); ср. болг. *чèрга* 'полотнище, покрывало, одеяло', 'подстилка' [РСБКЕ], также в диалектах).

+*pVd* (< слав. **podъ* [Фасмер, Machek] и др.); широко — в карпато-балканской зоне); п. *put* 'чердак' (также *pujt* 'место в мельнице, где находятся жернова') (ср.: *spód* [SJP₁]; сл. *puojt, pujt* 'чердак, потолок' (ср.: [SSJ]); в. *pъd* 'чердак', 'мост' (и [MNYTESz]), к.-укр. *p'it, pid, pud* 'чердак', 'потолок', 'пол' (редко) (ср.: [Гринченко]), м. *pod* 'чердак', 'потолок', 'мост' (и [Скурт]), рум. *pod* 'мост' (редко — 'подкладка под копной', 'полотно косы', 'ладонь' и др.) (ср.: [DLR]), с.-хорв. *pòd* 'чердак', 'потолок' и др. (ср.: [RJA]), мк. *pot* 'пол', 'ящик (для чего-либо)' (ср.: [PMJ]), а. *pod* 'пол' — ср. болг. *под* 'пол' [РСБКЕ; БТР] и др. За пределами макрозоны — рус., блр. *под*, укр. *під*, словен. *pòd*, также чеш. *půda*, в.-луж. *póda* и др. ([Фасмер; Machek; Brückner] и др.)

+*gun*(')(a) («бродячее» слово, происхождение неясно; сопоставляется с лат. *gunna*, кельт. *gûn* и др. — подробнее: [ЭССЯ 7, 176–177]; как восходящее к индоевропейскому субстрату — [Skok] и под.); в карпато-балканском ареале отмечается в славянских, венгерском, также албанском языках (ошибочно — о восточно-романских языках: [Клепикова 1985, 95]); п. 'guña 'вид верхней одежды из (толстого) сукна, овчины' (ср. [SJP₁]), мор. 'guña 'то же', 'hun'a 'сукно, покрывало' (и [Machek]), сл. 'hun'a 'верхняя одежда' 'сукно' (редко) (и [SSJ]), в. 'gun'a, 'gunо '(верхняя) одежда', 'одежда' (и [MNYTESz]), к.-укр. 'hun'a, 'вид верхней одежды (иногда в виде накидки)', 'hun'ka 'старая одежда' (сев. МССР), 'hun'a 'сукно', 'покрывало' (закарп.) (ср.: [Гринченко]), хорв. *gù:ń* 'одежда', 'покрывало', босн. *gù:ń* 'одежда', черн. *hu-ńina*, серб. 'gun'a, *guń* 'то же' (ср.: [PCA; RJA]), мк. 'gun'a, 'gupa 'одежда', 'сукно' (редко) (и [PMJ]), а. 'gujə 'одежда'; ср. болг. *гуня, гунче* 'вид верхней одежды (из домотканного сукна)' ([РСБКЕ; РБЕ] и в диалектах). За пределами макрозоны — широко в русских говорах: *гуня* 'плохая одежда, рубище', 'лохмотья', 'белье', 'детская пеленка', 'рядно', 'онучи' и под. [СРНГ], блр. *гуня, гун'ка* 'покрывало', 'платок' и под., укр. *гуня* 'шуба' [Гринченко].

⁺*strung(k)a* (< ?, ср. дак.-фраг. *strunga* [Reichenkron 1966, 147; Duridanov, 95] и др.; из а. *shtrungë* — в последнее время: [Орел 116]; подробнее об этимологических версиях — [Клепикова 1974, 182]); при этом вариант *strunga* фиксируется почти исключительно в карпатской зоне, однако предлагается рассматривать его параллельно с ю.-слав. репрезентантами слав. **stroga*, также возводимого к дак. *strunga* — с последующим совпадением развития **q* < -*un*- и **q* в исконно славянских лексемах (см. [ОЛА 1972, 182]); п. '(p)*stronga*, '*stunga*, '*strenga* 'узкий проход (для овец)', 'загон (для дойки)', реже — 'щель между зубами' (и [SJP₁]), мор. '*strunga*, '*strunka* 'узкий проход (для овец)', 'загон' (и [SSJ]), в. '*estrenga*, '*ostrongz* 'дойка', 'дойная овца', 'человек, гонящий овец на дойку', '*estrenga* 'загон для доения', к.-укр. '*strunga*, '*strunka* 'узкий проход (для овец)', редко — 'загон', 'щель между зубами' и под. (ср.: [Гринченко]), м. '*strungy* 'узкий проход', 'загон', 'щель между зубами' (и [Скурт]), рум. *strungă* 'то же' и 'дырочки в носу, ноздри' (и [DLRLC]), с.-хорв. (редко) '*strunga* 'узкий проход', 'загон', обычно — *strúga* (и [RJA]), мк. '*sraga*, '*stërga* 'то же' (и [PMJ]); ср. болг. (редко) *стрѹнга* 'место для доения', обычно — *стърга*, *стръга*, *струга*, *страга* 'то же' ([ОЛА 1972; РСБКЕ] и др.), так, арум., мегл., истр. *strungă* 'загон, узкий проход', а. *shtrungë* 'то же' (подробнее о распространении рассматриваемых лексем [ОЛА 1972]).

⁺*kolVba* (ср. [позднее] греч. *καλυβός* < др.-греч. *καλύβη* [Frisk; Andriotis] и др.; подробнее [СБЯ 1983, 157; СБЯ 1984, 39]; также [СС № 1, 1987, 76]); обычно принимается восточнороманское посредство при распространении лексемы в макроне; п. *ko'lyba*, *ko'liba* 'жилище пастуха', 'укрытие', 'навес', 'постройка (для овец)' (и [SJP₁]), мор. '*kol'iba* 'жилище пастуха' (и [Machek]), сл. '*koliba* 'то же (у лесорубов)', 'бедный домик, укрытие' и под. (и [SSJ]), в. '*kolibz*, '*kjibz* 'бедный домик, укрытие', к.-укр. *ko'lyba*, *ko'leba* 'жилище пастуха (лесорубов)', 'шалаш сторожа', 'хозяйственное помещение' (ср.: [Гринченко]), м. *koliby* 'то же' (и [Скурт]), рум. *colibă* 'то же', 'укрытие для овец' и под. (и [DLR]), с.-хорв. *koliba* 'жилище пастуха', 'хозяйственное помещение', 'шалаш' (и [PCA]), мк. '*koliba* 'то же' (и [PMJ]); ср. болг. *колиба* 'жилище пастуха', 'постройка для овец' и под. ([РСБКЕ] и др.; арум., мегл., истр. *colibă*, словен. *koliba* и др. (подробнее: [Клепикова 1974, 207])).

Следствием изучения значительного числа изоглосс, репрезентирующих в карпатской зоне некоторую сумму лексико-семантических явлений, оказывается уточнение теоретичес-

ких положений, касающихся принципиального подхода к изучению КЯО (и шире — карпато-балканской общности). Так, на современном этапе разработки данной проблематики и возможны следующие заключения общего характера.

(1). Проблема постулирования и характеристики КЯО, которая может описываться синхронно с помощью нескольких признаков, общих для «языковых союзов» (=ЯС)¹³ и для общностей, развивающихся в направлении ЯС (например, «балтийско-славянский языковой союз» — БСЛЯС¹⁴). Так, КЯО, аналогично БСЛЯС, может оцениваться как гипотетическая общность, своего рода «теоретическая интерпретация» имеющихся лингвистических (=диалектных) данных, которая дает возможность рассматривать общие элементы в качестве принадлежащих определенному единству, обладающему, по крайней мере, в отдельных своих фрагментах системной организацией.

(2). КЯО, как и БЯС, можно представить как базирующуюся на результатах взаимодействия языков. (3). Для КЯО, в отличие от БЯС, в целом пока указываются соответствия (=общие элементы, «карпатизмы») лишь на лексико-семантическом уровне. (4). Если для БЯС фиксируемые схождения — следствие не только актуальных (=прямых) контактов, но и более общих причин — опосредованных контактов («балканистических процессов»), существования некоей общей модели структуры БЯС, воздействующей на структуру каждого балканского языка [Цивьян 1979, 273, 274] и т. д., то, вероятно, в отношении КЯО можно говорить прежде всего о воздействии прямых контактов; вместе с тем следует иметь в виду и специфику семантического уровня языка — развитие ее может быть связано со взаимодействием, взаимовлиянием языков, но допускает и интерпретацию в духе «семантических универсалий» (см., например: [Ульманн 1970, 253 и Вейнрейх 1970, 163–170]). В целом же, в настоящее время нет веских аргументов в пользу трактовки КЯО как ЯС [Бернштейн 1963, 76; Бернштейн 1973, 208].

¹³ О понимании ЯС (например, БЯС) в строго конвенциональном духе см.: [Цивьян 1979, 5, 267].

¹⁴ Подробнее: [Невская, Судник 1978, 285]. Хотя ситуация в БСЛЯС именуется ЯС, по-видимому, ЯС можно считать лингвистический объект, в котором 1) выделен полный набор основных системных схождений на разных уровнях и 2) в котором обнаруживается тенденция к конечному единству, к общей структурной схеме (построенной на основании этих схождений), см.: [Судник, Цивьян 1983, 203, 200].

* * *

Материалы ОКДА (анализируемые вместе с иными, уже опубликованными материалами, прежде всего диалектологическими) позволяют сформулировать более конкретно некоторые новые задачи КЯ на современном этапе его развития, а именно — задачи, связанные с диахронической интерпретацией всего корпуса специфических карпатских элементов, и далее — разработкой вопросов их истории на значительную глубину, что позволит в дальнейшем воссоздать историю формирования самой КЯО¹⁵. Эти проблемы должны изучаться на принципиально более широком материале. Кроме диалектологии современных языков карпато-балканского ареала, это, во-первых, данные памятников письменности всех языков указанного ареала, рассмотренные в плане карпатистики (существующие исследования традиционно ориентируются прежде всего на проблематику исторического развития отдельных языков); во-вторых, результаты целенаправленного изучения ономастики карпатского региона (также с учетом общекарпатских процессов); в-третьих, данные сплошного, собственно этимологического обследования специфической карпатской (=карпато-балканской) лексики (эта работа уже началась — можно упомянуть многочисленные публикации В. Э. Орла и нек. др.).

Подготовительной стадией исследований историко-этимологического характера являются работы, ставящие задачу стратификации имеющихся в настоящее время (диалектных по преимуществу) фактов. По-видимому, корпус «карпатизмов», выявленных в ОКДА, можно представить в качестве верхнего (=наиболее позднего), строго синхронного (см. выше) среза (=страта), по отношению к которому описывается и предшествующий срез, зафиксированный (в том или ином, сравнительно с современным, объеме), в опубликованных ранее собраниях диалектной лексики карпато-балканского ареала; условно этот срез локализуется во временном интервале «межвоенный период XX в. — конец (середина) XIX в.».

¹⁵ По-видимому, важным условием этого является раздельное изучение этимологии элементов и центров их иррадиации в карпато-балканской макроне, с одной стороны, и, с другой, — изучение действия механизма распространения этих единиц, характеризующегося множественностью источников заимствования и многократностью актов заимствования одних и тех же элементов (т. е. возможностью одновременного их появления в нескольких микронеах одной языковой территории).

Тем самым может быть предложен фрагмент исторического (хронологически ограниченного) комментария к материалу сугубо современного диалектного континуума. Такой подход представляется целесообразным, поскольку, с одной стороны, существует возможность проследить тенденцию в эволюции семантики определенных лексем (возникновение: исчезновение отдельных значений или — по меньшей мере — наличие:отсутствие их фиксации), статику и динамику соотношений внутри корпуса лексических «карпатизмов» (локальность: расширение распространенности единиц: различие «карпатизмов» по генетическому признаку) и под. С другой стороны, опыт построения исторического комментария к материалу ОЖДА на глубину до 100–150 лет позволит — в ходе накопления сведений, относящихся к различным историческим периодам, — разработать методику изучения и соотнесения ряда (условно) синхронных срезов, что в конечном счете будет способствовать реализации идеи Р. А. Аванесова о построении исторической диалектологии как суммы (пучка) хроно-топо-изоглосс [Аванесов 1963, 312, 315].

При стратификации (I) информации, содержащейся в ОЖДА¹⁶, и (II) информации, имеющейся в определенной совокупности предшествующих исследований (диалектологических, но также и этнографических) и словарей, включающих лексику национальных языков в целом, вероятно, необходимо соотносить оба среза с некоторыми более древними состояниями (не находящимися с указанными срезами в отношении непосредственной преемственности), одно из которых, взятое как точка отсчета, — генетический источник, эксплицированный в конкретной этимологической версии, а остальные — вероятные этапы движения соответствующих лексических элементов в пределах макрзоны.

В качестве иллюстрации одного из возможных подходов к процедуре стратификации приводятся ниже два этюда (⁺*gVIVta*, ⁺*palan(V)k-*). Ранее каждая лексема была предметом специальных разысканий [Клепикова 1983; Клепикова 1984]; публикуемые этюды содержат некоторые новые факты и оформлены с учетом поставленной авторами настоящей статьи задачи¹⁷.

¹⁶ Данные населенных пунктов на территории СРР эксцерпированы из опубликованных атласов [Pop 1950; Petrovici], и хронологически, строго говоря, не всегда равноценны остальным материалам Атласа; поэтому учет их в срезе «I» носит условный характер.

¹⁷ Основу публикуемых текстов составляют образцы словарных статей, написанных для «Пробного выпуска Ареально-этимологического словаря кар-

* * *

⁺*gVIVta*

I. ОКДА

В польско-моравско-словацкой зоне, также в отдельных венгерских говорах, репрезентанты ⁺*gVIVta* отмечены со значениями 'деревянный сосуд для доения овец', 'сосуд для хранения (подквашивания) молока', реже — 'бочонок (для сала)', 'квашня' (ср.: п. *'g'elata, g'e'leta, g'e'leta, g'e'lyta*; — как синхронное, следует рассматривать *gieleta* 'подойник' в обл. Спиш [Sobiejański 1979, II, № 31], в Силезии [AJS III, № 441]); мор. *'gel'eta, 'gal'ata*; с. *'gelata, 'galeta, 'geleta*, в. *'geleta, 'gela:to*); в карпатоукраинских говорах значение 'подойник (для овец)' известно лишь в Вост. Словакии, широко представлены значения 'сосуд (для молока)', 'бочка (для засолки овощей)', 'квашня', специфическим является 'мера (сыпучих тел, молока и др.)' (ср.: *g'e'leta, g'e'tetka, g'i'tetka* и под.; синхронно с ними — *gele[m]ka* 'подойник' [ЛАЗГ, № 66], 'бочка для капусты' [Лизанець, 492], *geleta* 'сосуд для хранения творога' [Stieber, № 111], *getetka* 'то же' [AGB, № 23], *'geleta* 'подойник', 'бочка для засолки' [Ганудель, 256]); в молдавских — 'подойник', в румынских — 'ведро', 'сосуд для молока' (м. *g'əl'jaty*, рум. *găleată, găliqătă*); на южнославянской территории: серб. *ga'l'ata* 'подойник', мк. *ga'leta* 'ведро' (см. карту 1).

II. Словари и диалектные источники

— п.: аналогичная с ОКДА семантика: *gieleta (gielata* и др.) 'подойник, ведро с палкой внутри, для дойки овец', 'деревянная кадка для масла' [SJP₁], 'расширенный книзу сосуд, используемый для молока при дойке овец' ([Karłowicz]; и: *gieletha, gielatka, galetha*), *gelatka* 'кадушка для масла' (там же), *geleta* 'сосуд для дойки овец', 'посуда для творога, брынзы, масла', 'посуда для „жентицы“' (Цешин, Н. Тарг, Н. Сонч [AJPP, № 173] и: *gielata, gelata*), 'квашня' (верховья р. Скава [там же, № 85]), *gelata* 'деревянная посуда для доения коз, овец, используется также для воды и др. жидкостей или хранения чего-л., например, брынзы'

патской лексики*, издание которого, в задуманном первоначально виде, по ряду причин не было осуществлено. Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность членам авторского коллектива и другим коллегам за сделанные в свое время критические замечания.

[Herniczek-Morozowa 1975, 66], *géleta* (*gíleta*), *gioletka* 'деревянный сосуд объемом до кварты для масла, творога, брынзы' (р-н Живец — цит. по: [Клепикова 1983, 223]); но и иные значения: *gieleta* 'мера объема ок. 30 л' (SJP₁), *geletka* 'то же' ([Karłowicz]; и: *giletka*), *geleta* 'посуда для муки' [AJPP, № 173], *gel'ata* 'ведро' (Сучава, CPP [Deboveanu, 26]);

— ч. *geleta* (диал.) 'посуда для молока' [PSJČ], 'кадка для овечьего молока' [SSJČ], 'деревянный подойник, (кадка) для доения овец, без ручки с вставленной поперек палкой для переноски...' [Bartoš, 82], 'сосуд для дойки' (Карловице — Svěrák, 114; то же — в этнографическом описании об. Радгошт — цит. по: [Клепикова 1983, 225]);

— с. *geleta* 'деревянная кадка для молока, брынзы и др. молочных продуктов' ([SSJ]; ср. и: *geletka*), 'кадка, сосуд для брынзы' [SSJ] и: 'ведро для дойки', 'посуда для брынзы' ([Kálal], ср.: *gelata*, *geletka*), 'подойник (в овцеводстве)' [Isačenko]; в обл. Гонт — цит. по: [Клепикова 1983, 225]), *geleta* (*gel'eta*, *gel'ata*) 'то же' (обл. Орава — цит. по: [Kniezsa, 177]); укажем и данные этнографических описаний: *geleta* 'деревянный конусовидный сосуд, традиционно из одного куска дерева, используемый на летнем пастбище для дойки овец', 'большая конусовидная бочка для хранения и перевозки „липовской“ брынзы' (обл. Высоких и Низких Татр [Podolák 1967, 112]), 'деревянный подойник; наиболее архаичны *švorové g.* из прогнивших пней ели или вербы, в которые вбивали дубовое дно; с конца XIX — начала XX в. в Словакии преобладают *duškové g.*; внизу этот сосуд шире, сверху уже, верхний край с одной стороны выше, с двумя отверстиями, в которые просовывается ручка для переноски..., объемом ок. 10–15 л' (также — *gel'ata*, *geletka*, р-н Преход [Podolák 1962, 175]), *gel'eta* 'деревянный подойник ок. 10–15 л, ...расширенный книзу ...передняя верхняя часть выше, внутри — ручка для переноски' (обл. Гемер [Horehronie I, 114]); ср. и: *gel'eta* (*gel'ata*) 'сосуд для дойки' (Новоград [Matejčík 1975, 122]), *galata* 'ведерко для брынзы' (Д. Суча [Podolák 1962, 200]; и: *galatka*), *gel'ata* 'деревянный сосуд для овечьего молока, брынзы или муки' (р-н Кисуца — цит. по: [Клепикова 1983, 224]), *geletka* 'подойник' (р-н Гелнице [Žak., 107]), *geletka so syrom* (р-н Братислава [Václavík, 92]), *gel'atka* 'ведерко для брынзы' (Сеноград [Podolák 1962, 200]); достаточно распространенным значением является и 'сосуд для сала, жира': *galeta* 'бочка для топленого сала' (Пишишанто [Gregor, 220]), 'сосуд для жира', 'количество, вмещаемое этим сосудом' (обл. Загорье — цит. по: [Клепикова 1983, 224]), 'жестяной

сосуд для топленого сала' (Нитра — там же), *gelata masci* 'бочка топленого сала' (р-н Комаром, ВНР) (там же); лишь в литературе отмечено: *geleta* 'сосуд для сливового повидла' (Рудно над Гроном), *geletka* 'сосуд для повидла' (р-н Банска Штявница) [Клепикова 1983, 224]; редким является экспрессивное *geleta* 'толстая женщина' (обл. Орава — цит. по: [Kniezsa, 177], и: в. *galáta* (*gajáta*) 'сосуд для овечьего молока' (Альшофехер [Herman 530, 704]), *gēlyata* 'подойник (для овец) из древесины хвойных пород' (Сольнок-Добока), *gajáta* 'то же' (Самошхат), *gelyeta* 'сосуд для молока' (Черехат, Дебрецен [Viehzucht 353, 575]), *galíta* 'ведро для молока' (Трансильвания [Viehzucht, 649, 346]), *gēlyata* 'то же' (р-н Бистрица [Клепикова 1983, 226]), *galeta* 'бидон для творога, хранения масла, сыра' (обл. Павловце, ССР [Herman 1914, 530]), *geleta* 'бочонок для сыра и масла', *gēlēta* 'сосуд с жиром' (Нитра, ССР) [MNYTESz; ÚMT]; но и: *gel'áta* 'ведро воды' (говоры чанго [Wichmann, 48]), *galeta* 'мера емкости, ок. 100 л' [MNYTESz];

— к.-укр.: те же значения, что и в ОКДА: *гелета* 'подойник' [Гринченко], *гилетка* 'куда сливают сдвоенное молоко', 'деревянное ведро', 'подойник' [МСБГ], *гелета* 'подойник' (Закарпатье [Ганудель, 256]), *гилетка* 'сосуд для дойки' (Ясень ИФ [Karaš 1965, 94]), *гелета* (*гелета*) 'деревянный сосуд, бочонок' [Гринченко], *гелетка* (*гилета*, *галетка*) 'бочка с выпуклыми стенками' (Стрый; Билгорай — ПНР), 'небольшая бочка для капусты' (Турка), *гилетка* 'кадка' (Самбор) [Karaš 1965, 65, 66]), *г'илетка* (*г'елетка*) 'посуда для капусты, творога' [Онишкевич], *гилетка* 'небольшая деревянная бочка (для творога)' (Вост. Словакия [Ганудель, 92]; ср. и: *гил'атка*, *г'илета*), *г'елетка* 'бочка (ок. 50 л)' (Закарпатье [там же, 256]), *гелета* 'бочка' [МСБГ], и др. (см.: [Клепикова 1983, 221 и сл.]), *гелета* 'мера, объем', 'бочка (25 кг) для зерна' [МСБГ], *geletka* 'мера в 2 ведра' (Рэдэуць [Клепикова 1983, 222]), *g'elätcä* 'мерка, которой насыпают зерно в мельничный короб' [ALRM, № 182], *gil'otka* 'четверть (25 кг)' (Бойковщина [Клепикова 1983, 222]); но и: *гелета* 'корзина' [МСБГ], *гилійт'а* 'сосуд из выдолбленного пня' (Турка [Karaš 1965, 65]).

— м.: *гэлјатэ* 'ведро, подойник', '(устар.) мера емкости зерна, молочных продуктов' [ДМР] *гэлјаты* (*гэлјатэ*, *галјаты*, *галейаты*) 'сосуд из клепок с горлом уже днища, 150–200 л' (Закарпатье, Вулкэнешть, Комрат), 'кадушка для масла' (Рахов), 'сосуд для солений (ок. 200 л)' (Комрат), 'ведро из клепок для воды' (Тирасполь, Суворово), 'водовозная бочка' (Глыбока), 'ста-

рая мера емкости для зерна, муки и пр.' (Нижн. Поднестровье, р-н Одессы), 'бадя' (Тирасполь, Измаил) [ДД I, 284–285], 'ведро' (Поднестровье, р-н Одессы, Никол. обл. — [АЛМ II/I, № 666]), *galeaty* 'жестяное ведро для дойки коров' [АЛМ II/I, № 680]; но и: *gəljaty* 'ушат' [ДД I, 284], *gəljátə* 'маслобойка' (Рахов [АЛМ II/I, № 685]);

— рум.: *găleată* 'сосуд из деревянных клепок для дойки овец высотой в ладонь и диаметром в две ладони с дном шире горловины, верхний край имеет два ушка, куда вставляется ручка', 'большой сосуд, куда сливают молоко из кружек' [DLR], 'сосуд для дойки овец' (р-н Хацег, Молдова, обл. Пояна Рүскэй, Вранча — [Vuia 87, 128, 41, 38]; *găliată*, *găliatâ* — Вранча [GS IV, 269, 279], *găl'eată* Олтения [NALROlt t. III, № 414; также Трансильвания, Марамуреш — цит. по: [Клепикова 1983, с. 218]; р-н Герла [AAF VI, 123], обл. Бран [Viehzeit, 229], обл. Парынг [Sl. nár. IX, 123], р-н Сучава, Нямц [Sez. II, 24, VII, 191], Молдова [Damé 1898, 31]), 'сосуд для дойки, вырезанный из целого куска дерева' (обл. Пэдурень), 'сосуд для дойки, сделанный из ели и служащий также для воды' (Цара Олтулуй) [Vuia 1964, 30, 85], *gheleată* 'сосуд для хранения брынзы' (Банат [Costin I, 111]); ср.: *găreată* р-н Долж [DLR], *gălețuică* 'подойник' (Олтения [Folc. Olt. Munt. I, 419]); *găleată* 'деревянный (реже металлический) сосуд для переноски или доставания воды из колодца, для дойки молока, для извести и пр.' [DLR], 'конически сужающийся книзу сосуд из дерева, жести и пр. для переноски жидкостей и поила для лошадей, для черпания воды из колодца, для дойки' [Tiktin I, 661], 'ведро каменщика' (р-н Дымбовица [DLR]), 'металлический сосуд, в котором носят воду из колодца' (Олтения [NALROlt t. II, № 284]), 'бадя в колодце' [ALRMar II, № 284]; *găleată* 'сосуд, где хранят соль, разбивают творог' (обл. Пэдурень [Vuia 1964, 201]); среди значений, не представленных в ОКДА, см.: *găleată* 'мера емкости: для молока, брынзы' (Брашов), '~ для зерна' [DLR], 'мера для молока' (р-н Хунедоара, Хацег [Vuia 1964, 69, 114, 121]), 'мера площади, равная 4 четверикам', 'кусочек пахотной земли или покоса, ок. 800 м²', 'единица измерения аграрных площадей, ок. 3000 м²' (р-н Фэгэраш [LReg. I, 91; II, 46, 50]), 'мера площади 28 ар' (Трансильвания [Folc. Trans. II, 612]), *găl'iátă* 'мера емкости, 16 л' [ALRMar II, № 419], ср. также единичные — *găleată* '(в старину) вид зернового налога' [DLR], 'вид свадебного танца' (Марамуреш, Буковина [Tiktin]), 'узкая деревянная труба, которая присоединяется к жолобу водяной мельницы для увеличения давления воды' (Тыргу-Жиу [Cazacu

42]), *gălețuică* 'углубления в центре мельничного камня' (Олтения [Folc. Olt. Munt. I, 419]); // Арум. *găleată* 'ведро' [Paparagi], *gal'ata* 'сосуд для дойки овец' (Пелистер — цит. по: [Клепикова 1983, 219]); // Мегл. *găleată*, *guleată* 'мера емкости', 'подойник' [Capidan Megl. III, 135], *găleată* 'подойник' [GSI, 28], *gălétă* 'ведро' [GS III, 397], *găleată* 'сосуд для заквашивания молока' [ALRM, № 273];

— с.-х.: *гальата* 'деревянное ведро (16—18 л), куда сливают сдвоенное молоко' (Банат), *галјата* 'ведро для воды' (там же) [Клепикова 1983, 226], ср. и хорв. *galéta* 'сосуд для масла, творога' (р-н Братислава [Václavík 1925, 159]); ср. и: *gal'ietka*, *geli-etka* 'сосуд для жидкости, сала' (там же [Vážný, 266]);

— бг. *гъл'ата* 'сосуд для доения молока' (Силистра [Кочев, 108]). Таким образом, соответствия метаформе ⁺*gVIVta* широко распространены в карпатской зоне; к югу от р. Дунай — лишь в некоторых областях (Банат, также р-н Силистры; далее — юг [СРМ], север Греции — исключительно в восточнороманских диалектах).

В качестве источника рассмотренных выше лексем можно предположить романское (=латинское) *gallēta* 'ведро и под.' [Meyer-Lübke, № 3656]; ср. и уточнения — «позднелатинское» [Wartburg 1927, 4, 35; Schorta 1964, 159]; «среднелатинское» [Battisti-Alessio III, 1752; DLR II/I, 215]; то же с указанием, что слово вошло в далматинскую в балканскую латынь [Skok], «народнолатинское» [Tiktin]); о соответствиях (помимо восточнороманских *găleată*, *гэлятэ*) в иных романских языках см.: [Meyer-Lübke; Corominas-Pascual, 50–51; Battisti-Alessio; Pușcariu I, 60; Candrea, № 71; Wartburg]). Происхождение самого роман. *gallēta* неясно. Сомнительно, чтобы *gallēta* < лат. *calathus* [Cioranescu, № 3572], неприемлемо сопоставление с лат. *galēa* 'череп' (но и 'сосуд'), а также германский источник [см.: Corominas-Pascual; Kluge 196]; выдвигается предположение о «доримском» (так как не засвидетельствовано в классической латыни), «доиндоевропейском», «эгейском» происхождении слова [Popović 1961, 103; Skok], балканолатинская форма возводится также к греч. *γαυλίδα* (вин. п. к *γαυλίζ* 'подойник', род. п. *γαυλίδαος* [Rohlf's 1930, 418; Skok]).

По-видимому в языки карпато-балканского ареала данный романизм проникал двумя путями: 1) непосредственно из восточнороманского [Cioranescu; Kniezsa, 177; Łukasik, 217; Vrabie, 154; Machek; Popović 1961, 102–103; Niță-Armaș, 86; ЕСУМ I, 492; МNyTESz]; п., слвц. *galeta* < рум. *găleată* [Berneker I,

292] и 2) через немецкое посредство, ср. ср.-в.-нем. *gellete* 'корыто' и под. (< лат. *gellēta* [Kluge], указанная точка зрения представлена также в: [Berneker]; п. *gieleta*, чеш. диал. *gel'eta* < ср.-в.-нем. *gelleta*; мнение Бернекера цитирует: [Mihăilă-Scărlătoiu; Crânjală, 276]; о немецком источнике как альтернативе восточнороманскому [Meyer-Lübke; Machek]; о неправомерности сближения у. *гелета* с нем. *Kelch* см.: [ЕСУМ].

Остается открытым вопрос, являются ли польские формы прямым или опосредованным заимствованием из восточнороманского; так, вероятно, прямым влиянием рум. *găleată* может объясняться наличие п. диал. *gel'ata* 'ведро' (юг Буковины — см. выше), хотя и в этом случае нельзя полностью исключить влияние соседних украинских говоров. Существование в словацком форм с *g* указывает на проникновение лексемы после завершения перехода *g > h* (XII в.; см.: [Niță-Armaș 1966, 583]; наличие форм с *e* и *a* (в 1-м слог) позволяет допускать, что заимствование лексем происходило неоднократно, при этом скорее всего источником могли быть не собственно восточнороманские (resp. румынские) говоры, а диалекты славянских языков карпатской зоны, испытавших романское влияние (например, украинские — в Лесистых Карпатах). В моравских говорах, по-видимому, также следует говорить об опосредованном заимствовании, поскольку Валашская Моравия была последним — во времени и пространстве — районом, которого достигла «валашская колонизация»; указанные слова могли быть заимствованы из словацкого. В украинском репрезентанты ⁺*gVIVta* также свидетельствуют о неоднократности заимствования их из восточнороманского; вероятно, формы с (')*e* (> *i*, *î*, *y* и под.) в первом слог могли бы рассматриваться как более старые заимствования, в которых в.-роман. *a* регулярно адаптировалось в *e* [Vrabie 121, 125]; в данном случае обычно наблюдается и смягчение *g* (возможно, вследствие регрессивной ассимиляции под влиянием *l'*, передающего в.-роман. *l'* и *l*). Напротив, формы с *a* в той же позиции могут рассматриваться как относительно поздние заимствования, трактующие рум. *ă* как *a*, что исключает смягчение *l*. Поскольку известно, что контакты славянского населения зоны Лесистых Карпат (resp. украинского) с восточнороманским осуществлялись на протяжении нескольких веков, а в ряде районов они продолжают и поныне, можно допустить, что различно оформленные репрезентанты ⁺*gVIVta* в украинском — результат влияния различных групп восточнороманских диалектов. В венгерских диалектах, помимо румынского, указыва-

ется и словацкий источник заимствования [Kniezsa; MNyTESz]; тот же, словацкий, источник видят в хорв. *gal'jetka* (юг Словакии [Vážný, 266]).

Исторум. *golida* (: *gholida*, *γolida* 'ведро' и под. [Flora 1962, 164] — из славянского, ср. хорв. *goleda*, *golida*, *golica* 'ведро, сосуд' [RJA], словен. *golida*, *γolida* 'то же' [Pleteršnik; SSKJ]; также: [Клепикова 1983, 226–227]) < ит. диал. (истриот.) *galida* и под. 'то же' [Skok; Bezla; Berneker]. Итальянское влияние, возможно, отражено и в а. *galedër* 'деревянный бочонок, кувшин' [Mann], 'вид кувшина из жести с узким горлышком' [Fjalor]. Проблематично привлечение к рассмотрению, наряду с продолжениями лат. *gal-lēta*, также а. *galete* 'отверстие, ров, канава' [Meuer] — из-за отсутствия данного слова в иных источниках.

+ *palan(V)k-*

I. О К Д А

Варианты с исходом на согласный: п. *pa'tanek* 'обрезок, щепка', зап.-сл. *'pala:nek* 'жердочка для сушки «свясел»', ср.-с. *'pala:nk* 'пол из жердей в хлеву', *'pala:nt* 'бревно (при постройке хлева)', *'palank* 'забор из кольев', вост.-сл. *'palanek* 'забор из горизонтально прибитых досок', 'каменная ограда', 'бревно между двумя столбами', в. *'pala:nk*, *'pola:nk* обычно — 'забор из горизонтально набитых) досок', 'штaketник', редко — 'щит (для снегозадержания)'; к.-укр.: закарп. *'palanok* 'забор (из горизонтально набитых досок)'; реже — 'штaketник' (синхронно и данные [КДА, № 134; Lízanes 1970, № 172, 69, 70]), единично — зап.-гуц. *pa'lanok* 'секция ограды', лемк. [ПНР] 'дорога, мощеная жердями'; рум. *pălan*, *pălânt*, *pălânk*, *pălâng^u*, 'забор из вертикально набитых досок', *pălân dă laț*, *palân* 'забор из кольев; реже — *palâng*, *palîng* 'укрытие для овец' [ALRM, № 393]. Варианты с исходом на г л а с н ы й: словацко-украинская микророна (сл. *'palaŋka*, у. *pa'lanka*) 'забор из горизонтально набитых досок', 'штaketник', 'неотесанное бревно', ср.: буков. *pa'lanka* 'забор из досок' (как «молдованизм»), сев.-м. *pa'laŋk* 'мера длины (3 м)'; в некоторых микроронах — лишь как топоним: м. *Pa'lanka* название сел, хутора, серб. *Palà:nka*, *Pa'la:nka*, *Pa'lanka* название города.

II. С л о в а р и и д и а л е к т н ы е и с т о ч н и к и

— п.: только данные словарей: *patanka* 'забор, огороженное место, укрепленное поселение' [Linde], *patanka*, *palanka* 'укрепление

(в турецкие времена) чаще всего из дерева', '(у запорожцев) место, где находится, полковник, старшина (также округ под его началом)', 'деревянный дом (с пристройками)' [SJP₁], *palanka* '(истор.) укрепление, состоящее из земляного вала и частокола; место окруженное валом и частоколом', 'деревянная усадьба, хутор', '(у запорожцев) резиденция полковника и казацких начальников, также округ, подчиненный их управлению' [SJP₂]; ч. *palanka* 'казацкое поселение' (только [PSJČ; SSJČ]), ср. и топонимы, например: *Palánek* (р-н В. Павловице, Жданице [Hosák-Srámek II, 216]); с.: наряду с *palánk*, *palang* (но и *palanku*) 'забор из досок, колотых жердей' [Kálal], *palank* 'ограда' (Земплин [Lipták]), *palank* 'то же' (р-н Михаловце [St. sl. 1965, XI, 99]), *palanki* (pl. t.) 'дощатый забор' (обл. Шариш [Czambel 506]), *palanku* (мн.) 'бревна в настиле пола в хлеву' [Kálal], *palange* (pl. t.) 'то же' (Новоград [Matejčík 1972, 365]); также — иные значения: *palánke* 'колышек (для укрепления чего-л.)', 'бревно в срубе колодца' [Kálal], *palanga* 'поперечное бревно (на мосту)' [Matejčík 1975, 170], и топоним — *Palanka* (обл. Бачка, СФРЮ [Dudok 1972, 102]); — в.: как и в ОКДА — *palánk* 'забор, ограда из досок, планок' (*palánk* — Самошхат, *palánt* — Киш-Кюкюлле, *pallánk* — Шопрон, *palárg* — Комаром, *pallánk*, *pełáng* [MNYTESz]), *palánk* 'ограждение из заостренных досок, которые втыкали остриями в землю и привязывали... ивовыми прутьями' (Орманьшаг [Kiss 1952, 423]), 'ограда из расщепленных бревен' (Баранья р-н оз. Балатон, говоры секлеров [Herpál 200]), но также и иные значения: *palánk* 'планка, доска', 'защитный частокол, укрепление с частоколом' (с XV в., также: *plank*, *plánk*), *palánka*, *palanka* 'небольшая крепость, окруженная частоколом', *palánkos* 'частокол, ограда из досок' (Самошхат), *palánk* 'опалубка, доски или планки для обшивки бортов или кормы судна' (XIX в.) [MNYTESz], 'отгороженное место в доме для картофеля' (Веспрем), *paláonk* 'столб' (Абауй) [ÚMT], ср. и топонимы: *Palánk*, *Palámba* (Bálint II), *Palánkos* (Орманьшаг [Kiss 1952]); к.-укр.: топоним *Паланок* 'хутор' (р-н Мукачево [ЖДА]); ср. ранее отмеченное укр. *паланка* 'небольшое укрепление, обнесенное частоколом', '(у запорожцев) полковое укрепление, место пребывания полковника с другими должностными лицами полка, а также округ полковника', 'печь в косарском таборе' [Гринченко]; *Паланка* (гидронимы — Винницкая, Черкасская, Харьковская обл. [СГУ]); м. *паланкэ* 'палисад' [ДМР];

— рум. — широко представлены в литературе оба значения, фиксируемые и в ОКДА: 'ограда, забор (из досок)', ср. — *palancă* 'ограда из кольев, врытых в землю' [Săineanu], *palânc*, *palân*,

palánt, *pălan(t)*, *pălând* 'ограда из досок, планок, кольев, прутьев' (Трансильвания [DLR]), *pălân(t)* 'ограда из досок' [Tiktin], *pălânc* 'забор, изгородь' (Себеш [LReg. II, 104]), *pălant (palant)* 'высокая ограда из досок (иногда с крышей)' [ALRRMar II, № 281], *pălant* 'забор из досок' (р-н Топлица [MCD, 184]; р-н Турда, Бистрица [там же, 84, 286]), *palân(t)* 'большая красивая ограда' (Вишеу [Arvinte 52]), *pălan* 'ограда из досок' (Олтения [GS I, 138]), *pălâng* 'то же' (р-н Валя-Жиулуй, Орэштие [MCD I, 263]); 'укрытие для скота'; *palancă* 'место рядом с домом, огороженное толстыми досками, поставленными наклонно... где зимуют козы, овцы' (Олтения), 'примитивная постройка, в которой содержатся козы, овцы' (зап. Олтении, Банат, ю.-зап. Трансильвании), (рег.) 'примитивное укрытие для скота в поле или в горах, сделанное из двух столбов, поддерживающих жерди, на которые кладут солому, листья' [DLR], 'высокий забор, наклоненный внутрь, где укрываются овцы' (Хацег [Vuia 1964, 102]), 'укрытие для скота' (р-н Горновица), 'забор вокруг дома, наклоненный внутрь, для укрытия овец' (Ватра-Черней) [Folc. Olt. Munt. I, 441], *pălân* 'непокрытый загон из жердей и толстых досок' (Хунедоара [Viciu 1925, 64]); вместе с тем источники фиксируют и иные значения *palanc(ă)*: 1) *palancă* 'палисад, изгородь', 'укрепление для защиты, огороженный лагерь, крепость (обычно деревянная или земляная)' [DLR], 'укрепление из врытых бревен, заграждение, больверк' [Tiktin], *palânko* 'укрепление' (р-н Бакэу [Клепикова 1984, 94]), 2) *pălan(t)* 'доска, палка' [Tiktin], *pălanc* 'доска, планка' [DLR], *pălant* 'толстая доска' (р-н Топлица [MCD I, 184]), *pălâng* 'кол, на котором сушат горшки' (р-н Себеш), *palancă* 'один из толстых кольев, из которых делают ограждение или вокруг которых плетут плетень' (Банат), далее — 'бревно, с помощью которого поднимают бревна в вагон' (Рэдэуць), 'лом (=бревно), с помощью которого поднимают бревна на лесопилку' (р-н Карансебеш) [DLR], 3) *palancă* 'навес, который натягивают в продолжение крыши для укрытия от непогоды' (Олтения [DLR]), 'навес' (Турну-Северин [LReg. I, 49]), *palângă* 'деревянный навес над печью (во дворе)' (Тыргу-Жиу [DLR]), *palancă* 'укрытие в горах в виде двухскатной крыши' (р-н Горненци [Folc. Olt. Munt. I, 441]), 'укрытие для лесорубов' (Бая-Арамэ [LReg. I, 49]), 'укрытие для людей в поле, лесу' (зап. Олтения [NALROlt. II, № 212]), также — 'крыша над оградой, воротами' (Трансильвания [DLR]; р-н Беюш [Teaşa, 249]); ср. также *pălanc* 'обшитая досками сторона в галерее вокруг дома' (р-н Дева) и *palancă* 'лес, поваленный ветром' [DLR] и др. (см.: [Клепикова 1984, 93–94]); может

быть, следует учитывать и арум. *palangă (plangă)* 'дверная петля' [Paparagi];

— с.-х. *паланка* '(ист.) небольшое деревянное укрепление на дорогах для обороны путников, сторожка', 'провинциальный городок' [PCXKJ], *pàlanka* 'ограда из планок, досок, кольев', 'укрепленный пункт', 'стол' [RHSJ], ср. и *palaňak*, *palančica* (там же), *pàlanga* 'шест, рычаг' [RJA], топонимы: *Palanke*, *Palančani* и под. (Босния, Герцеговина [там же]), Криворечна Паланка, Крива [Елезовић II, 53];

— мк. *паланка* '(арх.) маленький городок' [PMJ], также топонимы, например: *Паланка* (р-н Куманово [Видоески 1962, 44]).

Ср. бг. *паланка* 'городок, местечко' [Геров], 'маленький городок' [PCBKE], *паланка*, *паланчица* 'то же' (Младенов), б. диал. *паланка* 'парник' (Банат [Стойков 1969, 168]), топонимы *Паланското*, *Паланке*, *Паланки* и др. (р-н Лом, Клисурса [Дуриданов 13, 196; СБНУ XLI, 100]), несколько шире представлена данная основа в антропонимии: *Паланкалицев*, *Паланков*, *Паланкоски*, *Палански* и др. [Илчев 1969];

— а. *pallangë*: 'большое село с базаром' ([Fjalor]; ср.: *palang* [Meuer]), 'округ, приход' (также — 'носилки, паланкин') ([Mann], там же — *pallankë*).

Таким образом, форма ⁺*palan(V)k-* с исходом на гласный и согласный (апеллятивы и топонимы) фиксируется в ряде микронзон карпатского ареала, в балканском представлен лишь вариант ж. р. Помимо карпато-балканской зоны, последний известен лишь в русском языке, ср. *паланка* 'городок, укрепление из кольев, свай; палисад', 'земляное укрепление без бастиона' [Даль].

Наличие в карпато-балканском ареале сложного соотношения зон, противопоставленных по определенному фонетико-морфологическому признаку, позволяет интерпретировать имеющиеся факты в плане установления различных источников иррадиации лексем в отдельные языки и диалекты, а также в плане хронологической стратификации этих проникновений. По-видимому, в качестве основного центра иррадиации в зоне Карпат выступал венгерский язык, заимствования из которого характеризуются консонантным исходом слов, что отражает структуру в. *palánk* и др.; это рум. *pălanc(=t)*, *pălan* и под. [Ciogănescu; Tamás], сл. '*pala:nk*'; у. диал. *пала́нок*, п. диал. *pa'tanek*, с. диал. '*pala:nek* могут рассматриваться в качестве результата адаптации в. *palánk* (при том, что =*k* трактовалось как принадлежащее суф.: =*zk*), ср., например, у. **паланк* ~ *паланки* : *паланки* ~ *паланок* (также: ср. с.-х. *palanak*, *palanjek* [Hadrovics, 393]).

Заемствования из венгерского принадлежат к достаточно поздним. Само в. *palánk* возводится к ср.-в.-нем. *planke, plank* 'балка, доска' [MNYTESz], «с устранением анлаутного стечения гласных» [Hadrovics 1985]. В свою очередь нем. диал. *planke* и др. [Kluge; Walde-Hoffmann II, 222]; ср. и: [Kniezsa 900]). Однако далее реконструкции идут различными путями. Во-первых, источник видят в лат. *planca*, ср. нар.-лат. **palanca* 'кол, брус' < лат. *phalanga* < греч. *φάλαγξ* ([Kluge 553, 88]; так же [Duden VII, 514]; о нар.-лат. *p[ʰa]lanca* < лат. *phalanga* см.: [Hoffmann, 390; Corominas-Pascual IV, 348-349]). Во-вторых, в качестве исходного указывается лат. *planca* 'доска', ср. в глоссах *plancus* 'плоскостопый' (:**plancula* [Ernout-Meillet; Walde-Hoffmann]; индоевропейский аспект этой этимологии см. [Pokorny 90-91, 61]); и в этом случае нар.-лат. **palanca* (ср. класс. лат. *palanga* 'каток, валик' и др. [Bloch-Wartburg, 433]), отраженное в современных романских языках (ср. ит. *palanca*, неап. *palangè* 'брус под лодкой, к которому прикрепляют борт', энгад. *palanka* 'доска, брус', прованс. *palanca* 'мостик', фр. *palanche* 'рычаг', ит. *palanco* 'блок, полиспаг' [> фр. *palan*] и др., также рум. *paringă* 'шест, жердь' [Meyer-Lübke, № 6455]), рассматривается как заимствование из греч. *φάλαγξ* 'бревно, ствол, балка' ([Frisk; Ernout-Meillet; Bloch-Wartburg; Walde-Hoffmann; Meyer-Lübke]; индоевропейский уровень реконструкции см. [Pokorny II, 181-182]). Существенно предположение, что лат. *planca* [ср. *plancus*] «могло смешиваться с *palanga* > *palanca*» [Ernout-Meillet]. Таким образом, хотя, вероятно, этимология лат. *planca* и нар.-лат. **palanca* различна, это не препятствует совместному рассмотрению истории восходящих к ним слов в языках карпато-балканского ареала.

Сложнее история родственных слов с исходом на гласный (слав. *palanka*, рум. *palancă* и др.), причисляемых к *Wanderungswörter* [MNYTESz]. Вероятно, для многих микрозон карпато-балканского ареала предпочтительнее версия о романоязычном источнике, прежде всего — об итальянском языке как центре иррадиации указанной лексемы. В пользу этого говорит обстоятельство, что ит. *palanca* (< нар.-лат. **palanca*, также дериваты) 'кол', 'ограды', 'военное укрепление' и под. квалифицируется в качестве романского регионализма (ср.: [Niermeyer 753; Du Cange 6, 96]; см. и: [Battisti-Alessio IV, 2726]; о юге Италии, где происходило заимствование данной лексемы из греческого в народную латынь, и: [Rohlfis 1930, 2291]; также: фр. *palan* < ит. *palanco* и — *palanque* 'военное укрепление'; того же происхождения и

фр. *palanche* 'жердь, палка для несения двух ведер' — [Bloch-Wartburg]). Однако остается открытым вопрос, в каких случаях можно говорить о непосредственном заимствовании из итальянского, и в каких — об опосредованном. Так, прямо к ит. *palanca* возводят бг. *паланка* 'городок' [Младенов 1973], с.-хорв. *palanka* 'то же', п. *palanka* 'укрепленное место' [Łukasik, 345], рус. (и, вероятно, у.) *паланка* 'то же' [Фасмер]); из итальянского, но через турецкое посредство объясняется с.-х. *palanka* 'городок' (иначе — с возведением тур. *palanka* к нар.-лат. *palanka* — [Михајловић 1972, II, 365]).

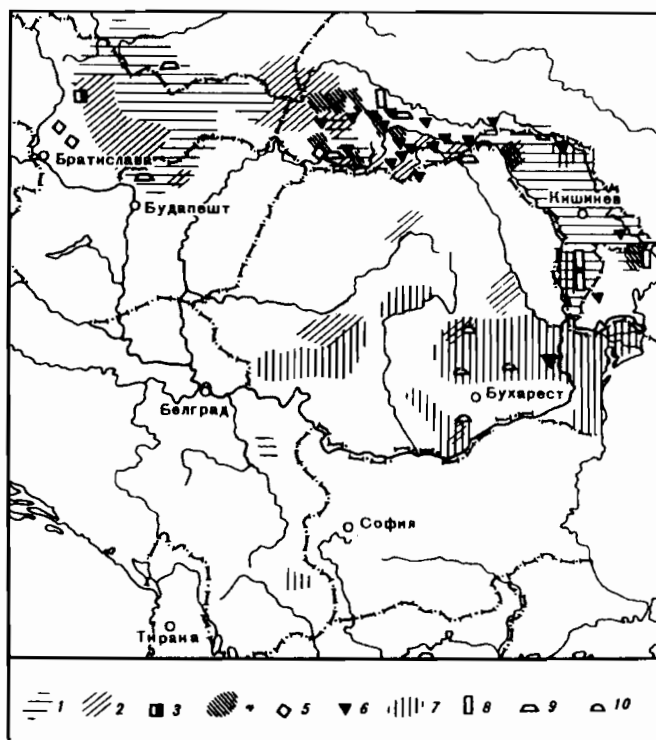
Напротив, о турецком происхождении с.-х. *palanka* 'городок' см.: [Hadrovics 1985, 394]; на турецкий источник рум. *palancă* (во всех значениях) указывает: [DLR]. Однако, на наш взгляд влияние тур. *palanka* 'лагерь, укрепление из палисадов' (*паланка* [Радлов IV, 1164], с отсылкой к *пала*²; *palanka*, *palanga* 'то же' [Okçugil; Alâettin]) не должно преувеличиваться, прежде всего потому, что само турецкое слово считается заимствованием (см. выше; также: [Battisti-Alessio]; ср. и мнение о персидском происхождении слова [Räsänen]).

В качестве другого языка-посредника в распространении романского *palanca* в карпато-балканском регионе называется и польский язык (например: [Łukasik, 345]); двойной источник (турецкий и польский языки) для рум. *palancă* указан в: [Tiktin; Cioganescu]); допускается также венгерский источник для с.-х. *palanka* 'городок' [MNYTESz]. Наконец, для в. *palánka* (XVII в.), *palanka* (XIX в.) 'огороженное планками место, укрепление' в равной мере допускаются следующие источники: итальянский, сербохорватский и, возможно, турецкий языки, но также и баварско-австрийские формы с сохранением редуцированного гласного в ауслaute [там же].

Ч. *palanka* 'казацкое поселение' — из рус. *паланка* [SSJČ].

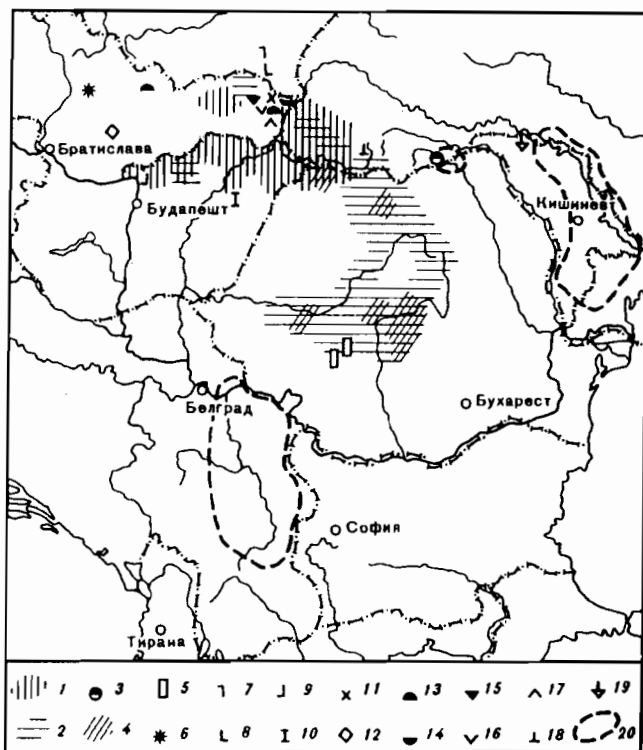
Первая публикация:

С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Лингвогеографическое изучение карпатской (= карпато-балканской) зоны и проблема диахронической интерпретации «карпатизмов» // ОЛЯ МиИ 1985–1987. 1989. С. 129–147.

Карта 1. Семантика репрезентантов ${}^+gVIVta$ (по данным ОКДА)

1 — 'деревянный сосуд для дойки овец'; 2 — 'деревянный сосуд для сохранения молочных продуктов, для подквашивания молока'; 3 — 'сосуд, куда сливают молоко одного удою'; 4 — 'бочка (для засолки овощей)'; 5 — 'бочонок (для сала)'; 6 — 'мера сыпучих тел, молока и др.'; 7 — 'ведро'; 8 — 'посуда, бочка'; 9 — 'квашня'; 10 — 'лопатки (в колесе водяной мельницы)'

Карта 2. Семантика репрезентантов ${}^+palan(V)k-$ (по данным ОКДА)

1 — 'забор из горизонтально набитых досок'; 2 — 'забор из вертикально набитых досок; штакетник'; 3 — 'забор из досок'; 4 — 'забор из кольев'; 5 — 'укрытие для овец'; 6 — 'жердочка на галерее для сушки «свясел»'; 7 — 'обрезок дерева, щепка'; 8 — 'дорога, мощеная жердями'; 9 — 'забор для снегозадержания'; 10 — 'боковая стенка хлева'; 11 — 'каменная ограда (вокруг церкви, кладбища)'; 12 — 'пол из жердей в хлеву'; 13 — 'бревно при постройке (хлева и др.)'; 14 — 'горизонтальная жердь в ограде'; 15 — 'балка между двумя столбами'; 16 — 'деревянная планка в раме окна'; 17 — 'поперечное бревно под полом (в хлеву)'; 18 — 'секция ограды (штакетника)'; 19 — 'мера длины (3 м)'; 20 — топонимы

Современный этап развития славянской диалектологии характеризуется заметной активизацией лингвогеографических исследований. Завершена работа над диалектными атласами большинства славянских языков, параллельно с этим достигнуты определенные успехи в создании макроатласов, представляющих — с различной степенью детализации — данные диалектов всех языков славянской группы (ОЛА, АЛЕ) или некоторые из них, в частности, в контексте их взаимоотношений и взаимосвязей с неславянскими языками карпатского (и шире — карпато-балканского ареала) — таковым является «Общекарпатский диалектологический атлас» (=ОКДА)¹.

Идея создания этого Атласа, как известно, возникла на определенном этапе развития карпатского языкознания — особого раздела языковедческой науки, представляющего собой пространственно характеризованный фрагмент суммы лингвистических дисциплин (ареальной лингвистики, теории языковых контак-

**ПРОБЛЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
СЛАВЯНСКОГО
ДИАЛЕКТНОГО
ЛАНДШАФТА
(по данным
«Общекарпатского
диалектологического
атласа») ***

* Доклад подготовлен по решению XXIII заседания Международной редколлегии ОКДА (Кишинев, май 1990 г.), в его обсуждении, дополнении и редактировании принимали участие члены МРК.

¹ По ОКДА опубликованы следующие книги: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981; Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1967; Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. I. Кишинев, 1989; Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. II. М. (предварительный вариант); Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. III. Warszawa, 1991. Кроме того, сдан в печать вып. IV (публикуется в Киеве); отредактирован и подготовлен к печати вып. V (издается в Братиславе), завершена работа над вып. VI (издается в Будапеште); готовится к изданию учеными СРЮ и Македонии вып. VII. По тематике ОКДА опубликованы также следующие сборники: Справочно-информационные материалы. I. М., 1978; II. М., 1979; Лексика в ОКДА. I. М., 1989; II. М., 1992. Библиографические обзоры работ по ОКДА публиковались в: Славянское и балканское языкознание. М., 1975; Справочно-информационные материалы по ОКДА. I; Лексика в ОКДА. I (см. выше).

тов, типологии и др.). Основное содержание карпатского языкознания — описание и интерпретация процессов и результатов взаимодействия языков карпатской зоны и сопредельных регионов. Первоочередной задачей данной дисциплины в конце 60-х — начале 70-х гг. было признано, в частности, на VII Международном съезде славистов (Варшава, 1973 г.) лингвогеографическое изучение указанной зоны.

Так возник научный проект, осуществляемый в рамках международного сотрудничества — ОЖДА, который преследует цель, с помощью специального Вопросника, выявить по возможности в полной мере и систематизировать репрезентативный корпус фактов, фиксирующих лингвистическое (всп. лексико-семантическое) своеобразие данной зоны. Всестороннее изучение полученных материалов позволяет дать детальное ареалогическое описание зоны, установить типы дифференциации всего обследованного лингвистического пространства. Подобное лингвогеографическое исследование является надежной фактографической базой и для серьезного историко-этимологического изучения карпатской апеллативной лексики, а также ономастики. Наконец, создание ОЖДА, несомненно, делает возможным на новом уровне осмыслить общетеоретические проблемы языкового контактирования и интерференции — применительно к специфике карпатской зоны.

В настоящее время Атлас близок к завершению и, следовательно, можно констатировать, что важнейшая задача, стоявшая перед данным Проектом в 1973 г., — создание принципиальной новой базы диалектных данных — в основном решена. Вместе с тем ОЖДА, как любой диалектный атлас (и тем более — «полилингвальный», «гетерофамильный»), дает материал и для решения иных, помимо перечисленных выше и «запрограммированных» Вопросником, проблем. Так, несомненно, что данные ОЖДА могут быть с успехом использованы, например, в собственно славистических штудиях (равно как и в романтических и под.), и в том числе имеющих ареалогическую направленность. В связи с рассмотрением далее материалов ОЖДА в ареалогическом плане, представляется важным сделать некоторые предварительные замечания.

1) Как следует из определения целей и задач Атласа, центральной проблемой является изучение лингвистического (и — опосредованно — этнолингвистического) пространства зоны Карпат, где на протяжении ряда веков осуществлялись интенсивные и достаточно сложные процессы контактирования, характеризу-

ющиеся перекрестными, разнонаправленными (прямыми и опосредованными) заимствованиями, наличием множества центров иррадиации и под. Вместе с тем очевидно, как показывают и специальные исследования, что синхронно и диахронически указанный ареал не может рассматриваться как полностью изолированный от сопредельных областей, и прежде всего от балканской. Фактически пространство лингвистических контактов, описываемое в ОКДА, и является макрозоной, которая интегрирует зоны Карпат и Балкан. При этом, разумеется, не исключается возможность исследований, посвященных отдельным аспектам этнолингвистической ситуации в каждой из указанных (микро)зон. Однако в иных случаях необходимо обращение ко всей совокупности фактов, засвидетельствованных в карпато-балканском ареале в целом. Пример таких исследований — выявление роли славянских языков в процессах языкового контактирования и формирования языковой общности конвергентного типа в карпатском ареале.

2) Методологически корректным по отношению к диалектам, образующим карпато-балканское лингвистическое пространство (по характеру — генетически гетерогенное) представляется допущение, что указанная совокупность диалектов определенным образом структурирована и что они являются не механической суммой, а известным образом организованной лингвистической протяженностью — «континуумом» диалектов, языковой общностью, обнаруживаемой на некоторых языковых уровнях. Наличие системных отношений в этой языковой общности подтверждается, по данным ОКДА, по крайней мере, на лексико-семантическом уровне (иные уровни еще не стали предметом специальных исследований).

3) ОКДА посвящен ареальному изучению карпато-балканского пространства (=континуума диалектов). Принципиально иным является подход к рассмотрению специфической «карпатской» лексики в литературных языках — опыт подобных исследований существует (ср. некоторые работы А. Зарембы, касающиеся польского литературного языка).

Данные ОКДА представляются в известном смысле уникальными в плане изучения ареальной дифференциации карпато-балканской макрозоны, поскольку его карты содержат материалы, которые отсутствуют и в национальных атласах, в региональных (микро)атласах, но и в многоязыковых атласах (ОЛА и АЛЕ), — в силу кардинального различия Вопросника ОКДА, концептуально ориентированного на выявление результатов языкового контактирования, с одной стороны, и вопросников

всех иных атласов, ставящих другие, в том числе и ареалогические, задачи.

ОКДА эксплицирует различные типы ареалов, изучение которых важно для характеристики карпато-балканского фрагмента славянского лингвистического ландшафта.

1. Специфическим для него, по свидетельству Атласа, является значительное число локальных (микро)ареалов, имеющих во многих случаях маргинальный (по отношению к массиву диалектов того или иного языка) характер, — как следствие непосредственных контактов славянского населения со своими соседями. Разумеется, изоглоссы такого типа могут изучаться и по некоторым национальным (украинский, польский, словацкий языки) и региональным атласам (ср., например, для карпатоукраинских диалектов труды И. Дзендзелевского, П. Лизанца, Я. Ригера, З. Гануделевой, В. Латты, также — КДА и др.). Несомненное преимущество ОКДА состоит в том, что особая его направленность позволяет с большой степенью точности изучать ареал тех или иных исконных и заимствованных лексических единиц (и их семантику) одновременно во всех славянских диалектах макрзоны, что особенно важно во втором случае, так как более надежным оказывается установление источника иррадиации заимствования из не-славянского (романского, венгерского и под.) лингвистического пространства, которое отделяет (разделяет) северную (карпатскую) и южную (балканскую) части Славии и, вместе с тем одновременно — соединяет их, выступая в качестве медиатора, выявляющего реальность лингвистического «континуитета» в карпатской (и шире — карпато-балканской) зоне².

Типы изоглосс, манифестирующих заимствования в славянские языки, объединяют множество вариантов, соответствующие сложной картине сепаратных схождения между Севером и Югом Славии и, по существу, индивидуализированной судьбе каждого иноязычного элемента в славянской языковой стихии. Речь идет прежде всего о заимствованиях из (А) романского и (Б) венгерского.

² Существенно при этом понимание «пространства границы» между славянским и неславянским мирами в данном регионе как связи, средостения между «своим» и «чужим»: «...понятие границы апеллирует не столько к разграничению и ограничению, сколько к срединной абсолютной, всеобщей связанности, многого и равного на потребу единого и главного, которым может быть только целое» [Топоров 1991, 29, 31].

А. Мы не рассматриваем здесь тип ареалов, который охватывает все или большую часть славянских диалектов в Карпатах и на Балканах, поскольку он всегда привлекал внимание исследователей; этот тип хорошо представлен и в Атласе, см. карты на распространение и семантику таких лексем, как **vatra* (Я. Закревская; I)*, *koliba* (Г. Клепикова; I), **žeNTIca* (А. Вашек; III), **urda* (А. Думбрэвяну; III) и под. Ниже описываются изоглоссы, членящие карпато-балканское пространство в меридиональном и широтном направлениях и эксплицирующие существование микрозон различной конфигурации.

+*bIsaC-/dIsaC-* с основным значением 'вид двойного мешка' (З. Гануделева; II); источники, пути и время заимствования в языке ареала «остаются неясными» [Sadnik, Hf. 5, 321], однако большинство версий исходит из лат. *bisaccium* (*bis* < *bi* [более старое *duis*]⁺ *saccus*: греч. *σάχος*, семит. *šaq* 'ткань' [M.-Lübke, № 1121; Ernout-Meillet I, 126; II, 1033; Skok I, 156; Machek, 32; ЕСУМ I, 176] и др.). По ОКДА, в славянских диалектах Карпат: укр. *be'sahy*, ср. вост.-слвц. *'bisahi, vi'sahi* (так же — некоторые этнографические труды: [Podolák 1967, 159]) и вторичные значения — *'bisa-ha* 'высокий худой человек' и под., ю.-польск. *bi'sagi* 'коромысло', *bi'saga* 'ленивый' (ОКДА), значение 'двойной мешок' — в иных источниках (ср.: [Herniczek-Morozowa II, 90; AJPP, № 89; Karłowicz]); в моравских говорах лексема известна, по-видимому, мало (ср. фиксации у: [Sadnik]). Продолжение «изофоны» находим на Балканах: сх. *bisá:ge, bísá:zi, bísage, bi'sagi* [ОКДА; словари], сев.-вост. макед. *bi'sagi*, упомянем здесь и арум. *bisagã* в том же значении [Parahagi, 210], наконец, *b-*форма — в словен. *bisaga* 'то же' [Pleteršnik I, 27]. Эти формы оцениваются как восходящие прямо или опосредованно к лат. *bisaccium*. Напротив, *d-*формы связаны со ср.-греч. визант. *δισαχχιον* (калька латинской формы или трансформация последней в греческом); они отмечены в карпатской зоне лишь в восточнороманских диалектах, а на Балканах, помимо арум. *disagã, tisagã* также в славянских; ю.-серб. *di'sazi* (ОКДА; [РСА] — р-н Пирота, Тимока), макед. *'disak', 'disagi, disazi* (ОКДА; [PMJ]) и болг. *ducagu, ducasu* (см. [БЕР I, 396]; все словари) (см.: [Гануделева, Клепикова, 128]). Лексема — пример сложности процессов контактирования славянских и неславянских диалектов, что порождало сближения и обособления отдельных групп родственных идиомов; эти процессы эксплицируются на синхронном уровне в рассмотренном выше соотношении ареалов (см. карту 1).

* Здесь и далее указывается автор карты и соответствующий том Атласа.

Особый случай представляет собой изолекса, репрезентирующая в славянских диалектах контаминацию двух различных по происхождению романизмов: ${}^+merEnD=$ (II. Лизанец; III) (:лат. *mĕřĕnda* 'еда' и под., ср. греч. $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\delta\alpha$: $\mu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$, $\mu\eta\rho\acute{o}\varsigma$ 'часть' и др. [Пизани 1975, 166]; см. и: [M.-Lübke, № 5521, 5522] — *mĕřĕnda*, *mĕřĕndare*) и лат. *mĕřidies* 'отдых в полдень', *mĕřidiare* [M.-Lübke, № 5530, 5531]) ~ рум. *merende* 'еда' и под. ([DLR]; диал. *me'rindi* — Молдова ОКДА), диал. *meréz*, *merézúšu* 'место отдыха скота' (запад — ОКДА), также арум. *mirindu*, *mirindare* 'есть, жевать', *mirinde* 'еда' и (*a*)*miridzu* 'отдых, отдыхать' [Parahagi, 94, 688, 799] и истрорум. *merinde* 'еда' [Çandrea]; из румынского вошло в карпатославянские диалекты: ю.-польск. *m'e'ryjda*, *m'e'rynda* 'еда', *m'e'ryzac*, *m'e'rejdać* 'пережевывать', но и *zam'eryj'dovać* 'отдыхать' [Herniczek-Morozowa, 133; ОКДА], морав. *m'ĭeryzac* 'пережевывать', *me'rynda* 'еда', зап.-ср.-слвц. *'merizat*', *me'ringac* 'пережевывать' и 'отдыхать в полдень' (редко), *'merinda* 'еда' [ОКДА; Machek, 293], укр. *mĕ'rynž'ati*, *mĕ'ryn'zaty* 'пережевывать' (лемк., бойк., закарп., юг, восток; гуцул.), *mĕ'rind'a*, *mĕ'rend'a* 'еда' (там же), 'вымя' (гуцул.) и др., ср. бойк. *mĕryn'zak* 'место отдыха' [ОКДА; ЕСУМ III, 442]. На Юге Славии, по данным Атласа, отмечено лишь: хорв. *máre:nda* 'еда' (ср. и: *marĕnda*, *marendāti* [Jurišić, 114] и сев.-серб. *mĕ'rizu(i)et* 'отдыхает' (только *mārenda* 'еда' рассматривается в: [Skok II, 377]); ср. макед. *мерис*, *мириз* 'место отдыха' [Клепикова 1978, 123] (карта № 2).

${}^+balEga$ — по данным ОКДА (Р. Удлер; VI): ю.-польск. *'baɥaga* (редко) 'навоз', укр. (закарп., гуцул., зап.-буков.) *'ba'tega*, *'ba'lega* 'то же' (с развитием: ... → 'грязь на дороге' — верховья р. Прут) < рум. *baligă* [Vrabie, 130; ЕСУМ I, 127], которое (также — *băligar* и др.) широко представлено в румынских диалектах — кроме Юга (ОКДА), ср. арум., мегленорум. *baligă* [Rosetti II, 108; Parahagi, 190]. В балканской зоне лексема зафиксирована в сербских диалектах — *bàlega* (*bàlega*, *ba'l'ega*) 'навоз' и под. [ОКДА; PCA]; варианты *băloga* (Далмация) *băloga*, *òblega* (Лика), *găleba* (Карловац) рассмотрены в: [Skok I, 100]. Сербские формы, как и румынские, объясняются из алб. *bagjĕ*, *bagĕl*, *bagjĕ* 'то же' < *balgĕ* < **balgũă*, **bolgũă* (ср. греч. $\beta\acute{o}\lambda\beta\iota\omicron\nu$) [Çabej II, 457]; впрочем, существуют и иные версии — в частности, относящие лексему к общему албано-румынскому лексическому фонду [Rosetti]; о неясности этимологии: [Cioranescu, 62–63], также [Skok]; ср. сопоставление с лат. *bacula* 'маленькая ягода', с метатезой и изменением семантики: в румынском [M.-Lübke, № 873] и т. д.

⁺*bešEG* = (С. Реметич, Й. Лисац; IV) (лат. *věssica* [M.-Lübke, № 9276, 9277] ~ рум. *beșică, beșică, bășică, be'șyky* '(мочевой) пузырь' 'опухоль' и под. [ОКДА; Pușcariu, № 189; Candrea, № 141]; как наследие «балканской латыни» [Skok I, 141]), заимствовано в славянские диалекты карпато-балканской зоны: укр. *be'sega, be'syga* 'воспаление кожи (=рожа)', 'нарыв', 'лихорадка' [ОКДА]; ср. и бойк. *бишиха* 'вид тифа', буков. *бешига* 'воспаление' и под.; [ЕСУМ I, 186] и др.). На Славянском Севере известно и в русских диалектах: *бешиха* 'болезнь (=рожа)' (смол.) 'опухоль, шишка' (южн., донск.), ср. и: [Фасмер I, 3]; пути миграции неясны. О наличии слова в польских диалектах см. [Karłowicz]. На Юге: сх. *be'sika* '(мочевой) пузырь' и под. [ОКДА; PCA], макед. *be'sika* 'то же' [ОКДА], ср. также алб. *mbišik, mēšike, mēshikēz* (подробнее: [Бернштейн, Клепикова 1989, 70]).

⁺*Zestra* (П. Лизанец; III) (:лат. *dēxter* 'правый' [M.-Lübke, № 2618; Pușcariu, № 181] и т. д.) ~ рум. *zestreă, zăstre, ăăstri, 'zestry* 'приданое' (почти повсеместно, кроме Баната — [ОКДА]; ср. арум. *zestră* [Parahagi, 1139]; ср. и [DExpI]), заимствовано в диалекты зоны Карпат — укр. *'z'ajstra, 'zestra* (Вост. Словакия, лемк., буков. — [ОКДА; Vrabie, 130; ЕСУМ II, 58]), слвц. (сев.-вост.) *'zajstra, 'žjstra, 'd'ajstra* 'то же' [ОКДА; Nița-Armaș, 100]; на Юге — болг. *зестра* [Rosetti IV-VI, 126; Nița-Armaș; БЕР]; однако в диалектах фиксируется относительно редко, макед. *зестра* («диал.» — [PMJ]) (подробнее: [Бернштейн, Клепикова 1989, 71]).

⁺*AlbiE* (А. Вашек; II) (:лат. *alveus, albeus* 'корыто' [M.-Lübke, № 392]) ~ (дако)рум. *albie, 'alg'iji* (в большей части диалектов — [ОКДА]; ср.: [Candrea; Cioganescu]), в том же значении вошло в славянские диалекты карпатского ареала — польск. *'hal'biia, 'xal'b'ija, val'biia* [ОКДА; AJPP, № 71], морав. *'hal'b'ija, 'hál'vija*, слвц. *'hal'bil'a, val'biia*, укр. *val''biika* и под. (Вост. Словакия, бойк. [ОКДА; Machek, 122; Vrabie, 128; ЕСУМ I, 64] (здесь и далее см. карту № 3)).

⁺*gElEta* (Б. Очкова; II) — предполагается романский источник, ср. лат. *gallēta* 'ведро' и под. [M.-Lübke, № 3656; Pușcariu, 60; и др.], хотя само его происхождение неясно (см., например [Skok I, 586]). Слово ныне широко представлено прежде всего в карпатской зоне (помимо восточнороманских диалектов, также в польских, моравских, словацких, украинских диалектах, также — в венгерских), редко — на юге макроареала, ср. в.-серб. *'gal'ata*, макед. *ga'leta*. В различные языки (диалекты) зоны Карпат могло проникать, по-видимому, двумя путями: (1) непосредст-

венно из румынского (ср. [Cioranescu № 3572; ЕСУМ I, 492; MNyTESz I, 1018] и др.) и (2) через немецкое посредство, ср. ср.-в.-нем. *gellete* 'корыто' (ср. [М.-Lübke; Machek]); вопрос о прямом или опосредованном заимствовании слова в каждый язык ареала требует специального изучения. Семантика ⁺*gELEta* хорошо изучена в ОКДА — зафиксированы названия различных сосудов, связанных с переработкой молока и под.: 'подойник', 'сосуд для сохранения и подквашивания молока', также 'ведро', 'бочка (различного назначения)', 'мера (объема)' и под. Известные на Славянском Юге формы: хорв. *goleda*, *golica*, словен. *golida*, *galida* 'ведро' — из итал. (диал.) *galida* [Skok; Bez-laj I, 159], не связаны с результатами контактирования в карпато-балканской макроне (подробнее: [Бернштейн, Клепикова 1989а, 141 и сл.; Oczkowa]).

⁺*ferēG*= (:лат. *filix*, *filice* 'папоротник' — [М.-Lübke № 8294], *filicaria* 'то же' [№ 3298; Candrea № 577] и др.) ~ рум. *ferică*, *fē-regă*, *fērice*, 'feriky' 'то же' (центр, запад, Буковина), ср. арум. *feárică* [Parahagi, 454], мегленорум. *ferică* [ALRM sn II, 446] — заимствовано лишь в севернославянские диалекты: польск. 'feręćyna', 'feręcyna', 'peręcyna' 'то же' (см. [ОКДА: Г. Клепикова; V; AJPP, № 296]; ср. и: [Karłowicz] и др.), *floraczyna* 'ежевика' (Подкарпатье [Herniczek—Morożowa, 102]), морав. 'ferěčina', 'feráčka', 'peračyna' 'то же', словц. (сев.-зап.) 'feračina' [ОКДА; Machek, 108] (см.: [Бернштейн, Клепикова 1982, 77].

⁺*buka(ta)* (Б. Видоески, Пеев; III) (:лат. **buccāta* 'хлебец' < *bucca* 'губы, рот' [М.-Lübke, № 1358]) ~ рум. *bucată*, *bucățică*, *bucă*, *bu'katy* 'кусочек чего-либо', 'отрезок', 'часть' и под. [ОКДА]; ср. [Pușcariu, № 227; Candrea, № 191; Cioranescu, 109], арум., мегленорум. *bucată* [Parahagi, 222] и под.; заимствовано в украинские говоры: *bu'kat(h)a* (вост.-закарп., гуцул., буков. [ОКДА]; также в соседних районах Тернопольской обл. [Vrabie, 134; ЕСУМ I, 285]; Э. Врание указывает на фиксацию лексемы в некоторых русских и белорусских говорах [Vrabie].

Б. Предметом специального интереса карпатологов являются многочисленные заимствования из венгерского языка, а также отражение этих элементов в диалектах к Югу от Дуная. ОКДА позволяет выявить географию и описать семантику унгаризмов как исконного происхождения, так и иного (тюркского и под.). Ареалы лексем, представленных ниже, имеют различную величину и конфигурацию.

⁺*Salaš* (< венг. *szállás* см. [MNyTESz; III, 661]). По ОКДА (Р. Удлер; I): ю.-польск. (зап.) 'saɹaš', 'saɹas' 'пастушеская сто-

янка', '(временная) постройка', 'загон', также 'стадо', морав. 'sataš, слвц. 'salaš 'стоянка', 'постройка', укр. (лемк., закарп., буков. [редко], гуцул.) 'sa'taš, 'salaš, xa'taš — 'то же', 'дом', 'стадо' (ср. также [AGB, № 265]); на Балканах — ю.-серб. sàla:š, 'salaš 'амбар', ю.-вост. серб. 'saloč 'корзина для кукурузы'; по иным материалам: макед. салаш 'хутор' [PMJ], болг. салаш 'постройка (из досок)' (словари); в северо-западных диалектах — 'постройка', 'хутор' (редко), словен. salaš [Pleteršnik] (см. [Клепикова 1974, 172] (здесь и далее — карта № 4).

⁺HOtar (С. Бернштейн, Г. Клепикова; VII) (< венг. határ 'граница' и др. < др.-урал. hat [MNYTESz II, 73]; иначе — из нем. Hotter < Hotte 'корзина, загон' [Skok I, 666]; заимствование в зоне Карпат: ю.-польск. 'xotar (и: 'kotar [редко] 'участок земли (неурожайной)', морав. 'kota:r, 'kotar 'граница, земля (общины)', слвц. 'xota:r 'то же', укр. (закарп., сев.-буков., гуцул.) 'xotar', 'hotar 'то же' [ОКДА; AJPP, № 3; Sławski II, 9; Machek, 160; ЕСУМ I, 576]; в некоторых украинских говорах возможно посредство румынского [Vrabie, 179]. На Балканах ОКДА фиксирует с.-хорв. àta:r, 'atar 'земля общины', 'граница' (редко), макед. 'atar 'то же'; болг. хотарь — в валашских грамотах: [Sławski]; иначе: omap [Младенов 1975, 392]. Надо учитывать представленность слова и в румынском: ŷotár, hotár [ОКДА], — считается заимствованием из славянского (см.: [Skok]), иначе, из венг. határ [Tamás, 443]). Известные преимущественно в южнославянских языках k-формы (сх., болг., словен. kotar, kotara и др.) иногда объединяются с продолжениями венг. határ; другого мнения (*kotarъ < слав. *kotъ [ЭССЯ II, 199]; там же — мнение о сев.-слав. kotar= как южнославянском элементе; однако нельзя исключить здесь влияние венгерского).

⁺gazda (Р. Шпрамек; V) (< венг. gazda 'хозяйство', 'хозяин, владелец' и др. < слав. gospoda [MNYTESz I, 1038]) — широко представлено в севернославянских диалектах карпатской зоны: польск., морав., слвц. 'gazda '(богатый) хозяин, крестьянин' и под. [ОКДА; Sławski I, 264; Machek, 116; ЕСУМ I, 451]; в части украинских говоров — из рум. gazdă [Vrabie, 144]; также рум. gazdă (запад, Трансильвания и Молдова [ОКДА; DLR; Tamás, 370]. На Юге: сх. gàzda, 'gazda, макед. 'gazda '(богатый) хозяин', 'собственник земли' [ОКДА; PCA; RJA III, 117; PMJ], болг. диал. газда 'то же' [БЕР I, 224; РБЕ], далее словен. gazda [Pleteršnik]; ср. единичное арум. gazdu [Papañagi, 487] и диал. gəzdə 'собственник земли' (Крушево [Goľab, 217]) (здесь и далее — карта № 5).

+*sErsaM* (П. Лизанец; V) (< венг. *szerszám* 'средство, принадлежность' < др.-урал. *szer* + чуваш. *szám* [MNYTESz III, 741] — отмечается в некоторых славянских говорах зоны Карпат: ю.-польск. 'sarsan 'упряжь' (редко), словц. 'sersa:m, 'sersam, 'sarsan 'орудия (ремесленника и др.)', 'упряжь (редко)', укр. (закарп., лемк., бойк., гуцул.) 'sarsan, 'sersan, ser'sama 'то же' [ОКДА]; ср. и рум. *sărsămuri*, *sorsămurile*, *țărtămuri* 'сельскохозяйственные орудия' и под. (север, Банат), *căr'cămuri* 'бахрома, тесьма' (Молдова) [ОКДА; Tamás, 691].

+*darab(a)* (Б. Видоески, К. Пеев, III) (< венг. *darab* 'часть, кусок' и под. < слав. **drobъ* или словен., словц. *drob* — см.: [MNYTESz I, 593]), отмечается довольно редко в славянских диалектах: польск. 'darab 'кусок (хлеба и др.); укр. (редко) *da'raba* 'то же' и 'часть плота' [ОКДА; ЕСУМ II, 12], ср. и рум. (запад, Банат) *darab(ă)* (Молдова), *dă'rab* 'кусок', 'участок (земли)', но и 'стадо' [ОКДА] (карта № 6).

+*beteG=* (А. Думбрэвяну; IV) (< венг. *beteg* — (?) см.: [MNYTESz I, 290]; известно некоторым карпатским диалектам: ю.-вост.-польск. 'beteh (редко) 'болезнь', ю.-вост.-словц. 'bet'ax 'то же', укр. (лемк., вост.-закарп., гуцул.) 'beteh, 'bet'ux 'то же', 'болезненный, слабый' [ОКДА; ЕСУМ I, 178]: *bemeza*), далее — зап.-рум. *beteg*, *beteág* и *be'tjag* (Молдова) с теми же значениями [ОКДА]; см. и: [Прилози, 136; Tamás, 109]. О сх., словен. *beteg* [Sadnik 5, 292] (карта № 4).

+*doHaN* (Л. Балог; I) (< венг. *dohány* 'табак' — тюркское заимствование: см.: [MNYTESz I, 658]), откуда слово вошло в севернославянские (=карпатские) диалекты: польск. 'duhon (редко) [ОКДА], словц. (ср., вост.) 'duhan, do'ghan [ОКДА]; ср. [Machek, 91], там же — сведения о наличии лексемы в моравских говорах), укр. (лемк., закарп.) 'duhan, do'ghan, do'han [ОКДА; AGB, № 128; ЕСУМ I, 101], также — зап.-рум. *duhán, dohán* [ОКДА; DLR; Cioranescu; Tamás, 299]. Продолжение изоглоссы (=изолексы) — на Юге Славии (сх. *du'va:n, dúvan, dúha:n* и др. — [ОКДА]), однако этот элемент определяется как «балканский турцизм» [Skok I, 454] и, следовательно, не рассматривается в контексте венгерских влияний на славянские диалекты; ср. и алб. *du'han* 'то же' [ОКДА; Fjalor, 96] (карта № 6).

+*vam(a)* (П. Лизанец; V) (< венг. *vám* < перс. *wām* 'плата' и др. — подробнее [MNYTESz III, 1084], по данным ОКДА, вошло только в украинские говоры (закарп. [редко], гуцул., сев.-буков.) 'vata 'плата (за помол)' и 'таможня', 'шлагбаум' (ср. и [ЕСУМ I, 324] — *vam* 'мерка'); почти повсеместно — в ру-

мынских диалектах: *vatǎ* 'таможня', 'шлагбаум', 'плата' и др. [ОКДА; Tamás, 835] (карта № 4).

⁺*banOV* = (Б. Видоески, К. Пеев; IV) (< венг. *bán*, того же происхождения и рум. (*a*)*bǎnu* [MNYTESz I, 236; Rosetti IV–VI, 113, 329; ЕСУМ I, 135] и др.; этимология неясна). Лексема распространена в севернославянских диалектах зоны Карпат: польск. *'banovač*, *'ba'novač*, *ba'nuvač* 'печалиться, жаловаться' и под., морав. *'banovat*', словц. *'banovat*', *'banuvat*', *ba'novac* 'то же', укр. *banovaty*, *banuvaty* 'то же', 'обижаться'; в румынском: *bǎnu'ješti*, *banu'ješti* (Молдова) 'подозревать', 'обижать(ся)', 'каяться', но и 'предполагать'; также 'пожалеть (о времени)' — *mǎ bǎnuiește* (запад); венг. *ba:n*, *bx:n* 'печалиться', 'чувствовать себя виноватым' и др. [ОКДА]. Зафиксированное на Юге серб. *banóvat(i)*, *banovát* (Босния и Герцеговина) 'быть «баном»', 'жить как барин' не связано с рассмотренными выше лексемами (см., например, *bán* 'название правителя', 'господин' < тюрк.-монг. *ba-jan* и др. [MNYTESz]); иного происхождения и алб. *banoj* 'жить' [Çabej I, 463] (карта № 5).

География некоторых других унгаризмов, зафиксированных ОКДА, может быть изучена по: [Прилози, 136].

В Атласе много карт, показывающих, что в славянских диалектах ареала параллельно функционируют несколько заимствованных лексем. В этом отношении характерна карта, отражающая названия 'гроба' (Я. Сятковски; IV). Помимо относительно немногочисленных исконных наименований, — таких, как укр. диал. *dere'vyšče*, *'derevo*, со сходной мотивацией — рум. диал. *lemn* (:лат. *lignum*), укр. диал. *dubo'vyna*, *doto'vyna*, со сходной мотивацией — рум. диал. *sǎlaš* (< венг. *szállás* [Tamás, 686]), в славянских диалектах зоны Карпат широко используется заимствование из немецкого: *'trugla*, *'trugla*, *truna* и под. (< бавар. *truhel*, *trugl* [Machek, 654]; ср. и силез. *trün(e)*; при этом для некоторых восточнославянских микрозон принимается польское посредство, см.: [Фасмер IV, 109]; вост.-слвц., укр. *'lada* (как и ю.-рум. *ladǎ*) — из нем. *Lade*. Некоторые из отмеченных в зоне названий имеют тюркскую этимологию; так, укр. (закарп.) *koper'siŭ* (и рум. диал. *copîrșǎŭ*) < венг. *koporsó* [Tamás, 264] — турецкого происхождения [MNYTESz II, 566]; того же происхождения серб., макед. *kovčeg* (ср. и болг. *ковчег*) (ср.: [Skok II, 272; БЕР II, 513]), рум. диал. *coșciug* (< слав. *kovčeg* [Rosetti III, 67]); ср. также ю.-сл. *sanduk* [Skok III, 200] и босн.-герцег. *tabut* (то же — в албанских говорах) и т. п. (подробнее [Siatkowski 1991, 26]) (карта № 7).

2. Ареалы, представляющие дифференциацию славянских диалектов карпато-балканского лингвистического пространства по собственно славянским лексико-семантическим элементам.

Констатация эксклюзивного характера карпато-балканской лексики опирается на верификацию его путем сопоставления «карпатских» лексем с данными севернославянских диалектов, расположенных за пределами макрзоны. Не менее важна указанная процедура и для установления специфики в сфере семантики в карпатославянских говорах. Именно на выявлении семантических сдвигов, происходивших в славянской лексике в зоне Карпат базируется гипотеза В. М. Иллич-Свитыча относительно «роли карпатской миграции славян»³. При изучении изменений в семантике важен учет показаний и неславянских языков ареала, поскольку в ряде случаев в них сохраняются некоторые стадии развития значений, не зафиксированные в славянских диалектах. Специфически «карпатские» явления в сфере лексики и семантики ниже иллюстрируются несколькими примерами.

Лексическим «карпатизмом» (с изолированными южнославянскими параллелями) являются репрезентанты слав. **lěviti* (Я. Закревская; IV) (и.-е. **leu-* // *lēu-*) с амбивалентным кругом значений: 'приобретать' ~ 'лишаться' (направление семантической эволюции: 'лишаться' → ... 'от-делять от себя' ... → 'уступать, ослабевать, облегчать' и под.) с соответствиями в балтийских и германских языках (подробнее: [Топоров 1988, 257; Топоров. Прусский язык. 1991, 178]; ср. и: [ЭССЯ 15, 28 и сл.]). География и семантика продолжений слав. **lěviti* отражена в ОКДА — укр. (бойк., гуцул.) *pol'i'vyty*, *poli'vety* 'смягчиться (о злом человеке)', 'отступить (о боли)', 'потеплеть (о погоде)', и др., из словацкого — лемк. *pol'a'veti*, *pol'a'vete* 'то же' [ОКДА; КДА, № 192; ЕСУМ III, 256]; хорошо представлена лексема в словацком: *'polavit'*, *'pol'avit*, *pol'lavic* 'потеплеть', 'полегчать', 'отпустить (о боли)' и 'снизить цену' (ОКДА; также в диалектных словарях [Ripka, 43; Orlovský, 207, 249; Matejčík, 292] и др.; ср. и: [SSJ]); о чеш. *levit'* (*po=*, *od=* и др.) с близким кругом значений *levký* 'дешевый, доступный' — [Machek, 265] и [ЭССЯ]. В южнославянских диалектах — единичные фиксации, имеющие «пейоративную» семантику (=неточное соответствие): сх. *левити* 'терять время, бездельничать' (по: ЭССЯ), болг. диал. (Родопы) *излѣв'ам са* 'становиться плохим, обманывать' [БД II, 171]; вместе с тем банат. *леве* составители [БЕР III,

³ [Иллич-Свитыч 1960]. О роли данной гипотезы на современном этапе развития науки см. [Клепикова 1992а, 115].

338] сближают с *лева́м/левка́м* 'братъ, красть', для которого в качестве источника указывается греч. *λάβε* < ср.-греч. *λαβαίνω* и т. д.); в поле зрения находятся и болг. диал. *лефкѝ* 'сорная трава' (ю.-фракийск. [БД V, 233]), словен. *levka* 'плоды и овощи, не замеченные при сборе' [Pleteršnik I, 515], однако их отношение к слав. **lěviti* неясно; сомнительна и связь последнего с русск. *половьѣтъ* 'терять запах, выдыхаться', укр. диал. (буков.) *ловити са* 'скисать (о молоке)' (см.: ЭССЯ) (здесь и далее — карта № 8).

⁺*kvar*= (Г. Клепикова; IV) (< слав. **kvarъ* < и.-е. **kʷor*=, *kʷor*= они связываются с **kyriti*, **kuriti*; признается сомнительным родство со **skvъrna* и др. [ЭССЯ 15, 151], карта; о неясности этимологии слав. **kvarъ* > венг. *kár* [MNYTESz II, 370]. Лексемы с данным корнем достаточно хорошо известны в карпатской зоне: слвц. *'kva:rit'(sa)*, *'kvaric* 'болеть, недомогать', 'тяжко трудиться', 'беспокоиться' и 'тратить, красть', 'лакомиться' и др. (ОКДА; по иным источникам: *kvaric* 'портить' (Земплин) [Lipták 1973], *(po)kvaric* 'то же' (Бардеев — [Buffa 170, 199]), *(po)kvarat* 'измазать (едой)' (Людча), *kvarit* 'братъ без спросу' и под. (Новоград [Matejčík, 252]; *kvar* 'свадебный обычай' [Matejčík, 235] (ср. [SSJ]), укр. *'kvarēti* 'пасти скот на чужом поле' (Вост. Словакия), *kvaru'vaty* 'болеть (о человеке, животном)' (гуцул., зап.-буков., вост.-закарп.) (ОКДА; дополнительно см. [КДА, № 88] — *квар* 'тяжелая болезнь', 'тяжелая работа' и др.; [ЕСУМ II, 414]. Иные источники подтверждают наличие данных лексем в моравских говорах: *kvárit* 'trárit, uná-vovat' [Kott, 47] и т. д.). На Юге — см. болг. *кваря(се)* 'причинять ущерб' (словари; [БЕР II, 307]); в диалектах — *квар* 'повреждение, болезнь' (Пирдоп [БД IV, 110]), *кваря, куваря* 'повреждать' (Банат [Стойков 1969, 109]) и под.; сх. *kvà:r* 'убыток, ущерб, потеря' (Босния и Герцеговина), *kvar* 'тяжелый труд' (Сербия), *kva:riti*, *kvá:rit* 'портить, приносить ущерб' (хорошо известно), 'провиниться' (редко) (Босния и Герцеговина), 'тяжко трудиться', *rokva'ril se* 'тяжело заболел' (Сербия), *kva:rila se* 'сделала аборт' (там же) [ОКДА; РСА IX, 391: *квар, кваря*]; [Skok II, 251]; далее — словен. *kvar, kvara* 'вред, ущерб' [Pleteršnik I, 492]. На фоне карпато-балканской лексической параллели выявляется карпатский семантический локализм — слвц. *kvárit* 'тратить, красть', 'лакомиться' (см.: [Клепикова 1979]).

Карпато-балканской является словообразовательно-семантическая изоглосса репрезентантов слав. **bezočlivъ(jъ)* < **bezъ* & Adjectivum от **oko*: **besočnъ(jъ)* — [ЭССЯ 2, 35]. По данным ОКДА (Г. Клепикова; IV) ареал деривата **besočivъ(jъ)* охватывает некоторые южнопольские, ляшско-моравские, большую часть словацких

говоров, отдельные украинские; на Юге представлены дериваты от **besočnъ* (*ъ*). Объединяющим обе зоны является специфическая семантика: сдвиг '(безглазый)'... → 'бессовестный, бесстыдный'... → 'дерзкий, наглый' и др. Это отмечено в Карпатах: словц. *'bezočlivi, 'prezočivi*: (единично также в: [AJS III, № 41]), укр. *bezočiv'i* (Вост. Словакия), *bozoč'lyvyi* (прикарп., гуцул.) (см.: [КДА, материал в.304]) и на Балканах: сх. *bèzoča:n, bezòčan, be'zočan* 'то же' (РСА), макед. *'bezočen* [ОКДА; РМЈ], болг. *безочен*, но и *безочлив* [РБЕ I, 499, 500], далее — словен. *brezòčen* 'то же' [Pleteršnik I, 58]. На северной периферии ареала зафиксировано дальнейшее развитие семантики, ср., например, ляхск. *'bezočlīvy* 'неблагодарный', морав. *'bezočlivi*: 'грубый', 'завистливый', также словц. *'prezočivy* 'жадный до всего'; весьма далекие от рассмотренных значений — ю.-польск. *bezec'livy* 'тот, кто боится щекотки', *'bezuočlīvy* 'тот, кто говорит, чего не знает' [ОКДА].

В качестве яркого семантического карпатизма упомянем группу значений у продолжений слав. **gyzd*= (З. Грень; I); они были в последние годы предметом специальных исследований [Клепикова 1982; Овчинникова 1989]. Так, если в севернославянской (=карпатской) зоне эти репрезентанты имеют «пейоративное» значение, ср. ю.-польск. *gīzd* 'мусор, грязь, беспорядок' и др., морав. *gyzd, 'gyzdak* 'скверный, отвратительный' и под., словц. *gyzd (hyzd)* 'грязь', *z(o)hyzdit* 'делать грязным', 'ругать' [ОКДА], ср. и ганац. *zgezdit* 'обругать', кладнен. *vohyzd* 'нечто безобразное' и т. д., то на Юге Славии — противоположное, «мелиоративное», значение, ср.: сх. *gīzd, gīzdak* 'красивый, украшенный' и под., макед. *'gīzda, 'gīzdav* 'то же', ср. и болг. *гиздав, гиздя се*, словен. *gizda, gizdati se* и др. При этом зафиксированные в ОКДА единичные значения, противоположные господствующим в каждой зоне, не меняют — в синхронном плане — общего соотношения семантических объемов в масштабах карпато-южнославянского макроареала (ср., например: польск. [Самбор] *gīzd* 'красивый', *'g'izdrač s'e* 'неторопливо наряжаться', макед. [Штип] *'g'izda* 'нечистая женщина').

Помимо эксклюзивных лексико-семантических явлений, рассмотренных выше, для характеристики славянского диалектного ландшафта в зоне Карпат (и Балкан) важно привлекать и явления, имеющие значительное распространение в масштабах всей или большей части Славии. В этом случае карпатский ареал, в частности, демонстрирует значительную степень дифференцированности. Данные Атласа подтверждают и реальную противопоставленность по многим явлениям Севера и Юга в целом, и сложную картину корреспонденций между ними.

Так, лишь в зоне Карпат бытуют репрезентанты слав. **kadьlbъ*, **kadьlba* (Г. Клепикова; II) (< **ka-dьlbtī* [ЭССЯ 9, 115]), ср. польск. *'kadup*, *'kadьlba* 'сруб колодца', 'деревянный сосуд', морав. *ka'dtubek* 'то же', словц. *'kadlup*, укр. *'kadup*, *'kadoьb*, *'kad'ip* 'то же' (ОКДА) (здесь и далее — карта № 9). Не переходит на Юг изолекса *+kolьska* 'колыбель' (А. Вашек; I), очерчивающая все украинские, большую часть польских и словацких говоров (ср.: польск. *ko'цycka*, словц. *ko'liscka*, укр. *ko'lecka*, *ko'lycka* и под.); лишь на западе зоны фиксируются репрезентанты *+kolEBka* 'то же' (А. Вашек; I) (польск. *ko'lyьka*, морав. *ko'l'ipka*, *'kol'e:ьka*, словц. *'kole:ьka*), которые соотносятся с южнославянскими формами: сх. *koli:ьka*, *koliьevka*, макед. *ko'leьka*, *ko'leьka* (ср.: [ЭССЯ 10, 129–130]). Из преимущественно севернославянских элементов упомянем и репрезентанты *+č()rak* (И. Рипка; II) (подробнее см.: [ЭССЯ 4, 158]), которые зафиксированы в различных фонетических вариантах с основными значениями '(большая) ложка, половник', '(деревянный) сосуд' и др. в славянских диалектах зоны (ср. также венг. диал. *'čerpa:k*, в диалектах зоны Молдовы — *š'jor'pak*, *čer'pak*). На Юге, в иной словообразовательной форме, — вост.-серб. *српас*, другие варианты — и в Македонии: *српал'ка*, *српатка* (см. [Рипка 1983, 45]). ОКДА относительно редко фиксирует и лексемы с корнем **хуž=* 'дом' и близкие к нему (А. Вашек; I) (ср. [ЭССЯ 8, 165]) — польск. *хужа*, *хуш*, морав. *ху:ш*, укр. *'хужа*, *'хыжа*, словц. *'хижа* (так же — в говорах Молдовы: *һыж*, *'хыж* [юг]); на Юге Славии, по данным Атласа, — лишь вост.-серб. *ижа* 'дом' (представлено в словарях см. [RJA], также в иных источниках); болг. *һижа* и под. оценивается как новое (архив ОКДА; ср. [РСБКЕ]), однако как будто присутствует в диалектах (запад, Тырново [Enrietti 736]); словен. *һижа*, *һиша* (здесь и далее — карта № 10).

Близка к рассмотренным и лексико-«морфологическая» изоглосса *+obora* (Северная Славия) ~ *+obor* (Юг); кроме того, заимствовано в румынский: *obor*; ср. также венг. *abora* < укр. *обориз*, возможно и влияние лексемы *обора* [MNYTESz 1, 90] (в ОКДА — Я. Гаворова) подробнее [Клепикова 1974, 180].

Иной тип членения славянского диалектного ландшафта манифестирует следующий пример, также лексико-«морфологического» характера: *+košara* (украинские, болгарские, македонские диалекты) ~ *+košar* (остальные диалекты Севера, ср. также в румынских и венгерских диалектах), при этом дополнительно обследованная территория дифференцируется и по семантике — 'загон, огороженное место' (север, юг макроареала) ~ 'помеще-

ние для скота, хлев' (Юг) (общеславянский контекст в [Клепикова 1974, 188, карта 12]).

3. Дифференциация славянского диалектного ландшафта в соответствии с типами мотивационных признаков.

В плане дифференциации славянского диалектного континуума представляют ареалы, фиксирующие специфически карпатские (=карпато-балканские) мотивационные признаки, которые используются в процессе номинации тех или иных реалий народного быта. При этом важное значение имеют показания и неславянских языков. Наличие славяно-неславянских параллелей в сфере мотивационных признаков (по иной терминологии — «внутренней формы» [=ВФ]) (подробнее см.: [Клепикова 1992]) может интерпретироваться или как общее наследие индоевропейского прасостояния, актуализированное в ситуации языкового контактирования, или как заимствование из славянского в неславянский и *vice versa* (=калькирование), или, наконец, как конкретная реализация процесса формирования языковой общности конвергентного типа через появление отдельных фрагментов в лексико-семантической сфере. Здесь важно учитывать, что на модель, единую для всех языков, причисляемых к языковой общности, начинают ориентироваться модели отдельных диалектов. Разумеется, в каждом конкретном случае могут быть высказаны соображения относительно первоисточника того или иного мотивационного признака (=МП), избранного в качестве «базы номинации». Приведем несколько примеров, показывающих место и роль славянского компонента в формировании тех или иных фрагментов лексико-семантической структуры карпатской языковой общности.

Среди названий насекомого 'божья коровка' (*Coccinella*) ОКДА (Я. Сятковски; V) фиксирует большое число названий, имеющих сходную мотивацию — «коровка (корова) Бога», ср. польск. ('*boża*) '*kruřka*, слвц. '*řambořkova*: '*kraviřka*, укр. '*bořa ko'rořka*, -*ko-ro'viřka* (далее, по данным ОЛА, этот тип номинации представлен широко в русских диалектах и под.); тот же МП находит отражение в румынских диалектах, ср., например, '*vášili dũm-nuliři*, '*vaca luř dumňezăřu* и др. Сходной является мотивация и в чеш. (морав.) '*pa:mbiřkova* '*oveřka* («овечка Бога»), ср. и польск. '*řo'veřka*, а также в рум. диал. '*boři lu dumňezó*, '*buři*, -*řóri* («быки Бога») и под. «Разорванный» характер ареала бытования данного типа МП и, следовательно, пространствен-

ная дистанцированность славянских и романских форм допускает амбивалентную интерпретацию, исходящую, с одной стороны, из их внутренней связи (при том, что центром иррадиации могут быть признаны славянские диалекты), а, с другой, — из предположения о независимом и параллельном возникновении данного признака в романском и славянском лингвистическом пространстве (подробнее [Siatkowski 1991, 264]) (здесь и далее — карта № 11).

Сходна интерпретация типа ареала мотивационных признаков в связи с картой, на которой отражены названия 'склона горы, освещенного солнцем' (Я. Сятковский; VII). Наиболее интересной — в плане славяно-неславянских взаимодействий в зоне Карпат — является география МП «обращенность к солнцу»: польск. *stó'neč'no 'strona, do 'suońca* и др., морав. *'slu:nčni: 'strana, na 'sluŋku*, словц. *'potslnkova: 'strana, 'sln'ečna: - укр. so'nečnyj b'ik, do 'sonc'a* (на Юге: сх. *súnčana: strá:na, prá-su:ncu*), тот же признак — в рум. диал. *'parti la 'suoari, spri 'suoari, dinspri suoari* и под. В румынском широко представлены и названия с иной «внутренней формой», например, «лицо, лицевая сторона»: *fáța, ~múnt'elui, ~dialului* и под., см. и серб. диал. *li'ce* (ОКДА), также «наречные» конструкции — *in fáța, ~ifáța* и, наконец, контаминации обоих типов: *fáța sǒrelui, la 'faca 'suoarelui, pártia di fáța suořilui, dǎspre-* и др.; славяно-румынско-венгерские параллели отмечены при использовании мотивационного признака «юг, южная сторона»: польск.: *'južna 'strona*, укр. *połud'n'ova sturu'na*, рум. *'partia di-ǎ'n'iazǎ, ku faca la a'miazǎ, part'a d'i cǎtǎ mǎazǎzi* и под. (подробнее: [Siatkowski 1991, 264]).

Общие мотивационные признаки в славянских и неславянских диалектах карпатского ареала отмечены и в названиях 'отвала (плуга) — для отбрасывания земли' (Г. Клепикова; V). Упомянем ВФ «доска» — ср. польск. *'deska*, морав. *'deska*, словц. *'doska, 'deska*, укр. (закарп.) *'doš'ka* (также — сх. *dáska, 'štica*, макед. *'štica* и др.); этот же признак фиксируется и в румынских диалектах (ср. марамур., мунтен. *scîndurǎ*, на Юге Молдовы — *'skyn-dury*), ср. близкие обозначения и в венгерских диалектах: *'korna:n'deskǎ*; ср. турцизм *tahta* [RJA 76, 947] в диалектах Боснии. Данные лингвогеографии позволяют предположить, что центром иррадиации этого типа номинации могли быть севернославянские диалекты. Вероятно, другой источник влияния на уровне МП можно усматривать в наименованиях 'части плуга, которой подрезается земля, чересло' (Е. Овчинникова; V), ср.: вост.-словц.

(*'spodńe*) *'železo*, укр. (*pe'redne*) *že'lizo*, (*doŭhe*)~ и под., которые, несомненно, должны сопоставляться с широко представленными в румынских диалектах названиями *f'er*, *š'er* и под., часто с определением: *š'er lung*. Основой номинации избран признак «железо». Соотношение ареалов и их характеристики указывают на первичность использования данной «внутренней формы» в восточнороманском диалектном континууме и затем — калькирование ее в славянских говорах.

Упомянем и хорошо известные в макроареале названия 'узечки (недоуздка)', которые базируются на мотивационном признаке «голова» (точнее — 'то, что на голове') (Я. Банчеровски; VI). Так, укр. (лемк., закарп., гуцул.) *holo'vač*, *naħo'tovač*, *naħo'toŭnyk* и др. корреспондируют с западнославянскими формами: польск. *'ogŭuf*, *ŭogŭfka*, морав. *'ohla:f*, зап.-слвц., ср.-слвц. *'ohla:fka*, *'ohlavec*, *'ohla:vok* [ОКДА]; ср.: [КДА № 149]). Далее Атлас позволяет установить соответствия, с одной стороны, с южнославянской зоной — сх. *'ogla:v*, макед. *'oglaf*, ср. и болг. *оглаф*, *оглава* и др., а с другой, — с восточнороманскими диалектами — рум. *săpăřină*, *săpeřel* и под. (от *cap* 'голова', ср. лат. *caput* [M.-Lübke, № 1668]) (карта № 12).

Примером дифференциации карпато-балканской области в сфере типов номинации дает карта названий 'посиделок' (Ю. Дудашова; IV) — выделяется ареал, включающий некоторые севернославянские диалекты, — здесь используется МП «прясть», ср. польск. *'přqtk'i* (редко), *'p'řontk'i*, морав. *'přuntki*, широкое распространение имеют слвц. *'pra:tki*, *'priatki* и под., укр. (закарп., бойк., гуцул.) *'pr'atky*, тот же признак — в венгерских говорах: *'fono:*, *'fonoŭ*; на Юге тип представлен редко — хорв. *pré:lo*, серб. *pré:lo*, *pre'denka*, вост.-макед. *po'prelka*. В другой части ареала зафиксированы названия с мотивирующим признаком «сидеть» — ю.-польск. *po'šada*, *poša'daŋka*, *po'satki*, сев.-зап. слвц. *'posetki*, *'posedi*; названия такого типа обычны для румынских говоров — *sezătoare*, *șezăț'uoari* (ср. и заимствования из славянского — *sedăřăčă*, *si'djanky*) и широко представлены на Юге: серб. *sijélo*, *sédni:k*, *sedě:lka*, макед. *se'delka*, *sedelka* (карта № 13).

В карпатской и балканославянской зонах, по данным ОКДА, зафиксированы названия внутренних органов (человека, животного) — печени, легких, — образованные по модели «Adjectiva (с противопоставлением по цвету 'черный' ~ 'белый') + Substantiva (=«родовое» понятие 'внутренности, внутренние органы')» (П. Лизанец; IV). Наименования подобного рода (при различиях в лексемной реализации) широко известны в украинских го-

ворах, некоторых румынских (зона Карпат), на Юге они представлены в сербохорватских и македонских диалектах. Ср.: укр. 'č'orna pe'č'inka 'печень': 'b'ita pe'č'inka 'легкие' (также: 'čornyj 'potrux: 'b'ityj 'potrux и др.), рум. pla'myj 'negru, 'majury 'njagry, ž'i'gir ~ 'печень': pla'myj 'atbi, 'majury 'atbi, ž'i'gir 'atg'i 'легкие' и plămîni negre (mai, maierele negre): plămâni albe (maierele albe, jigărițe) и др.; сх. cz:na žigèrica, cr:na ut'robica, crn žiger 'печень': bijela žigèrica, bijela ut'robica, bel žiger 'легкие' и др. В болгарских диалектах, по данным диалектологических описаний, также известен указанный тип номинации, см., например, цигер (Самоков [БД III, 215]; Казанлык [БД V, 116]), жигер (Гюмюрджина [БД VI, 29]), дрон (Карлово [БД VIII, 118; Стойков 40, 71]), дрен (Родопы [БД II, 154]) и под. Эти лексемы отмечены в параллельных конструкциях с прилагательными (черен, црн ~ бял и др.). Кроме карпато-балканской номинационной изоглоссы, упомянем и локальную карпатскую, базирующуюся на использовании Adj. «тяжелый», ср.: укр. 't'aška pe'čunka 'печень', соответственно и 'lehki pečun'ky, словц. 't'aške 'plu:ca 'печень' ~ 'plu:ca 'легкие', польск. 'čysk'ę 'płucā и т. д.⁴ (карта № 14).

Лишь в карпатской зоне (в славянских и румынских диалектах) используется мотивационный признак «дно» для обозначения 'крышки (деревянного сосуда)' (И. Рипка, Я. Шикрова; II) с семантическим сдвигом: «низ» ↔ «верх»: 'дно (сосуда)' → 'крышка (=верх) (сосуда)'; ср. польск. 'deńko, 'duńko, морав. 'de:ńko, словц. 'die:nko, 'd'ience укр. 'deńce, 'denko ~ рум. fund, fundi'sor, funduzel (:лат. fundus — [М.-Lübke, № 3585]) (карту № 12).

Ареалы, устанавливаемые в пределах славянского диалектного континуума зоны Карпат (и соответственно — с учетом данных южнославянских диалектов) на основании мотивационных признаков, представляют по большей части такие типы, которые ранее специально не описывались. Как указывалось выше, особая направленность Вопросника ОЖДА позволила установить с л а в я н с к и е фрагменты изоглосс, манифестирующих соотношения иного уровня, а именно — уровня славяно-неславянских параллелей как результата соответствующих языковых и этнических контактов.

⁴ Об этимологии существительных, выступающих в перечисленных синтагмах: drop < слав. *drobъ [ЭССЯ 5, 120]; žiger= < тур. ciğer [MNYTESz III, 1218]; mai= < венг. máj [MNYTESz II, 818]; pečen= < слав. *pekti [Machek, 359]; plu:ca < нем. Plautze (< слав. pl'ut'a [Machek, 375]; potrux= ~ *potrox= [Machek, 387; Фасмер III, 346]; plămân= — ср. лат. pulmo, =onis [Parahagi, 824; М.-Lübke, № 6833]; utrob= < слав. *qtroba [Фасмер IV, 177; Machek, 551].

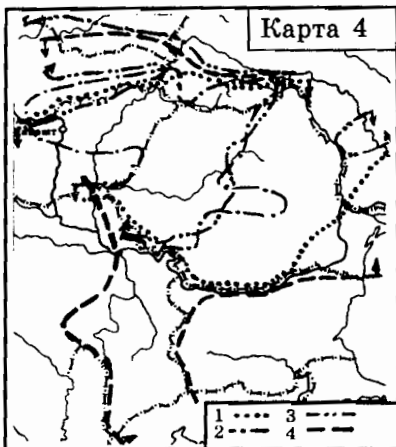
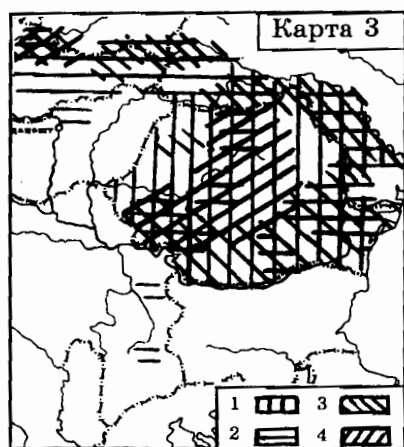
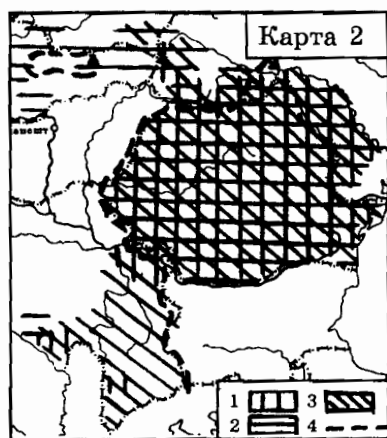
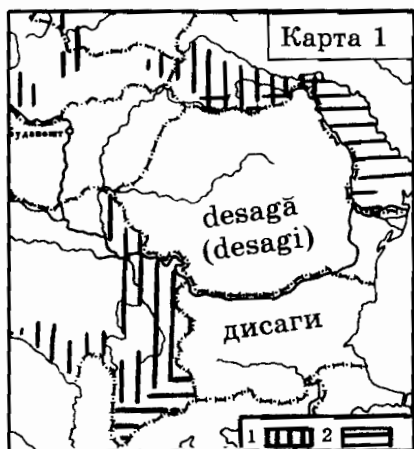
Развитие славянской лингвистической географии и создание атласов различных типов заложили основу для специальных ареалогических исследований, посвященных тем или иным языковым уровням, в том числе лексике и семантике. Пространственная характеристика отдельных лексем, лексических групп, принадлежащих к определенным терминологическим разрядам или объединенных общностью распространения в славянском диалектном континууме, является важным компонентом штудий диахронического (сравнительно-исторического, этимологического, глотто- и этногенетического) и синхронического планов. В последние годы исследования подобного рода всё шире привлекают и материалы многоязыковых атласов, таких как ОКДА и — пока в меньшей степени — ALE. Эти данные, с одной стороны, уточняют установленные типы изоглосс (ареалов), а, с другой, — выявляют новые, еще неизвестные в науке, поскольку макроатласы отражают географию и семантику тех лексических единиц, которые как правило не включались в вопросники славянских национальных атласов. Вместе с тем накопление сведений ареалогичного характера вовсе не предопределяет сближение точек зрения, касающихся перспективы интерпретаций сложной картины славянского диалектного ландшафта.

Очевидно, что синхронное описание лингвистических ареалов, их каталогизация и квалификация по определенным параметрам (конфигурация, величина, динамика, центральность/маргинальность, монологичность/полилингвистичность и др.) позволяет приблизиться к решению проблем временной стратификации соответствующих явлений — определению хронологии инноваций, заимствований и т. д. Вместе с тем ареальный метод выступает как вспомогательный; выявляемые с его помощью типы дифференциации лингвистического ландшафта Славии в дальнейшем должны анализироваться с привлечением других данных (ономастики, показаний памятников письменности, а также иных дисциплин гуманитарного цикла).

Первая публикация:

С. Бернштейн, Б. Видоески, Г. Клепикова, П. Лизанец, И. Рипка, Я. Сятковски.

Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным Общекарпатского диалектологического атласа). Доклад к XI Международному съезду славистов (Братислава, 30.VIII.–7.IX.1993). М., 1993.

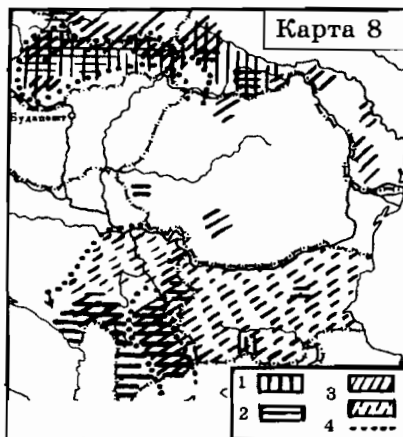
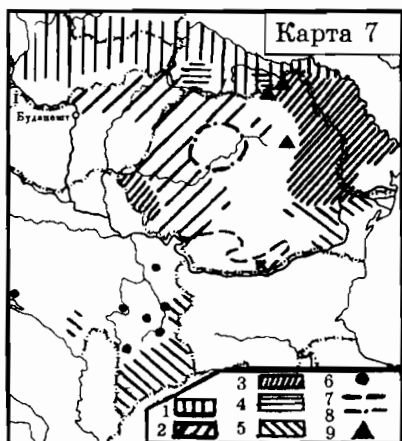
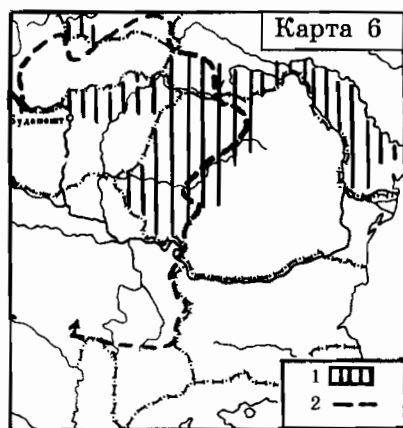
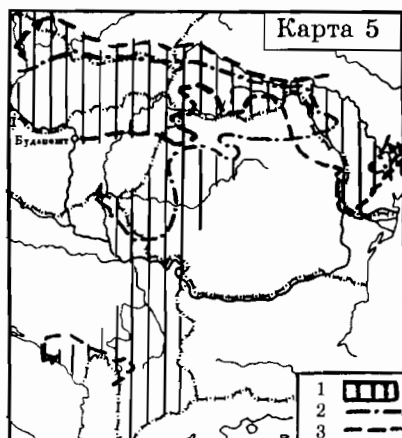

Карта 1. 1 ⁺bIsaC-, 2 ⁺dIsaC-

Карта 2. 1 ⁺bešiGa, 2 ⁺merEnd-, 3 ⁺balega, 4 ⁺Zestra

Карта 3. 1 ⁺buka(ta), 2 ⁺gElEta, 3 ⁺AlbiE, 4 ⁺ferEG-

Карта 4. 1 ⁺HOtar, 2 ⁺SalaŠ, 3 ⁺beteG-, 4 ⁺vam(a)

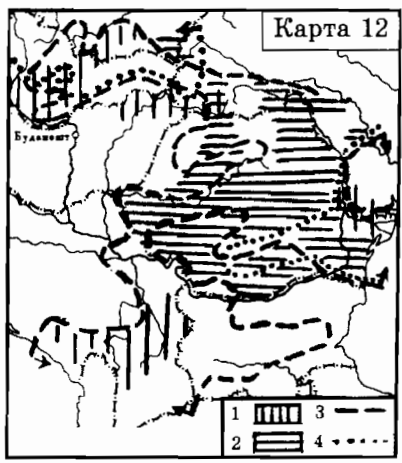
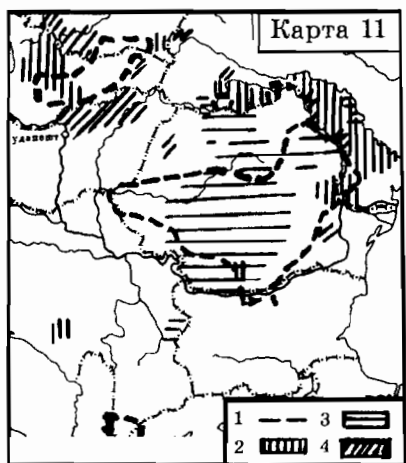
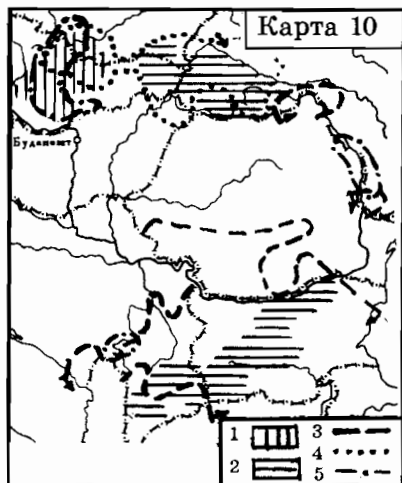
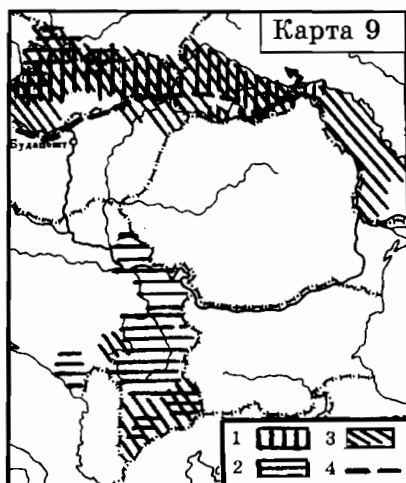

Карта 5. 1 ⁺*gazda*, 2 ⁺*SErsAm*, 3 ⁺*banOV-*;

Карта 6. 1 ⁺*darab(a)*, 2 ⁺*doHaN*;

Карта 7. Названия для 'гроба': 1 ⁺*truHla*, 2 ⁺*koporšo*,
3 ⁺*sikriu*, 4 ⁺*derevušće* и под., 5 ⁺*koVčEg*,
6 *sanduk*, 7 *tron*, 8 *salaš*, 9 *raclü*;

Карта 8. 1 репрезентанты **leviti*, 2 ⁺*kvar-*, 3 репрезентанты **gyzd-*,
4 репрезентанты **bezocivž(j)* и родств.

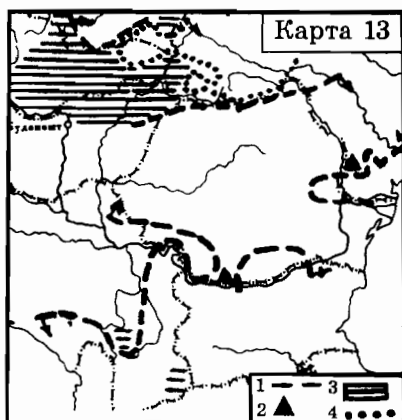

Карта 9. 1 $^+$ *kolIska*; 2 $^+$ *kolEbka*; 3 $^+$ *č()**rpak*; 4 репрезентанты **kadylbъ*

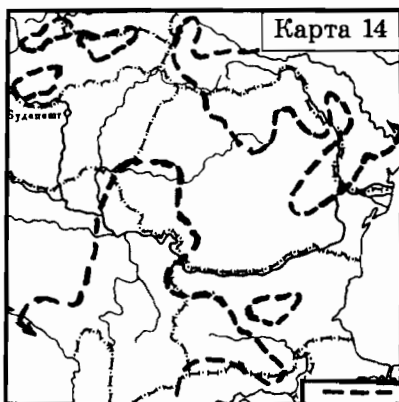
Карта 10. 1 $^+$ *košar*; 2 $^+$ *košara*; 3 $^+$ *obor*; 4 $^+$ *obora*; 5 репрезентанты **xuz-*

Карта 11. 1 мотивационный признак «корова Бога» и под. в названиях 'божьей коровки'; 2 мотивационный признак «обращенность к солнцу» в названиях 'склона горы, освещенного солнцем'; 3 мотивационный признак «лицо» в тех же названиях; 4 мотивационный признак «юг» в тех же названиях.

Карта 12. 1 мотивационный признак «доска» в названиях 'отвала плуга'; 2 мотивационный признак «железо» в названиях 'чересла плуга'; 3 мотивационный признак «голова» в названиях 'уздечки'; 4 мотивационный признак «дно» в названиях 'крышки (сосуда)'

Карта 13. 1 мотивационный признак «сидеть» в названиях 'посиделок'; 2 *sedéancă* и др. 'то же'; 3 мотивационный признак «прясть» в названиях 'посиделок'; 4 мотивационный признак «вечер» в названиях 'посиделок'

Карта 14. Синтагма «Adj. ('черный', 'белый') + Subst. (общее название 'внутренностей')» для обозначения 'печени' и 'легких'

Часть III

Общие проблемы славянской диалектологии и лингвогеографии

КОНТРАКЦИЯ И СТРУКТУРА СЛОГА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Освещение двух указанных в заглавии доклада явлений в их взаимосвязи требует прежде всего некоторого пересмотра распространенного в славянском языкознании положения, которое сводится к следующему: контракция (стяжение гласных) в славянских языках — явление локальное, оно характеризует по преимуществу западнославянские языки. Как хорошо

известно, контракция широко отражена в западнославянских литературных языках и не отражена или отражена слабо и непоследовательно в восточнославянских и южнославянских литературных языках. Вот почему еще в XIX в. именно по этому признаку ученые противопоставляли западнославянские языки языкам восточно- и южнославянским. Это было понятно и естественно для того времени, когда изучение диалектов славянских языков находилось на начальной стадии, когда специалисты по сравнительной грамматике опирались в основном на данные литературных языков и памятников славянской письменности. Но это время давно прошло. И странным анахронизмом звучит теперь утверждение, что, например, восточнославянские языки не знают контракции. А ведь именно на подобного рода утверждениях строятся все новые и новые гипотезы, которые призваны объяснить многие неясные и запутанные явления из области исторической фонетики и морфологии. Я не буду сейчас цитировать старых авторов, которые ошибочно характеризовали территории распространения контракции. Ограничусь свежими примерами.

Е. Паулини в своем труде «Fonologický vývin slovenčiny» [Pauliny 1963] уделил истории контракции в словацких говорах много внимания. У меня еще будет повод вернуться к этому капитальному труду. Здесь я, однако, хочу указать лишь на одно утверждение проф. Паулини. Он считает, что до сих пор еще не удалось установить причин контракции. При этом он обращает внимание на то, что контракции в языке сопутствует ряд важных фонетических признаков. Он пишет: «Поразительно, что в тех

языках, где удерживается фонологическое ударение (восточнославянские языки) или релевантная фонологическая интонация (южнославянские языки), контракция, как правило, не имела места. В тех же языках, где фонологическое ударение и интонация утратились (западославянские языки), контракция осуществилась» [там же, 89–90].

В 1962 г. в сборнике в честь акад. Б. Гавранка была опубликована статья Р. Крайчовича [Krajčovič 1962]. На этой статье я буду вынужден подробно остановиться позже, так как она имеет непосредственное отношение к теме данного доклада. Здесь же я хочу лишь обратить ваше внимание на следующее утверждение словацкого ученого: «Контракция, в настоящее время это общеизвестно, не имела места именно в восточно- и южнославянских языках. Полагаем, что это вызвано не случайными причинами, а имело свои основания» [Krajčovič 1962, 113]. В дальнейшем Р. Крайчович пытается обнаружить их.

Утверждения Е. Паулини и Р. Крайчовича не отражают истинного положения дела. Хорошо известно, что в отношении интонации и ударения южнославянские языки не представляют единства: болгарский и македонский не обладают интонацией, что их существенно отличает от сербохорватского и словенского. С другой стороны, в болгарском представлено фонологическое ударение, тогда как в македонском находим различного типа фиксированное ударение. Ошибочно характеризуются обоими авторами восточнославянские языки в отношении контракции.

Современное состояние русской диалектологии дает возможность представить контракцию в русском языке следующим образом: контракция известна всем северновеликорусским говорам, охватывает часть переходных говоров и спорадически встречается в южновеликорусских говорах [Коготкова 1953, 12]. Под воздействием литературного языка в говорах с контракцией иногда возникают нестяженные формы, но их характер, чуждый местной народной речи, легко установить. Характеризуя северновеликорусские говоры на основе двучленных соотносительных явлений, авторы новой «Русской диалектологии» указывают среди важнейших фонетических признаков на «отсутствие *j* в интервокальном положении, явления ассимиляции и стяжения в возникающих при этом сочетаниях гласных» [Русская диалектология 1964, 236].

Являясь в прошлом фактом фонетического характера, контракция в русском языке (как и в других славянских языках) пережила процесс морфологизации и в настоящее время харак-

теризует определенные морфологические категории. Следы ее мы находим в прилагательных, возникших в результате слияния именных прилагательных с указательным местоимением *jь, ja, je*, в сравнительной степени прилагательных, при употреблении постпозитивной частицы *-от*, в настоящем времени глаголов, восходящих к I и III классам, в прошедших временах глагола, в инфинитиве. Контракция представлена в группах *ája, 'aja, óje, 'oje, ýju, 'uju, Ёje, 'ыje, áje, 'aje, éje (ěje), óje, ýje, 'aju*. «Ударные сочетания *áju, óju, éju (znáju, mójju, s'ěju)* не подвергаются стяжению. В литературе, а также в материалах для диалектологического атласа имеются указания на утрату интервокального *j* в сочетании *áju*, т. е. отмечены формы типа *znáu, býváu*, однако дальнейшего стяжения в них не происходит» [Коготкова 1961, 91]. Надо полагать, что здесь представлен не гласный *u*, а билабиальный *w*.

Таким образом, контракция в русском языке осуществляется только в том случае, если интервокальный *j* находился в заударном слоге. В случаях типа *даjóт, встаjóт, стоjál, уjéхал, моjá* и подобных русские говоры контракции не знают, так как в предударной позиции *j* никогда не утрачивается.

Т. С. Коготкова, посвятившая много времени всестороннему изучению контракции в русских говорах (к сожалению, большая часть исследования еще не опубликована), установила территорию контракции, ее условия, ограничения, связь с северновеликорусской и южновеликорусской системами безударного вокализма, с ударением, с позицией перед твердыми и мягкими согласными, с различными морфологическими категориями. Автор хорошо показал на материале русских говоров различные ступени контракции. Нередко они обнаруживаются в системе одного говора. Коготкова называет это живым процессом контракции. Он представлен «во всех группах северновеликорусского наречия, особенно выделяются в этом отношении говоры Олонецкой, Поморской и Владимиро-Поволжской групп» [Коготкова 1953, 8]. Об активности процесса свидетельствует наличие контракции в словах книжного и иностранного происхождения. Коготкова хорошо видит связь контракции с изменениями границ слога. «При стяжении гласных нарушается граница слогов, причем сложность вопроса и состоит в том, чтобы выяснить, где и как нарушается этот слогораздел» [там же, 5].

К сожалению, итогами нового исследования не воспользовались авторы последних исторических грамматик русского языка. Они проходят мимо контракции, в лучшем случае посвящают

ей несколько слов в разделе морфологии прилагательного. И это обстоятельство имеет уже свои отрицательные последствия. Так, опираясь на «Историческую грамматику русского языка» В. И. Боровковского и П. С. Кузнецова (1963), И. Марван недавно писал, что «восточнославянские изменения касаются только групп без интервокального *j* (в имперфекте) и случаев морфологического характера (в сложных прилагательных)» [Marvan 1966, 345]. Как далеко это утверждение Марвана от подлинного положения! Контракция представлена на всей территории северновеликорусских народных говоров. Она характеризует здесь важнейшие элементы системы.

В меньшей степени явления контракции известны белорусскому и украинскому языкам. Однако и здесь в ряде говоров и позиций контракция имела место [Нарысы 1964, 190–192; Жилко 1966, 186, 209, 215 и др.].

Еще меньше оснований игнорировать факты контракции в южнославянских языках. Хорошо известны в памятниках старославянского языка стяженные формы в прилагательных и в имперфекте типа *добраго* (<*dobrajego*), *доброуѣму* (<*dobrujemu*), *вѣдѣхъ* (<*veděaxъ*), *можахъ* (<*možaxъ*). Нет сомнений, что в данном случае памятники XI в. отражают особенности живой народной речи славян Македонии, Мизии, Балкан и Фракии. Правда, далеко не все случаи упрощения структуры можно рассматривать как следствие контракции. Так, тв. п. ед. ч. *добримь* возникло, конечно, не в результате фонетического слияния именной формы *добрѣмь* и местоимения *имь*, а вследствие перестройки данной структуры по определенным морфологическим моделям. В местоименных прилагательных старославянского языка таких случаев много. Не имеют к контракции отношения и случаи типа *dobrogo, dobrotu ...*, представленные последовательно в восточнославянских языках и спорадически в памятниках старославянского языка. Они возникли под воздействием местоименного склонения *тѣ, тогѣ, томѣ ...* Труднее дать уверенный ответ на вопрос о происхождении западнославянских форм типа *dobrego, dobremu ...* Они могли возникнуть в результате контракции: *dobrajego > dobraego > dobreego > dobrěgo > dobrogo*. Однако нельзя исключить возможности здесь морфологических преобразований. Стяженные формы известны не только старославянскому языку. Они встречаются и в древних сербских, хорватских и словенских текстах.

Специалистам хорошо известны многочисленные случаи контракции в словенском языке. В этом отношении он не уступает

западнославянским языкам. Следы контракции представлены в литературном языке (ср. *báti se* 'бояться', *pás* 'пояс', *svák* 'деверь, свояк', *státi* 'стоять', *stál* 'стоял'), еще больше в говорах (ср. лит. *zájes*, диал. *zêc*). Контракция в словенском отражена во многих корневых морфемах, охватывает многие словообразовательные элементы слова и флексии (подробнее см.: [Ramovš 1924, 162–165; Ramovš 1952; Ramovš 1935]). Многочисленные случаи контракции в различных позициях находим в кайкавских и чакавских говорах сербохорватского языка. Именно это дало основание Р. Нахтигалу по признаку контракции языки этого района (словенские говоры, кайкавские и чакавские говоры) объединить с западнославянскими языками. «В языках западной славянской группы и в северо-западной части южнославянских языков неслоговой *i* в интервокальном положении уже в доисторическое время артикулировал слабо. В дальнейшем это привело к его утрате, а затем к взаимной ассимиляции гласных *i*, наконец, к их слиянию (контракции) в один долгий гласный» [Нахтигал 1963, 75].

Слабее отражена контракция в штокавских говорах. Однако в той или иной степени стяжение гласных представлено и здесь, что в свое время отмечал еще М. Решетар в известном труде «*Der štokavische Dialekt*» (Wien, 1907). Более поздние диалектологические исследования штокавских говоров обнаружили здесь новые районы контракции и связанные с ней явления.

Пережили контракцию в различных позициях слова и говоры восточного ареала южнославянских языков. Болгарский язык представляет контракцию в различных морфологических категориях.

Как известно, наиболее последовательно контракция была осуществлена западнославянскими языками. Однако и здесь наблюдаются колебания в степени ее отражения не только по языкам, но даже по диалектам отдельных языков. Кроме того, каждая система (литературного языка или отдельного говора) представляет в определенных словах или позициях многочисленные отклонения от общей тенденции.

Богат примерами контракции чешский язык. Здесь она отражена в корнях, суффиксах, во флексиях: *báti se* (<*bojati se*>), *bázň* (<*bojazň*>), *pás* (<*pojasz*>), *vévoda* (<*vojevoda*>), *dobrá* (<*dobraja*>), *dobré* (<*dobroje*>), *má* (<*moja*>), *mého* (<*mojeho*>), *děláš* (<*dě-laješ*>), *zná* (<*znaje*>), *umíš* (*uměješ*), *znamení* (<*znamenje*>), *pěší* (<*pěšj*>), *kostí* (<*kostj*>), *ženou* (<*ženoj*>) и т. д. (подробнее см.: [Trávníček 1935, 63; Селищев 1941, 101–103; Komárek 1958, 37–39; Широкова 1961, 70–71; Marvan 1967, 221–238]).

Однако даже в чешском языке контракция не могла быть осуществлена во всех позициях, так как в отдельных словах и некоторых морфологических условиях интервокальный *j* не утрачивался. Так, *j* сохраняется в *laješ, laje, piješ, pije, kryješ, kryje, báti se, no bojím se, bojíš se, státi, no stojím* и т. д. М. Комарек полагает, что контракция не могла быть осуществлена там, где она вызвала бы разрушение морфологической структуры слова, иначе говоря, распад морфологического тождества морфем [Комарек 1958, 38]. Однако далеко не все случаи можно объяснить так. А. Г. Широкова справедливо указывает на то, что условия для контракции в *laješ* и *znaješ* были тождественными [Широкова 1961, 71]. Однако в первом случае сохранена старая структура, во втором — *j* утратился и осуществилась контракция. Возможно, что некоторые нестяженные примеры — нового происхождения. Близок к чешскому в отношении судьбы интервокального *j* и контракции словацкий язык. Однако здесь контракция проведена менее последовательно (ср., напр., тв. п. ед. ч. *ženou < ženojř*). Есть различия и по говорам [Novák 1931; Pauliny 1963, 84–90].

Еще менее последовательно контракция проведена в польском языке. Богатую коллекцию примеров исключений дает В. Маньчак [Manchak 1966, 53–54]. Исследователи контракции в славянских языках не уделяют должного внимания данным полабских текстов. А ведь они свидетельствуют не только об отсутствии контракции в языке полабских славян, но и о сохранении интервокального *j*. «Праславянский *j* в интервокальном положении в полабском сохранялся без изменений. Напр., *perdója* (*perdoja, perdoje*) 3 л. ед. ч. наст. вр. **perdaje(tš)*, *zodərəjácə* (*sodaragańse*), причастие настоящего времени действительного залога **zadirajətjьjь*, *strél'əjácə* (*strelyaganse*), причастие настоящего времени действительного залога **stréljajətjьjь*, *znajémnə* (*snogemene*) **znajemyňtьjь*, *düjócə* (*dyótse*), числительное **dvojačьjь*, *vütdójemə* (*wittedoyíme, wittodüjeme*), 1 л. мн. настоящего времени **otdajemy, pójak* (*pogang, pojanck, pojunc*), им. ед. **rajakčь*, *rüji-sə* (*riyssa*), 3 л. ед. настоящего времени **roji(tš)-sə, rüjč-sə* (*riangsa*), 3 л. мн. настоящего времени *rojč(tš)sə, krüjə* (*krye*), 3 л. ед. настоящего времени **kroji(tš)*, *büji-sə* (*byissa, büjissa*), 3 л. ед. настоящего времени **boji(tš)sə, krojót* (*krojót*), инфинитив **krajati, düjə* (*düe*), 3 л. ед. настоящего времени **doji(tš)*, *düjácə* (*düangse*), причастие настоящего времени действительного залога **dojətjьjь, zójqc* (*sogans, sojangss*), им. ед. **zajęcь, znójə* (*znoye*), 3 л. ед. настоящего времени **znaje(tš), znójěs* (*snogis, znojš*), 2 л. ед. настоящего времени **znaješ* и т. д.» [Lehr-Splawiński 1929, 95–96].

Наш краткий и беглый обзор контракции в славянских языках свидетельствует, что контракция в связи с утратой интервокального *j* известна всем славянским языковым группам (не только западнославянской), что в западнославянских языках судьба ее была различной. Вот почему противопоставление по данному признаку западнославянских языков языкам других славянских групп лишено основания. Наиболее последовательно контракция была осуществлена в чешском языке. На противоположном полюсе славянского языкового мира находим полабский язык, южновеликорусские говоры.

Праславянский язык не знал контракции не только потому, что тогда не была известна утрата интервокального *j*. Контракция не осуществлялась и в случаях типа *bъraaxъ*, где *j* между гласными не было вообще¹. Вот почему все исследователи праславянского языка проходят мимо явлений контракции. Ничего не сообщается об утрате *j* и контракции в сводных очерках праславянского языка Г. А. Ильинского, А. Мейе, П. Арумаа и др. Исключение представляет лишь «A Prehistory of Slavic» Г. Шевелева [Shevelov 1964]. Автор посвятил специальный параграф возникновению новых долгот в результате контракции [там же, 524–528]. Однако анализируемые им примеры относятся уже не к праславянской эпохе.

В результате палатализационных процессов, действия «закона открытых слогов» в праславянском произошло сближение тембров звуков внутри слога. Это привело к формированию силлабем, когда «в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом» [Аванесов 1947, 48]. При данной структуре слог в слове должен был представлять постоянную и достаточно автономную единицу как в различных словообразовательных категориях (ср. *rq/ka*, *rq/čъ/ka*, *na/rq/ka/vъ/ni/kъ*), так и в парадигме (ср. *rq/ka*, *rq/ky*, *rq/cě*, *rq/kq*, *rq/kq/jq*, *rq/kъ*, *rq/ka/mъ*, *rq/ka/mi*, *rq/ka/xъ*; *ko/n'ъ*, *ko/n'a*, *ko/n'u*, *ko/n'e/mъ*, *ko/n'i*, *ko/n'e/mъ*, *ko/n'e*, *ko/n'i/xъ*; *ne/sq*, *ne/se/ši*, *ne/se/tъ*, *ne/se/mъ*,

¹ Авторы украинской сравнительной грамматики славянских языков объясняют отсутствие в праславянском контракции в имперфекте тем, что перед формантом *-ax-* находился ларингал. Старославянские примеры *дѣлаахъ молаахъ* и подобные явились результатом «недавней утраты ларингалных согласных перед формантом *-ax-*» [Вступ 1966, 79]. С этим положением согласиться невозможно, так как все известные нам факты говорят о том, что ларингалы утратились в ранний период истории праславянского языка, еще до установления так наз. «балто-славянской общности».

ne/se/te, ne/sq/ť, ne/se/vě, ne/se/ta, ne/se/te). Таким образом, границы слога во всех категориях были постоянными: при изменении формы слова не происходило перемещения слогораздела. Вот почему слогораздел являлся надежной защитой слога от воздействия соседних слогов. В эпоху силлабем в праславянском не могли возникнуть явления межсловной фонетики (напр., *sandhi*), слогового сингармонизма, диссимилятивного яканья и, конечно, контракции. В имперфекте *byraaxъ* в старославянском произошло стяжение гласных не потому, что два гласных *a* находились в непосредственном соседстве, а потому, что в результате утраты сверхкратких гласных в «слабой» позиции в XI в. была разрушена прежняя слоговая структура (силлабемы), в языке наступил период свободного перемещения слогораздела, что создало возможность перехода двойного гласного в долгий гласный, а позже и утрату долготы. В эпоху силлабем слогораздел так же препятствовал контракции, как и любой интервокальный согласный [Бернштейн 1963а, 66–67].

Неоднократно делались попытки связать контракцию с эпохой до утраты сверхкратких. Последняя по времени принадлежит Р. Крайчовичу. Как уже было сказано выше, словацкий ученый исходит из ошибочного положения, что контракция характеризует лишь западнославянские языки и отсутствует в восточно- и южнославянских. Он полагает, что это различие характеризовало уже праславянские диалекты и было связано с тем, что в западнославянском праязыке «закон открытых слогов» действовал не так последовательно и строго, как в других праславянских диалектах. Это доказывается сохранением в западнославянских языках групп *tl, dl, dn, dm* и упрощением их в *l, n, m* в восточно- и южнославянских, сохранением групп *kv, gv* в западнославянских и переходом их в *cv, zv* в восточно- и южнославянских. Здесь все строится на спорных и весьма сомнительных допущениях. некоторую непоследовательность в проведении «закона открытых слогов» исследователи обнаруживают только на периферии западнославянских языков (на севере лехитской группы), но они обнаруживают ее также и на периферии болгаро-македонской группы. У нас есть все основания полагать, что праславянские слоговые плавные в восточнославянских языках стали неслоговыми еще до утраты сверхкратких. Таким образом, в случаях типа *vylkъ* в восточнославянском праязыке мог возникнуть закрытый слог еще в период действия «закона открытых слогов». Все это, однако, не имеет никакого отношения к случаям типа *mydlo-mylo* и под., так как

здесь все диалекты праславянского языка представляли только открытые слоги: *my/dlo*, *my/lo* [Бернштейн 1961, 188–190].

Крайчович полагает, что в группе типа **toje* в диалектах праславянского языка возможны были две слоговые структуры: *toje* и *toi/e*. Первая была характерна для тех праславянских диалектов, которые лежат в основе восточно- и южнославянских языков. В этом случае *i* изменялся в *j* и возникало два открытых слога: *to/je*. Согласный *j* хорошо сохранялся, и контракция не возникала. Вторая слоговая структура была представлена в западнославянском праязыке. Таким образом, здесь был представлен закрытый слог *toi-*, в котором *i* позже утратился. Так возникли здесь условия для контракции. Сперва *i* утратился в группах типа *t'ýie > t'ie > t'é*, позже в группах типа *toje > toə > té*. Все эти соображения лишены какой бы то ни было почвы. Во всех диалектах праславянского языка интервокальный *i* (или *j*) должен был непременно начинать слог, т. е. идти сразу же после слогораздела, так как в противном случае он образовывал бы с предшествующим гласным дифтонгическое сочетание, которое закономерно должно было перейти в монофтонг (*oi > ē*).

Славянские языки свидетельствуют, что утрата интервокального *j* наступила позже падения сверхкратких в «слабой» позиции. Д. В. Бубрих в свое время хорошо показал, что в «слабой» позиции *ь* никогда в стяжении не участвовал, что он утратился раньше, нежели исчезал интервокальный *j* [Бубрих 1924, 79]. Современные сербохорватские примеры типа *zdrávlje* (<*zdravъje*), *snǫplje* (<*snopъje*), *krǫvľu* (<*kravъjъ*), *vesělje* (<*veseljje*), *kámenje* (<*kamenъje*), *prŭŭhe* (<*prqvъje*), *bráňa* (<*bratъja*), *lâňa* (<*oldъja*) и т. д. подтверждают это наглядно и убедительно. Хорошо аргументировал недавно проф. Е. Паулини свое положение, что в средне-словацких говорах контракции предшествовали не только утрата сверхкратких и их вокализации, но и деназализация носовых [Pauliny 1963, 100].

Сложнее решается вопрос о соотносительной хронологии контракции в чешском языке. До появления известной статьи Н. С. Трубецкого «К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках» (1929) историки чешского языка полагали, что контракция в чешском наступила после утраты сверхкратких в «слабой» позиции. Ф. Травничек высказывал предположение, что оба процесса были почти синхронными. «Вывод Фр. Травничка, — писал Трубецкой, — представляется нам необоснованным» [Трубецкой 1929, 805]. Он обращает внимание на несколько примеров из чешского языка, которые можно, как

полагает Трубецкой, объяснить только в том случае, если исходить из положения, что контракция наступила раньше падения сверхкратких. «Есть формы, которые проливают свет на хронологическое соотношение падения еров и стяжения гласных в западнославянских языках. К таким формам относятся прежде всего чешские образования с суффиксом *-stvie*, н.-чеш. *-ství* (*lakomstvie*, *junošstvie*, н.-чеш. *ředitelství*, *vinařství* и т. п.), восходящим к праслав. **-ьstvъje*. Ведь если бы падение слабых еров происходило до утраты междугласного *-j-* и до стяжения гласных, то **-ьstvъje* дало бы по-чешски *-eství*, а не *-ství*. Правда, можно было бы попытаться объяснять отсутствие ожидаемого *e* перед *-ství* влиянием другого праславянского суффикса, именно суффикса **-ьstvo*, специализировавшегося в чешском языке в роли суффикса имен собирательных (*obyvatelstvo*, *čtenářstvo* и т. п.), но объяснение это вряд ли могло бы считаться удовлетворительным» [там же, 806–807]. С последним утверждением Трубецкого вполне можно согласиться. Однако к нему нет нужды прибегать, так как указанные выше случаи можно толковать иначе. «Еще более поучительными представляются нам, — продолжает Трубецкой, — западнославянские отражения праславянского слова *šьstvъje* ('шествие'): чеш. *příštíe*, польск. *wejsćie*, *zejśćie*, *ujśćie*. Двухсложное чеш. *příští* могло получиться из четырехсложного праслав. **prišьstvъje* только через ступень *prišьstě*, т. е. только при условии, если утрата междугласного *-j-* и стяжение гласных завершилось до падения слабых еров: иначе **prišьstvъje* дало бы **prišestie*. Заметим, что чеш. *příští* не может быть объяснено действием каких-либо внефонетических факторов (аналогии и пр.), ибо в морфологическом отношении оно стоит совсем особняком» [там же, 807]. И в данном случае можно обойтись без «внефонетических факторов».

Прежде всего следует обратить внимание на то, что только на основании отдельных примеров из чешского и польского языков Н. С. Трубецкой делает заключение о хронологии явления во всех западнославянских языках. Но обратимся к его примерам.

Все приведенные Трубецким примеры могут быть истолкованы иначе, если мы предположим, что в древнечешском интервокальный *j* очень рано, еще до утраты сверхкратких, изменился в *i*. Таким образом, суффикс **-ьstvъje* и отглагольные существительные типа **šьstvъje* для древнечешского следует восстанавливать как **-ьstviě*, *šьstviě* — после утраты *ь* в «слабой» позиции **-stvie*, **šstie*. Утрата *ь* в «слабой» позиции перед *i* не могла обеспечить сохранение *ь* в предшествующем слоге, так

как в положении перед слогом *cie* он также оказывался в «слабой» позиции. В дальнейшем *i* слился с последующим гласным. Так же можно толковать пример Комарка *ohbie* (<*ogzbyje*), совр. *ohbí* 'изгиб'. Что касается примера *stryc* (<*stryjъcъ*), то здесь без «внефонетических факторов» обойтись уже нельзя [Комáрек 1958, 38].

Утрата интервокального *j* и последующая за этим контракция происходили в славянских языках в разное время, но всегда после утраты сверхкратких, т. е. после распада праславянской слоговой структуры (силлабем). Утрачивался не *j*, а *i*. Поэтому все процессы, связанные с контракцией, ранее наступали там, где раньше и последовательнее согласный *j* изменялся в полугласный *i*. В одних позициях *i* утрачивался без всякой компенсации (напр., *aja* > *aia* > *aa* > *ā*), в других — сливался с последующим гласным в долгий монофтонг (напр., *bie* > *ie* > *ē*). Сверхкраткие в слоге перед этим долгим монофтонгом утрачивались, несмотря на то, что по правилу Гавлика они должны были сохраниться. Прежде я вслед за Трубецким не учитывал роли *i* в создании долгих монофтонгов². А именно в чешском языке она была велика.

Контракция наступила в славянских языках в разное время. Раньше всего в чешском, позже — в словацком и словенском, еще позже — в штокавских говорах сербохорватского языка. Как уже отмечалось выше, в некоторых северновеликорусских говорах контракция в настоящее время действует как живой фонетический процесс.

С контракцией были связаны не только фонетические и фонологические изменения, не только глубокие преобразования структуры слога: менялся внешний облик морфем и границы между ними (ср. *zajęсь* > *zec*). Существенную роль сыграла контракция в истории флексий.

Условия для контракции возникали в славянских языках в различные периоды их истории в связи с разными локальными процессами. Как правило, процессы эти происходили поздно и в настоящее время обычно представляют начальные ступени: двойные гласные или долгие согласные. Примечательно, что в этом случае находим долгие гласные в тех языках, которые давно утратили количество (фонологическую долготу).

² В «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» я писал: «Трубецкой хорошо показал, что эти процессы (контракция. — С. Б.) здесь (т. е. в западнославянских языках. — С. Б.) прошли до утраты сверхкратких гласных» [Бернштейн 1961, 247].

Ф. Лоренц отмечает долгие гласные в кашубских говорах в связи с переходом интервокального *t* в *u* и затем слияния его с соседними гласными: *prédā* (<*predata*), *dā* (<*data*), *prosā* (<*prositā*), *rob'ā* (<*robīta*). Некоторые говоры представляют более древнюю стадию (стадию двойных гласных): *daa*, *pītaa*, *ležaa*. Лоренц указывает, что в этих говорах контракция еще не проведена [Lorentz 1925, 58–59]. Ст. Стойков в говоре болгарского села Петырница близ Плевена отметил наличие долгих гласных в результате слияния *t* с предшествующим гласным: *зѣка* (<*зелка*), *сѣска* (<*селска*), *бѣгарин* (<*българин*), *вѣна* (<*вълна*), *гѣтам* (<*гълтам*), *вѣ* (<*вол*), *стѣ* (<*стол*). Однако долгий гласный находим только в подударной позиции. В безударной позиции говор представляет двойные гласные: *дѣѣбоко* (<*дълбоко*), *йабѣѣка* (<*йабълка*), *кѣѣбѣ* (<*кълбѣ*), *мѣѣчи* (<*мълчи*) и др. [Стойков 1962а, 15–16]. Контракция, в которой принимал участие интервокальный сонант, широко представлена в различных районах штокавщины [Maretic 1963, 119].

К локальным процессам относятся случаи контракции в результате утраты интервокального *x*. Это явление известно сербохорватским, македонским и западноболгарским говорам. Наиболее последовательно стяжение проведено в сербохорватском, где представлена ступень долготы (ср. турецкое заимствование *sahat* в сербохорватском *sām*, тогда как в болгарском языке здесь находим двойной гласный: *saam*).

К сожалению, существующие описания южнославянских диалектов, специальные работы о случаях контракции в связи с утратой интервокального *x* не дают ясного представления об этом явлении, так как исследователи, как правило, не различают долгих и двойных гласных. Совершенно очевидно, что о контракции можно говорить только в том случае, если мы имеем дело с монофтонгом (долгим или уже утратившим долготу), а не с двумя тождественными монофтонгами, разделенными слогоразделом и относящимися обычно к разным морфемам. Во время своих многолетних изучений болгарских диалектов я всегда фиксировал только двойные гласные (напр., в аористе *утѣдаа*, *замѣнаа* и т. д.). Возможно, это объяснялось тем, что мои личные наблюдения ограничивались восточноболгарскими говорами. М. Младенов утверждает, что «долгие гласные, полученные вследствие утраты согласных (преимущественно согласного *x*), свойственны, как видно из приведенных примеров, прежде всего западноболгарским говорам» [Младенов М. 1963, 28].

Большой интерес для изучения данного явления представляет македонский литературный язык, так как он последователь-

но отражает диалектную утрату интервокального *х*. Вл. Пьянко утверждает, что в результате утраты интервокального *х* в литературном языке представлен *ā*: *имā, гледā, мāла*. Под влиянием принятой орфографии и некоторых говоров иногда можно услышать *имаа, гледаа, маала* и под. Автор считает *ā* самостоятельной фонемой, так как она выполняет важную дифференциальную функцию: *пāдна — пāднā, глѣда — глѣдā, бāньат — бāньāt, ѓма — ѓмā, збѳрба — збѳрбā, ѓчеме — ѓчѳме* и под. [Пьянко 1960/1961, 204–206]. Однако в заключение совершенно неожиданно Пьянко пишет: «Автор данной статьи сознает, что материал можно интерпретировать и с другой точки зрения: долгие гласные в македонском языке можно считать не только долгими фонемами, но и сочетаниями двух фонем (бифонемами). Этот вопрос является дискуссионным. Данное толкование проблемы представляется автору более интересным» [Пьянко 1960/1961, 211]. Противоречиво и неясно толкуется вопрос о долгих гласных в грамматике Бл. Конеского [Конески 1952, 85]. Совершенно очевидно, что вопрос о долгих и двойных гласных в македонском языке требует еще всестороннего экспериментально-фонетического и фонологического исследования. Он тесно связан с изучением структуры слога и морфемного состава слова.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Контракция и структура слога в славянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 19–31.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АТЛАСОВ

Первые атласы, как правило, носили наименование лингвистических атласов. Так назывался французский атлас Ж. Жильерона и Э. Эдмона [Gilliéron, Edmont 1902–1910], румынский атлас Г. Вейганда [Weigand 1909] и ряд других атласов, опубликованных в разные годы. На первом конгрессе славистов в Праге в 1929 г. А. Мейе и Л. Теньер выступили с

проектом славянского атласа, который они в согласии с традицией назвали лингвистическим атласом «Projet d'un atlas linguistique slave». К. Яберг и Я. Юд, составители восьмитомного атласа Италии и южной Швейцарии, внесли уточнение. Они разграничили понятие языковой атлас (Sprachatlas) от атласа предметного (Sachatlas). Термин этнографический атлас находим у В. Песслера [Pessler 1929] и у ряда его современников. См., напр.: [Harmjanz, Röhr 1937–1939]. К. Мошинский предпочел для своего польского этнографического атласа более нейтральное название — Atlas kultury ludowej w Polsce [Moszyński 1934–1936]. Еще в довоенный период утвердилось разграничение между лингвистическим и этнографическим картографированием.

М. Пидал первый начал картографировать явления народной словесности. За ним пошли В. Песслер, А. Бах и некоторые другие немецкие, австрийские и швейцарские исследователи. Это картографирование включалось в понятие этнографического картографирования. Возможные наименования фольклорное картографирование, фольклорный атлас не утвердились.

По мере развития лингвистической географии, усложнения задач и принципов картографирования усложнилась структура атласов, самая техника картографирования, начал привлекаться новый материал. Лингвистическое картографирование постепенно стало выходить за пределы изучения диалектов. В связи с этим термин лингвистический атлас из видового стал родовым. Потребовалась новая терминология. Это особенно четко проявилось в истекшее десятилетие.

По решению IV Международного конгресса славистов в Москве в 1958 г. началась работа над атласом всех славянских языков. В то время не было никаких сомнений, что будущий атлас должен называться Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА). Так он и стал называться. В 1974 г. началась большая коллективная работа над Общекарпатским атласом, который стал именоваться уже не лингвистическим, а диалектологическим атласом (ОКДА). Дело в том, что в семидесятые годы стало четко осознаваться значение картографирования языковых фактов, находящихся за пределами диалектологии. Была глубоко осознана необходимость картографирования данных топонимики, т. е. создания топонимических атласов. Работа в этом направлении уже идет. Будущие топонимические атласы дадут богатый материал для изучения многих важных явлений истории языков, границ древних племенных диалектов, этнических контактов. По материалу они будут лингвистическими атласами, но одновременно по технике картографирования будут существенным образом отличаться от обычных диалектологических атласов. Итак, среди лингвистических атласов следует четко разграничивать диалектологические и топонимические атласы. Диалектологические атласы могут охватывать все территории распространения диалектов данного языка (т. н. национальные диалектологические атласы) или только их часть (т. н. региональные диалектологические атласы).

В последние годы возник интерес к картографированию явлений из памятников древней письменности. Факты, извлеченные из синхронных памятников письменности, отражающие особенности народного, разговорного языка, могут быть нанесены на карту. Такие карты дадут ценную информацию для характеристики состояния диалектов различных эпох. Конечно, они будут определяться количеством сохранившихся памятников, близких к разговорному языку, из различных районов данной страны. Особую ценность в этом отношении представляют грамоты судные, духовные, отдельные, рядные, купчие, писцовые книги, приходо-расходные книги и под. Не случайно мысль о создании атласов на основе памятников письменности родилась в среде специалистов по истории русского языка. В распоряжении историков русского языка находится большое число подобных текстов. Как правило, они имеют территориальную приуроченность. Имеются и некоторые обнадеживающие опыты картографирования фактов болгарских памятников XVII–XVIII вв. Здесь ценный материал содержат дамаскины. Многого можно ожидать от кар-

тографирования древних сербских памятников благодаря большому числу сохранившихся грамот из различных областей, грамот датированных и точно локализованных. Данный вид лингвистических атласов может быть назван историко-диалектологическим. В отличие от топонимических атласов данный вид лингвистического атласа будет тесно связан с диалектологическим. Речь прежде всего идет о вопроснике. Вопросник историко-диалектологического атласа должен прежде всего опираться на вопросник соответствующего диалектологического атласа. Конечно, могут быть выявлены в древних памятниках такие дифференциальные признаки, которые современными говорями уже утрачены. Соответствующие карты будут представлять очень большую ценность.

Аналогию здесь представляют этнографические атласы. Собственно этнографический атлас опирается на результаты непосредственных наблюдений над материальной и духовной культурой. Однако существует русский этнографический атлас «Русские», в котором картографируются факты, извлеченные из различного рода материалов прошлого (старых этнографических описаний, экспедиционных отчетов, музейных коллекций и т. д.). Такой атлас следует именовать историко-этнографическим атласом. Существенным образом различается в этнографических и историко-этнографических атласах техника картографирования.

Среди различных видов лингвистических атласов возможны атласы типологические. В данном случае предметом картографирования будут являться факты структурного характера в родственных и неродственных языках. Эти атласы будут играть важнейшую роль в исследованиях типологии, в создании типологических классификаций. Приближается к подобному атласу *Atlas linguarum Europae* [ALE].

В настоящее время имеются сторонники комбинированных лингво-этнографических атласов, т. е. атласов, карты которых давали бы одновременно сведения о народных говорах и явлениях народной культуры. В защиту подобного рода атласов в последние годы опубликовано много статей, а в Польше даже уже опубликован «*Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski*», выполненный под руководством лингвиста З. Соберайского и этнографа И. Буршты. Из печати вышло два тома, ожидается третий том [Sobierajski 1979, 197]. Атлас убедительно, вопреки желанию его составителей, показал, что пока не найдены принципы, на основе которых можно создать комбинированный лингво-этнографиче-

ский атлас. Первый том содержит диалектологические и этнографические карты, между которыми нет никакой связи. Вероятно, именно это обстоятельство привело к тому, что составители решили лингвистические и этнографические карты в дальнейшем публиковать отдельно: во втором томе опубликованы только диалектологические карты, третий будет содержать только этнографические. Таким образом, мы имеем в данном случае дело с двумя совершенно самостоятельными атласами.

Мне уже не раз приходилось писать против самой идеи создания комбинированных лингво-этнографических атласов. Сторонники подобных атласов обычно указывают на близость лексико-семантических атласов к этнографии, на то, что составитель подобных атласов должен отлично знать народный быт. Все это так. Конечно, диалектолог должен отлично знать реалии, наименования которых он собирается картографировать. В свою очередь этнограф не может игнорировать названия вещей и явлений, которые он картографирует. Но это слишком зыбкая почва для создания лексико-этнографических атласов. Не следует забывать, что диалектолог смотрит на народный быт через язык и только через язык. Он проходит мимо существенных дифференциальных признаков реалий, если эти признаки не находят отражения в языке, и подмечает самые незначительные отличия материального характера, если они фиксируются в языке. Диалектолога, как правило, не интересует техника изготовления предмета, при наличии функционального тождества он смело может пройти мимо некоторых своеобразных особенностей в орудиях труда, в одежде, в постройках. Коренным образом отличаются методика сбора материала, его обработка, самая техника картографирования. Диалектолог и этнограф на разных основаниях устанавливают семантическую дифференциацию изучаемых явлений. Поэтому так часто возникает несовместимость данных, которыми располагает диалектолог и этнограф. Стремление диалектолога дать всестороннюю и глубокую характеристику семантического поля данной лексемы не находит и не может найти поддержки и даже простой заинтересованности у этнографа. Для этнографа языковая проблематика сводится только к вопросам номинации фактов народного быта, какие названия изучаемых явлений представлены на определенной территории. С другой стороны, особое внимание этнографа к типологии и эволюции изучаемых явлений не находит поддержки у диалектолога. Диалектологи и этнографы могут проводить совместный сбор материала. Подобная совместная работа особенно по-

лезна диалектологам. Однако уже обработка материала требует полной самостоятельности. Глубокие различия будут увеличиваться по мере движения исследователей от непосредственного наблюдения к созданию карт.

Трудно, конечно, с полной уверенностью сейчас решать вопрос о том, как в будущем сложатся взаимоотношения диалектологов и этнографов. Может быть, будут найдены возможности более тесного контакта, нежели это представляется нам теперь. Однако на данном этапе контакт может быть подготовлен только более четким размежеванием принципов и возможностей лингвистического и этнографического картографирования, более последовательным проведением принципов двух разных наук.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. К вопросу о различных видах лингвистических атласов // ЗФЛ. Т. XXVII–XXVIII. 1984–1985. С. 65–68.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

За свою долгую жизнь я интересовался многими разделами языкознания и филологии. Однако в центре моих исследовательских интересов стояла диалектология. Сейчас чувствую потребность высказаться по некоторым теоретическим вопросам этого раздела языкознания. Ясно отдаю себе отчет в том, что все изложенное ниже может иметь значение прежде всего для специалистов по славянской диалектологии. Статья написана для них. Свыше 30 лет тому назад я критиковал некоторые теоретические положения Ж. Жильберона и его последователей с позиции диалектолога-слависта. На бесперспективность подобного подхода к теоретическим взглядам представителей французской лингвистической географии тогда же обратил мое внимание В. М. Жирмунский. Справедливость слов нашего известного германиста я оценил позже, особенно в связи с работой над «Общекарпатским диалектологическим атласом». Более того, необходимо учитывать даже своеобразие диалектной ситуации внутри славянского языкового мира. Это объясняется различной степенью сохранности диалектов и уровнем лексикализации фонетических и грамматических явлений. Многие аксиоматические положения русской диалектологии требуют серьезного корректирования при сборе и анализе, например, болгарского диалектного материала. С этим мне пришлось реально столкнуться во время работы над первым томом «Болгарского диалектологического атласа».

По славянской диалектологии в разных странах (не только славянских) публикуется много материалов и описаний. Однако состояние славянской диалектологии, теоретический уровень исследований в этой области вызывает известное беспокойство. Состояние застоя, господство утвердившихся трафаретов в диалектологии особенно заметно на фоне значительных достижений современного славянского языкознания, особенно в области морфонологии, словообразования и семасиологии. Необходимо

не только продолжать публикации описаний отдельных диалектов, атласов, словарей, но и попытаться осмыслить причины этого застоя. Нельзя закрывать глаза на то, что в настоящее время заметно снижение интереса к диалектологии, ее данным у историков славянских языков. Опубликованные в последние годы исторические очерки в ряде случаев ощутимо возвращают нас к дошахматовским временам, когда исторический процесс воссоздавался только или преимущественно на данных памятников письменности. Лингвистическая география, бесспорно, принадлежит к очень перспективным направлениям в диалектологии. Но и здесь много шаблона и рутины. Следует основательно задуматься над тем, почему уже опубликованные атласы славянских языков медленно входят в научный оборот? Даже участники работ над этими атласами мало и совсем случайно используют их данные в своих исследованиях. Я уже не говорю об историках языка, далеких от полевой работы диалектолога. Не раз убеждался в том, что многие из них не умеют профессионально читать диалектологические карты. В послевоенные годы писали о важности лингвистической географии не только для изучения истории восточнославянских языков, но и для изучения многих аспектов формирования восточнославянских народностей, для решения демографических проблем. Однако пока реальных результатов здесь не видно.

Славянская диалектология родилась в недрах славянской этнографии в первой половине XIX в. В период романтизма народная речь вместе с фактами народного быта служила объектом изучения «народной души». Исследователи-романтики хотели постичь духовные особенности народа (т. е. крестьянства) через его быт и язык. В связи с этим особое внимание обращалось на лексические особенности народной речи, которые изучались неразрывно с изучением фактов материальной и духовной культуры. Такие наблюдения не требовали от исследователя специальной лингвистической подготовки. Лексика изучалась на уровне вопроса — как называется этот предмет или действие? Вся сложная проблематика семантического поля лексемы оставалась за пределами наблюдений.

Постепенно начался процесс эмансипации диалектологии от этнографии и сближения ее с языкознанием. Шел этот процесс медленно и во многом противоречиво. Важно указать на то, что он не привел диалектологию к полной самостоятельности. Диалектологические описания скоро стали частью фонетики, так как именно в этой области диалектологи добились наиболее ощути-

мых результатов. Описание грамматического строя диалектов велось без строгого плана и бесперспективно. С конца XIX в. диалектолог и фонетист стали почти тождественными понятиями. К лучшим диалектологическим описаниям этого направления в славистике нужно отнести труды норвежского ученого Олафа Брока. Его точные описания русских, украинских и сербских говоров дали ценный материал историкам языка, но сам Брок историей языка не интересовался. Он выходил за границы описания диалекта лишь тогда, когда речь шла о взаимоотношении фонетических особенностей данного диалекта с нормами литературного произношения. Так, например, он установил, что на звуковой строй тотемского диалекта русского языка более сильное влияние оказывает петербургское произношение, нежели московское. Вообще же Брок не проводил строгого различия между фактами диалектной речи и литературного языка. Часто он рассматривал то и другое комплексно, что нашло отражение в его труде «Очерк физиологии славянской речи». Сам Брок об этом пишет так: «Граница между „речью образованных“ и „народным говором“ становится в таком случае (автор имеет в виду задачи своего труда. — С.Б.) так неясной, что изложение первой поневоле близко совпадает с изложением второго» [Брок 1910, 2].

Более мощным оказалось то направление диалектологических исследований, которое можно назвать исторической диалектологией. Здесь диалектология перешла на службу истории языка. С конца 80-х годов XIX в. многие историки языка поняли, что древние тексты во весь голос могут «заговорить» лишь при сопоставлении языка древнего памятника с родственным современным говором. Лишь такое сопоставление дает возможность отделить орфографию памятника, его индивидуальные языковые особенности, нормы книжного языка от живой речи автора или переписчика древнего текста. Наиболее ярко это новое направление в изучении истории языка нашло в трудах А. А. Шахматова. Он неоднократно указывал на то, что изучить живое произношение писца, установить хронологию явления невозможно, оставаясь только в пределах памятников древней письменности. «Письменные памятники ни в коем случае не могут служить бесспорными показателями хронологии звуковых явлений; так, например, памятниками аканье засвидетельствовано, в самой слабой притом степени, не раньше XIV в., а между тем связь южно-великорусского и белорусского аканья ведет неминуемо к утверждению, что это явление более древнее» [Шахматов 1915, 338]. Историческая диалектология славянских языков за сто лет ко-

ренным образом изменила многие прежние представления о прошлом славянских языков, внесла много нового и чрезвычайно важного. Было бы, однако, ошибочно полагать, что здесь уже основная работа проведена, что историческая диалектология славянских языков может внести лишь некоторые уточнения. достаточно обратиться к почти любому курсу истории языков, чтобы легко убедиться в обратном. Несмотря на утверждения многих ученых разных стран о важности для исторического изучения языков данных народной речи, в выявлении самого корпуса фактов незримо господствуют древние памятники письменности, а не современный диалектный язык. До сих пор в установлении этапов самой эволюции диалектный материал используется недостаточно и поверхностно. В разной степени это можно обнаружить в исторических очерках любого славянского языка. Ограничусь несколькими примерами.

Русские диалекты свидетельствуют о глубоких преобразованиях категории рода. Существующее в литературном языке распределение имен по трем родам в диалектах представляет значительные отклонения. Они выражаются как в перераспределении имен по родам, так и вообще в полной утрате категории среднего рода. В некоторых диалектах произошло значительное увеличение слов женского рода за счет слов среднего рода, в других за счет слов мужского рода. Утрата категории среднего рода в одних случаях связана с внутренними процессами, в других вызвана влиянием неславянских языков Поволжья. Известны, однако, диалекты, в которых произошла активизация категории среднего рода. Так, в некоторых вологодских и владимирских говорах средний род оказался очень активным в связи с тем, что существительные, обозначающие молодые существа и детенышей, всегда идут по среднему роду. Сопоставление данных русского диалектного языка дает возможность в какой-то степени проследить эволюцию данного явления, установить его истоки. Однако историки русского языка проходят мимо этого важного явления, так как оно не имеет поддержки в памятниках письменности.

Не менее существенные преобразования в именах категория рода имела место в болгарских диалектах. Многие имена мужского рода на -ъ перешли в категорию женского рода. К ним относятся *вар, кал, пот, прах, вечер, пепел* и др. Все они в древнеболгарском оканчивались на -ъ: *варъ, калъ, потъ, прахъ, вечеръ, пепелъ* и др. Имена женского рода на -ь в современных диалектах часто ведут себя, как основы мужского рода: *длан,*

памет, реч и др. Примечательно, что родовая принадлежность часто не совпадает с характером согласования определения с определяемыми и в членной форме. Так, в хасковском говоре слова *вар, пепел* и др. имеют членную форму мужского рода, но определение будет иметь форму женского рода. В родопских говорах (например, в смолянском) все имена на согласный принадлежат к мужскому роду. Некоторые из указанных процессов отражаются уже в древнейших памятниках (ср. *гладь* в Зографском ев.), но особенно интенсивно они проходили на рубеже среднеболгарского и новоболгарского периодов. Что об этих процессах мы найдем в сводных исторических очерках болгарского языка? Очень мало. В исторической грамматике болгарского языка Ст. Младенова вопросу о грамматическом роде посвящен специальный параграф [Mladenov 1929, §125], в котором приведены некоторые сведения об изменении родовой принадлежности отдельных имен. Сообщения не отличаются полнотой, многое опущено. Главное, однако, состоит в том, что автор далеко не использовал весь имеющийся диалектный материал для того, чтобы показать сам процесс преобразования родовых признаков, его хронологию. Еще меньше сведений об этом найдем в исторической грамматике болгарского языка К. Мирчева [Мирчев 1858, 147–160].

Мне уже приходилось писать о стяжении гласных в русском языке. Некоторые лингвисты причисляют русский язык к тем славянским языкам, которые не знают стяжения гласных. На этой основе строятся даже специальные теории. Так, Е. Паулини утверждал, что те славянские языки, которые удерживают фонологическое ударение (восточнославянские языки) или имеют релевантную фонологическую интонацию (южнославянские языки), не знают явлений контракции гласных. «В тех же языках, где фонологическое ударение и интонация утратились (западнославянские языки), контракция осуществилась» [Pauliny 1963, 90]. Сейчас я не буду анализировать все ошибочные аспекты данного утверждения. Это сделано в моем докладе «Контракция и структура слога в славянских языках», прочитанном на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 г. [Бернштейн 1968, 19–31]. Сейчас важно другое: как могла возникнуть у словацкого ученого мысль, что русский язык не знает явления контракции гласных? Ведь контракция гласных хорошо известна всем севернорусским говорам, охватывает часть переходных и sporadически встречается в южновеликорусских говорах. Важная особенность русских говоров состоит в том, что контракция осуществляется только в том случае, если интервокальный *j* находил-

ся в заударном слоге. Являясь в прошлом фактом фонетического характера, контракция в русском языке (аналогично и в других славянских языках) пережила процесс морфологизации и в настоящее время характеризует определенные морфологические категории (в прилагательных, в сравнительной степени прилагательных, в настоящем времени глаголов, восходящих к I и III классам, в прошедших временах глагола, в инфинитиве). Ошибочное утверждение словацкого ученого объясняется тем, что, во-первых, стяжения гласных не знает русский литературный язык, во-вторых, это важное явление не освещается в полном виде историками русского языка. В лучшем случае посвящают ей несколько слов в разделе морфологии прилагательного. Нет ни одной сводной работы по истории русского языка, в которой бы освещалась именно история контракции гласных, ее различные этапы, современное состояние. Объясняется это тем, что выполнить все это на материале памятников письменности невозможно, так как контракцию, как правило, древние тексты не отражают. Строить же эволюцию явления по данным только говоров историки языка не умеют. В любом сводном курсе исторической грамматики в скрытом виде приоритет отдается памятникам письменности. Именно они определяют корпус явлений, подлежащих освещению.

В 1982 г. вышла из печати коллективная монография, посвященная истории морфологии русского глагола, «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол». «Авторы предлагаемого труда стремились привлечь как письменные, так и диалектные источники. Конечно, это можно было сделать в разной степени для разных грамматических категорий. Например, причастия и деепричастия — специфические, в основном книжно-письменные формы и, естественно, изучались прежде всего по данным соответствующих письменных источников. Однако особые причастные формы в разнообразных синтаксических функциях, прежде всего предикативы, свойственны и ряду говоров. Поэтому широко привлечены в соответствующем разделе и диалектные данные. При изложении истории других морфологических категорий или явлений данным диалектологическим и письменным уделялось равное внимание» [Историческая грамматика 1982, 4–5]. Так во введении к книге определяется соотношение данных памятников письменности и диалектов. Практически, однако, дело обстоит иначе. Это легко показать на примере главы «История временных форм глагола».

В праславянском языке в результате смягчения согласных перед *j* в глаголах 4-го класса сформировалось чередование, про-

тивопоставляющее 1 л. ед. всем остальным формам настоящего времени. Это чередование хорошо представлено в древних памятниках славянской письменности. Однако уже рано начался процесс обобщения, выравнивания основ. В той или иной степени он охватил многие славянские языки [Бернштейн 1974, 105 и сл.]. Русский литературный язык сравнительно хорошо сохраняет чередование альтернантов. Что же касается народных говоров, то здесь картина весьма сложная, свидетельствующая о том, что обобщение в говорах шло в разное время и ему сопутствовали различные побочные факторы. Нет сомнений в том, что обобщения начались раньше всего в юго-западных великорусских говорах и в мещерских говорах. Здесь оно проведено очень последовательно. Данные русских народных говоров свидетельствуют, что во многих случаях обобщению основ препятствовало подвижное ударение. Известны говоры, в которых обобщение находим лишь в глаголах с устойчивым ударением в парадигме настоящего времени. В говорах с подвижным ударением обобщение основ отсутствует или проведено менее последовательно. Обобщение проходило в разное время в зависимости от характера согласного. Так, в говорах вологодско-вятской группы и в некоторых владимирских говорах обобщение последовательно проведено только в глаголах на зубные согласные, в глаголах же на губные старое чередование является более устойчивым. Вообще, обобщение основ в северновеликорусских говорах началось позже, нежели в южновеликорусских. В настоящее время процесс обобщения идет очень активно в юго-восточных говорах, во многих говорах Поволжья и Сибири. Возможно, обобщение в говорах этих территорий вызвано иноязычным субстратом.

В указанной выше «Исторической грамматике русского языка» обобщению основ настоящего времени второго спряжения (древние основы 4-го класса) уделено всего несколько слов. Отмечено, что данный процесс имеет место в русском диалектном языке, что обобщение на губной встречается реже, что данное явление характерно как для северных, так и для южных говоров, что развилось аналогическое выравнивание основ «в относительно поздние эпохи истории русского языка — в эпоху языка великорусской народности» [Историческая грамматика 1982, 123]. Лаконичность объясняется тем, что данное явление почти не отражено в памятниках русской письменности, а выстраивать эволюционную цепь только на основе диалектных данных еще не умеем. Конечно, в данном случае речь идет не об абсолютной

хронологии. Утверждение автора, что данный процесс характерен для эпохи великорусской народности, не имеет под собой реальной почвы. Данные русских говоров дают возможность показать соотносительную хронологию процесса, выявить взаимосвязь этого процесса с сопутствующими ему явлениями. Однако эта возможность не была реализована. В книге фактически отсутствует изложение истории глагольных основ настоящего времени второго спряжения. Но не только это. Неверно охарактеризовано положение в литературном языке. «В дальнейшей истории русского языка, особенно в эпоху развития русской нации, эти расхождения (расхождения между русским диалектным языком и русским литературным языком. — С. Б.) начинают в определенной степени сглаживаться под усиливающимся влиянием русского литературного языка, удерживающего традиционные ряды согласных при спряжении глаголов в настоящем времени» [Историческая грамматика 1982, 124]. Дело в том, что мощная тенденция выравнивания основ ярко проявляется не только в диалектном, но и в литературном языке. Здесь она отражается главным образом в том, что глагольная парадигма не знает 1 л. ед. (ср. парадигму глагола *победить* и многих других). Число таких глаголов активно возрастает. Кроме того, известны многочисленные случаи аналогического выравнивания. Знаменитое пушкинское [*паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она*] убедительно свидетельствует, что в 1 л. ед. Пушкин говорил *пронзю*, а не *пронзжу*. Востоков полагал, что 1 л. ед. от глаголов *скользить*, *тузить*, *обезопасить* будет *скользю*, *тузю*, *обезопасю*, а не *скольжу*, *тужу*, *обезопасу*. В глагольных неологизмах мы совершенно очевидно стремимся избежать чередований (ср. от глагола *пылесосить* — *пылесосою*, а не *пылесошу*).

Ошибочно представление, что в процессе слияния диалектного и литературного языков первому всегда уготована только пассивная роль. Этому традиционному взгляду противоречит современная русская языковая ситуация. Диалектолог располагает данными, свидетельствующими об активном проникновении некоторых диалектных особенностей не только в соседние говоры, но и в литературное просторечие (пока только еще в просторечие). Достаточно сослаться, например, на замену взрывного *г* фрикативным, а в некоторых местах даже фарингальным. Территория взрывного *г* заметно уменьшается, несмотря на фонетические нормы литературного языка.

В результате широкого проникновения норм литературного языка в русские диалекты создается много своеобразных микро-

систем, изучение которых является задачей не только диалектологов, но и специалистов по современному литературному языку. Под воздействием этих микросистем старые литературные нормы постепенно преобразуются, в каких-то позициях теряют свою обязательность, исчезают совсем. Изучение этих новых микросистем необходимо проводить не только среди жителей сел, но и среди городского населения различных районов страны. В свете указанных задач недавно опубликованные академические грамматики не отвечают новым требованиям. Они фиксируют в основном только прошлое языка. Интенсивно уходит время, когда такие явления, как литературный язык, крестьянские говоры, городское просторечие четко дифференцировались. Мы вступили в период глубокого преобразования современного русского языка. Для диалектологов здесь открываются широкие возможности.

В истории славянской диалектологии особое место занимает книга Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» [Щерба 1915, XVIII]. Самое существенное состоит в том, что автор исследования изучил и описал мужаковский говор, «не зная ни полслова на других диалектах и почти не умея читать по-лужицки» (с. XVII). По совету Бодуэна де Куртенэ был поставлен и осуществлен эксперимент изучения диалекта не как частного элемента более сложной структуры, а как совершенно самостоятельной и замкнутой системы. Современники не поняли и не оценили значения эксперимента, так как он не удовлетворял двум обязательным условиям: исследуемые факты не сопоставлялись с данными литературного языка и других диалектов, автор не проявил никакого интереса к истории мужаковского диалекта. Вторую задачу взял на себя А. А. Шахматов, написавший на материале книги Щербы статью «Заметки по истории звуков лужицких языков». Общее заключение Шахматова о книге Щербы таково: «Возможно, что автору удалось сгруппировать и систематизировать весь свой материал, но он не дал ему должного освещения. Это зависело прежде всего от того, что явления других лужицких говоров и вся относящаяся к ним грамматическая литература оставлены совсем в стороне. Имеем перед собою простое описание фактов, а не историко-сравнительное их исследование» [Шахматов 1916, 249]. Для Шахматова (и не только для него) описание диалектов имеет смысл лишь в том случае, если оно дает материал для изучения истории языка. Иначе оно превращается в «простое описание», которое не имеет большой цены. К сожалению, Щерба не продолжил своих диалектологиче-

ческих штудий. В списке исследований ученого «Восточнолу-
жицкое наречие» является единственным трудом по диалекто-
логии. Вероятно, эксперимент был поставлен преждевременно.
«Простое описание» еще не получило в языкознании той теоре-
тической базы, которая была разработана и сформулирована
Соссуром в его знаменитом курсе.

Постепенно уже в конце 20 — начале 30-х годов в диалекто-
логии начался процесс переоценки ценностей. Он определялся
повышением интереса к синхронному описанию языковой систе-
мы, прежде всего в области изучения звукового строя. «Простое
описание» диалекта становится предметом высокой науки. Ди-
алектологические описания приобретают, наконец, самостоятель-
ную ценность. Начинает четко осознаваться, что национальный
язык представляет собою сложную макроструктуру, включаю-
щую в себя многочисленные частные микросистемы, среди кото-
рых система литературного языка играет, конечно, наиболее
важную роль. В осмыслении данного нового подхода к фактам
языка много было сделано Р. И. Аванесовым, который не только
сформулировал новые задачи, но и разработал новую методику
их решения. Одной из первых публикаций Аванесова в этом
направлении была статья «Вопросы фонетической системы рус-
ских говоров и литературного языка». В ней речь идет о глас-
ных морфемах. «Наша задача в данной статье ограничивается лишь
объяснением единства фонетической системы русского языка,
несмотря на многообразие диалектных различий и, в связи
с этим, указанием на возможность построения общей фонети-
ческой системы русского языка в целом» [Аванесов 1947а, 226].
В статье явления литературного языка органически входят в
описание. Дано описание всех основных видов гласных фонем,
начиная от более сложного (семифонемного) до самого простого
(пятифонемного).

В книге «Очерки русской диалектологии» (1949) Аванесов
значительно расширил объект наблюдения. В книге речь идет
не об отдельных диалектах и говорах русского языка, а о рус-
ском национальном языке. «Язык нации является сложным по
своему строю целым, представляющим собою многостепенную
систему, заключающую в себе черты общие и частные, черты
единства и различий разных степеней диалектного членения
языка» [Аванесов 1949, 9]. «Очерки русской диалектологии»
вышли за привычные рамки диалектологических описаний.
Впервые в истории славянской диалектологии был создан труд,
поднявший значение диалектного материала на уровень литера-

турного языка. Впервые задача описания национального языка стала реальностью. Этот новый взгляд сразу трудно было принять. Еще в 1963 г. я писал: «Нет никакого сомнения в том, что термин „национальный язык“ не лингвистический. В лингвистические труды он вносит путаницу, противоречие, непоследовательность. Конечно, не существует в нашей науке проблем формирования или развития национальных языков» [Бернштейн 1963б, 41]. Лишь позже я оценил всю глубину взглядов Аванесова, понял, что его «Очерки русской диалектологии» открывают новую страницу не только в изучении диалектов, но и национальных языков. По своему научному значению «Очерки русской диалектологии» среди послевоенных публикаций, бесспорно, занимают одно из первых мест.

«Книги имеют свою судьбу». Это известное изречение Теренция Мавра вспоминают обычно, когда речь идет о печальной судьбе выдающихся трудов. Такова была судьба и «Очерков по русской диалектологии». Они не оказали того влияния на дальнейшее изучение русского языка, которое призваны были оказать. Не буду сейчас анализировать причин — их было много. Ясно лишь одно — дальнейший успешный подъем диалектологических исследований в нашей стране возможен лишь на основе творческого развития идей Р. И. Аванесова.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Размышления о славянской диалектологии // СБЯ 1986. С. 3-10.

**ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АТЛАС (ОЛА).
КРИТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ**

Лингвистическая география как особый прием изучения диалектов стала активно развиваться на рубеже XIX–XX вв. Первое место здесь заняли германисты и романисты. Именно им принадлежат первые лингвистические атласы (атласы Г. Венкера, Г. Вейганда, Ж. Жильерона и Э. Эдмона, К. Яберга и Я. Юда и др.), а также исследования теоретического характера (тру-

ды Л. Шпицера, А. Мейе, А. Доза, Э. Гамильшега, Б. Террачини и др.). В каком-то смысле можно утверждать, что лингвистическая география является детищем германистов и романистов. Медленно и противоречиво новые идеи и технические приемы описания диалектной речи начали проникать и в славянскую диалектологию (см., например: [Дурново, Соколов, Ушаков 1915]). Примечательно, что подлинными инициаторами нового направления в славянской диалектологии были неславянские лингвисты. В своих норвежских лекциях 1924 г., легших в основу книги «La méthode comparative en linguistique historique», А. Мейе сообщал: «Молодой французский языковед Теньер издает сейчас подробное исследование о формах двойственного числа в словенском языке, основанное на наблюдениях лингвистико-географического типа» (см. русский перевод книги [Мейе 1954, 58]). Труд Л. Теньера [Tesnière 1925] получил очень высокую оценку С. Попа [Pop 1950, 958]. С полным основанием можно утверждать, что именно Теньер положил первый кирпич в здание славянской лингвистической географии. Он точно определил задачи исследования, свои методические принципы, четко сформулировал такие приемы сбора материала, которые обеспечивали бы его надежность. Ученый в полной мере оценил высокий общеобразовательный уровень населения Словении, хорошее знание родного литературного языка, во многих случаях знание иностранных языков. Составленная им программа и выработанные приемы работы с информантами показали, что опытный диалектолог может уверенно решать свои задачи с людьми,

которые хорошо знают не только родной диалект, но и литературный язык. С. Поп справедливо пишет, что труд Теньера не только заложил основу для построения южнославянской лингвистической географии, но одновременно дал много для общей теории и практики изучения диалектов методами лингвистического картографирования. К сожалению, многие важные методические принципы французского слависта не были в дальнейшем использованы славянскими диалектологами. Речь идет не только об атласе Теньера, но и о многих исследованиях в области западноевропейской (германской и романской) лингвистической географии.

Благодаря энергии молодого французского слависта вопрос о славянском лингвистическом атласе был включен в повестку дня I Международного съезда славистов, который состоялся в Праге во второй половине 1929 г. Тезисы доклада «Projet d'un atlas linguistique slave», подготовленные Теньером совместно с Мейе, освещали лишь самые общие вопросы. Однако в тезисах имеется один пункт, который и в настоящее время представляет особый интерес. Французские ученые предлагали рассматривать славянский диалектный континуум в аспекте единого языка. Таким образом, в докладе речь шла не о славянских языках, не об атласе различных славянских языков, а о едином Славянском языковом атласе. К этому их толкала и привычная ситуация для германских и романских языков, где диалектные различия внутри одного языка сплошь и рядом глубже диалектных различий самостоятельных славянских языков.

Была и другая, более важная причина. Слависты-диалектологи решали только исторические задачи. Так было до появления лингвистической географии, так было и после. В романской и германской лингвистической географии были сильны иные тенденции. С помощью нового приема изучения диалектов диалектологи пытались не только восстанавливать особенности древних диалектов, но и географию диалектных типов. Об этом писали Г. Асколи, Ж. Жильерон и многие другие диалектологи. Конечно, Мейе и Теньер имели в виду именно это.

На заседании 9 октября 1929 г. по инициативе Теньера было принято решение об организации во всех заинтересованных странах специальных комиссий по Славянскому лингвистическому атласу. Однако на закрытом заседании советской делегации Н. С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвиста-

ми, отрицающими новое учение о языке Н. Я. Марра. Н. С. Державина поддержали Н. М. Каринский и руководитель делегации литературовед П. Н. Сакулин. В данной научной проблеме хорошо разбирался только один член делегации — белорусский ученый П. А. Бузук, но он промолчал. Позже позиция Державина была санкционирована руководством Института языка и мышления АН СССР. Это решение явно противоречило тому интересу к проблемам лингвистического картографирования, который уже существовал в нашей стране. Еще в 1928 г. П. А. Бузук опубликовал работу, содержащую обширное введение и 20 карт по фонетике и морфологии [Бузук 1929]. На самом пражском съезде Бузук прочитал доклад «Лінгвістычная географія як дапаможны мэтод пры вывучэньні гісторыі мовы».

Еще до решения советской делегации намечалась организация обширного проекта «Славянский лингвистический атлас». Его не удалось осуществить не только из-за позиции советской делегации. Острые споры возникли между болгарской и югославской делегациями по македонскому вопросу. Не нашла поддержки идея создания Славянского лингвистического атласа и у некоторых авторитетных славистов (например, у М. Фасмера). Теньер предполагал, что на съезде удастся утвердить проект «Славянского лингвистического атласа». Однако несмотря на активную поддержку польской делегации, а также А. Белича, проект не был утвержден. Теньер продолжал борьбу. Вскоре после завершения пражского съезда французский славист посетил нашу страну. В Москве у него состоялась длительная беседа с Д. Н. Ушаковым, в Ленинграде — с Б. А. Лариным. Однако эти встречи не дали никаких положительных результатов.

При оценке первых шагов диалектологов в области славянской лингвистической географии нельзя пройти мимо знаменитых тезисов «Пражского лингвистического кружка», опубликованных в 1929 г. к I съезду славистов [Thèses présentes 1929]. В этих тезисах, как известно, были рассмотрены важнейшие очередные задачи, стоящие перед специалистами в области славянской филологии. Шестой и седьмой разделы «Тезисов» посвящены славянской лингвистической географии. Основное внимание авторами было уделено проблеме пучков изоглосс, так как именно всесторонний анализ этих пучков «...показывает, какие лингвистические явления находятся в *регулярной связи*... Лингвистическое истолкование изолированных изоглосс невозможно, так как языковое явление как таковое, а также и его генезис и распространение не могут быть поняты без учета сис-

темы» [Пражский лингвистический кружок 1967, 35]. Авторы «Тезисов» справедливо пишут: «Точное установление лексических изоглосс в пределах славянских языков даст возможность с новой точки зрения взглянуть на историю всех славянских языков» [там же, 36–37].

В 1931 г. Л. Теньер при активной поддержке А. Белича и К. Нича смог организовать полуофициальный *Comité d'Organisation de l'Atlas linguistique slave*. В него вошла группа польских диалектологов во главе с К. Ничем и М. Малецким, а также другие диалектологи из разных стран. Теньеру удалось убедить Фасмера занять более примирительную позицию по отношению к атласу. Дали свое согласие войти в состав Комитета Н. С. Трубецкой и С. Пушкиарю. Руководство Комитетом сохранялось за французскими учеными. Почетным председателем был избран А. Мейе (*Président d'honneur de Comité*). Душой атласа продолжал оставаться Л. Теньер. Отсутствие в Комитете советских диалектологов заставило коренным образом изменить планы. От идеи создания Славянского лингвистического атласа пришлось временно отказаться. Теперь речь могла идти лишь о подготовке локальных атласов. Именно в этом направлении и пошла работа.

Значительным событием в истории славянской лингвистической географии довоенного периода была публикация языкового атласа Подкарпатья, осуществленная Малецким и Ничем [Małeckí, Nitsch 1934]. Составители атласа в полной мере учли достижения германской и романской лингвистической географии, проявив одновременно и большую самостоятельность в решении ряда существенных задач. Карты атласа дают очень много ценных сведений из истории южнопольских говоров, для изучения контактов с соседними словацкими, румынскими и венгерскими говорами. Большую помощь и поддержку в организации лингвогеографических исследований в Польше оказал выдающийся польский лингвист Я. Розвадовский.

В 1934 г. в Польше проходил II Международный съезд славистов. Именно здесь была сделана последняя попытка вернуться к первоначальным планам. С нетерпением ждали приезда советской делегации. Однако на этот раз от нас никто не приехал. С отчетом о деятельности Комитета от имени Мейе выступил Теньер. Доклад и его обсуждение показали, что политическая обстановка того времени не давала условий для создания коллективных трудов, в которых бы участвовали ученые из стран с различным социальным строем. Тема была закрыта.

Было рекомендовано отдельным национальным коллективам продолжать работу в рамках своих возможностей.

Во второй половине сентября 1939 г. в Белграде должен был состояться очередной, III Международный съезд славистов. В различного рода изданиях появились публикации, относящиеся к съезду. Организационный комитет съезда успел опубликовать тезисы большинства докладов по лингвистической, историко-литературной и методической секциям. Во главе организационного комитета съезда стал А. Белич, лингвистическую секцию возглавил С. Ившич. По инициативе А. Белича на съезде предполагалось обсуждение вопроса о Славянском лингвистическом атласе. Среди публикаций по данной тематике следует особо отметить доклад польского лингвиста С. Роспонда. Докладчик впервые четко сформулировал различия между собственно лингвистическим и топонимическим атласами. Особое внимание Роспонд уделил картографированию словообразовательных элементов языка.

1 сентября вспыхнула Вторая мировая война. 5 сентября Организационный комитет объявил об отмене III Международного съезда славистов.

У читателей может возникнуть вопрос: зачем теперь нужно подробно сообщать о первых шагах в области славянской лингвистической географии? Все дело в том, что в сводных работах, а также во многих статьях сообщаются неточные, а порой даже искаженные сведения. Послевоенные руководители Общеславянского лингвистического атласа в большинстве своем понимали задачи атласа иначе, нежели Теньер и Малецкий. Последние видели свою задачу в создании Славянского лингвистического атласа, а не атласа славянских языков. Напомню известное место из «Тезисов» Пражского лингвистического кружка. «Славянские языки так близки между собой, что различия между двумя соседними славянскими языками нередко оказываются менее заметными, чем различия между двумя соседними итальянскими диалектами» [Пражский лингвистический кружок 1967, 36]. Работа же над атласом с самого начала была ориентирована на создание атласа славянских языков. Отсюда новое название — «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА).

В 1978 г. был опубликован Вступительный выпуск «Общеславянского лингвистического атласа», содержащий изложение общих принципов, а также справочные материалы (см.: [ОЛА 1978]). Имеется здесь и глава «К истории работы над ОЛА», где

довоенному периоду посвящено несколько строк. О существенных расхождениях в понимании задач атласа нет ни слова. Имеется немало искажений и неточностей в различного рода публикациях последних лет, например, в рецензии З. Тополинской на первый выпуск ОЛА (см.: [Topolińska 1988]). Автор, активный член коллектива ОЛА, сообщает, что лингвистический атлас Подкарпатья был первым славянским лингвистическим атласом. Он вышел из печати в 1934 г. Напомню, что атлас Белоруссии П. А. Бузука был опубликован еще в 1928 г. Рецензент сообщает, что идея создания ОЛА родилась на основе польского атласа, что не соответствует действительности (см. выше). Начиная со II съезда славистов, самым активным деятелем стал польский лингвист, но не Штибер, как пишет Тополинская, а Малецкий. Роль З. Штибера велика, но его активная деятельность в этом направлении относится к более позднему времени. Достоин сожаления, что в обширной рецензии Тополинской не нашлось места для имени В. Дорошевского.

После завершения Второй мировой войны в различных научных центрах сравнительно быстро возродился интерес к славянской лингвистической географии. Началась работа больших коллективов над атласами русского, белорусского, украинского, польского, кашубского, словацкого, сербо-лужицкого, болгарского, македонского, словенского, сербохорватского языков. Многие из указанных атласов уже опубликованы, над другими еще идет работа. Первое место среди опубликованных бесспорно занимает атлас кашубского языка, подготовленный коллективом варшавских диалектологов под руководством З. Штибера [Stieber 1965–1978]. Кроме общих атласов, продолжается работа над региональными славянскими атласами, атласами определенных географических зон.

В 1946 г. по инициативе руководства Ленинградского университета в Ленинграде состоялась первая после войны международная конференция славистов, на которой было принято решение провести в Москве в 1948 г. очередной международный съезд славистов. С начала 1947 г. началась интенсивная подготовка к съезду. Была выработана и утверждена проблематика, предварительно намечены докладчики. Диалектологи приняли решение возобновить работу над славянским атласом. На эту тему быстро было подготовлено несколько докладов. В связи с известными югославскими событиями 1948 г. съезд славистов не состоялся. Из подготовленных докладов позже был опубликован лишь доклад Б. А. Ларина [Ларин 1949]. Дальнейшая

публикация подготовленных докладов на эту тему была лишена смысла. Всякие контакты с югославскими учеными были прерваны. Таким образом, общеславянская проблематика не могла предполагать участия в ее реализации ученых Югославии. Положение коренным образом изменилось в середине 50-х годов. С 15 по 21 сентября 1955 г. в Белграде состоялась международная встреча славистов, на которой были обсуждены многие научные и организационные вопросы. Позже было принято решение о проведении первого послевоенного съезда славистов в Москве в 1958 г. Съезд был назван четвертым.

Серьезная подготовка к съезду началась в 1956 г. Специалисты по славянской диалектологии не могли не воспользоваться новой возможностью начать работу над Славянским лингвистическим атласом. Началась интенсивная переписка, обсуждение различных аспектов будущего атласа. Еще до съезда был подготовлен и опубликован сборник ответов по языкознанию [Сборник ответов 1958]. Вопрос № 27 гласил: «Как вы относитесь к вопросу о возможности построения лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом? Каково должно быть построение такого атласа?». Полученные ответы (а их пришло 12) в основном шли мимо главной проблемы — в чем отличие лингвистических атласов отдельных славянских языков от атласа славянских языков в целом? В этом виноваты были составители вопросника. Нужно было более четко сформулировать вопрос. В своем ответе В. Эрнитс (Тарту) пишет, что нужно отличать атласы отдельных славянских языков, атласы отдельных групп славянских языков, атлас славянских языков в целом [там же, 258]. Все это справедливо. Но главное состоит в точном определении этих различий на теоретическом и методическом уровнях. В ответе эстонского лингвиста этот важнейший вопрос не был освещен. В ответах В. Важного (Прага), Й. Хамма (Загреб, Вена), И. Поповича (Белград), Е. Диккенмана (Берн), Й. Скулины (Брно), Е. В. Чешко (Москва), И. Ковалика (Львов) и других лингвистов было много весьма ценных мыслей, но главный для нас аспект остался неосвещенным: — в чем состоит главное и принципиальное отличие двух типов атласов? Все указанные лингвисты защищают идею создания Славянского лингвистического атласа, но убедительных аргументов не предлагают. Лишь романист Р. Г. Пиотровский (Ленинград) выступает вообще против создания ОЛА. Он пишет: «...составление атласа отдельных групп славянских языков, а тем более славянских языков в целом непосредствен-

но после завершения таких зональных атласов, как Русский, Украинский, Польский, Болгарский и т. д., вряд ли представляется целесообразным. Целям такого эскизного сравнения с успехом отвечают уже существующие сравнительные грамматики и фонетики славянских языков» [там же, 265–266].

На заседании Международного комитета славистов в 1956 г. докладчиками по ОЛА были утверждены Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн и З. Штибер. Первые два приняли решение подготовить совместный доклад. Польский ученый свой доклад опубликовал в московском сборнике [Stieber 1958].

Работу над совместным докладом московские докладчики начали осенью 1957 г. Очень скоро обнаружили коренные различия во взглядах на предмет. Один докладчик главную задачу видел в том, чтобы с помощью будущего атласа выяснить вопрос об отношении лингвистической географии к проблемам структуры языка. Основное внимание другого докладчика было направлено на конкретные проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Практически различия сводились к следующему: один докладчик хотел выяснить на материале славянских языков одну из общих проблем теоретического языкознания; другой же стремился решать конкретные проблемы из истории славянских языков. Выход был найден: первую часть доклада писал один докладчик, вторую часть — другой. Во второй части доклада §§ 4, 5, 6 написаны совместно. Доклад в виде брошюры был опубликован к съезду [Аванесов, Бернштейн 1958]. Предполагалась вторичная публикация доклада в сборнике. Однако по настоянию Бернштейна вторичного издания не было, так как во время работы над докладом, а также его обсуждения на съезде обнаружили расхождения. Всестороннее обсуждение проблемы выявило немало новых аспектов. Стало очевидным, что на IV съезде славистов диалектологи лишь прикоснулись к большой, сложной и в каком-то смысле новой проблеме исторического славянского языкознания. Свою часть доклада под названием «О двух аспектах предмета диалектологии» Аванесов опубликовал позже в сборнике [Аванесов 1965].

Краткий доклад Штибера освещал, на первый взгляд, частные аспекты ОЛА. Однако в действительности они подводили диалектологов к решению весьма существенных задач будущего труда. Штибер первый указал на серьезную опасность привлечения слишком большого числа населенных пунктов. По его расчетам, оно в минимальном варианте не должно превышать 350

(русский язык — 120 пунктов, украинский — 60, белорусский — 30, чешский и словацкий — 30, польский с кашубским — 50, болгарский — 20, языки Югославии — 40, лужицкие языки — 3). Работа над ОЛА должна быть тесно связана не только с изучением диалектов, но одновременно и с исследованиями по сравнительной грамматике славянских языков, по лексикологии. Необходимо собрать ответы из некоторых пунктов с неславянскими языками, но находящихся с давних пор в контакте со славянскими землями (венгерский, румынский и т. д.). Самой трудной задачей, стоящей перед составителями ОЛА, является подготовка вопросника, который, по мнению Штибера, должен иметь не менее 3000 вопросов [Stieber 1958]. В произнесенном докладе на съезде Штибер назвал 2000 вопросов [Штибер 1962]. Для решения всех указанных задач, а также для разработки общей транскрипции и ряда других вопросов необходимо создать международную комиссию ОЛА. В состав комиссии необходимо включить этнографов.

К съезду были подготовлены и опубликованы не только указанные доклады. Диалектологи разных стран по инициативе В. Дорошевского подготовили целую серию карт, которая демонстрировалась на съезде. Карты были выполнены квалифицированными диалектологами, но они убедительно свидетельствовали, что их составители не отличают ОЛА от атласов отдельных славянских языков ни по задачам, ни по технике исполнения. Во время обсуждения карт М. Н. Преображенская, член коллектива, сказала: «Мы рассматриваем карты, составленные на общеславянском материале, только как предварительные варианты и эскизы, так как они не были обеспечены равноценным и сопоставимым материалом. Работа над этими картами показала, что для картографирования лингвистического материала на такой большой территории обязательно требуется предварительная договоренность по ряду технических вопросов. Во-первых, мы имели материал, записанный и в транскрипции, и в орфографии, причем почти в каждом языке принята своя система транскрипции... Во-вторых, между нами не было договоренности о том, как относиться к экспрессивно окрашенным словам, к словам с разными оттенками значений и, наконец, к словам, обозначающим разные реалии... Практически мы вынуждены были пренебречь данными о различиях в оттенках значений картографированных слов, хотя мы отдаем себе отчет в том, что для серьезного научного картографирования этот материал должен был быть подвергнут тщательному

предварительному изучению и уточнению» [Преображенская 1962, 366–367]. К справедливым словам Преображенской следует лишь добавить, что договоренность отсутствовала не только по ряду технических вопросов, но и по основным теоретическим вопросам. Представленные карты не отвечали самым элементарным требованиям лингвогеографического описания. Руководитель всего предприятия В. Дорошевский в своем кратком выступлении ограничился словами благодарности. Трудно понять позицию Р. И. Аванесова, который через 20 лет после съезда писал: «Московский и варшавский диалектологические центры при участии чехословацких и югославских лингвистов на основе некоторого количества общих ономастических вопросов в вопросниках национальных атласов составили 20 пробных карт, которые были продемонстрированы на Московском съезде и наглядно свидетельствовали о возможности создания ОЛА» [Аванесов 1978]. В действительности карты группы Дорошевского не только не давали ответа на основные проблемы будущего ОЛА, но они по всем показателям уступали картам атласов отдельных славянских языков как уже завершенных, так и находящихся в работе. Все доклады, выступления, специально подготовленные карты наглядно свидетельствовали, что диалектологи-слависты не имеют ясного представления о будущем ОЛА. Многие выступавшие на съезде диалектологи уверенно заявляли, что ОЛА будет коренным образом отличаться от частных славянских атласов, но ясного представления об этих отличиях не имели. Это четко и определенно признал Я. Белич: «...до разработки анкеты и работы по составлению атласа необходима подробная теоретическая разработка всех связанных с этим вопросов... Для успешной подготовки атласа необходима продуманная координация всех работ» [Белич, Штольц 1962]. На самом съезде это осуществлено не было. Тем не менее было принято решение, подтверждающее необходимость создания ОЛА. Была создана инициативная группа в составе 17 человек. На заседании инициативной группы по предложению В. Дорошевского было рекомендовано провести первое заседание в Варшаве. Никаких конкретных постановлений принято не было.

Первое заседание инициативной группы ОЛА было проведено осенью 1959 г. в Варшаве. В делегацию от Советского Союза входили С. Б. Бернштейн и В. Г. Орлова. В Варшаве стало известно, что З. Штибер не будет принимать участия в работе над ОЛА. Было очевидно, что предстоят острые дебаты.

Первое заседание было открыто кратким вступительным словом В. Дорошевского. Он призывал всех нас к реализму и толерантности. После этого слово было предоставлено С. Б. Бернштейну для доклада «Основные принципы ОЛА» (доклад не опубликован). Вот его основные положения.

Между участниками предстоящей работы над ОЛА имеются известные расхождения. Однако они преодолимы, так как все признают, что между атласами отдельных славянских языков и ОЛА имеются весьма существенные отличия. На съезде в Москве выявить эти различия нам не удалось. Теперь в Варшаве главная задача состоит в четком выявлении этих различий. От этого зависит вся дальнейшая работа. Если с этой задачей мы не справимся, все наши планы рухнут. Зачем создавать ОЛА, если его карты будут повторять карты атласов самостоятельных славянских языков? Это очевидно.

1. Составители лингвистических атласов славянских языков уделяют большое внимание национальной атрибуции фактов. Польский диалектолог включает в атлас те карпатские говоры, которые, по его мнению, являются говорами польского языка. Аналогично поступает диалектолог других славянских языков. В нашем случае национальная атрибуция лишена всякого смысла. Мы изучаем не русские, польские, болгарские и т. д., а славянские говоры. Таким образом, мы имеем дело не с национальной атрибуцией, а с этнической атрибуцией (славянское противопоставляется неславянскому). Так понимали задачу Славянского лингвистического атласа первые его создатели. В этом пункте мы должны вернуться к ним. Допускаю, что читателя ОЛА может заинтересовать национальная атрибуция отдельных диалектных признаков или изоглосс. В этом случае он может воспользоваться калькой, на которой должны быть указаны государственные границы. Если эта информация читателя не удовлетворит, он должен обратиться к национальным атласам. Таким образом, карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский языковой мир и показывают его диалектные типы.

2. Вся наша работа в области лингвистической географии шла в плане диахронического языкознания. Наши национальные атласы дают новый и весьма ценный материал для изучения истории национальных славянских языков. Именно этому подчинена вся наша деятельность в области диалектологии. Об этом же мы говорили и на прошлогоднем съезде

славистов. В этом аспекте мы не делали различий между национальными славянскими атласами и ОЛА. Теперь я думаю иначе. Конечно, и в работе над ОЛА мы будем иметь дело с диахронией. Однако в отличие от обычных национальных атласов ОЛА потребует от нас особого внимания к синхронно-функциональному аспекту. Думаю, что именно здесь идет главный различительный признак ОЛА от национальных атласов.

3. У нас большой опыт в области лингвистической географии. Однако теперь перед нами поставлена совершенно новая задача, решить которую прежними приемами нельзя. Многие будут решаться теперь иначе. В каком-то смысле мы будем проходить ученический период. Поэтому целесообразно всю работу над ОЛА поделить на два этапа. О чем конкретно идет речь? Сначала целесообразно начать работу над пробным ОЛА и лишь после его завершения — работу над основным трудом.

4. Транскрипция. У славистов-диалектологов единой транскрипции нет. Нет сомнений в том, что в ОЛА должна быть единая фонетическая транскрипция. Тут возникает ряд вопросов. Конечно, транскрипция ОЛА должна строиться на основе латинского письма. Подобная транскрипция широко применяется восточнославянскими и южнославянскими диалектологами, тогда как западнославянские диалектологи никогда кириллицей не пользуются. Имеется еще один аргумент. Все праславянские реконструкции в любой стране осуществляются на основе латинского алфавита. Необходимо решить еще один существенный вопрос: в какой степени в ОЛА будут учитываться фонологические противопоставления? Будет ли нужда не только в фонетической транскрипции, но и в фонологической?

5. Число населенных пунктов. В Москве на съезде называли очень большую цифру. Реалистичнее предложение З. Штибера — 350 пунктов. Для пробного ОЛА можно было бы установить 150.

6. Вопросник. Большая, трудная и весьма ответственная работа. Нужно ли включать в вопросник ОЛА вопросы, представленные во всех национальных атласах? Уверенно ответить на этот вопрос трудно. Нужно всесторонне его обсудить. В какой степени при подготовке карт ОЛА можно и нужно использовать материал национальных атласов?

7. На Московском съезде славистов широко обсуждали вопрос о роли и месте в ОЛА неславянских языков. Здесь нужно различать два явления: неславянские языки (румынский, вен-

герский и др.) и славянские говоры на территории неславянских государств. Очевидно, что мимо данных фактов пройти нельзя.

Широкого обсуждения доклада не состоялось. Первым выступил В. Дорошевский. В самой решительной форме он заявил, что выступает против основных положений доклада. Особенно резко выступил В. Дорошевский по первому пункту, усмотрев в нем антипольскую тенденцию. Он заявил, что если доклад будет утвержден, то тогда он и его коллектив диалектологов принимать участия в работе над ОЛА не будут. Трудно было ожидать после этого спокойное и деловое обсуждение. Б. Гавранек пытался несколько сгладить напряжение, сказав, что ничего антипольского в первом пункте нет. Первый пункт в равной степени относится ко всем славянским языкам. Подробнее Б. Гавранек изложил свое отношение ко второму пункту доклада, отметив, что необходимо глубже осветить структурно-типологический аспект ОЛА. Именно в этом пункте, по его мнению, заложено главное отличие ОЛА от национальных атласов. Я. Белич горячо поддержал мысль о создании пробного атласа. Вскоре после варшавского заседания он даже подготовил проект Пробного вопросника и опубликовал его в «Вопросах языкознания» (1963, № 1). С. Утешены по этому вопроснику обработал материал из 42 населенных пунктов [Утешены 1965]. Однако на этом все и закончилось. Подлинного интереса к работе чешских диалектологов проявлено не было. Мысль о создании пробного ОЛА увяла на корню.

В 1960 г. у меня состоялась длительная и очень важная беседа с Б. А. Гавранком в Праге. Речь шла о взаимоотношении ОЛА с национальными славянскими лингвистическими атласами. Свои рассуждения чешский ученый построил на материале уменьшительных именных суффиксов. Сначала был рассмотрен уровень историко-генетический. На этом уровне различия между чешским и русским языками оказались сравнительно незначительными. Они могут быть выявлены при сравнении данных соответствующих карт из русского и чешского национальных атласов. Совсем иную картину показали сравнения на уровне синхронно-функциональном. Здесь различия оказались весьма глубокими. По мнению чешского лингвиста, материал именно такого рода и должен быть использован в ОЛА. В заключение беседы Гавранек отметил, что славянские диалектологи, работающие в области лингвистической географии, плохо знакомы

с западноевропейской лингвистической географией. Это не имело серьезных последствий, пока работа шла над славянскими национальными атласами. Положение изменилось коренным образом, когда началась работа над ОЛА. Здесь в полной мере необходим учет достижений романистов и германистов. Без этого успешно завершить работу над ОЛА нельзя. Далее Б. Гавранек отметил, что не следует забывать французских ученых, инициаторов этого труда.

Историю ОЛА начинают обычно с 1961 г., когда в Праге инициативная группа была реорганизована в постоянно действующую Комиссию ОЛА при Международном комитете славистов. Именно с этого времени можно говорить о завершении подготовительного этапа в формировании постоянно действующего состава сотрудников ОЛА. Руководящую роль в Комиссии стали играть Р. И. Аванесов и В. Дорошевский. Среди основателей ОЛА официально указывают Р. И. Аванесова, А. Белича, С. Б. Бернштейна, Б. Гавранка, В. Дорошевского, С. Стойкова, З. Штибера. Однако большинство из указанных ученых следует считать не основателями ОЛА, а инициаторами создания ОЛА. Никто из указанных славистов не может нести ответственности за ОЛА.

Уже на первых этапах деятельности Комиссии ОЛА обнаружилось стремление всеми возможными способами стереть коренные различия между ОЛА и национальными атласами. Это сказалось прежде всего в установлении фантастического для ОЛА числа населенных пунктов (850). Для обычных атласов отдельных славянских языков пребывание в каждом населенном пункте не превышает 4–5 дней. Опытный диалектолог во многих случаях может справиться с задачей и в более короткий срок. Для атласа синхронно-функционального минимальный срок пребывания в селе должен быть установлен в 10 дней. Легко себе представить, сколько времени нужно будет потратить для сбора материала в 850 пунктах! Это непродуманное решение превратило всю деятельность ОЛА в бесперспективное предприятие, рассчитанное на многие десятилетия. То же самое нужно сказать и о Вопроснике, который включал 3454 вопроса. При его составлении не учитывались вопросники национальных атласов. А это дало бы большие возможности для сокращения Вопросника ОЛА (за счет тех вопросов, которые представлены во всех вопросниках национальных атласов).

Самое главное, однако, состоит в полном тождестве теоретических и методических принципов ОЛА и национальных сла-

вянских атласов. Руководители ОЛА пытаются это отрицать. «...уже пробное картографирование показало, что ОЛА и национальные атласы — принципиально различные работы, каждая из которых имеет свой особый объект, различные задачи, специфическую проблематику» [ОЛА 1978, 27]. Однако нигде эти различия не сформулированы. Да их и нет, так как главной задачей ОЛА объявлено генетическое, диахроническое изучение славянских диалектов. На каком-то этапе работы над ОЛА руководителей неожиданно стало беспокоить отсутствие синхронно-функциональных характеристик. Однако еще во Вступительном выпуске ОЛА читаем: «Как уже было отмечено выше, приоритет был отдан точке зрения генетической, диахронической» [там же, 35]. Совершенно неожиданно в докладе Аванесова встречаем: «ОЛА должен дать материал, который способствовал бы решению двух качественно различных проблем — проблемы историко-сравнительной и проблемы синхронно-типологической» [Аванесов 1978, 9]. Однако осознание необходимости синхронно-функционального изучения данных ОЛА пришло слишком поздно. Собранный материал по вопроснику ОЛА не дает возможности подготовить карты, освещающие структурно-функциональные аспекты. В этом трагедия коллектива ОЛА.

Интерес к проблемам структурной типологии в славянском языкознании наступил после определения задач ОЛА, после создания Вопросника. Нет ничего удивительного в том, что в коллектив ОЛА пришло понимание важности нового аспекта. Однако работа в области структурной типологии шла параллельно и независимо от работы над ОЛА. Да иначе и быть не могло, так как ОЛА с самого начала был ориентирован на диахроническое языкознание. Приведу один пример. За последние годы сотрудница коллектива ОЛА Т. И. Вендина опубликовала несколько интересных статей, посвященных функционированию именных суффиксов в современных славянских языках. Она справедливо пишет: «...функциональный подход к изучению славянского именного словообразования свидетельствует о том, что, несмотря на базисное единство основного корпуса словообразовательных средств, унаследованных еще из праславянской эпохи, в функциональном использовании этих общих для всех славянских языков суффиксов в каждом славянском языке или группе языков имеются свои особенности. Наряду с типологически сходными функциональными признаками, славянские языки демонстрируют бесконечную вариативность, от-

клонения, несовпадения в их употреблении, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая» [Вендина 1988, 173–174]. Еще более четко эта мысль изложена в другой ее статье: «Расхождения славянских языков с точки зрения функционального использования общеславянских аффиксов для типологии и классификации славянских языков имеют значительно большее значение, чем различия инвентарные, так как они помогают воссоздать с наибольшей достоверностью и убедительностью общую картину процесса развития словообразовательных систем славянских языков и в конечном итоге определить самобытность и оригинальность каждого славянского языка в отдельности» [Вендина 1988а, 157]. Четкое и ясное понимание задач в данном случае вошло в противоречие с материалом и с общими заключениями. Все дело в том, что Вендина вынуждена была опираться на старый материал, зафиксированный в словарях, в диалектологических описаниях, в грамматиках литературных языков. Ее характеристики идут на уровне языков, а не диалектов. Все это достаточно при сопоставлении глобальных структур (например, различия в употреблении уменьшительных суффиксов в славянских литературных языках), но мало что дает при их изучении на уровне диалектов и говоров. В статьях Вендиной находим общие характеристики славянских языков без учета особенностей диалектных отличий. Закономерно, что в ее статьях нет карт. Вместе с коллективом ОЛА она была рядом с ценнейшим материалом по именному словообразованию, но этот материал в ОЛА не фиксировался.

Международный коллектив славянских диалектологов за 30 лет интенсивной работы собрал и обработал большой материал. Ценность для науки его велика, так как в современных славянских странах идет интенсивный процесс стирания диалектных различий. Им с благодарностью воспользуются историки славянских языков. Однако основную задачу, ради которой создавался ОЛА, решить на его основе невозможно.

Свыше 30 лет прошло после завершения IV Международного съезда славистов в Москве. Это был первый съезд, который объединил славистов всего мира. Было обсуждено много интересных и важных проблем из различных областей славяноведения. Было много планов и проектов. Пора подвести итоги. К сожалению, большинство лингвистических планов оказалось невыполненным. Нет словаря церковнославянского языка, нет топо-

нимического атласа, нет фундаментальных трудов по истории славянских литературных языков... Много было опубликовано тематических сборников, но, как показал их анализ, большой научной ценности они не имеют. На первый взгляд, проект ОЛА в какой-то степени осуществлен. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же и здесь итоги неутешительные*.

Первая публикация:

С. Б. Бернштейн. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // ВЯ, 1990, № 6. С. 5–16.

* Критика некоторых положений статьи были высказана Л. Э. Калынь и Г. П. Клепиковой в «Письме в редакцию», опубликованном в ВЯ, 1991, № 6. (Ред.)

Приложение

Библиография

- Аванесов 1947 — *Р. И. Аванесов*. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* // Вестник МГУ. М., 1947, № 1.
- Аванесов 1947а — *Р. И. Аванесов*. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1947, т. VI, вып. 3.
- Аванесов 1949 — *Р. И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов 1963 — *Р. И. Аванесов*. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Аванесов 1965 — *Р. И. Аванесов*. О двух аспектах предмета диалектологии // ОЛА МиИ, 1965.
- Аванесов 1978 — *Р. И. Аванесов*. Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Аванесов, Бернштейн 1958 — *Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн*. Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958.
- АЛМ — Атласул лингвистик молдовенеск, в. 1. Кишинёу, 1968.
- Белић 1936 — [Рец. на]: *M. Matecki, K. Nitsch*. Atlas językowy polskiego Podkarpacka. Kraków, 1934 // Rocznik Slawistyczny, t. XII. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1936.
- Белич, Штольц 1962 — *Я. Белич, Й. Штольц* [Резюме доклада]. Систематическое изучение чешских и словацких говоров и проблема их атласа // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962, т. 2: Проблемы славянского языкознания.
- БЕР — Български етимологичен речник. Св. I–VIII. София, 1962–1971.
- Берг 1923 — *Л. С. Берг*. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923.

- Бернштейн 1939 — *С. Б. Бернштейн*. Болгарские говоры Украины (Ольшанский район) // Наукові записки Одеського держ. пед. ін-ту, т. I. Одесса, 1939.
- Бернштейн 1948 — *С. Б. Бернштейн*. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. М., 1948.
- Бернштейн 1948а — *С. Б. Бернштейн*. Болгарский лингвистический атлас // Вестник АН СССР, 1948, № 2.
- Бернштейн 1949 — *С. Б. Бернштейн*. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1828 годов // УЗИС, 1, 1949.
- Бернштейн 1949а — *С. Б. Бернштейн*. Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах // Вестник МГУ. М., 1949, № 4.
- Бернштейн 1952 — *С. Б. Бернштейн*. Атлас болгарских говоров СССР // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1952, № 2.
- Бернштейн 1961 — *С. Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн 1961а — *С. Б. Бернштейн*. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков // КСИС, вып. 33–34, 1961.
- Бернштейн 1963 — *С. Б. Бернштейн*. Карпатский диалектологический атлас // ВЯ, 1963, № 4.
- Бернштейн 1963а — *С. Б. Бернштейн*. К истории слога в праславянском языке // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Бернштейн 1963б — *С. Б. Бернштейн*. К изучению истории болгарского литературного языка // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963.
- Бернштейн 1965 — *С. Б. Бернштейн*. Из «Карпатского диалектологического атласа» // *Lingua viget. (Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky.)* Helsinki, 1965.
- Бернштейн 1968 — *С. Б. Бернштейн*. Контракция и структура слога в славянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Бернштейн 1973 — *С. Б. Бернштейн*. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Бернштейн 1974 — *С. Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бернштейн 1979 — *С. Б. Бернштейн*. О некоторых аспектах «Общекарпатского диалектологического атласа» // *Prace językoznawcze*, t. 61. Warszawa, 1979.
- Бернштейн 1982 — *С. Б. Бернштейн*. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX веках // ССл, 1980, № 1.
- Бернштейн 1985 — *С. Б. Бернштейн*. О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований карпато-дунайского региона // *Carpatobalcanica*. Bratislava, XIV, 1985.

- Бернштейн, Клепикова 1978 — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Бернштейн, Клепикова 1980 — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Общекарпатский диалектологический атлас и проблемы сотрудничества лингвистов и этнографов // СгВl X, 1-2, 1980.
- Бернштейн, Клепикова 1984 — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Историко-культурные аспекты лингвогеографического изучения карпато-балканской зоны // СБЯ, 1984.
- Бернштейн, Клепикова 1989 — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Восточнороманское влияние в лексико-семантической сфере внутри и вне балканского языкового союза // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Лингвистика. М., 1989.
- Бернштейн, Клепикова 1989а — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Лингвогеографическое изучение карпатской (=карпато-балканской) зоны и проблема диахронической интерпретации «карпатизмов» // ОЛА МиИ 1985-1987. М., 1989.
- Бернштейн, Чешко 1951 — С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко. Опыт классификации болгарских говоров СССР // УЗИС, 4, 1951.
- Бешевлиев 1965 — В. Бешевлиев. Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965.
- Бояджиев 1972 — Т. Бояджиев. Говорът на село Съчанли, Гюмюрджинско. София, 1972.
- Брок 1910 — О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910 // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.
- Бромлей 1981 — Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Бромлей, Грацианская 1973 — Ю. В. Бромлей, Н. Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры) // ССл, 1973, № 6.
- БТР — Л. Андрейчин и др. Български тълковен речник. София, 1955.
- Бубрих 1924 — Д. В. Бубрих. Северно-кашубская система ударения // ИОРЯС, 1924, т. XXVII.
- Бузук 1929 — П. А. Бузук. Спроба лінгвістычнае географіі. Беларусі. Менск, 1929.
- Булаховський 1956 — Л. А. Булаховський. Питання походження української мови. Київ, 1956.
- Бунина 1950 — И. К. Бунина. Из истории вайсальских говоров // УЗИС, 2, 1950.
- Вакарелски 1972 — Хр. Вакарелски. По проблемите за издаване на планинска народна култура в Карпато-Балканската област (Лексикон на планинска народна култура в Карпатите и Балканите) // L'udová kultúra v Karpatach. Ethnographia Carpatica. Práce Medzinárodnej komisie pre štúdium l'udovej kultúry v oblasti Karpát. Bratislava, 1972.
- Вейнрейх 1970 — У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике, V. М., 1970.
- Вендина 1988 — Т. И. Вендина. К вопросу о типологическом сходстве и различии славянских языков на уровне словообразования // ОЛА МиИ 1984. 1988.

- Вендина 1988а — *Т. И. Вендина*. К словообразовательным особенностям южно-славянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // ОЛА МиИ 1984. 1988.
- Верхратский 1899 — *И. Верхратский*. Знадоби до пізнання угорскоруских говорів. Ч. 1. Львів, 1899.
- Верхратський 1901 — *И. Верхратський*. Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів // Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. XXVII, XXX, XL, XLIV, XLV. Львів, 1901.
- Видоески 1950 — *Б. Видоески*. Поречкиот говор. Скопје, 1950.
- Видоески 1957 — *Б. Видоески*. Кичевскиот говор (Извештај од дијалектните испитувања) // МЈ, год. VIII, кн. 1. 1957.
- Видоески 1958 — *Б. Видоески*. Говорот и топонимјата на кичевските села од тајмишката група // МЈ, год. IX, кн. 1-2. 1958.
- Видоески 1962 — *Б. Видоески*. Кумановскиот говор. Скопје, 1962.
- Вступ 1966 — Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966.
- Гануделева, Клепикова 1992 — *З. Гануделева, Г. П. Клепикова*. Украинские говоры Восточной Словакии и ОКДА // Лексика в ОКДА, II. М., 1992.
- Ганудель — *З. Ганудель*. Назви посуду і кухонного начиння в українських народних говорах Східної Словаччини // Наукові записки Музею української культури. Мовознавство, № 3. Пряшів, 1978.
- Георгиев 1951 — *Вл. Георгиев*. Сталинското учение за езика и проблемите на българското езикознание // Проблемите на българското езикознание в светлината на сталинското учение за езика. София, 1951.
- Георгиев 1954 — *В. Георгиев*. Болгарское языкознание на новом пути // Acta Linguistica. Budapest, 1954, t. IV, 1-2.
- Герасимов 1971 — *Т. Герасимов*. Келтските етнически наслоения в българските земи // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971.
- Геров 1971 — *Б. Геров*. Въпросът за романизацията на тракийското население в българските земи // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971.
- Геровский 1946 — *Г. Геровский*. Словарный состав южнокарпатского наречия // Костер, 9. Прага, 1946.
- Голомб 1955 — *З. Голомб*. Генетични врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје // МЈ, год. X, кн. 1-2, 1955.
- Голомб 1959 — *З. Голомб*. Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје // МЈ, год. X, кн. 1-2, 1959.
- Григоров 1907 — *М. Григоров*. Говорът на малореканците (мияците) в Дебърско // Известия на Семинара по славянска филологија, кн. II. София, 1907.
- Григорович 1877 — *В. И. Григорович*. Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1977.
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь украинского языка, т. I-II. Киев, 1907-1909.

- Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. СПб., 1903–1909.
- ДД — Дикционар диалектал, 1. Кишинэу, 1985.
- Державин 1914 — Н. С. Державин. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). София, 1914 (СбНУ, кн. XXIX).
- Державин 1915 — Н. С. Державин. Болгарские колонии в России. Т. II. Язык. Пг., 1915.
- Дзендзелівський — Й. О. Дзендзелівський. Спостереження над лексикою українських говірок Нижнього Подністров'я // Наукові записки Ужгородськ. держ. ун-ту, т. XIII. Ужгород, 1955.
- Дзендзелівський — Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. I — Ужгород, 1958; II — Ужгород, 1960.
- Дзендзелевский 1961 — И. А. Дзендзелевский. Принципы составления региональных атласов // КСИС, вып. 33–34. 1961.
- Дзендзелевский 1964 — И. А. Дзендзелевский. К вопросу о времени расселения восточных славян на южных склонах Украинских Карпат. М., 1964.
- Дзендзелівський 1969 — И. А. Дзендзелівський. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969.
- Дзендзелевський 1974 — И. А. Дзендзелевський. К вопросу о «Лингвистическо-этнографическом атласе культуры Карпат» // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- ДМР — Дикционар молдовенеск-русеск. Кишинэу, 1961.
- Дуриданов [1952] — И. Дуриданов. Местные названия от Ломско. София, 1952.
- Дурново, Соколов, Ушаков 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.
- Елезовић — Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, I–II. Београд, 1932–1935.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–3. Київ, 1982–1989.
- Желех[івський] 1886 — С. Желехівський, С. Недільський. Малорусько-німецький словар. Львів, 1886.
- Жилко 1966 — Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.
- Заремба 1975 — А. Заремба. Из проблематики карпатской лексики и семантики на польско-словацкой языковой границе // СБЯ: Проблемы интерференции и языковых контактов. 1975.
- Ивић 1957–1958 — П. Ивић. Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // ЈФ, XXII, 1957–1958.
- Ивић 1960/1961 — П. Ивић. Основани аспекти структуре дијалекатске диференцијације // МЈ, год. XI–XII, кн. 1–2, 1960–1961.
- Иллич-Свитыч 1960 — В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян (Географический ландшафт) // Изв. ОЛЯ, 1960, 3.
- Иллич-Свитыч, Венедиктов 1960 — В. М. Иллич-Свитыч, Г. К. Венедиктов [Рец. на кн.:] Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських

- народних говорів. Закарпатської області УРСР (Лексика). Ч. I. Ужгород. 1958 // ВЯ, 1960, № 3.
- Илчев 1969 — С. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- Историческая грамматика 1982 — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова и В. В. Иванова. М., 1982.
- Карась 1971 — М. Карась. Из карпатской лексики // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- КДА — С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас, т. 1: Тексты. М., 1967.
- Клепикова 1974 — Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
- Клепикова 1974а — Г. П. Клепикова. К вопросу об изучении балкано-карпатской терминологии горного пастушества (*strunga и родств.) // ОЛА МиИ 1972. 1974.
- Клепикова 1978 — Г. П. Клепикова. Лексико-семантические параллели в македонских и карпато-украинских диалектах // МЖ, XXIX, 1978.
- Клепикова 1979 — Г. П. Клепикова. Словацко-украинские параллели на фоне общекарпатских языковых отношений // Slovník FFUK, XXX. Bratislava, 1979.
- Клепикова 1982 — Г. П. Клепикова. Македоно-севернославянские семантические параллели // МЖ, XXXII–XXXIII. 1982.
- Клепикова 1983 — Г. П. Клепикова. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. 5. +gVIVta // СВЯ, 1983.
- Клепикова 1984 — Г. П. Клепикова. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. 7. +palan(V)k= // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Клепикова 1985 — Г. П. Клепикова. К проблеме взаимоотношения центральной и периферийной зон балкано-карпатского ареала // ОЛА МиИ 1982. 1985.
- Клепикова 1986 — Г. П. Клепикова. Карпатское языкознание — состояние и перспективы международного научного сотрудничества // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986.
- Клепикова 1988 — Г. П. Клепикова. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии // ОЛА МиИ 1983. 1988.
- Клепикова 1989 — Г. П. Клепикова. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии // ОЛА МиИ 1985–1987. 1989.
- Клепикова 1992 — Г. П. Клепикова. Балкано-карпатская специфика в сфере «внутренней формы» слова // Образ мира в слове и ритуале. М., 1992.
- Клепикова 1992а — Г. П. Клепикова. Карпатское языкознание и ОКДА // Лексика ОКДА, II. М., 1992.
- Кобилянський 1960 — Б. В. Кобилянський. Діалект і літературна мова. (Східно-карпатський і покутський діалекти, їх походження і відношення до української літературної мови). Київ, 1960.

- Коготкова 1953 — *Т. С. Коготкова*. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореферат канд. диссертации. Л., 1953.
- Коготкова 1961 — *Т. С. Коготкова*. Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. М., 1961, вып. 2.
- Кодов 1934 — *Хр. Кодов*. Тракийските говори като преход между източнобългарските и македонски говори // *II Międzynarodowy zjazd slawistów. Księga referatów. Sekcja 1: Językoznawstwo*. Warszawa, 1934.
- Кодов 1936 — *Хр. Кодов*. Езикът на тракийските българи // *Тракийски сборник*, кн. VI, ч. 2: *Език*. София, 1936.
- Конески 1952 — *Бл. Конески*. Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел 1: Увод. За гласове. За акцентот. Скопје, 1952.
- Конески 1957 — *Б. Конески*. Материјали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томиќ // *МЈ*, год. VIII, кн. 2. 1957.
- Котова 1950 — *Н. В. Котова*. Говор с. Твардицы Молдавской ССР (К истории сливенского говора) // *УЗИС*, 2. 1950.
- Кочев — *И. Кочев*. Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
- Лавров 1893 — *П. А. Лавров*. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
- ЛАЗГ = Дзендзелівський 1958, 1960.
- Ларин 1949 — *Б. А. Ларин*. О принципах составления атласа славянских языков // *Уч. зап. [ЛГУ]*, 97. Серия филол. наук, 14. 1949.
- Леков 1962 — *Ив. Леков*. Към методите на изследване на украинско-българските лексикални съотношения // *Питання слов'янознавства*. Львів, 1962.
- Леков 1978 — *И. Леков*. Моделът на обществената и вътрешно — системна обусловеност в развоја на славянската езикова група // *Славянска филология*, т. XV: *Езикознание*. София, 1978.
- Лизанец 1976 — *П. М. Лизанец*. Атлас лексичних мадаризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР, ч. III. Ужгород, 1976.
- Лизанец 1976а — *П. Н. Лизанец*. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976.
- Марусенко 1968 — *Т. А. Марусенко*. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // *Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)*. М., 1968.
- Мейе 1954 — *А. Мейе*. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Мирчев 1936 — *К. Мирчев*. Неврокопският говор. София, 1936.
- Мирчев 1951 — *К. Мирчев*. Защо ни е необходим атлас на българските говори // *ВЕз*, 1951, I, 3–4.
- Мирчев 1958 — *К. Мирчев*. Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- Михайлов 1954 — *П. Михайлов*. Градскиот дебарски говор. Скопје, 1954.

- Михајловић 1972 — *В. Михајловић*. Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду. Нови Сад, 1972.
- Миятев 1953 — *П. Миятев*. Из архивата на К. Иречек. Софија, 1953.
- Младенов 1936 — *С. Младенов*. Принос към изучване на българските говори в Източна и Западна Тракия (Въз основа на наблюденията върху говора на бежанците из казаните области и Мала Азия) // Тракийски сборник, кн. VI. Софија, 1936.
- Младенов — *С. Младенов*. Етимологичен и правописен речник на български език. Софија, 1941.
- Младенов 1942 — *С. Младенов*. Български тълковен речник на съвременния народен и книжовен език. I. Софија, 1942.
- Младенов 1943 — *С. Младенов*. Увод во всеобщото езикознание. Софија, 1943.
- Младенов М. 1963 — *М. Сл. Младенов*. Дълги гласни в българския език // Език и литература, 1963, год. XVIII, № 6.
- Младенов М. 1973 — *М. Младенов*. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
- Младенов М. 1974 — *М. Сл. Младенов*. Една лексико-семантична изоглоса в българския език: *чувам* 'слушам' / *чувам* 'пазя, отглеждам' // В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969). Езиковедски изследвания. Софија, 1974.
- Младенов М. 1975 — *М. Младенов*. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // СВЯ, 1975.
- Младенов Ст. 1979 — *Ст. Младенов*. Историческа граматика на българския език. Превод и редакция на Ив. Дуриданов. Софија, 1979.
- Моммзен 1949 — *Т. Моммзен*. История Рима V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М., 1949.
- МСБГ — Материали до словника буковинських говірок. Вип. 1–6 (А–О). Чернівці, 1971–1979.
- Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Пад рэд. Р. І. Аванесава. Мінск, 1964.
- Нахтигал 1963 — *Р. Нахтигал*. Славянские языки. Пер. со словен. Н. М. Елкиной / Под ред. и с предисл. С. Б. Бернштейна. М., 1963.
- Невская, Судник 1978 — *Л. Г. Невская, Т. М. Судник*. Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Німчук 1962 — *В. В. Німчук*. Питання про зв'язки закарпатських українських говорів з південнослов'янськими мовами // Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції. Ужгород, 1962.
- Овчинникова 1989 — *Е. Н. Овчинникова*. Особенности семантики репрезентантов лексемы *gyzd- в северно-карпатском ареале // Лексика в ОЖДА. I. М., 1989.
- ОЖДА 1981 — Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.

- ОКДА 1988 — Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1988.
- ОЛА 1978 — Общеславянский лингвистический атлас / Вступительный выпуск: Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978.
- ОЛА. МиИ — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.
- Онишкевич 1966 — *М. О. Онишкевич*. Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
- Онышкевич 1972 — *М. О. Онышкевич*. Словарь бойковского диалекта (буква К) // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
- Панькевич 1937 — *Ив. Панькевич*. Чи можна говорити про болгаризми в південнокарпатських говорах // *Slavia*, роč. XIV, seš. 1. Praha, 1937.
- Панькевич 1955 — *И. Панькевич*. Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді // *Slavia*, роč. XXIV, seš. 2-3. 1955.
- Петрович 1958 — *Э. Петрович*. Явления сингармонизма в исторической фонетике румынского языка — следствие славяно-румынской языковой интерференции // *RSI*, t. II. 1958.
- Пизани 1975 — *В. Пизани*. Etymologia parerga // *Этимология*. 1973. М., 1975.
- Пјанко 1960/1961 — *Вл. Пјанко*. Квантитетот как фонолошки фактор во македонскиот јазик // *МЈ*, год. XI-XII, кн. 1-2. 1960/1961.
- Плотникова 1950 — *Л. С. Плотникова*. О некоторых особенностях говора села Кирютня Конгазского района Молдавской ССР // *УЗИС*, 2. 1950.
- Погорелов 1940 — *В. Погорелов*. Болгаризмы в карпатских говорах // *Spisy Filozofickej fakulty Slovenskej univerzity v Bratislave*, 1940, № 2. Статья первоначально была опубликована в 1935 г. в газете «Русский народный голос».
- Попиванов 1940 — *Г. Попиванов*. Особенисти на шуменския говор // Сб. БАН, кн. XXXIV. 1940.
- Попова 1962 — *Т. В. Попова*. О границе «южного типа произношения *ѣ*» // *СМБД*, вып. 10. 1962.
- Попович 1959 — *И. Попович*. Сербохорватско-болгарские лексические этюды (Заметки по славянской лингвистической географии) // *Славянское языкознание*. М., 1959.
- Попович 1962 — *И. Попович*. Южнославянские лексические этюды // *КСИС*, вып. 35. 1962.
- Пражский кружок 1967 — Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967.
- Преображенская 1962 — *М. Н. Преображенская* [Выступление] // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962, т. 2: Проблемы славянского языкознания.
- Прилози — Прилози. Македонска Академија на науките и уметностите, XIII/1. Скопје, 1988.
- Программа 1945 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. [Ярославль], 1945.

- Програма 1947 — Програма собирация сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
- Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, 1–4. СПб., 1899–1911.
- РБЕ = (РСБКЕ) — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София, 1954–1959.
- РМЈ — Речник на македонскиот јазик. I–III. Скопје, 1961–1966.
- Рот 1967 — А. М. Рот. Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского бассейна и венгерско-украинская языковая интерференция // *Studia slavica*, t. XIII, fasc. 3–4. Budapest, 1967.
- РСА = РСХКНЈ
- РСБКЕ = РБЕ
- РСХКНЈ (=РСА) — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–12. Београд, 1959–1984.
- Русская диалектология 1964 — Русская диалектология (Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой). М., 1964.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения и книжнина. София.
- Сборник ответов 1958 — Сборник ответов на вопросы по языкознанию. (К IV Международному съезду славистов.) М., 1958.
- СБЯ — Славянское и балканское языкознание. М.
- СГУ — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Селищев 1941 — А. М. Селищев. Славянское языкознание. Т. I: Западнославянские языки. М., 1941.
- Селищев 1951 — А. М. Селищев. Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- Скурт — Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молодвенешть. Кишинэу, 1978.
- Сл. гуц. — Картотека словаря гуцульского говора (хранится в Институте общественных наук АН УССР во Львове).
- Смаль-Стоцкий 1927 — Ст. Смаль-Стоцкий. Розвиток поглядів про сім'ю слов'янських мові їх взаємне споріднення. Прага, 1927.
- Смаль-Стоцкий 1928 — Ст. Смаль-Стоцкий. Східні слов'яни // Україна, 1928, № 3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1–27. М.; Л. (СПб.), 1965–1992.
- Стойков 1949 — С. Стойков. Български езиков атлас // Език и литература. София, 1949, кн. 3.
- Стойков 1949а — С. Стойков. Българска диалектология. София, 1949.
- Стойков 1955 — С. Стойков. Българска диалектология. София, 1955.
- Стойков 1955а — С. Стойков. Глаголното окончание -ме в българския книжовен език // Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина. София, 1955.
- Стойков 1956 — С. Стойков. Българска диалектология. София, 1956.
- Стойков 1957 — С. Стойков. Странджанският говор // БЕЗ, 1957, кн. 3.
- Стойков 1959 — С. Стойков. Програма за събиране на материали за български диалектен атлас. София, 1959.
- Стойков 1962 — С. Стойков. Българска диалектология. София, 1962.

- Стойков 1962а — *С. Стойков*. Към диалектния консонантизъм на българския език (Промени на съгласната л в говора на с. Петърница, Плевенско) // БЕз, год. XII, кн. 1-2. 1962.
- Стойков 1963 — *С. Стойков*. Основното диалектно деление на български език // Славянска филология. Т. III: Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963.
- Стойков 1963а — *С. Стойков*. Ятовият преглас в български език // БЕз, 1963, кн. 4-5.
- Стойков 1968 — *С. Стойков*. Българска диалектология. София, 1968.
- Стойков 1969 — *Ст. Стойков*. Лексиката на банатския говор. София, 1969.
- Судник, Цивьян 1983 — *Т. М. Судник, Т. В. Цивьян*. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балто-славянский и балканский языковые союзы) // Славянское языкознание. IX Международный съезд. Доклады советской делегации. М., 1983.
- Тези 1962 — Тези доповідей у міжвузівської республіканської славистичної конференції. Ужгород, 1962.
- Токарев 1963 — *С. А. Токарев* / Выступление в дискуссии // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. М., 1963.
- Толстой 1963 — *Н. И. Толстой*. Из опыта типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ, 1963, № 1.
- Толстой 1968 — *Н. И. Толстой*. Об изучении полесской лексики // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Толстой 1974 — *Н. И. Толстой*. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Топоров 1988 — *В. Н. Топоров*. Вокруг «лютого зверя» // БСИ 1986. 1988.
- Топоров — *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. Т. I — М., 1975; т. II — 1979; т. III — 1980; т. IV — 1984; т. V — 1990.
- Топоров 1991 — *В. Н. Топоров*. Функция границы и образа «соседа» в становлении этнического самосознания // ССл., 1991, № 1.
- Трубецкой 1929 — *Н. С. Трубецкой*. К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках // Slavia, год. VII, seš 4. 1929.
- Угринова 1951 — *Р. Угринова*. Говорите во Скопско. Скопје, 1951.
- Ульманн 1970 — *С. Ульманн*. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970, т. V.
- Утешены 1965 — *С. Утешены*. Из опыта работы с пробным Вопросником Общеславянского лингвистического атласа // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1965.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973.
- Хроника заседаний 1961 — Хроника заседаний лингвистической секции [Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения] // КСИС, вып. 33-34. 1961.
- Цивьян 1966 — *Т. В. Цивьян*. К проблеме построения грамматической модели языка-посредника в системе балканского языкового союза. М., 1966.

- Цивьян 1966а — *Т. В. Цивьян*. О возможности применения ареально-типологических методов для исследования балканского языкового союза. (К построению лингвистического атласа балканского языкового союза) // ССЛ, 1966, № 3.
- Цивьян 1979 — *Т. В. Цивьян*. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979.
- Цонев 1900 — *Б. Цонев*. Програма за изучаване на българските народни говори // СБНУ, кн. XVI–XVII. 1900.
- Цонев 1934 — *Б. Цонев*. История на българский език, т. II. София, 1934.
- Цонев 1937 — *Б. Цонев*. История на българский език, т. III. София, 1937.
- Цонев 1940 — *Б. Цонев*. История на българский език, т. I. София, 1940.
- Чешко 1950 — *Е. В. Чешко*. Итоги работы по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР // УЗИС, 2. 1950.
- Чешко 1952 — *Е. В. Чешко*. К истории кайракийского говора. (Болгарский говор села Лоциновки Болградского р-на Измаильской области УССР) // СМБД, вып. 2, 1952.
- Чешко 1952а — *Е. В. Чешко*. Из итогов второй диалектологической экспедиции в болгарские села Измаильской области УССР, проведенной летом 1949 года // СМБД, вып. 2, 1952.
- Чешко 1952б — *Е. В. Чешко*. К истории кайракийского говора // СМБД, вып. 2, 1952.
- Чистов 1974 — *К. В. Чистов*. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Шахматов 1915 — *А. Шахматов*. [Рец. на кн.:] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913 // ИОРЯС, т. XX, кн. 3. 1915.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
- Шахматов 1916 — *А. Шахматов*. Заметки по истории звуков лужицких языков. Пг., 1916, т. XXI, кн. 2.
- Широкова 1961 — *А. Г. Широкова*. Чешский язык. М., 1961.
- Штибер 1962 — *З. Штибер*. [Резюме доклада] Общеславянский лингвистический атлас // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962, т. 2: Проблемы славянского языкознания.
- Щепкин 1906 — *В. Н. Щепкин*. Болонская псалтырь. СПб., 1906.
- Щепкин 1914 — *В. Н. Щепкин*. Введение в славяноведение. М., [1914].
- Щерба 1915 — *Л. В. Щерба*. Восточнолужицкое наречие. Т. I. Пг., 1915.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–19. М., 1974–1993.
- AAF — Anuaral arhivei de folklor. Cluj.
- AGB — Atlas gwar bojkowskich. (Pod red. J. Riegera), I–VI. Warszawa — Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1980–1986.

- AIS — *K. Jaberg, J. Jud.* Sprach- u. Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Zofingen. VI. 1940.
- AJPP — *K. Nitsh, M. Matecki.* Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934.
- Alâettin 1930 — *J. Alâettin.* Jeni Türk lûgati. Istanbul, 1930.
- Alâettin — *Ibrahim Alâettin Gövsa.* Resimli yeni lûgat ve ansiklopedi (Ansiklopedik sözlük). 5 cilt. Istanbul, 1947–1954.
- ALE — Atlas Linguarum Europae. Sous la réd. de Alinei M., président, et al. Assen: Van Gorcum, 1983.
- ALR — Atlas lingvistic român. Serie nouă. 1–. București, 1956–.
- ALR II — *E. Petrovici.* Atlasul lingvistic român, I. Cluj, 1938.
- ALRM — Micul atlas lingvistic român. serie nouă. I–III. București, 1956–1967.
- ALRMar — Atlasul lingvistic român pe regiuni Maramureș, I–. București, 1969–.
- Andriotis 1974 — *N. Andriotis.* Lexicon der Archaismen in Neugriechischen Dialecten. Wien, 1974.
- Arvinte — *V. Arvinte* и др. Glosar regional. București, 1961.
- ASJ — Atlas slovenskeho jazyka. III, IV. Bratislava, 1981, 1984.
- Bartoš [1889] — *F. Bartoš.* Dialektologie moravská, I. Brno, 1889.
- Bartoš [1905] — *F. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1905.
- Battisti-Alessio — *C. Battisti, G. Alessio.* Dizionario etimologico italiano, II. Firenze, 1952.
- Baudouin de Courtenay 1931 — *J. Baudouin de Courtenay.* Izoglosy w świecie językowym słowiańskim // Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze. 1929. Praha, 1932.
- Berneker — *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.
- Bernstein 1966 — *S. B. Bernstein.* Les langues turkes de la peninsule des Balkans et «l'union des langues balkaniques» // Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Sofia, 1966.
- Bezljaj — *F. Bezljaj.* Etimološki slovar slovenskego jezika. Prva knjiga. A–J. Ljubljana, 1976.
- Bloch, Wartburg — *O. Bloch, W. Wartburg.* Dictionnaire de la langue français. Paris, 1950.
- Brückner — *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Buffa [1953] — *F. Buffa.* Narečie Dlhej lúky v Bardejovském okrese. Bratislava, 1953.
- Candrea — *I. Candrea, O. Densușianu.* Dicționarul etimologic al limbii române. București, 1907–1914.
- Capidan Megl. — *Th. Capidan.* Meglenoromâni I–III. București, 1925–1935.
- Cazacu — *B. Cazacu.* Glosar dialectal. Oltenia. București, 1967.
- Chaloupecký 1947 — *V. Chaloupecký.* Valaši na Slovensku. Praha, 1947.
- Cioranescu — *A. Cioranescu.* Diccionario etimológico rumano. La Laguna, 1959–1963.

- Coromiñas-Pascual — *J. Coromiñas*. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Madrid, 1983.
- Costin — *L. Costin*. Graiul bănăţean, I-II. Timişoara, 1926-1931.
- Crânjală 1938 — *D. Crânjală*. Rumunské vlivy v Karpatech se zyláštñím zřetelém k Moravskému Valašsku. Praha, 1938.
- Crânjală 1961 — *D. Crânjală*. Le problème des influences roumaines dans les Carpates du Nord et de l'Queste, surtout dans la région dite Valachie morave (ou Tchecoslovaquie) // *Acta Universitatis Palackianae Olomouensis*, 1961.
- Crânjală 1963 — *D. Crânjală*. Valaşi na Moravě. Materialy, problémy, metody. Praha, 1963.
- CrBl — Carpatobalcanica. Bratislava.
- Czambel — *S. Czambel*. Slovenská reč a jej miesto v rodině slovenských jazykov. Turč. sv. Martin, 1906.
- Çabej — *E. Çabej*. Studime etimologjike në fushë të shqipes. II. Tiranë, 1976.
- Damé 1898 — *F. Damé*. Incercare de terminologie poporană română. Bucureşti, 1898.
- Deboveanu — *E. Deboveanu*. Polska gwara górali bukowińskich w Rumunii. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971.
- DExpl — Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1975.
- DLR — Dicţionarul limbii române, 1-. Bucureşti, 1913-.
- DLRLC — Dicţionarul limbii române literare contemporane. I-IV. Bucureşti, 1955-1957.
- Du Cange — *D. Du Cange*. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Paris, 1938.
- Duden 1963 — *K. Duden*. Etymologie Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Günther Drosdowski, Paul Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion (Duden Bd. 7). Mannheim; Wien; Zürich, 1963.
- Duden 1988 — Das Duden-Lexicon. A-Z. Hrsg. u bearb. von Meyers Lexikonred. Dudenverl., 1988.
- Dudok 1972 — *D. Dudok*. Nářečia Pivnice v Báčke. Martin, 1972.
- Duridanov — *I. Duridanov*. Thrakisch-dakische Studien, I. Sofia, 1969.
- Dzendzelivskýi 1970 — *J. Dzendzelivskýi*. Über das Problem des linguistisch-ethnographischen Atlases der Kultur des Karpatengebietes // *Ethnologia slavica*, t. 2. Bratislava, 1970.
- Enrietti [1974] — *M. Enrietti*. Slavi *xysu/*xyzu casa, capann // *Academia nazionale del Lincei. Rendiconti della Cl. di scienze morali, storiche e filologiche*. XXVIII. Roma, 1974.
- Erdélyi — Erdélyi magyar szótörténeti tár. I. Bukarest, 1975.
- Ernout-Meillet — *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. I-II. 3-e éd. Paris, 1951.
- Fjalor — Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.
- Flora 1962 — *R. Flora*. Despre stadiul actual al istroromânei. Contribuţia geografiei lingvistice la chestiunea stăbilirii poziţiei graiurilor istroromâne faţa de dacoromână // *Fonetica şi dialectologie*, V. Bucureşti, 1962.
- Folc. Olt. Munt. — Folklor din Oltenia şi Muntenia, I-II. Bucureşti, 1967.

- Folc. Trans. — Folklor din Transilvania. București, 1967.
- Frisk — *Hj. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 1-22. Heidelberg, 1954-1970.
- Gilliéron, Edmont 1902-1910 — *J. Gilliéron, E. Edmont*. Atlas linguistique de la France. Paris, 1902-1910.
- Gołąb 1956 — *Z. Gołąb*. The Conception of Izogrammatism // Biuletyn Towarzystwa polskiego językoznawczego, t. XV. Warszawa, 1956.
- Gołąb 1957 — *Z. Gołąb*. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach goralskich // Język polski, t. XXXII, № 5. 1957.
- Gołąb 1966 — *Z. Gołąb*. Some Arumanian-Macedonian Isogrammatisms and the Social Back-ground of their Development // Word, 1959, t. XV, № 3.
- Gołąb 1984 — *Z. Gołąb*. The Aroumanian Dialekt of Krūševo. Skopje, 1984.
- Gregor 1976 — *F. Gregor*. Der slowakische Dialekt von Pilisszántó. Budapest, 1976.
- Grimm — *J. und W. Grimm*. Deutsche Wörterbuch. Leipzig, 1854-.
- Hadrovics 1985 — *L. Hadrovics*. Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985.
- Harmjanz, Röhr 1937-1939 — *H. Harmjanz, E. Röhr*. Atlas der deutschen Volkskunde. 1-6. Leipzig, 1937-1939.
- Herman 1914 — *O. Herman*. A magyar pásztorok nyelv kincse. Budapest, 1914.
- Herniczek-Morozowa [1975, 1976] — *W. Herniczek-Morozowa*. Terminologija polskiego pasterstwagórskiego, I-III. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975-1976.
- Hofmann 1950 — *J. B. Hofmann*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
- Horehronie 1969 — Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudi. Red. J. Podolák. Bratislava. 1969.
- Hosák, Šrámek — *L. Hosák, R. Šrámek*. Místní jména na Moravě a ve Slesku. Praha, 1970 (A-L); Praha, 1980 (V-Ž).
- Išačenko 1950-1958 — *A. B. Išačenko*. Slovensko-ruský prekladový slovník, I-II. Bratislava, 1950-1958.
- Ivić 1962 — *P. Ivić*. On the Structure of Dialectal Differentiation // Word, v. XVIII, 1-2. 1962.
- Jaberg, Jud 1928-1940 — *K. Jaberg und J. Jud*. Der Sprachatlas als Forschungsinstrument. Kritische Grundlegung und Einführung in den Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Halle (Saale), Niemeyer, 1928-1940.
- Jurišić [1973] — *B. Jurišić*. Rječnik govora o. Vrgade. II. Zagreb, 1973.
- Kálal — *M. Kálal*. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.
- Karaś 1965 — *M. Karaś*. Orawskie teksty gwarowe z obszaru Czechosłowacji. Kraków, 1965.
- Karaś 1975 — *M. Karaś*. Studia nad dialektologią ukraińską i polską. Kraków, 1975.
- Karłowicz — *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. I-VI. Kraków, 1900-1911.

- Katitič 1966 — *R. Katitič*. Keltska osobna imena u antičkoj Sloveniji // Archeološki vestnik, XVII. Ljubljana, 1966.
- Kelemen 1971 — *B. Kelemen*. Cu privire la începutul influenței maghiare asupra limbii române // Cercetări de lingvistică, XVI, 2. Cluj, 1971.
- Kiss 1952 — *L. Kiss*. Ormánysági szótár. Budapest, 1952.
- Kluge — *F. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15 Aufl. Berlin, 1951.
- Kniezsa — *I. Kniezsa*. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I. Budapest, 1955.
- Komárek 1958 — *M. Komárek*. Historická mluvnice česká. I. Hlásokloví. Praha, 1958.
- Kott — *F. Kott*. Dodatky k Bartošovému Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910.
- Krajčovič 1962 — *R. Krajčovič*. O príčinách vzniku západoslovanskej kontrakcie // Slavica pragensia, IV. Praha, 1962.
- Krandžalov 1963 — *D. Krandžalov*. Valaši na Moravě. Materiály, problémy, metody. Praha, 1963.
- Lehr-Splawiński 1929 — *T. Lehr-Splawiński*. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Lehr-Splawiński 1956 — *T. Lehr-Splawiński*. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich // RS t. XVIII, cz. 1, 1956.
- Leotti 1937 — *A. Leotti*. Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937.
- Linde [1854-1860] — *B. Linde*. Słownik języka polskiego. I-VI. Lwów, 1854-1860.
- Lipták 1973 — *St. Lipták*. Slovná zásoba zemplinských a užských nářečí. Kandid. dizertácia. Jazykovedný ústav. Ludovita Štúra SAV. Bratislava, 1973 (машинопись).
- Lizanec 1970 — *P. N. Lizanec*. Magyar urkán nyelvi kapcsolatok. Uzshgorod, 1970.
- Lorentz 1925 — *Fr. Lorentz*. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin; Leipzig, 1925.
- LReg. — Lexic regional, I. București, 1961.
- Lukasik [1938] — *S. Lukasik*. Pologne et Roumanie aux confins des deux peuples et deux langues. Paris; Varsovie, 1938.
- Machek — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Machek 1963 — *V. Machek*. Zur Frage der slawisch-keltischen sprachlichen Beziehungen // Studia linguistica in honorem T. Lehr-Splawiński. Warszawa, 1963.
- MAGP — Mały atlas gwar polskich, t. 1-13. Wrocław, 1957-1970.
- Małecki, Nitsch 1934 (=AJPP) — *M. Małecki, K. Nitsch*. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934, cz. I: Mapy; cz. II: Wstęp, objaśnienia, wykazy wyrazów.
- Manchak 1966 — *V. Manchak*. Contraction des voyelles dans les langues slaves // Anzeiger für slavische Philologie. Wiesbaden, 1966.
- Mann — *S. Mann*. An Historical Albanian-English Dictionary. London; New York; Toronto, 1948.

- Maretić 1963 — *T. Maretić*. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.
- Marvan 1966 — *J. Marvan*. Z historie kontrakce // *Slavia*, roč. XXXV, seš. 3. Praha, 1966.
- Marvan 1967 — *J. Marvan*. Zur Rolle der Kontraktion in der alttschechischen Nominaldeklinaton // *Scando-Slavica*, t. XIII. Copenhagen, 1967.
- Matejčík 1972 — *J. Matejčík*. Slovník vychodonovohradského nářečia. Banská Bystrica, 1972.
- Matejčík 1975 — *J. Matejčík*. Lexica Novohradu. Vecný slovník. Martin, 1975.
- MCD — *Materiale și cercetări dialectale I*. București 1960.
- Meyer — *G. Meyer*. Albanesische Studien, III. V-B // *Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Class. Bd. CXV, CXXXII*. Wien, 1892, 1896.
- M[eयर]-Lübke — *W. Meyer-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
- Mihăila-Scărlătoiu 1973 — *E. Mihăila-Scărlătoiu*. Emprunts roumains dans le lexique serbo-croate. 2 // *Révue des Études Sud-Est Européennes*, t. XI. București, 1973.
- Miletić 1903 — *L. Miletić*. Das Ostbulgarische. Wien, 1903.
- Miletić 1912 — *L. Miletić*. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912.
- Mladenov 1929 — *St. Mladenov*. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1929.
- MNYTESz — *A Magyar nyelv történeti etimológiai szótár. I-III*. Budapest, 1967-1976.
- Moszyński 1934-1936 — *K. Moszyński*. Atlas kultury ludowej w Polsce. I-III. Kraków, 1934-1936.
- NALROIt. — *Noul atlas lingvistic român. Oltenia. București. I — 1967; II — 1971*.
- Niermeyer — *J. Niermeyer*. Mediae latinitatis Lexicon. Fasc. 8. Leiden, 1960.
- Niță-Armaș 1966 — *S. Niță-Armaș*. Înjurul problemei cuvintelor de origine românească în limba slovacă // *Studii și cercetări lingvistice*. XVII. București, 1966.
- Niță-Armaș — *S. Niță-Armaș et al.* L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves // *RSI*, XVI, 1968.
- Novák 1931 — *L. Novák*. K otázce střídnic a kontrakce v střední slovenštině // Bratislava, roč. V. 1931.
- Novák 1939-1940 — *L. Novák*. Slovenské a podkarpatoruské nářečia vo svetle evropskej fonologickej geografie // *Linguistica slovacica*, I-II. Bratislava, 1939-1940.
- Oblak 1896 — *V. Oblak*. Macedonische Studien. Wien, 1896.
- Oczkowa — *B. Oczkowa*. Semantyka wyrazu *gieleta* na obszarze karpackim // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. T. 15. Warszawa, 1988.
- OED — *The Oxford English Dictionary*, VII. Oxford, 1932.
- Okçuğil — *Okçuğil*. Etymological dictionary Turkish-English. Istanbul, 1945.

- Orlovský — *J. Orlovský*. Gemerský nářečový slovník. Martin, 1982.
- PAE — *Polski atlas etnograficzny*, t. 1–4. Warszawa, 1964–1971.
- Pamfile 1913 — *T. Pamfile*. Cântece de țară. București, 1913.
- Papahagi — *Th. Papahagi*. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Pauliny 1963 — *E. Pauliny*. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Pessler 1929 — *W. Pessler*. Der deutsche Volkskunde Atlas. Bonn, 1929.
- Pleteršnik — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894–1895.
- Podolák 1962 — *J. Podolák*. Tradičné ovčiarstvo na Slovensku. Bratislava, 1962.
- Podolák [1967] — *J. Podolák*. Pasterstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967.
- Pokorny — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959–.
- Pop 1950 — *S. Pop*. La dialectologie. P. II. Louvaine, 1950.
- Pop, Petrovici — Atlasul lingvistic român din Cluj sub conducerea lui S. Pușcariu. Partea I de S. Pop. Vol. I. Cluj, 1938; Vol. II — 1940; Partea II de E. Petrovici. Vol. I. Cluj, 1940.
- Popović 1960 — *I. Popović*. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Popović 1960 — *I. Popović*. Valacho-Serbica // Godišnjak. Centar za balkanološki ispitivanja, II. Sarajevo, 1961.
- PSJČ 1935–1937 — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1937.
- Pușcariu — *S. Pușcariu*. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache, I. Leipzig, 1905.
- Pușcariu 1926 — *S. Pușcariu*. Studii istroromâne. II. București, 1926.
- Pușcariu 1940 — *S. Pușcariu*. Limba română. București, 1940.
- Ramovš 1924 — *F. Ramovš*. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konsonantizem. Ljubljana, 1924.
- Ramovš 1935 — *F. Ramovš*. Historična gramatika slovenskega jezika. VII. Dialekti. Ljubljana, 1935.
- Ramovš 1952 — *F. Ramovš*. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952.
- Räsänen — *M. Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969.
- Reichenkron 1966 — *G. Reichenkron*. Das Dakische. Hedelberg, 1966.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. I–XIX. Zagreb, 1880–1967.
- Ripka — *I. Ripka*. Vecný slovník dolnotrenčianských nářečí. Bratislava, 1981.
- Ripka 1983 — *I. Ripka*. Sémantická štruktúra deverbatíva *č(V)rapka* v dialektoch karpatského areálu // Slavica slovaca, r. 18, č. 1. Bratislava, 1983.
- Robciuc — Рукопись кандидатской диссертации И. Робчука о румынских элементах в украинских говорах (хранится в Ин-те языкознания, Бухарест).
- Rohlf 1930 — *G. Rohlf*. Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität. Halle, 1930.

- Rosetti 1964, 1966 — *A. Rosetti*. Istoria limbii române, I–III, IV–VI. București, 1964, 1966.
- Sadnik — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller*. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. I–. Wiesbaden, 1963–.
- Sandfeld 1930 — *K. Sandfeld*. Linguistique balkanique. Paris, 1930.
- Shevelov 1964 — *G. Shevelov*. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Schorta 1964 — *A. Schorta*. Rätischen Namenbuch, 2. Etymologie. Bern, 1964.
- SJP₁ — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedzwiedzki*. Słownik języka polskiego. I–VIII. Warszawa, 1952–1953.
- Siatkowski 1991 — *J. Siatkowski*. Der Atlas der karpatischen Mundarten // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, LVII. Wiesbaden, 1991.
- Skok — *P. Skok*. Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sl. nár. — Slovenský národopis. Bratislava.
- Ślawski — *F. Ślawski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. 1–17. Kraków, 1953–1971.
- Smal-Stockyj, Gartner 1913 — *S. Smal-Stockyj, Th. Gartner*. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.
- Sobierajski 1966 — *Z. Sobierajski*. Atlas polskich gwar spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji. Poznań, 1966.
- Sobierajski 1979 — *Z. Sobierajski*. Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski. Oprac. resp. pod red. Sobierajskiego Z., Burszty J. T. 1–2. Wrocław etc., 1979.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1966.
- SSKJ — Slovar slovenského književnega jezika. Ljubljana, 1970.
- Stieber 1956–1964 — *Z. Stieber*. Atlas językowy Dawnej Łemkowszczyzny, I–VIII. Łódź, 1956–1964.
- St. sl. — Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. V. 1–26. Budapest, 1955–1980.
- Stieber 1958 — *Z. Stieber*. O projekcie ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego // Славянская филология. Сб. статей. Т. I. М., 1958.
- Stieber 1965–1978 — *Z. Stieber*. Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. T. I, 1965; T. XV, 1978. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Svěrák — *F. Svěrák*. Karlovické nářečí. Praha, 1957.
- Șăineanu — *L. Șăineanu*. Dicționar Universal al limbei Române. Revăzut și adaogit la Ediția VI. București, 1929.
- Tamás — *L. Tamás*. Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente in Rumätischen. Budapest, 1966.
- Thèses présentées 1929 — Thèses présentées an Premier Congrès des philologues slaves. Praha, 1929.
- Teaha 1957 — *T. Teaha*. Graiul din Valea Crișul Negru. București, 1957.

- Tesnière 1925 — *L. Tesnière*. Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovène. Paris, 1925.
- Tiktin — *H. Tiktin*. Rumänischdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–3. Bukarest, 1903–1925.
- Topolińska 1988 — *Z. Topolińska* / Рец. на кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Вып. I. Рефлексы *ě. Београд, 1988. / Билтен, 1988, т. XV, № 2.
- Trávníček 1935 — *F. Trávníček*. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.
- ÚMT — Új magyar tájszótár. I. Budapest, 1979.
- Václavík 1925 — *A. Václavík*. Podunajská dedina v Československu. Bratislava, 1925.
- Vasmer 1940 — *M. Vasmer*. Gibt es bulgarische Einflüsse in den ukrainischen Karpatenmundarten? // *ZfSlPh*, Bd. XVII, H. 1. 1940.
- Vašek 1967 — *A. Vašek*. Jazykové vlivy karpatské salašnické kolonizace na Moravě. Konfrontačně-komparatistická gramatická studie karpato-logická. Praha, 1967.
- Vašek 1967a — *A. Vašek*. Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques // *RSI*, t. XIV. 1967.
- Vašek 1976 — *A. Vašek*. Koncepcie a realizace Karpatského lingvistického atlasu // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity J. A. Komenského, t. XXVI. Bratislava, 1976.
- Vážný 1927 — *V. Vážný*. Čakavské anářečí v Slovenském Podunají. Bratislava, 1927.
- Vážný 1948 — *V. Vážný*. Z mezislovanského jazykového zemepisu. Praha, 1958.
- Vážný [1955] — *V. Vážný*. O jmenách motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955.
- Viciu 1906 — *A. Viciu*. Glosar de cuvinte dialectale al poporului român din Ardeal. București, 1906.
- Viciu 1925 — *A. Viciu*. Supliment la «Glosar». București, 1925.
- Vieh-zucht — Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Budapest, 1961.
- Vrabie — *E. Vrabie*. Influența limbii române asupra limbii ucraïnene // *Rsl*, XIV, 1967.
- Vuia 1964 — *R. Vuia*. Tipuri de păstorit la român. București, 1964.
- Walde-Hofmann — *A. Walde*. Lateinische etymologisches Wörterbuch / 3 neubearb. Auflage von J. B. Hofmann. 1–2. Heidelberg, 1938, 1954.
- Wartburg — *O. Bloch, W. Wartburg*. Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1927.
- Weigand 1909 — *G. Weigand*. Linguistischer Atlas des dacorumänischen Sprachgebietes. Leipzig, 1909.
- Weinreich 1953; 1963 — *U. Weinreich*. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953; 2 ed. Hague, 1963.
- Wichmann [1935] — *J. Wichmann*. Wörterbuch des ungarischen Moldauer Nordcsángó und des Hétfaluer Csángó-dialekte. Helsinki, 1935.
- Zaręba 1969–1976 — *A. Zaręba*. Atlas językowy Śląska. I–V. Kraków, 1969–1976.
- Žak. — Banická dedina Žakarovce. Bratislava, 1969. *

* Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН «Этимология».

Список сокращений, используемых в библиографии

- БАН Българска Академия на науките. София.
- БД Българска диалектология. I–X. София, 1962–1981.
- БДС ИРЯ Бюлетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. М.
- БЕЗ Балканско езикознание. София.
- БСИ Балто-славянские исследования. Институт славяноведения и балканистики АН СССР (РАН). М.
- ВАН Вестник Академии наук СССР. М.
- ВСЯ Вопросы славянского языкознания. Институт славяноведения (и балканистики) АН СССР. М., 1954–1963, вып. 1–7.
- ВЯ Вопросы языкознания. М.
- ГСУ Годишник на Софийския университет. София.
- ДСИЯ Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.
- ЗФЛ Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад.
- Изв. ОЛЯ Известия АН СССР. Отделение языка и литературы. М.
- ИОРЯС Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., Пг., 1896–1927.
- ИСБ РАН Институт славяноведения и балканистики Российской АН.
- ЈФ Јужнословенски филолог. Београд.
- КСИС Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- МАНУ Македонска Академија на науките и уметностите. Скопје.
- МЈ Македонски јазик. Скопје.
- ОКДА Общекарпатский диалектологический атлас.
- ОЛА МиИ Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.
- СББАН Сборник на Българската Академия на науките. София.
- СБНУ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (Сборник за народни умотворения и народопис). София.
- СБЯ Славянское и балканское языкознание. М.
- СМБД Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Институт славяноведения АН СССР. М.
- ССл Советское славяноведение (Славяноведение). Институт славяноведения (и балканистики) РАН (АН СССР). М.

-
- СФ Славянская филология. МГУ. М.
- УЗИС Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.
- CrBl Carpatobalcanica. Bratislava.
- GS Grai i şuflet. Bucureşti.
- RS Rocznik Sławistyczny. Warszawa.
- RSI Romanoslavica. Bucureşti.
- Şez. Şezstoare. Fălticeni.
- ZfSlPh Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig; Heidelberg.

S. B. Bernshtein. On the Problems of Dialectology and Linguistic Geography

The book is an anthology of the first published selected works on the fundamental problems of Slavic dialectology and linguistic geography by the outstanding Russian Slavist — Prof. S. B. Bernshtein. Apart from being essential for Russian and European dialect studies, this publication also gives an opportunity to appreciate the novelty and importance of some of the scholar's ideas which are still relevant and undoubtedly significant for further development of linguistics. The anthology opens with a short foreword «From the Editors» and with a detailed introductory article by G. K. Venediktov («Professor S. B. Bernshtein as a dialectologist»). This introduction contains an analysis of Prof. Bernshtein's contribution to Slavic linguistics and particularly to Slavic dialectology and linguistic geography starting from his first work on Bulgarian dialectology («Bulgarian Dialects of the Ukraine», 1939) and up to his latest life-time publications dedicated to the interactions of Carpathian-Balkan dialects («The Problems of Differentiation of Slavic Dialectal Continuum according to the Data of CDA», 1993). The anthology contains twenty-four of Prof. S. B. Bernshtein's works selected for republishing by the scholar himself from his vast academic legacy. The articles are grouped in three sections: Bulgarian dialectology and linguistic geography (9 articles), Carpathian areal dialectology and linguistic geography (11 articles), General problems of Slavic dialectology and linguistic geography (4 articles). At the same time in many cases the content of the articles published is much wider as they refer to different problems of Slavic dialectology, fundamental problems of the theory of language contacts and interactions in zones such as Carpathian-Balkan and strictly Balkan. Several articles are dedicated to the history of implementing enormous projects in linguistic geography such as «The Atlas of Balkan Dialects in the USSR» (1958), «Bulgarian Dialect Atlas» (Vol. 1; 1964), «General Carpathian Dialectology Atlas» and «General Slavic Linguistics Atlas» which were inspired by Prof. S. B. Bernshtein and in which he played an active role. The book lacks a comprehensive bibliography of the scholar's works on the problems of dialectology. However, in the foreword one can find the details of the publications containing respective bibliographical information.

Научное издание

Самуил Борисович Бернштейн

**ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕОГРАФИИ.
СБОРНИК СТАТЕЙ**

Набор *Е. Штофф, Н. Квасницкая*

Корректор *Р. Агеева*

Редактор *И. Седакова*

Верстка *Л. Коритысская*

Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг следует обращаться по адресу:

117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,

Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)

тел. (095) 938-01-00

тел./факс 938-57-15

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Подписано в печать 11.07.2000.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Бумага офс. № 1

Печ. л. 22,0 Тираж 300 экз. Заказ № 5438

Отпечатано с оригинал макета

в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, д. 403

Тел. 554-21-86

